АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР

АЗӘРБАЈҶАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЈАСЫ
НИЗАМИ адына ӘДӘБИЈЈАТ вә ДИЛ ИНСТИТУТУ

ТҮРК ДИЛЛӘРИ ДИАЛЕКТОЛОКИЈАСЫ МӘСӘЛӘЛӘРИ

III ЧИЛД

Азәрбаҷан ССР Елмләр Академијасы Нәшријјаты
Бакы — 1963

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ и ЯЗЫКА им. НИЗАМИ

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

ТОМ III

Издательство Академии наук Азербайджанской ССР
Баку — 1963

Редакционная коллегия:

Р. И. Аванесов, Н. А. Баскаков, А. Г. Келиев (ответ. секретарь),
В. В. Решетов, Р. А. Рустамов, Э. В. Севортян, Е. И. Убрятова,
М. Ш. Ширалиев (главный редактор)

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий очередной выпуск сборника „Вопросы диалектологии тюркских языков" содержит материалы III регионального совещания по вопросам диалектологии тюркских языков, состоявшегося в гор. Баку 24—28 ноября 1960 г.

В этом выпуске имеются три раздела: 1) доклады; 2) выступления по докладам; 3) заключительное слово докладчиков и резолюция.

В данный сборник не вошли доклады доктора филологических наук Х. И. Мирза-заде и кандидата филологических наук А. С. Канюковой, так как первый из них помещен в „Ученых записках" Азгосуниверситета им. С. М. Кирова за 1961 г., № 4 под заглавием „Ираг әразисиндә јашајан азәрбајчанлыларын дили һаггында бә'зи мүлаһизәләр", а второй напечатан во II томе настоящего сборника, выпущенного Издательством Академии наук Азербайджанской ССР в 1960 г. под названием „Некоторые фонетические и лексические особенности чувашских диалектов".

В следующем томе сборника будут помещены статьи по диалектологии отдельных тюркских языков. Желающие принять участие в очередном издании могут прислать свои статьи в редакцию по следующему адресу: гор. Баку—5, ул. Али Гейдара Караева, дом 24, Институт литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР (отдел диалектологии).

Просьба рукопись представлять в двух экземплярах, научно и литературно отредактированную, совершенно готовую к печати и подписанную автором (после подписи указывается: фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень и звание, адрес). Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам, а также завизированы автором статьи. Желательно названия источников в статье давать без сокращений.

Редакционная коллегия выражает благодарность научным сотрудникам отдела диалектологии Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР—кандидатам филологических наук К. Т. Рамазанову, М. И. Исламову и Т. Б. Гамзаеву, младшим научным сотрудникам Г. М. Гасанову, Б. П. Садыхову, Р. А. Керимову и С. М. Бехбутову и особенно отличившемуся младшему научному сотруднику Б. М. Тагиеву, принявшим участие в подготовке к печати данного сборника.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР Ю. Г. МАМЕДАЛИЕВА

Товарищи!

Советская тюркология является важной областью нашей языковедческой науки. Советские ученые-тюркологи вместе со всеми трудящимися нашей великой родины активно трудятся над решением задач, поставленных XXI съездом перед общественными науками. Своим плодотворным трудом, ценными исследованиями советские тюркологи внесли немалый вклад в развитие этой отрасли науки.

Особенно широкий размах получила тюркология за годы советской власти. Советская тюркологическая наука отличается от дореволюционной тюркологии еще и тем, что задачи и проблемы этой науки, наряду с учеными Москвы и Ленинграда, решаются на местах усилиями коллектива национальных языковедов. В тюркоязычных республиках Советского Союза созданы научные центры с составом ученых-лингвистов, успешно решающих вопросы истории и современного состояния конкретных языков, диалектологии, лексики и фонетики.

Одной из составных частей тюркологии является диалектология. Изучение диалектов и говоров имеет важное значение не только для изучения истории какого-либо конкретного тюркского языка, но и для разрешения вопросов сравнительно-исторического изучения тюркских языков, а также для создания сравнительно-исторической грамматики как по отдельным тюркским языкам, так и по группам языков.

Отрадно отметить, что советская тюркологическая диалектология переживает сейчас такой период своего развития, когда она вышла за рамки чисто диалектографической работы и приступила к созданию монографий по отдельным диалектам или группам диалектов, к составлению диалектологического атласа и диалектологических словарей и т. д.

Диалектологами Татарии изучены все диалекты и говоры татарского языка в пределах республики, издан диалектологический словарь татарского языка и начаты работы по составлению диалектологического атласа.

Многое проделано в области изучения диалектов и говоров узбекского языка. Узбекские диалектологи ведут большую исследовательскую работу по составлению диалектологического словаря по различным отраслям сельского хозяйства, по созданию монографий, посвященных описанию отдельных диалектов и говоров узбекского языка.

Широкий размах получило изучение диалектов и говоров в Казах-

стане и Киргизии, где особое место занимает монографическое исследование диалектов и создание диалектологических словарей.

Как это признано советскими тюркологами, азербайджанская диалектология занимает ведущее место в тюркской диалектологии Советского Союза. Коллективом азербайджанских диалектологов завершен сбор материала по всем говорам и диалектам азербайджанского языка, написаны многочисленные монографические работы по отдельным диалектам и группам диалектов и говоров, часть которых уже опубликована, а другая находится в печати.

В Азербайджане уже второй год выпускается общетюркологический сборник „Вопросы диалектологии тюркских языков".

В настоящее время сотрудники отдела азербайджанской диалектологии приступили к составлению диалектологического атласа и диалектологического словаря азербайджанского языка.

Говоря об успехах тюркской диалектологии, нельзя не указать на тот факт, что до сих пор серьезно отстает сравнительно-историческое изучение диалектов и говоров тюркских языков, мало внимания уделяется вопросу роли диалектов в изучении и составлении исторической грамматики и отдельным группам тюркских языков, нет единой и общепринятой транскрипции для тюркских диалектов. Поэтому на данном совещании эти вопросы занимают ведущее место.

Необходимо указать также на отсутствие до сих пор комплексных тем, а также комплексных экспедиций, которые должны выполняться совместным усилием диалектологов тюркоязычных республик.

Важным моментом в деле развития тюркской диалектологии являются проводимые уже несколько лет региональные совещания по вопросам диалектологии тюркских языков. Эти совещания способствуют налаживанию взаимной связи между учеными-диалектологами тюркоязычных республик и имеют большое значение для обмена опытом и мнениями по самым различным вопросам диалектологии.

Нет сомнения, что настоящее совещание поможет успешному разрешению насущных и актуальных вопросов диалектологии тюркских языков и тем самым сыграет огромную роль в развитии советской тюркологической науки.

К нам на сессию прибыли гости из Москвы, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Грузии, Молдавии, Татарии, Башкирии, Чувашии, Карачаево-Балкарии, Хакасии, Каракалпакии, Туви.

Разрешите от имени Президиума и отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР и наших языковедов приветствовать дорогих гостей—участников настоящего совещания и пожелать им успешной и плодотворной работы.

Позвольте мне открыть III региональное совещание, посвященное вопросам диалектологии тюркских языков.

Р. А. РУСТАМОВ

(*Баку*)

РОЛЬ ДИАЛЕКТНЫХ ДАННЫХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА ПРИ РАЗРАБОТКЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Создание сравнительной грамматики тюркских языков—одна из важнейших и давно назревших задач, стоящих перед советской тюркологией. Говоря о сравнительной грамматике тюркских языков, мы имеем в виду, конечно, не сборник статей, посвященных вопросам грамматики отдельных тюркских языков и слабо связанных друг с другом, а серьезный, капитальный научный труд, дающий систематическое изложение грамматического строя тюркских языков в сравнительном освещении. Однако прежде чем создать такую работу, необходимо, на наш взгляд, предварительное разрешение целого ряда важных вопросов, тесно связанных с основной задачей.

Одним и, пожалуй, главным из этих вопросов является вопрос о применении сравнительно-исторического метода в изучении тюркских языков. Известно, что в применении этого метода имеются определенные трудности. Не выяснив этих трудностей, не определив путей применения сравнительно-исторического метода в отношении тюркских языков, не уточнив того, что́ и как нужно сравнивать,—невозможно справиться с такой трудной и серьезной задачей, какой является создание сравнительной грамматики тюркских языков.

Всем известно, что советская тюркология в области применения сравнительно-исторического метода не располагает теми выдержавшими трудные испытания долгих лет традициями, какими располагает, например, индоевропеистика. Отсюда и понятно, что в изучении истории тюркских языков, а также их диалектов этот метод применяется в самой различной форме.

В деле создания сравнительной грамматики тюркских языков могут быть использованы разные источники. Этими источниками являются, в первую очередь, письменные памятники, относящиеся к истории того или иного тюркского языка (например, азербайджанского, узбекского), памятники древнетюркской письменности, современные тюркские литературные языки и др. Надежными источниками являются, безусловно, и диалекты.

Нет нужды доказывать важность привлечения диалектных данных для разработки сравнительной грамматики тюркских языков. На словах все горячо ратуют за необходимость использования весьма важных фактических материалов, представляемых диалектами, при раз-

работке истории языка и в особенности исторической грамматики (это больше всего относится к некоторым азербайджанским языковедам). Однако, как только переходят от слов к делу—картина совершенно меняется: либо по тем или иным причинам отстраняются диалектные факты, к ним относятся с пренебрежением, либо попросту „забывают" об их существовании.

Таким образом, не будет преувеличением, если мы скажем, что в советской тюркологической литературе в работах по сравнительной грамматике тюркских языков данные диалектов должным образом не используются.

В чем же следует искать основные причины столь неудовлетворительного использования диалектологического материала в тюркологической литературе, в научно-исследовательских работах последних лет, посвященных сравнительной грамматике тюркских языков?

Одной из основных причин является неполная изученность диалектов и говоров тюркских языков, распространенных на обширной территории. Картина станет совершенно ясной, если мы добавим, что собранный на местах богатый диалектологический материал залеживается годами в научных архивах институтов, оставаясь без использования и без внедрения в научный обиход; что совершенно готовые к печати работы в течение долгих лет не выходят в свет (например, до сих пор продолжает оставаться неопубликованной монография „Нахичеванская группа диалектов и говоров азербайджанского языка", подготовленная к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР еще в 1957 г.)*; что мы лишены возможности близкого ознакомления с диалектологическими работами (не говоря уже о защищенных диссертациях), вышедшими в тюркоязычных республиках, а иногда просто не знаем об их существовании и т. д.

Кстати, отметим, что очень редко используются данные диалектов даже в тех работах, которые посвящены истории конкретного языка, скажем истории азербайджанского языка. Как ни досадно, а все-таки следует признать, что у нас ощущается какая-то неприязнь, недоверие к диалектологическим данным. В научном освещении целого ряда важных вопросов из области исторической грамматики или современного языка, эти данные, приобретающие особое значение, почти не используются в качестве надежной аргументации.

Среди некоторых наших языковедов существует такое убеждение, что, мол, своеобразные черты азербайджанских диалектов, отличающие их друг от друга, не столь уж велики, они, дескать, незначительны. Сторонники этой точки зрения для защиты своих позиций приводят вот какой довод: так как в эпоху феодализма между азербайджанскими ханствами не было нерушимых границ и в результате междоусобных войн эти ханства переходили из рук в руки, следовательно, население отдельных ханств часто находилось во взаимном общении и языковом контакте друг с другом, то, по их мнению, все это в свою очередь способствовало быстрейшему устранению и исчезновению диалектных различий и увеличению сходных черт.

В этом рассуждении, безусловно, содержится известная доля истины. Действительно, в период ханств определенные различия между азербайджанскими диалектами постепенно стирались, утрачивались, а черты сходства все более возрастали.

Однако приведенное суждение не лишено также момента ошибочности, неубедительности. Во-первых, известно, что азербайджанские диалекты представляют собой не что иное, как родоплеменные языки, носители которых жили на территории Азербайджана еще

* Настоящая монография вышла из печати только в первой половине 1962 г.

задолго до эпохи ханств. Азербайджанский язык, как это считает уже большинство наших лингвистов, историков, археологов, этнографов, сформировался в результате слияния языка местного населения с языком тюркоязычных племен, потоками хлынувших в Азербайджан еще в начале нашей эры, с преобладанием языков огузских и отчасти кыпчакских племен. Стало-быть, важнейшие отличительные особенности родоплеменных языков-диалектов, существовавших в течение многих веков, не могли быть утрачены за такой сравнительно короткий срок, каким был период ханств.

Во-вторых, противники указанной точки зрения совершенно не считают, что азербайджанские диалекты, подобно, скажем, диалектам армянского языка, резко отличаются друг от друга. Сильное расхождение диалектов армянского языка связано с определенными общественно-историческими условиями жизни армянского народа. Хотя азербайджанские диалекты и находились в тесном соприкосновении друг с другом, однако они сохранили до сих пор свои характерные, отличительные черты.

В азербайджанских диалектах имеются разнообразные особенности, а иногда и резкие отличительные черты. Это объясняется тем, что азербайджанцы, сформировавшиеся как народность, имели неоднородный этнический состав. Хотя различные родоплеменные языки-диалекты, входящие в состав общенародного азербайджанского языка, и сливались с ним, постепенно теряя свою былую самостоятельность и ясные очертания, но вместе с тем, они сохранили свои основные черты в продолжение веков.

В диалектах и говорах азербайджанского языка содержится богатейший материал для сравнительной грамматики тюркских языков. Имеющиеся в нашем распоряжении диалектологические данные полностью подтверждают то, что азербайджанский язык входит в группу огузских языков (вернее, в юго-западную группу тюркских языков) и имеет общие с этими языками сходные черты. Вместе с тем в диалектах и говорах азербайджанского языка наблюдаются и такие факты, которые не являются характерными для огузской группы, а приближают тот или иной диалект, говор азербайджанского языка к другой группе языков и их диалектов, например, к кыпчакской.

Диалектные данные показывают, что в диалектах и говорах азербайджанского языка преобладают огузские черты, точно так же в них немало характерных особенностей кыпчакских и других групп языков, что объясняется ходом исторических событий.

Какими же фактическими данными для сравнительной грамматики тюркских языков располагают азербайджанские диалекты? Каковы с нашей точки зрения эти данные?

Диалекты и говоры азербайджанского языка могут дать более надежный фактический материал для сравнительной фонетики тюркских языков. С другой стороны, обнаруживаемые здесь фонетические явления окажутся небесполезными при разрешении некоторых спорных вопросов в тюркологии.

В азербайджанском литературном языке отсутствуют долгие гласные, которые являются характерными для туркменского и якутского языков (речь идет об исконно тюркских словах). Однако во время проведенных за последние годы диалектологических экспедиций, в Кубинском и Казахском диалектах, геокчайском переходном говоре и других были выявлены долгие гласные первичного образования. Например: *ары*^{и} (лит. ары)—пчела, *комуш* (лит. чамыш)—буйволица,

гāдын (лит. гадын)—женщина, *гāры* (лит. гары)—старуха, *āды* (лит. ады)—его имя и др. Еще в 1926 г. проф. Н. И. Ашмарин установил наличие долгих гласных в Нухинском диалекте азербайджанского языка в словах типа *гāры*^{и}, *āры*^{и}, *сāры*^{и}—желтый, *јāзы*^{и}—письмо, *бāры*^{и}—каменная стена.[1]

В вопросе о первичных долготах в тюркских языках указанные факты могут иметь немаловажное значение.

Одно из звуковых явлений в исторической фонетике тюркских языков—это оканье, которое наблюдается также в некоторых современных тюркских языках (например, в уйгурском, туркменском, каракалпакском и др.). Как нам известно, оканье считается одним из основных фонетических явлений в современном узбекском языке, где оно еще больше развивается. Известно также, что существуют два противоречивых положения, касающиеся природы этого явления в узбекском языке.

Отметим, что переход *а* в *о* в начальном слоге, т. е. оканье, является также одной из основных фонетических особенностей Бакинского диалекта. Например: *боба* (лит. баба)—дедушка, *бочи* (лит. бачы)—сестра, *бормаг* (лит. бармаг)—палец и т. п. Явление оканья в той или иной степени распространено в Ордубадском, Кубинском, Шемахинском диалектах, Муганской группы говоров азербайджанского языка.

Одной из основных фонетических особенностей Кубинского диалекта, резко отличающей его от других диалектов и говоров азербайджанского языка, является соответствие огубленных открытых гласных *о*, *ө* закрытым *у*, *ү*. Например: *гуча* (лит. гоча)—старик, *чубан* (лит. чобан)—пастух, *сура* (лит. сонра)—потом, *ут* (лит. од)—огонь, *ун* (лит. он)—десять, *у* (лит. о)—он; *кузəл* (лит. көзəл)—красивый, *бүјүк* (лит. бөјүк)—большой, *күтүр* (лит. көтүр)—подними, *күк* (лит. көј)—синий, *сүз* (лит. сөз)—слово и т. п. Это одно из древнейших фонетических явлений, свойственных тюркским языкам. Переход *о* в *у* из современных кыпчакских языков характерен для татарского, башкирского, каракалпакского, а также узбекского языков. Это явление в той или иной степени показательно также для турецкого, чувашского, уйгурского, якутского, туркменского языков. Переход же *ө* в *ү* есть одно из широко распространенных фонетических явлений в татарском, башкирском и турецком языках.

Азербайджанский язык по традиционной классификации тюркских языков включен в юго-западную группу языков. В тюркологической литературе приводятся примеры различных фонетических (также морфологических и др.) явлений, отличающих огузскую группу от кыпчакской группы. Хотя эти факты не противоречат материалам азербайджанского литературного языка, однако при учете данных, представляемых диалектами азербайджанского языка, положение в известной мере, а иногда и коренным образом меняется.

Обратимся к некоторым фактам.

Известно, что в тюркологической литературе принято считать характерными для начала слов в огузской группе языков звонкие *д* и *г*, а в кыпчакской—глухие *т* и *қ*. В азербайджанском литературном языке это, безусловно, так. Однако мы не можем утверждать то же самое в отношении целого ряда диалектов и говоров азербайджан-

[1] Н. И. Ашмарин. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи, Баку, 1926, стр. 14.

ского языка, ибо употребление начального глухого *т* является характерным для некоторых из этих диалектов и говоров (напр.: для Казахского диалекта). Однако в некоторых других (напр.: в муганской группе говоров) соответствие *д* > *т* получило также широкое распространение. Вообще употребление *т* вместо *д* в начальной позиции в той или иной степени имеет место в большинстве диалектов и говоров азербайджанского языка. Например, в Казахском диалекте: *тих'*//*тик*^{c} (лит. дик)—возвышенность, *тиш* (лит. диш)—зуб, *тушмәх'* (лит. дүшмәк)—слезать, *тусдах* (лит. дустаг)—арестованный; в муганской группе говоров: *тушәркә* (лит. дүшәркә)—лагерь, *тукан* (лит. дүкан)—лавка, *туршбөрә*//*туршбәрә* (лит. дүшбәрә)—пельмени и др).[2]

Употребление начального заднеязычного взрывного глухого *q* вместо звонкого *г* наблюдается в ряде слов в Казахском и Бакинском диалектах, имишлинском и других говорах азербайджанского языка. Например: *qыш* (лит. гыш)—зима, *qуш* (лит. гуш)—птица, *qыfыл* (лит. гыфыл)—замок, *qысгаммах* (лит. гысганмаг)—ревновать, скупиться, испугаться.

Нам могут возразить, что при классификации тюркских языков, возможно, берутся языки без ответвлений и имеются в виду только литературные языки. Если это так, то позвольте нам заметить, что представлять диалекты и говоры конкретного языка в отрыве от последнего, изолированно или же наоборот брать, скажем, азербайджанский язык в абстрагированной от его диалектов и говоров форме—нецелесообразно. Когда мы говорим „азербайджанский язык", то воспринимаем этот язык как единое целое, вместе с его диалектами и говорами.

Уважаемый коллега Р. Бердыев также придерживается того мнения, что если учитывать диалектные данные туркменского языка, то трудно согласиться с таким утверждением, ибо в начале большого количества слов употребляются глухие *т*, *q* вместо звонких *д*, *г*.[3]

Таким образом, оказывается, что те явления, которые когда-то были установлены для характеристики отдельных групп тюркских языков, были досконально приняты и повторены без учета диалектных данных, в работах последующих авторов, занимавшихся вопросами классификации тюркских языков. Было бы неплохо, разумеется, пересмотреть подобные вопросы в связи с созданием сравнительной грамматики тюркских языков.

В системе консонантизма азербайджанского языка одним из издавна существующих звуков является *н*$_{1}$ (так называемый велярный *н*). Общепринято считать, что этот звук прошел следующий путь развития: *нг* > *нк* (*нк*) > *н*$_{1}$. В азербайджанском языке указанный звук употреблялся как в корневых (дон$_{1}$уз<донгуз—свинья, *дэн$_{1}$из*<дэнкиз—море), так и в аффиксах (в аффиксах родительного падежа, принадлежности и др.). Впоследствии этот звук приобрел качество обычного сонорного *н*, и в настоящее время некогда трояко произносившийся звук (*нг*, *нк*, *н*$_{1}$) стал уже чужд как литературному языку, так и большинству диалектов и говоров азербайджанского языка. Однако *н*$_{1}$ (велярный *н*) является одним из звуковых вариантов, отличающих Казахский диалект от других диалектов и говоров азербайджанского

[2] Говоры муганской группы азербайджанского языка. Баку, 1955, стр. 47.

[3] См. Третье региональное координационное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков (тезисы докладов). Баку, 1960, стр. 13—14.

языка. В большинстве тюркских языков этот звук и его прототип *нг* продолжают существовать и по сей день.

В азербайджанском литературном языке звонкий фрикативный *ғ* употребляется, как правило, в середине двусложных слов (напр.: *ағач*—дерево, *боғаз*—горло) и в конце односложных (напр.: *дағ*—гора, *јағ*—масло). В начале слов этот звук отсутствует. Правда, на основании традиционно-исторического принципа в начале слов типа *ғәләбә*—победа, *ғәм*—горе, некогда перешедших в азербайджанский язык из арабского, писали *ғ*. Однако народные массы в соответствии с фонетическими нормами азербайджанского языка произносили в начале указанных слов взрывной *г*, т. е. *гәләбә*, *гәм*. В большинстве тюркских языков звук *ғ* употребляется в таких же позициях, как в азербайджанском литературном языке.

Во время диалектологических экспедиций, проведенных в разные годы (1947, 1949, 1954, 1958), было обнаружено, в селениях Арабшалбаш, Арабгадим, Арабшахверди, Падар Шемахинского района, в селах Арабджабирли Геокчайского района и Арабкюкяль Агдашского района в начале слов употребляется звук *ғ*. Интересно то, что этот звук встречается чаще всего в исконно азербайджанских словах. Например, в Шемахинском диалекте: *ғәри* (лит. гары)—старуха, *ғыз* (лит. гыз)—девочка (девушка), *ғарға* (лит. гарға)—ворона, *ғардаш* (лит. гардаш)—брат, *ғашыг* (лит. гашыг)—ложка, *ғара* (лит. гара)—черный. *ғарғы* (лит. гарғы)—камыш, тростник[4]; в геокчайских говорах: *ғәлин* (лит. галын)—толстый, *ғапы* (лит. гапы)—дверь, *ғарғыш* (лит. гарғыш)—проклятие (из материалов А. Велиева) и др.

В связи с употреблением звука *ғ* в начале слова в указанных селах, вернее, в селах, содержащих в своем названии слово „араб", необходимо сделать некоторые замечания. Из исторических документов известно, что арабские завоеватели проводили в Азербайджане политику арабизации. Они переселяли население целого ряда деревень в другие места, а эти деревни заселяли арабами. Они или совершенно изменяли названия деревень, или же прибавляли к прежним названием слово „араб". Однако политика арабизации потерпела крах: в действительности, арабы—жители отдельных деревень—смешались с местным населением.

Исторические факты свидетельствуют о том, что население деревень Арабшалбаш, Арабгадим, Арабшахверди и других состояло из арабов-переселенцев, которые позднее смешались с местным населением. Несомненно, с течением времени арабы приняли азербайджанский язык как родной, но в то же время сохранили некоторые особенности своего арабского языка.

Итак, можно предположить, что в названных селах наличие звука *ғ* в начале слова является остаточным напластованием неродственного языка. Разумеется, привходящие факты, влияние неродственных языков также должны учитываться в сравнительной грамматике тюркских языков.

Наличие в начале слова звука *ғ* в некоторых тюркских языках и диалектах побуждает нас вновь вернуться к этому вопросу, выяснить имеется ли этот звук в указанной позиции в других диалектах и говорах азербайджанского языка, в особенности в тех из них, которые не были подвержены влиянию арабского языка.

---

[4] Б. Ибрагимов. Говоры района Маразы (автореф. канд. дисс.). Баку, 1949 стр. 3.

Из диалектологической литературы известно, что в диалектах татарского, турецкого, киргизского, чувашского и других языков имеются факты употребления *р* в начальной позиции.

Как бы то ни было все же стоит заняться этим вопросом, имеющим немаловажное значение для сравнительной фонетики тюркских языков.

В диалектах и говорах азербайджанского языка можно найти фактический материал, относящийся к сравнительной морфологии тюркских языков. Интересные с точки зрения сравнения факты связаны больше всего с функциями падежных аффиксов, с аффиксами винительного падежа, с дательно-направительным падежом личного местоимения, с аффиксами настоящего времени и др.

В памятниках древнетюркской письменности нетрудно найти факты, касающиеся того явления, что определенный падежный аффикс выполняет функцию и другого падежного аффикса. В этом отношении азербайджанские диалекты содержат более богатый материал. Можно сказать, что почти все падежные аффиксы, наряду со своими основными функциями, выполняют также функцию другого падежного аффикса. Например, основной падеж может выступать в значении винительного или местного падежа; исходный—в значении направительного, и, наоборот, направительный—в значении исходного, местный падеж—вместо исходного и т. д. Приведем примеры:

—*Сабајнан әмир верејди, би дәнә дә пинәчи* (вм. *пинәчини*) *ишдәмәјә гојмасуннар* (вместо винительного падежа употребляется основной падеж)—Астраханбазарский район.

—*Гонағлыға* (вм. *гонаглыг*) *гутараннан сора оғлуннан сорушди ки, пес нөшүн геддин, оғлум?* (вместо основного падежа употребляется дательно-направительный падеж)—Бакинский диалект,

—*Көрүр кү, пәјәдә* (вм. *пәјәдән*) *ишых кәлир* (вместо исходного падежа употребляется местный падеж)—Лачинский район.

...*Амбары олмыјан јердән* (вм. *јердә*) *гују газер, онун ичини күләшнән оддујор кун, бир әз гызарсын* (вместо местного падежа употребляется исходный падеж)—Таузский район.

Употребление падежных аффиксов в различных функциях также свойственно большинству тюркских языков.

В Казахском диалекте азербайджанского языка, в отличие от литературного языка, а также большинства диалектов и говоров имена существительные, оканчивающиеся на гласный звук, в винительном падеже принимают аффиксы *-јы, -ји, -ју, -јү* (вм. литературного *-ны, -ни, -ну, -нү*): напр. *гапыјы, дәвеји, гузују, сүрүјү*. Употребление аффиксов *-јы, -ји* в именах существительных, которые оканчиваются на широкие гласные *а, ә*, наблюдается также в нескольких селениях Бакинского района (Гобу, Гюздек, Кокмали), в селах Кюркенди и Бешдали Сабирабадского и Сальянского районов и др.

В древнем письменном памятнике азербайджанского языка „Деде-Коркуд" в винительном падеже употреблялись только лишь *-јы, -ји, -ју, -јү*. В литературном же языке последующих эпох указанные аффиксы употреблялись наряду с аффиксами *-ны, -ни, -ну, -нү* вплоть до XIX в.

Таким образом, эти аффиксы винительного падежа, которые наблюдаются в диалектах и говорах азербайджанского языка, вместе с аналогичными (т. е. *-уғ, -уі -уи, уи*) аффиксами турецкого и *-йы, -йи* гагаузского языков могут служить хорошим материалом для сравнения.

В азербайджанских диалектах аффиксы настоящего времени сильно различаются как по количеству, так и по качеству: в них имеются аффиксы, свойственные и огузским, и кыпчакским языкам.

В Казахском диалекте в глаголах, оканчивающихся на согласный, употребляется трехвариантный аффикс *-ер*, *-ор*, *-өр*, (напр.: *јазер*—пишет, *кәлер*—идет, приходит, *вурор*—бьет, *күлөр*—смеется), а если глагол имеет в конце огубленный закрытый *ү*, то употребляется аффикс *-јор* (напр.: *охүјор*—читает). Нетрудно усмотреть здесь близость с аффиксами настоящего времени в гагаузском и турецком языках. В гагаузском языке глаголы с гласными заднего ряда принимают аффикс *-эр*, а глаголы с гласными переднего ряда *-ер* (напр.: *алэр*, *гелер*, *дөнер*, *казыэр*, *окуэр*, *бүүер*)[5]. Известно также что единственным аффиксом настоящего времени в турецком языке является *-yor*.

Аффиксы настоящего времени в Кубинском диалекте также, представляют большой интерес для сравнительной грамматики тюркских языков. В этом диалекте настоящее время оформляется с помощью аффиксов *-а*, *-ы* (*-ду*), *-ә*, *-ди* (*дү*); например: *бахады* *выраду*, *кәләди*, *күләдү*. Эти аффиксы наблюдаются также и в ряде других диалектов и говоров азербайджанского языка.

В некоторых тюркских языках и их диалектах наличествуют другие фонетические варианты аффиксов настоящего времени, имеющиеся в Кубинском диалекте.

Особое значение для изучения истории языка имеет факт передачи настоящего времени в форме *ала турур*, *кәлә турур*, который наблюдается в Кубинском диалекте и закатальско-кахском говоре азербайджанского языка.

Факты из диалектов азербайджанского языка, которые могут быть использованы при разработке сравнительной грамматики тюркских языков, конечно, не исчерпываются перечисленными. Здесь мы постарались упомянуть те явления, которые мы считаем более характерными. В процессе дальнейшего изучения диалектов и говоров азербайджанского языка, вне всякого сомнения, будут выявлены новые материалы для сравнительной грамматики тюркских языков.

[5] См. Н. П. Арабаджи, Л. А. Покровская, Д. Н. Танасоглу. Гагауз дили, Кишинев, 1959, стр. 178—181.

Р. БЕРДЫЕВ

(*Ашхабад*)

ДИАЛЕКТНЫЕ ДАННЫЕ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА—ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПРИ РАЗРАБОТКЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Для разработки сравнительной грамматики тюркских языков диалектные данные туркменского языка могут послужить ценнейшим материалом, так как в диалектах туркменского языка имеются языковые факты для сравнения с языками как огузской, так и кыпчакской групп.

Причину этого, на наш взгляд, можно объяснить, во-первых, единством источника для тюркских языков, во-вторых, длительным соприкосновением туркменских диалектов с другими тюркскими языками. Более того, многие диалекты туркменского языка (эрсаринский, емудский) и в настоящее время живут в соседстве и граничат с другими диалектами тюркоязычных народов (узбеками, каракалпаками, азербайджанцами). Конечно, такое положение создавало и создает общность, позволяющую сравнивать языковые особенности туркменских диалектов с другими тюркскими языками.

Надо сказать, что в одном докладе нельзя подробно остановиться и показать те диалектные факты, которые могли быть использованы в сравнительной грамматике тюркских языков.

Диалекты туркменского языка, в основном, подразделяются на две неравные группы. К первой группе относятся Текинский, Емудский, Геокленский, Салырский, Сарыкский, Эрсаринский, Алилийский, Човдурский диалекты. Ко второй группе относятся диалекты Нохурли, Хасарли, Анаули, Нерезим, распространенные в полосе, пограничной с Ираном и Узбекистаном[1]. В диалектах второй группы конечный смычной *к* переходит во фрикативный *х*, который не присущ диалектам первой группы. Особое внимание в диалектах второй группы обращает на себя образование настоящего времени. Например, *аламән*, *биләмән* и др.

В диалектах туркменского языка широкий негубной гласный заднего ряда нижнего подъема *а* может употребляться в любом месте слова—в начале, в середине и в конце. Несмотря на это, данный звук во многих диалектах туркменского языка под воздействием соседнего губно-губного круглощелевого *v*(*в*) сильно лабиализуется. Например,

[1] А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 29.

в Текинском диалекте *товшон*—заяц, *овол*—раньше, *овлок*—козленок, *товук*—курица, *ковмок*—гнать и др. Такая лабиализация гласного *а* встречается и в некоторых других тюркских языках, например, ср. азерб. *довшан*—заяц, *говмаг*—гнать и др. В противоположность этому, в западном говоре Емудского диалекта туркменского языка не наблюдается подобная лабиализация гласного *а* под воздействием губно-губного круглощелевого *в*(*в*), в этом диалекте в таком положении гласный *а* произносится достаточно четко. Например: *авал*—раньше, *авлак*—козленок, *тавысмак*—прыгать и др. Такое явление встречается и в турецком языке. Например: *тавшан*—заяц, *тавук*—курица и др.

Здесь уместно отметить и тот факт, что во многих диалектах туркменского языка под воздействием губно-губного *в*(*в*) лабиализуется и звук *э*(*е*), но в западном говоре Емудского диалекта туркменского языка не наблюдается лабиализация данного звука. Например: *сөвүшмек* (в Текинском диалекте и в литературном туркменском языке)—*севишмек* (в западном говоре Емудского диалекта)—ругаться, *гөвүн* (в Текинском диалекте и в литературном туркменском языке)—*гевин* (в западном говоре Емудского диалекта)—желание, *дөвүр* (в Текинском диалекте и в литературном туркменском языке) *девир* (в западном говоре Емудского диалекта)—период, *гөвүс* (в Текинском диалекте и в литературном туркменском языке)— *гевис* (в западном говоре Емудского диалекта)—грудь и др. В связи с этим в диалектах, где *а*, *э*(*е*) под воздействием губно-губного *в* лабиализуются, во втором слоге, попадая в прогрессивную ассимиляцию, эти гласные (*а* и *э*) также лабиализуются, а в западном говоре Емудского диалекта, где под воздействием губно-губного гласные *а*, *э* (*е*) не лабиализуются, во втором слоге лабиализация тоже не происходит.

В Эрсаринском диалекте туркменского языка гласные *а*, *е* в определенных случаях перед сонантом *й* переходят в *ы*, *и*. Например *алмыйон* (вм. *алмайон*)—не берущий, *гелмийон* (вм. *гелмейон*)—не приходящий, *алмыйор* (вм. *алмайор*)—не берет, *гелмийор* (вм. *гелмейор*)—не приходит, *алмыйжак болйор* (вм. *алмаж,ак болйор*)—не хочет брать и др. Такая замена гласных *а*, *е* гласными *ы*, *и* перед сонантом *й* встречается и в турецком языке.

Как нам известно, губные гласные *о*, *ө* во многих языках тюркской группы, за исключением небольшого числа слов и аффиксов, дальше первого слога не встречаются. В большинстве диалектов туркменского языка эти гласные могут встречаться дальше первого слога, в таком случае в первом слоге тоже должны быть губные гласные. Например: *чөрөк*—хлеб, *бөрөк*—пельмени, *оглон*—мальчик, *оглонлор*—мальчики, *улокон*—большой, *орок*—серп, *долок*—обмотка и др. В этом отношении многие диалекты туркменского языка, в особенности Текинский диалект, приближаются к киргизскому и алтайскому языкам, где гласные *о*, *ө* встречаются дальше первого слога.

В диалектах туркменского языка появление начального согласного *й* носит не одинаковый характер, в этом отношении в диалектах туркменского языка имеются факты, которые встречаются и в огузской, и в кыпчакской группах тюркских языков. Ср. например, следующие корни-основы: *урек* (в Емудском, Геокленском, Алилийском диалектах туркменского языка), *урэк* (в азербайджанском языке), *йүрөк* (в Текинском диалекте). *йүрек* (в Салырском, Сарыкском, Эрсаринском диалектах туркменского языка и в турецком языке)—сердце; *үп* (в Емудском, Геокленском, Алилийском диалектах туркменского языка), *ип* (в азербайджанском, узбекском, турецком языках),

йуп (в Текинском, Салырском, Сарыкском диалектах туркменского языка), *йип* (в Эрсаринском диалекте туркменского языка и в ногайском языке)—веревка, нитка; *йылдыз* (в Текинском, Сарыкском диалектах туркменского языка и в турецком языке), *ылдыз* (в Емудском, Геокленском, Алилийском диалектах туркменского языка), *улдуз* (в азербайджанском языке), *йондоз* (в башкирском языке)—звезда; *уз* (в Емудском, Геокленском, Алилийском диалектах туркменского языка и в азербайджанском языке), *йуз* (в Текинском, Салырском, Сарыкском, Эрсаринском диалектах туркменского языка и в турецком языке), *йөз* (в башкирском языке)—лицо и др.

Как видно из примеров, в употреблении начального *й* в некоторых словах диалекты туркменского языка делятся на две группы, в одних диалектах начальный *й* употребляется, а в других не употребляется.

Э. В. Севортян отмечает, что „гласный *ы* во многих случаях не удерживается рядом с губными согласными *в*, *б*, *п*, *м* и заменяется *у*. Отмечаемое явление наблюдается в азербайджанском, турецком и несколько меньше в узбекском и остальных языках[2]. Такое явление характерно для многих диалектов туркменского языка. Ср., например, *гаўун* (в Текинском диалекте туркменского языка), *говун* (в азербайджанском), *кавун* (в турецком, ногайском языках)—дыня; *юмрук* (в Текинском диалекте и в турецком языке), *юмруг* (в азербайджанском)—кулак; *гоўурмак* (в Текинском диалекте туркменского языка и в азербайджанском языке), *кавурмак* (в турецком и ногайском языках), *ковурмак* (в узбекском языке)—жарить и др. Несмотря на это, в некоторых диалектах туркменского языка в отмеченном выше положении во многих случаях гласный *ы* не заменяется губным *у*. Например, *йымрык*—кулак (в Емудском, Сарыкском диалектах), *йыммак* —закрыть (в Сарыкском диалекте), *тавык*—курица, *тавысмак*—прыгать, *быларда*—здесь (в Емудском диалекте), *ягмыр*—дождь (в Текинском диалекте) и др.

Губной согласный *б* в диалектах туркменского языка в сравнении с некоторыми другими тюркскими языками в большей степени подвержен позиционным ограничениям. Данный согласный в большинстве диалектов туркменского языка возможен, в основном, в абсолютном начале слова и после глухого губно-губного *п*. Например: *бер*—дай, давай, отдай, *бар*—иди, сходи, *кепбе*—шалаш, *шапба*—вдруг, неожиданно и др.

В остальных случаях согласный *б* переходит в другие звуки. Переход этого звука в другие согласные можно показать следующим образом. В большинстве диалектов туркменского языка согласный *б* между гласными и после сонорных и глухих согласных, кроме губно-губного *п*, переходит в губно-зубной плоскощелевой *в*. Например: *баравар* (из *барабар*)—равный, *арава* (из *араба*)—телега, *ова* (из *оба*) —село, *явы* (из *ябы*)—конь, лошадь, *Бава* (из *Баба*)—собственное имя, *Гурван* (из *Гурбан*)—собственное имя, *галвири* (из *галбири*)—вид самотканной полушелковой материи, *гысвы* (из *гысбы*)—узковатый и т. д. В Алилийском диалекте в таких положениях согласный *б* переходит в губно-губной круглощелевой *ѵ*, такой переход встречается и в узбекском языке, ср., например, *баравар*[3]—в узбекском языке *барачар*—в Алилийском диалекте туркменского языка—равный; *ара-*

[2] Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1. Фонетика. М., 1955, стр. 39.

[3] Примеры из узбекского языка взяты из статьи Э. В. Севортяна „Материалы к сравнительной фонетике...", Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1. 1955, стр. 40.

ва—в узбекском языке, *арава*—в Алилийском диалекте туркменского языка—телега; *кавоб*—в узбекском языке, *кечап*— в Алилийском диалекте туркменского языка—жареное мясо и др.

Согласный *ч* в диалектах туркменского языка возможен в любой позиции, но в нижеследующих позициях он неустойчив. Данный согласный перед смычными *д*, *т*, перед сонантом *л* и перед глухим *с* часто заменяется проточным *ш*. Например: *ашды* (из *ачды*)—открыл, *гашды* (из *гачды*)—убежал, *сенин*, *гөренин*, *сашты* (из *сачты*)—то, что ты видел, был волос (в Эрсаринском и Емудском диалектах), *гешсе* (из *гечсе*)—если перейдет, *ушса* (из *учса*)—если улетит, *агашлар* (из *агачлар*)—деревья, *үшлөр* (из *үчлер*)—тройки (в Текинском диалекте) и др. Во многих диалектах, в особенности в Текинском, согласный *ч*, стоящий перед звонким *ж*, и *ж*, ассимилируются и произносятся как долгий проточный *ш*. Например: *ашшак* (из *ачжак*)—открою, *гешшек* (из *гечжек*)—перейду, *ушшак* (из *учжак*)—улечу. *гашшак* (из *гачжак*)—убегу и др. В турецком и в диалектах ногайского языка, как и в туркменских диалектах, согласный *ч* часто не устойчив перед смычным *ш*, в таком положении аффрикат *ч* заменяется проточным *ш*. Например: *аштым* (из *ачтым*)—я открыл, *ушту* (из *учту*)—он улетел (турецкий), *уштъ* (из *учты*)—он улетел (ногайский[4] и др.

Губно-губной глухой *п* в диалектах туркменского языка, кроме Емудского, Човдурского и Геокленского, в основном, может употребляться во всех позициях. Но по сравнению с другими диалектами туркменского языка в Емудском, Геокленском и Човдурском диалектах этот согласный в нижеследующих позициях не устойчив и часто заменяется другими согласными. В позиции между гласными согласный *п* в Емудском, Човдурском и Геокленском диалектах туркменского языка часто заменяется губно-губным согласным *ф*. Например: *көфөк* (из *көпүк*)—копейка, *яфылмак* (из *япылмак*)—закрываться, *яфык* (из *япык*)—закрытый, закрыто, *көфуси* (из *көпуси*)—большинство, *яфынжа* (из *япынжа*)—бурка (примеры приведены из западного говора Емудского диалекта туркменского языка). Такое позиционное ограничение согласного *п* языкам огузской группы не присуще, кроме вышеназванных диалектов туркменского языка. Из языков кыпчакской группы такое позиционное ограничение согласного *п* встречается в диалектах каракалпакского языка[5]. Кроме вышеназванной позиции, согласный *п* в Емудском диалекте также не устойчив после согласных *р*, *л* и в такой позиции он часто переходит в губно-губной *ф*. Например: *арфа* (из *арпа*)—ячмень, *гулфак* (из *гулпак*)—косички, *ярфы* (из *ярпы*)—половина и др.

В диалектах туркменского языка наблюдаются соответствие и чередование звуков, которые встречаются и в других тюркских языках. Мы хотим остановиться на некоторых из них в сравнительном плане с другими тюркскими языками.

В турецком и ногайском языках имеется чередование гласных переднего и заднего ряда. Например: *чиг//чыг*—снежная лавина, *имизгенмек//ымызганмак*—дремать, тлеть, *сывыш//сивиш*—устранение, уничтожение (в турецком языке), *сыгмак//симек*—помещаться,

---

[4] Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1 М., 1955, стр. 44.

[5] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. М., 1955, стр. 62—63.

жıыймак//жıиймек—собирать, *дынлемек//дынламак*—слушать, *ынлемек//ынламак*—стонать (в ногайском языке)[6] и др.

Такое чередование встречается и в диалектах туркменского языка: Например: *ыз// из*—след, *дыз//диз*—колено, *сын//син*—наблюдение, рассмотрение, *умыт//имит*—надежда, чаяние и др. Из этих примеров слова с гласными заднего ряда употребляются в туркменском литературном языке, а с гласными переднего ряда—в Сарыкском диалекте туркменского языка.

Соответствие гласных *а* и *е* наблюдается во многих диалектах туркменского языка. Например: *хайван//хейван*—животное, *хайран галмак//хейран галмак*—удивляться, *тайяр//тейяр*—готовый, готов, *алач//элач*—выход, мера и др. Из приведенных примеров слова с гласными заднего ряда в туркменском литературном языке, а с гласными переднего ряда—в Геокленском, Емудском и Сарыкском диалектах туркменского языка. Такое же соответствие гласных *а* и *е* встречается в каракалпакском языке. Например: *сабыл бол//себил бол*—быть изнуренным, *ана//ене*—мать, *сайран//сейран*—гуляние, *шайнек//шейнек*—чайник[7] и др.

Проф. Н. К. Дмитриев в своей статье „Неустойчивое положение сонорных *р*, *л*, *н* в тюркских языках" пишет, что „Сонорные *р*, *л*, *н* в тюркских языках принадлежат к числу неустойчивых согласных. Явление это отмечается в некоторых современных языках, но, по-видимому, восходит к древним"[8]. Далее он приводит примеры из башкирского, татарского, турецкого и других тюркских языков. В этой статье проф. Н. К. Дмитриева приводятся примеры из Текинского диалекта туркменского языка, где говорится: „В Текинском диалекте туркменского языка настоящее время глагола не сохранило конечного *р*; *боля* (лит. *боляр*)—можно, *гезйэ* (лит. *гезйэр*)—он гуляет"[9].

Приведенные примеры проф. Н. К. Дмитриевым из Текинского диалекта туркменского языка не вызывают никаких сомнений, но мы хотим добавить, что неустойчивое положение сонорных *р*, *л*, *н* не ограничивается только в настоящем времени глагола, неустойчивость этих сонорных согласных в диалектах туркменского языка встречается и в других положениях. Например, в Емудском, Сарыкском диалектах туркменского языка сонорный *р* в словах *отыр*, *ятыр*, *йөр*, *дур*, *бар* в абсолютном конце всегда неустойчив, и в этих диалектах перечисленные слова употребляются без конечного *р*: *оты* вместо *отыр*, *яты* вместо *ятыр*, *йө* вместо *йөр*, *ду* вместо *дур*, *ба* вместо *бар*.

Во многих диалектах туркменского языка (Текинском, Сарыкском, Геокленском, Нохурском и в некоторых других диалектах) *р* выпадает в родительном падеже множественного числа при склонении слова. Например: *адамлан*ı—людей, *китаплан*ı—книг, *гушлан*ı—птиц, *көчелен*ı—улиц и др. В туркменском литературном языке эти слова употребляются в виде *адамларын*ı, *китапларын*ı, *гушларын*ı, *көчелерин*ı и др.

В таком положении выпадение сонорного *р* наблюдается в кумыкском языке[10].

---

[6] Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1. Фонетика. М., 1955, стр. 45.

[7] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, фонетика и морфология. М., 1952, стр. 36.

[8] Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1. М., 1955, стр. 279.

[9] Там же.

[10] См. Там же, стр. 280.

В Геокленском, Емудском и Нохурском диалектах туркменского языка аффикс множественности *-лар*, *-лер* часто употребляется без конечного *р* в виде *-ла*, *-ле*, *-лэ*, *-ло*, *-лө*. Например: *оглалла* (в Емудском диалекте)—ребята, *гечилэ* (в Нохурском диалекте)—*козы*, *гөллө*—озера, *ёлло*—дороги (в Геокленском диалекте), *бердиле* (в Емудском диалекте)—отдали и др. В туркменском литературном языке эти слова употребляются в виде *огланлар*, *гечилер*, *көллер*, *бердилер* и др.

Как нам известно из вышеупомянутой статьи проф. Н. К. Дмитриева, такое явление имеется и в карачаево-балкарском языке.

В некоторых диалектах туркменского языка наблюдается неустойчивое положение и сонорного *л*. Например, в Нохурском диалекте в словах *алтмыш*—шестьдесят, *гулпла*—закрывай, сонорный *л* выпадает, и эти слова произносятся *атмыш*, *гупла*. В Эрсаринском диалекте слово *болса*—если он будет, в большинстве случаев употребляется без сонорного *л*, в виде *боса*. Данное слово и в башкирском языке употребляется без сонорного *л*, в виде *буһа*[11]. В Текинском, Сарыкском диалектах в слове *гел*—приходи выпадает конечный сонорный *л* и употребляется в виде *ге*.

В научной литературе отмечается, что туркменский, а также другие языки огузской группы характеризуются употреблением в начале слов звонких *д* и *г*, а в остальных тюркских языках—*т* и *к*. В отношении туркменского литературного языка такое утверждение не имеет принципиального возражения, но если учесть диалектные данные туркменского языка, то надо сказать, что во многих словах в начале употребляются глухие *т* и *к* вместо ожидаемого *д* и *г*. Например: *төрт*—четыре, *токкуз*—девять, *тартмак*—тянуть, *тары*—просо, *келин*—невестка, *кеплемек*—разговаривать, *кэме*—лодка, *кадым*—старинный, *кала*—крепость, *коркак*—*трус* и др. Эти слова в туркменском литературном языке употребляются в начале со звонкими *д* и *г*. Например: *дөрт*, *докуз*, *дартмак*, *дары*, *гелин*, *геплемек*, *гэми*, *гадым*, *гала*, *горкак* и др.

Несколько слов по части морфологии. Как известно, туркменский язык относится к юго-западной группе в системе тюркских языков. Несмотря на это, в диалектах туркменского языка в морфологии наблюдаются языковые факты, которые не присущи другим языкам, входящим в состав юго-западной группы. В туркменском литературном языке формальным показателем родительного падежа для личных местоимений являются аффиксы *-ың*$_1$, *-ин*$_1$, *-ун*$_1$, а для многих диалектов туркменского языка формальным показателем родительного падежа в единственном числе является аффикс *-н*$_1$, т. е. личные местоимения *мен*, *сен*, *ол* (я, ты, он) в родительном падеже выступают в форме *мен*$_1$, *сен*$_1$, *он*$_1$, вместо литературного *менин*$_1$, *сенин*$_1$, *онун*$_1$ (мой, твой, его). Такое явление встречается в шорском, тувинском языках, правда, в противоположность туркменским диалектам в этих языках гласные в личных местоимениях удлиняются. Ср., например. *мен*$_1$, *сен*$_1$, *он*$_1$. в Текинском, Геокленском, Эрсаринском диалектах туркменского языка и *меенъ*, *сеенъ*, *аанъ*[12]—в шорском языке, *мээн*$_1$, *сээн*$_1$ *оон*$_1$[13]—в тувинском языке.

---

[11] Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1. М., 1955, стр. 279.

[12] Там же, часть II, М., 1956, стр. 227.

[13] Там же, стр. 229.

В научной литературе отмечается, что туркменский язык для множественного числа имеет только два варианта аффикса: *-лар,-лер*[14]. Конечно, такое утверждение не вызывает никакого сомнения, если учесть только факты туркменского литературного языка, но в диалектах туркменского языка аффикс множественного числа не ограничивается только двумя вариантами *-лар*, *-лер*, их количество в некоторых диалектах достигает даже десяти.

В Текинском и Геокленском диалектах туркменского языка аффикс множественного числа, кроме своих твердых и мягких вариантов с негубными гласными, имеет еще твердые и мягкие губные варианты с гласными *о* и *ө*, которые прибавляются к словам, имеющим в своем конечном слоге губные гласные. Например: *өкүзлөр* (лит. *өкүзлер*)—быки, *дослор* (лит. *достлар*)—друзья и др. Губной вариант аффикса множественного числа с гласными *о* и *ө* имеется в алтайском, якутском, киргизском языках [15].

В Нохурском и Геокленском диалектах туркменского языка наблюдается и мягкий вариант аффикса множественного числа с широким гласным *ə*, который в литературном туркменском языке передается с полуширокого гласным *е* (*э*). Например, из Геокленского диалекта: *күчүклəнı* (лит. *гүжүклерин*)—щенков, *күчəлəнı* (в лит. *көчелерин*)—улиц, из Нохурского диалекта: *гечилə* (лит. *гечилер*)—козы, *өзлəри* (лит. *өзлери*)—сами и др. Мягкие варианты аффикса множественного числа с широким гласным *ə* наблюдаются и в азербайджанском, башкирском, татарском и уйгурском языках[16].

В Нохурском и Алилийском диалектах туркменского языка, как в азербайджанском и турецком языках[17], перед аффиксом дательного падежа, когда он прибавляется к основе, оканчивающейся на гласный звук, появляется *й*, а в большинстве диалектов и в литературном языке конечный гласный основы вместе с аффиксальным *-а* и *-е* образует долгое *а* и *э*. (табл.)

Таблица

Основы	Форма дательного падежа			
	в Нохурском и Алилийском диалектах	в турецк. языке	в азерб. языке	в туркменск. лит. языке
ярма—крупа	*ярма+йа*	*ярма+йа*	*јарма+ја*	*ярма:*
гечи—коза	*гечи+йе*	*кечи+йе*	*кечи+јə*	*гечə:*
дурна—журавль	*дуна+йа*	*турна+йа*	*дурна+ја*	*дурна:*
серче—воробей	*серче+йе*	*серче+йе*	*серчə+јə*	*серчэ:*

Как видно из примеров таблицы Нохурский и Алилийский диалекты туркменского языка в этом отношении приближаются к азербайджанскому и турецкому языкам.

В Эрсаринском диалекте настоящее время (настоящее время данного момента) образуется через присоединение к основе глагола аффикса *—йор,—йо*, в некоторых случаях и *йөр,—йе*. Например: *алйор*—берет, *гелйор*—идет, *язйор*—пишет и др. Если глагольные ос-

[14] Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. II. М, 1956, стр. 87.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же, стр. 113.

новы оканчиваются на гласные *а, е*, то в сочетании с аффиксом *-йор* переходит в соответствующие им узкие гласные, т. е. *а*, в *ы*, *е* в *и*. Например: *башла*—начинай, *башлыйор*—начинает, *ишле*—работай, *ишлийор*—работает, *динле*—слушай, *динлийор*—слушает и др. Точно такое же явление наблюдается в турецком языке[18].

Для сравнительной грамматики тюркских языков имеется богатый материал и в лексике диалектов туркменского языка. В Нохурском диалекте туркменского языка имеются слова *чичэх* оспа, *хэлэ* тетя—эти слова в азербайджанском языке употребляются в том же значении, но как *чичэк*, *хала*. Или в Сарыкском диалекте туркменского языка употребляется слово *астар* в значении подкладка, данное слово в том же значении имеется и в азербайджанском языке, а в туркменском литературном языке это слово передается словами *мама*, *дайза*, *ичлик*.

Заканчивая свое выступление, хочется сделать краткий вывод о том, что в диалектах туркменского языка имеются достаточные языковые факты сравнительной грамматики тюркских языков. Вместе с тем хочется пожелать, чтобы при написании сравнительной грамматики тюркских языков учитывались и языковые факты диалектов туркменского языка.

[18] А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 223—224.

М. Ш. РАГИМОВ

(Баку)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД И ИЗУЧЕНИЕ ДИАЛЕКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Сравнительно-исторический метод, как известно, является особым лингвистическим приемом сравнительного изучения родственных языков. В тюркологии сравнительного изучения диалектов как таковых до последнего времени, можно сказать, не проводилось.

Этот факт объясняется целым рядом причин: а) само сравнительное изучение родственных языков и, следовательно, сравнительно-исторический метод в языкознании были вытеснены марристами; б) слабое развитие сравнительного изучения тюркских языков вообще и отсутствие достаточного (такого, как в индоевропеистике) опыта применения сравнительно-исторического метода в тюркологии; в) малое и недостаточное на первых порах изучение самих диалектов и говоров отдельных тюркских языков, что выдвигало на первый план задачу, как можно большее и быстрое фиксирование существующих говоров и диалектов, т. е. внимание исследователей было привлечено к диалектографической работе.

В настоящее время большая часть этих пробелов почти устранена, и современное состояние разработки диалектов и говоров тюркских языков уже позволяет приступить к их сравнительно-историческому изучению. И не случайно, что теперь все чаще раздаются голоса ученых, призывающих к сравнительному изучению диалектов тюркских языков. И это действительно является насущным и вполне назревшим вопросом, продиктованным современным уровнем развития тюркской диалектологии. Однако желать — это одно, а осуществлять желаемое—это совсем иное.

Отметим, что сравнительное изучение родственных языков или диалектов, как известно, не является самоцелью, а служит для решения поставленной задачи. Стало быть, прежде чем приступить к сравнительно-историческому изучению диалектов тюркских языков, необходимо выяснить и определить те задачи, которые подлежат решению путем сравнительно-исторического исследования. Конкретизация этих задач и определение характера того или иного лингвистического приема сравнительного изучения—вот что является, на наш взгляд, одним из основных вопросов тюркской диалектологии. Конечно, мы не будем брать на себя смелость определить в настоящем докладе все задачи сравнительного изучения диалектов тюркских языков, ибо установление этих задач может быть осуществлено только благодаря общему усилию тюркологов. Мы попытаемся лишь указать на некоторые

из этих задач и соответственно показать, как мы понимаем проведение сравнительного изучения при их решении.

Но прежде чем перейти к этому вопросу, считаем целесообразным несколько остановиться на характере того сопоставления, которое встречается в диалектологических работах последних лет и выдается за сравнительное и даже сравнительно-историческое изучение диалектов. Выяснение сущности этих сопоставлений тем более необходимо, что такое сопоставление, выдаваемое за сравнительное изучение и имеющее опасность превратиться со временем в определенное направление в тюркской диалектологии,—искажает характер сравнительного изучения и сводит его к случайному и непоследовательному перечислению сходных явлений в некоторых диалектах.

За последнее время в работах, посвященных специальному изучению отдельных диалектов или говоров, сравнение сводится к тому, что исследователь фиксирует наличие того или иного явления в одном или двух говорах или диалектах одного из тюркских языков. Причем сопоставление это не служит какой-либо цели, а носит чисто случайный характер. В подобных работах остается неясным, почему исследователь считает нужным показать наличие того или иного аналогичного явления лишь в одном или двух диалектах другого тюркского языка, а не во всех других диалектах, в которых встречается данное явление. Так, встретив в говоре таузского района формант н$_1$ как показатель II лица ед. ч., в форме *исдәмәнән*$_1$ (в значении лит. истәмәрәм— не [за] хочу), И. Г. Джафаров указывает, что эта форма наблюдается также в говоре алили туркменского языка; он пишет: „Здесь в отличие от других говоров Азербайджана, это же окончание (*мәнәм.—М. Р.*) проявляет себя и в единственном числе второго лица. Например: *исдәмәнән*$_1$. Эту особенность можно наблюдать и в говоре алили туркменского языка".[1]

Возникает вопрос: почему автор ограничивается лишь одним говором алили туркменского языка? И какая цель преследуется этим упоминанием? Вывода-то никакого не делается. Если цель автора заключается только в том, чтобы констатировать случаи употребления этого явления в диалектах и говорах других тюркских языков, то почему же не перечисляются тогда все те диалекты и говоры туркменского, турецкого и других тюркских языков, в которых наличествует данное явление?

Или возьмем другой пример. Описывая случаи соответствия гласных *а>ә*, *ы>и*, *и>ы*, *и>у*, *о>ө*, *о>у* и других в Ордубадском диалекте азербайджанского языка, Т. Гамзаев в качестве „сравнения" отмечает, что эти „чередования гласных можно наблюдать и в других тюркских языках: башкирском, якутском, уйгурском, узбекском, татарском, туркменском, тувинском, казахском, чувашском языках и Емудском диалекте туркменского языка"[2]. С таким же успехом можно было бы перечислить каракалпакский, киргизский, кумыкский, карачаево-балкарский и другие языки и их диалекты, в которых встречаются эти параллели.

Или же, констатируя, например, в Ордубадском диалекте звук *ц* (*цај, цал*) (соответствие *ч>ц*), Т. Гамзаев пишет, что „эта аффриката встречается также в диалектах татарского и киргизского язы-

---

[1] И. Г. Джафаров. Говоры Таузского района (автореф. канд. дисс.) М., 1954, стр. 9.

[2] См. Т. Б. Гамзаев, Ордубадский диалект (автореф. канд. дисс). Баку, 1960, стр. 6.

ков"[3]. Что дает такое сопоставление для выяснения природы аффрикаты *ҷ* в Ордубадском диалекте? Что это—комбинаторное явление, древнетюркский элемент или результат влияния внешнего фактора, а может быть, и новое фонетическое явление?

Можно было бы увеличить количество подобного рода „сопоставлений" из работ, посвященных диалектам и говорам как азербайджанского, так и других тюркских языков. Но мы не станем увеличивать число подобных перечислений, имеющихся в диалектологических работах тюркологов. Мы хотим только сказать, что подобное перечисление ничего общего не имеет с сравнительным изучением диалектов, ибо подобное сопоставление не служит какой-либо цели, а носит случайный, бессистемный характер как по охвату сопоставляемых языковых явлений, так и по количеству привлекаемых диалектов и говоров других тюркских языков. Интересно в этом отношении отметить, что в таких случаях количество приводимых названий диалектов и говоров зависит не от того, в скольких из них наблюдается аналогичное явление, а главным образом, от того, сколько под рукой у автора находится работ по диалектам других тюркских языков: имеется ли у него под рукой работа по емудскому говору туркменского языка, перечисляться будут аналогичные явления этого говора, а если исследователь располагает еще другой работой, то и она обязательно войдет в данное перечисление, если только в ней окажется сходное явление.

Этим мы не хотим сказать, что не следует приводить подобное перечисление в монографических работах, посвященных описанию отдельных диалектов или говоров, в конце концов, это дело самого исследователя. Возможно, читатель ничего не потеряет, если узнает, что то или иное явление, наблюдаемое в изучаемом диалекте или говоре, встречается еще в таком-то диалекте или говоре другого тюркского языка. Как говорится, „маслом кашу не испортишь". Но мы не можем согласиться с тем, чтобы это выдавалось за сравнительное изучение диалектов. Выдавать голое и спорадическое перечисление сходных явлений за сравнительное или даже сравнительно-историческое изучение диалектов—это, на наш взгляд, глубокое заблуждение, по сути дела, снятие основного содержания сравнительного исследования диалектов родственных языков. Такое сопоставление, как было указано выше, ничего общего не имеет со сравнительным изучением родственных языков, тем более перечисление, преобладающее в большинстве диалектологических работ. Сопоставление такого характера является как бы самоцелью, а не лингвистическим приемом решения определенного вопроса, ибо это даже не сопоставление, а простое соположение известных исследователю явлений в ряде диалектов других тюркских языков.

Некоторые могут возразить, что, мол, делать выводы—это не входит в задачу диалектологов, этим должны заниматься те, кто изучает историю языка, а диалектологу достаточно и того, что он перечисляет наличие сходных явлений в некоторых диалектах и говорах, пусть даже это перечисление носит случайный характер. Однако так ставить вопрос нельзя, так как, когда речь идет о сравнительном изучении, то самый характер этого исследования не позволяет провести такое строгое „разделение труда" диалектолога и историка, поскольку всем должно быть известно, что всякое сравнительное изучение приводит к выводам, имеющим важное значение как для исторической диалек-

[3] Т. Б. Гамзаев. Ордубадский диалект (автореф. канд. дисс.). Баку, 1960, стр. 9

тологии, так и для истории языка. Мы не говорим уже о том, что сравнительно-историческое изучение диалектов служит, главным образом, подспорьем для истории языка.

Однако здесь возникает и такой вопрос: насколько целесообразно проводить сравнительное изучение в рамках работы, посвященной монографическому описанию какого-либо диалекта или говора? Нам кажется, что сравнительное изучение не должно входить в задачу монографического описания диалекта, которое имеет свою собственную задачу: как можно детальнее зафиксировать состояние изучаемого диалекта или говора. А сравнительное изучение диалектов требует специального исследования.

Другое дело, когда сопоставление тех или иных явлений изучаемого диалекта или говора с таковыми в других тюркских диалектах проводится с определенной целью и на основе такого сопоставления (или сравнения) решаются различные вопросы как истории языка, так и диалектологии. И чем больше сопоставляемых диалектов, тем убедительнее выводы.

Благодаря такому сопоставлению, азербайджанским диалектологам, например, удалось возвести к общетюркской основе ряд явлений, встречающихся в диалектах и говорах азербайджанского языка. Так звуковые соответствия *ф>п*, *ө>у*; употребление детально-направительного падежа в значении винительного, безаффиксальное употребление II компонента определительного словосочетания третьего типа, выражающего отношение принадлежности, прежде объяснялись влиянием соседних нетюркских (армянского, кавказско-иберийских и др.) языков. Однако сопоставление этих явлений, учет диалектных данных других тюркских языков позволили нашим диалектологам обосновать их тюркскую природу, исключив влияние нетюркских языков.

Однако следует отметить, что выводы и обобщения, сделанные на основе такого сопоставления, звучат гораздо более убедительно, если учитываются факты аналогичных явлений не одного диалекта родственного языка, а как можно большего числа диалектов и говоров других тюркских языков и даже письменные памятники, в которых встречается данное языковое явление. Иначе говоря, не следует допускать поспешности при таком сопоставлении, так как это приводит иногда к односторонним и неправильным выводам.

Так, например, встретив в карнабском говоре узбекского языка форму желательного наклонения в 1 лице мн. ч. в виде *-лък* (*баралък*), Н. Раджабов, на основе того, что эта форма „встречается в хорезмском говоре узбекского языка" и в „Дивани-лугат-ат-тюрк" М. Кашкарского, приходит к выводу, что „данный аффикс является более древним, чем другие"[4]. На самом ли деле форма *-лък* является более древней, чем другие?. В фольклорных материалах туркменского и азербайджанского языков, а также в уйгурском варианте „Мухаббат-намэ" (XIV в.) эта форма в повелительно-желательном значении 1 лица мн. ч. употребляется без показателя *-к*. Употребление этой формы без показателя *-к* в виде *баралы* наблюдается сейчас в ряде диалектов казахского языка, преимущественно южных областей.[5] А в языке казахской публицистики начала XX в. (в журнале „Айкап") форма на *-лык//-лик* употребляется для выражения повелитель-

[4] См. Н. Раджабов. Карнабский говор узбекского языка (автореф. канд. дисс.). Самарканд, 1958, стр. 14.

[5] См. Н. Т. Сауранбаев, Ш. Ш. Сарыбаев. К изучению казахских диалектов. „Вопросы истории и диалектологии казахского языка". вып. I. Алма-Ата, 1958. стр. 9.

ного наклонения 1 л. мн. ч. (*баралык*—давайте пойдем)[6]. Не ставится ли в таком случае под сомнение вывод о большей древности формы *-лык* фактом наличия ее безаффиксального употребления? Мы не говорим уже о том, что аффиксом в форме *баралык* является не *-лык*, как считает Н. Раджабов, а *-алы+к*, где *к* является показателем 1 лица мн. ч.

Возьмем другой пример. В нурлато-кайбицком подговоре говора нагорных татар (татарского языка) широко употребляется форма на *-маллы, -мәллә // малы, -мәлә* в значениях: 1) необходимости, 2) долженствования, 3) желания, 4) стремления, 5) предположения, 6) цели, 7) возможности (или невозможности) совершения действия[7]. Причем этой глагольной формы нет в других диалектах и говорах татарского языка. Н. Б. Бурганова, ссылаясь на то, что эта форма имеется в чувашском языке, приходит к такому выводу, что форма на *малы, мэли* в данном подговоре является результатом влияния соседнего чувашского языка. Она пишет: „Форма на *-маллы, мәлә // -малы,—мәлә* нурлато-кайбицкого подговора может рассматриваться как результат влияниия соседних чувашей. Однако в отличие от чувашского языка татары данной подгруппы употребляют эту форму не только в роли причастия, но и в роли глаголов, обозначающих долженствование, возможность, желание".[8]

Уже сам факт, что данная форма в чувашском языке употребляется только в одном значении (причастие со значением долженствования), а в подговоре—в нескольких, делает, на наш взгляд, сомнительным такое предположение. В объяснении этой формы следовало бы учитывать то обстоятельство, что форма на *-малы, -мәли* не только стала в современном литературном азербайджанском и туркменском языках показателем долженствовательного наклонения, но и широко представлена в ряде говоров и диалектов азербайджанского и туркменского языков как в значении долженствовательного наклонения, так и в значении возможности (или невозможности) совершения действия; в то же время она выступает в этих языках как причастная форма. Встречается эта форма также в письменных памятниках азербайджанского языка XVI в., в произведениях туркменского поэта XVIII в. Махтумкули, а также в турецком языке.

Мы не сомневаемся в том, что если бы в данном случае были учтены материалы диалектов азербайджанского и туркменского языков, то вряд ли можно было бы усмотреть форму *-малы, -мәли* в нурлато-кайбицком подговоре как результат влияния чувашского языка. Здесь можно выдвинуть совсем другое предположение, о чем будет сказано ниже. Небезынтересным в этом отношении является утверждение Н. Б. Бургановой, что „с исторической точки зрения, аффикс некоторых относительных прилагательных на *-малы, -мәлә* (*ачылмалы тәрәзә*—открывающееся окно, *утыртмалы лампа*—настольная лампа, букв. сидящая лампа, *асылмалы лампа*—висячая лампа и т. д.) литературного языка сводится к глагольной форме на *-маллы, -мәллә//-маллы, -мәлә*, сохранившейся в настоящее время лишь в

---

[6] См. Н. Б. Карашева. Грамматические особенности языка казахской публицистики начала XX века (на материале журнала „Айкап" (автореф. канд. дисс.). Алма-Ата, 1959, стр. 10.

[7] Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР (см. кн. „Материалы по диалектологии". Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, Казань, 1955, стр. 49—50.

[8] Н. Б. Бурганова. Ук. работа, стр. 52.

говоре нагорных татар, в особенности, в нурлатском, кайбицком и Подберезинском районах ТАССР".[9]

Нередко в работах, посвященных монографическому изучению какого-либо диалекта, можно встретить утверждения, что наблюдаемое в говоре или диалекте такое-то явление отличает его не только от диалектов изучаемого языка, но и от других тюркских языков. Такие обобщения интересны и ценны лишь в том случае, когда на самом деле учитываются данные диалектов всех тюркских языков, в которых наблюдается это явление. В этой связи нельзя согласиться с утверждением Д. Г. Тумашевой, что употребление формы *бизимки* в роли определения в тюменском диалекте татарского языка отличает его не только от татарского литературного языка, но и от других тюркских языков[10], хотя бы по той простой причине, что не исключена возможность употребления этой формы в других диалектах тюркских языков. Ведь употребляется же эта форма в том же значении в говорах татар нагорной стороны ТАССР (нурлато-кайбицкий подговор)[11].

Сравнительно-исторический метод в изучении диалектов и говоров может служить целому ряду целей, характер которых зависит от задач исследования. Этими задачами могут быть: 1) классификация диалектов одного какого-либо конкретного языка; 2) установление опорного диалекта или определение роли диалектов и говоров вообще в образовании литературного языка; 3) установление наличия или отсутствия диалектов в том или ином языке; 4) определение места изучаемого диалекта среди других диалектов данного языка; 5) выяснение специфических черт и отличительных особенностей изучаемого диалекта.

Все эти задачи объединяет в одно целое то обстоятельство, что их решение осуществляется путем сравнительно-описательного метода, причем, сравнение проводится, в основном, на материале диалектов и говоров одного языка. Некоторое исключение составляет задача установления опорного диалекта или роли диалектов в образовании литературного языка, при решении которой, кроме материалов диалектов и говоров конкретного языка, необходимо привлекать также данные его письменных памятников. При решении же остальных задач, как было указано выше, сравнение проводится исключительно на материале диалектов и говоров одного языка.

Мы не будем приводить конкретные примеры проведения сравнительно-описательного изучения указанных вопросов, поскольку в тюркской диалектологии такие исследования уже имеются по некоторым тюркским языкам[12].

Говоря о решении таких задач, нельзя не упомянуть, однако, о работе проф. Е. И. Убрятовой „Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР", в которой автор на основании детального сравнения диалект-

---

[9] Н. Б. Бурганова. Ук. работа, стр. 51.

[10] См. Д. Г. Тумашева. Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень) (автореф. канд. дисс.). М. 1952, стр. 9.

[11] См. Н. Б. Бурганова. Ук. работа, стр. 58—59.

[12] См. А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров. „Изв. АН Узб. ССР", 1953, № 5; М. Ш. Ширалиев. О диалектной основе азербайджанского литературного национального языка. „Вопросы языкознания", 1958, № 1: В. В. Решетов. О диалектной основе узбекского литературного языка. „Вопросы языкознания", 1955, № 1; Муганская группа говоров и диалектов азербайджанского языка, Баку, 1955 и др.

ного материала по Амгинскому, Вилюйскому и Олекминскому районам Якутской АССР устанавливает, что говоры населения этих районов „почти во всех деталях отличаются друг от друга", и эти отличия „действительно являются особенностью языка местного населения, а не индивидуальной речи того или иного местного якута"[13], что расхождения эти в области как фонетики, так и лексики весьма специфичны, поскольку в каждом случае имеется „или разное распространение того или иного явления, или какие-нибудь особенности в деталях его проявления".[14]

И такой вывод, сделанный на основе сравнительного изучения указанных диалектов якутского языка, заставляет недоверчиво отнестись к сомнениям ряда ученых (Л. Н. Харитонов, А. Мординова, Г. Санжеев) о наличии диалектов в якутском языке.

Одна из основных задач сравнительно-исторического изучения диалектов тюркских языков заключается в выявлении общетюркских фонетических явлений и установлении исторической направленности имеющихся в этих языках звуковых соответствий. К этим соответствиям следует отнести, например, такие общетюркские изменения, как *а~о*, *р~з*, *п~б*, *д~т* и др. Целью сравнительно-исторического изучения в данном случае является установление направленности изменения этих звуков, т. е. определение того, какой из них является более древним. При решении этих вопросов сравнительно-исторический метод есть основной лингвистический прием.

Следует подчеркнуть, что применение сравнительно-исторического метода при изучении диалектов тюркских языков, разумеется, не может быть точной копировкой использования данного приема в индоевропеистике, хотя сложившийся годами опыт последней необходимо учитывать и в тюркологии. В индоевропеистике дело облегчается тем, что она располагает более древними источниками (санскрит, латынь, греческий, литовский, хеттский и др.) с устойчивой графикой, чем тюркология. Вряд ли, например, орхоно-енисейские памятники можно считать древними в сравнении с санскритскими источниками. Еще сложнее обстоит дело с тюркскими средневековыми письменными памятниками с арабской графикой, в которых нет последовательности в орфографии (например, в одном памятнике одно и то же слово пишется различно). Поэтому при сравнительно-историческом изучении фонетики тюркских языков исключительно важное значение имеют диалекты тюркских языков.

Следует отметить, что при установлении хода исторического развития отдельных фонетических изменений в тюркских языках вполне возможно опираться иногда на общепризнанные в индоевропеистике фонетические законы или привлекать к сравнению аналогичные звуковые изменения в индоевропейских языках, как это часто и верно делал проф. В. А. Богородицкий в своей известной работе „Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками" (Казань, 1953). При установлении первичности того или другого звука в отдельных соответствиях важное значение имеет учет основных исследовательских приемов, сформулированных проф. Б. А. Серебренниковым следующим образом: „1) направленность изменения звука устанавливается на основании показаний письменных памятников.

[13] См. Е. И. Убрятова. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 8.

[14] Е. И. Убрятова. Ук. работа, стр. 28.

При этом желательно, чтобы изучаемый язык был историческим продолжением языка древних письменных памятников; 2) для установления направленности изменения звуков могут быть привлечены наблюдения над изменением подобных звуков в других языках. Эти наблюдения позволяют определить пути потенциального возможного изменения звуков и вместе с тем направленность их изменения; 3) при отсутствии этих возможностей для установления направленности изменения звуков можно использовать результаты изучения фонетического облика иноязычных слов, заимствованных и фонетически адаптированных данным языком; 4) направленность изменения звуков может быть определена, если данное изменение окажется одним из звеньев целой цепи определенным образом направленных изменений, подчиненной общей тенденции изменения звуков".[15]

При изучении процесса развития отдельных фонетических явлений и при объяснении причины зарождения того или иного звукового изменения необходимо учитывать тот факт, что причины возникновения этих изменений могут быть неодинаковыми в отдельных тюркских языках и их диалектах. Поэтому при объяснении причины зарождения того или иного звукового изменения нельзя исходить из материала диалектов одного или двух языков и установленную в этом языке причину относить ко всем тюркским языкам. Даже в говорах и диалектах одного и того же языка звуковое изменение может иметь различные причины. Так обстоит дело, например, с явлением *а~о* в тюркских языках. Как указывает проф. В. В. Решетов, в литературном узбекском языке, базирующемся на городской диалектной основе ташкентско-ферганского типа, оканье, „могло развиваться или закрепиться в результате действия привходящих факторов, действия иноязычного субстрата", в других же диалектах узбекского языка, сохранивших кыпчакские и огузские языковые признаки, оканье „могло возникнуть и развиваться на тюркской почве"[16].

Проф. Е. И. Убрятовой выявлено, что „оканье" и „аканье", характерные для основных якутских диалектов, связаны с установлением ныне действующих законов гармонии гласных в основах тюркского и монгольского происхождения с разным составом гласных по отношению к этим законам. В одних районах гармония гласных установилась по первому слогу слова, в других—по последнему"[17].

В ряде же тюркских языков (каракалпакский, хакасский, башкирский, диалекты азербайджанского языка и др.) оканье представляет собой комбинаторно-позиционное явление.

Стало быть, при изучении общетюркских фонетических явлений и при выявлении их исторического развития необходимо учитывать характер появления того или иного звукового перехода в каждом тюркском языке и его диалектах и говорах. Учет этого обстоятельства поможет более правильно осветить то или иное фонетическое явление. В связи с этим особый интерес представляет упомянутая выше статья проф. В. В. Решетова „К вопросу об оканье в тюркских языках", в которой при помощи своеобразного лингвистического приема и с учетом данных конкретных тюркских языков и их диалектов объясняется явление оканья. Интересным в этой работе является то обстоятельство, что причины перехода *а* в *о* в узбекском литера-

[15] См. Б. А. Серебренников. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков. „Вопросы языкознания", 1960, № 4.

[16] В. В. Решетов. К вопросу об оканье в тюркских языках. „Изв. АН Каз. ССР", вып. 1—2 (8—9), 1959, стр. 11, 12.

[17] Е. И. Убрятова. Ук. работа, стр. 23–24.

турном языке и его диалектах не отождествляются, т. е. не сводятся лишь к одному внешнему фактору.

Своеобразной и интересной в отношении исторической интерпретации ряда звуковых изменений в тюркских языках является работа проф. Б. А. Серебренникова „О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков", возражения которого против имеющихся в тюркологии формул ($r—z$, d, n, $z{\sim}j$; $l—s$) звучат убедительно и, на наш взгляд, являются справедливыми. Однако окончательное решение этих вопросов требует специального исследования с глубоким и всесторонним анализом фактов и с учетом данных всех диалектов и говоров тюркских языков.

Задачи сравнительно-исторического изучения диалектов нельзя свести к исследованию одних лишь фонетических явлений, ограничиваться которыми было бы неправильно, ибо многие вопросы исторической морфологии тюркских языков ждут своего решения с помощью сравнительно-исторического метода.

Следует особо отметить, что при изучении морфологических явлений к сравнению целесообразно привлечь также письменные памятники как общетюркские, так и отдельных языков. Материалы памятников могут подтвердить, насколько верен тот или иной вывод относительно исторического прошлого и хода развития какой-либо грамматической формы.

Сравнительное изучение морфологических явлений в диалектах имеет важное значение также для создания сравнительно-исторической грамматики отдельных тюркских языков.

В результате сравнительного изучения морфологических явлений в диалектах возможно установить самую древнюю картину отдельных категорий.

Так, на основе сравнительного изучения падежной системы в ряде диалектов тюркских языков и с учетом данных письменных памятников проф. Э. В. Севортян приходит к выводу, что „более древнюю ступень состояния тюркских языков можно представить с меньшим числом грамматических падежей, а именно—с двумя: неопределенным и объектно-поссесивным, из коих второй выполнял функции современного родительного и винительного падежа".[18]

Проведенное нами сравнительное изучение падежной системы в диалектах азербайджанского, узбекского и отчасти татарского и туркменского языков показало, что функциональный параллелизм имеет место не только среди грамматических и пространственных (локативных) падежей в отдельности, а охватывает, можно сказать, все эти падежи; иными словами, в диалектах наблюдается такой факт, что пространственные падежи выступают в функции грамматических, а последние, в свою очередь, в значении первых. Интересным является в этом отношении выполнение основным падежом функции почти всех остальных падежей, что наблюдается в диалектах азербайджанского и узбекского языков. Это обстоятельство позволяет предположить, что в глубокой древности в тюркских языках между формами падежей не было той функциональной дифференциации и грамматической оформленности, которые существуют в современных литературных тюркских языках, и что все существующие ныне в тюркских языках падежи восходят к единой основе—основному падежу

[18] Э. В. Севортян. К истории падежной системы в тюркских языках Уч. зап. Военного ин-та иностранных языков„ 1948, № 6, стр. 95.

Интересный материал дает сравнительное исследование диалектов по истории развития категории наклонений и их форм. Так, проведенное нами предварительное сравнение диалектов и говоров азербайджанского, турецкого, туркменского, узбекского, татарского, башкирского и других тюркских языков показало, что между всеми формами наклонений имеется взаимная функциональная связь объясняющая тот факт, что все эти формы могут заменять друг друга. В этом отношении небезынтересным является, например, многозначное употребление упомянутой выше формы на *-малы, -мәли* в нурлато-кайбицком подговоре татарского языка. Этот аффикс, оформившийся в ряде современных тюркских языков как показатель долженствовательного наклонения, в указанном подговоре татарского языка употребляется в значениях необходимости, долженствования, желания, стремления, предположения, цели, возможности (или невозможности) совершения действия[19].

Хотя нам пока неизвестен говор, где данная форма была бы представлена таким широким кругом значений, однако употребление этой формы с некоторыми из указанных значений в ряде диалектов тюркских языков (азербайджанского, туркменского и др.) позволяет предположить, что в нурлато-кайбицком подговоре сохранились архаичные черты диффузности грамматического значения формы на *-малы, -мәли*.

Весьма интересным является также факт употребления формы условного наклонения на *-са, -сә* в значении настоящего-будущего времени изъявительного наклонения, а также в значениях желательного и повелительного наклонений.

Количество таких примеров можно было бы увеличить, однако и указанных достаточно для того, чтобы показать насколько целесообразно сравнительно-историческое изучение и морфологических явлений в диалектах. Мы не говорим уже о важности изучения этих явлений для установления этимологий отдельных грамматических форм.

[19] Н. Б. Бурганова. Ук. работа. стр. 49—50.

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

(*Баку*)

О ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТА[1]

(*на материале диалектов и говоров азербайджанского языка*)

В связи с тем, что границы отдельных диалектных явлений обычно не совпадают друг с другом, а сами явления имеют не всегда один и тот же характер на всей территории распространения диалекта, иногда получалось, что отдельные лингвисты даже отрицали реальность существования диалектов, уподобляя диалектную карту всякого языка пестрому ковру, прихотливый узор которого будто бы не дает возможности разобраться, где начинается один рисунок (диалект) и где начинается другой (иной диалект). Диалекты согласно этой концепции являются фикцией.

Такая точка зрения несостоятельна. Трудности разграничения объекта изучения отнюдь не означают, что сам он не существует. Успехи диалектологии последних лет показывают, что, несмотря на всю сложность переплетения отдельных диалектных признаков, эти последние вполне реальны, как реален сам диалект—продукт исторического развития языка в конкретных условиях страны, народа и всей его культуры[2].

Некоторые тюркологи, отождествляя, с одной стороны, понятие языка с понятием диалекта и степень взаимопонимания их носителей, с другой—считают, что в тюркских языках нет диалектов, а есть говоры. Конечно, в тюркских языках очень трудно найти такие факты, где носители диалектов плохо понимали бы друг друга. Но эти факты не дают нам никакого права снимать в своих исследованиях понятие „диалект" и ограничиваться понятием „говор".

Если при исследовании тюркских языков положить в основу критерий взаимопонимаемости носителей между собой, то тогда мы будем вынуждены отказаться от дифференциации понятия диалекта, и язык вообще и современные тюркские языки считать не самостоятельными языками, а диалектами единого тюркского языка, что мы и наблюдаем в работах турецких языковедов и многих тюркологов Запада.

Турецкий языковед Талет Текин в своей статье „Sovet Rusyada savaştan sonra türkoloji calişmalari" („Тюркологические исследования

---

[1] В основу настоящей статьи легли материалы, опубликованные во II томе сб. „Вопросы диалектологии тюркских языков" под названием „Диалектное членение языка" (Баку, 1960).

[2] См. Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 383—384.

в Советской России после войны"), опубликованной в „Türk dili araştırmaları yıllığı belleten", Анкара, 1959, исходя из признака взаимной понимаемости или непонимаемости, пишет, что советские тюркологи, называя современные тюркские наречия языками (азербайджанский язык, узбекский язык и т. д.), слишком преувеличивают между ними различия. Между тем, они, исключая якутский и чувашский языки, являются не языками, а наречиями одного тюркского языка.

С мнением турецкого языковеда Талет Текина никоим образом нельзя согласиться, так как признак взаимной понимаемости или непонимаемости не может быть определяющим при разграничении языка и диалекта. Например, такие современные национальные языки, как русский, украинский, белорусский, по своему грамматическому строю и основному словарному фонду значительно ближе друг к другу, чем, например, диалекты немецкого языка, и тем не менее первые образуют разные языки, а вторые остаются диалектами одного языка.

Отсюда следует, что вопрос решается большей или меньшей близостью их грамматического строя и основного словарного фонда и причинами исторического характера—социально-экономическими, политическими и культурными, в результате которых носители первых образовали разные нации (русскую, украинскую, белорусскую), а носители вторых вошли в состав одной нации (германской[3]).

Таким образом, до настоящего времени в отношении тюркских языков нет обобщенных определений диалекта и говора, которые бы четко разграничивали эти понятия. Поэтому каждый исследователь подходит к данному вопросу по своему усмотрению. Разумеется, по одной лишь территориальной или структурной общности или степени взаимопонимания их носителей мы не можем выделять диалекты и говоры. Здесь прежде всего необходимо исходить из особенностей конкретного языкового материала с учетом культурно-исторической общности, с одной стороны, и взаимоотношения с письменным литературным языком—с другой.

На материале азербайджанских диалектов и говоров мы выделяем диалекты:

1. Распространенные на определенной территории, ибо „граница диалектов объясняется фактором географического порядка, обусловившим исторические процессы"[4].

2. Обладающие некоторыми фонетическими, грамматическими и лексическими различительными признаками. „Диалект, прежде всего, характеризуется разнообразием в единстве, единством в разнообразии".[5]

Однако одни фонетические особенности не могут служить основанием, при выделении говора необходимо учитывать территорию (не историческую), а также грамматические и лексические особенности.

Говор не отличается резко своими особенностями от диалекта, внутри которого он находится—общность превалирует над различием. Например, в азербайджанском языке относим к говорам следующие диалектные единицы: муганский, ленкоранский, айрумский, закатало-

[3] См. БСЭ, т. 14, изд. 2, стр. 264.

[4] А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, стр. 60.

[5] А. Мейе. Ук. работа, стр. 49.

кахский, ереванский говоры. Эти говоры отличаются от диалектов, в которые они входят тем, что имеют свои узкодиалектные особенности, присущие только данным говорам.

Эти языковые особенности мы не находим в других говорах, входящих в данный диалект; но этот говор имеет много общих языковых признаков с другими говорами, входящими в данный диалект, что дает основание объединить все эти говоры по сумме общих диалектных показателей в более крупную диалектную единицу, которую мы и называем диалектом.

Таким образом, в диалект входят мелкие диалектные единицы, которые имеют много общего между собою, но каждая из них, в свою очередь, характеризуется только ей присущими языковыми признаками.

Именно эти узкодиалектные показатели и выделяют каждую диалектную единицу в особый говор.

Исходя из этих принципов, в азербайджанском языке выделяются четыре группы диалектов и говоров:

1) восточная группа диалектов и говоров включающая Кубинский, Бакинский, Шемахинский диалекты, а также муганский и ленкоранский говоры:

2) западная группа диалектов и говоров, включающая Казахский, Карабахский, Гянджинский диалекты и айрумский говор;

3) северная группа, включающая Нухинский диалект и закатало-кахский говор;

4) южная группа, включающая Нахичиванский, Ордубадский, Табризский диалекты и ереванский говор.

Помимо этого, имеются еще переходные говоры, являющиеся как бы мостом от одной группы к другой. К ним относятся; а) геокчайский говор, объединяющий особенности восточных и западных групп диалектов; б) агдашский говор, объединяющий особенности восточных и северных групп диалектов; в) джебраильский говор, объединяющий особенности западных и южных групп диалектов азербайджанского языка.

Для образца охарактеризуем один диалект и говор восточной, западной, северной и южной групп и, тем самым, покажем, насколько научно обоснованными являются принципы членения языка на диалекты и говоры.

Кубинский диалект

Кубинский диалект охватывает Худатский, Кусарский, Кубинский и Хачмасский районы Азербайджанской ССР. Он имеет свои специфические особенности, которые отличают его от других диалектов и говоров восточной группы:

1) в Кубинском диалекте преобладают элементы кыпчакских тюркских языков; 2) переход *о>у* в начальном слоге слова, например: *гушун*—войско, *удун*—дрова, *пузма*—вычеркнуть и т. д.; 3) переход *ө>ү* в начальном слоге слова, например: *үз*—сам, *сүз*—слово, *күк*—небо, *күтүрмаг*—взять и т. д.; 4) нарушение сингармонизма, особенно в аффиксах, т. е. к словам, оканчивающимся на передние гласные, прибавляются аффиксы с задними гласными, например: *кӏидаг*—пойдем; *кәсәъаг*—отрежет; 5) выражение настоящего времени формой *-а-ду, ә-ду* например: *јазаду*—пишет, *кӏәләдү*—идет и т. д. 6) употребление своеобразного настоящего времени аналитического типа при помощи слова *вар*, которое не только не встречается в

диалектах азербайджанского языка, но и в других тюркских языках, например: *ала вар*—досл.: покупая есть, покупает; *кида вар*—досл.: идя есть, идет; 7) выражение 2 лица ед. ч. условного наклонения при помощи аффикса *-в*, например: *ал-со-в*—если ты купишь, *кәл--со-в*—если ты придешь; 8) употребление деепричастной формы на *-ыбан, -ыбаны, -ыбаннары, -ибән, -ибәни, -ибәннәри*, например: *алыбан, алыбаны, алыбаннары*—взяв, *кәлибән, кәлибәни, кәлибәннәри*—идя; 9) специфические слова, характерные для Кубинского диалекта, например; *аба*—отец, *башдараг*—дятел, *гафун*—всякая еда, служащая придачей к хлебу, *үлүш*—лаваш внутри с халвой, *шуд*—клоп, *кечәкәзән*—летучая мышь, *мүшкүр*—зимовка, *пилпирәк*—бабочка и т. д.

Ленкоранский говор

Ленкоранский говор входит в состав восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка, охватывает Ленкоранский, Астаринский и Лерикский районы Азербайджанской ССР.

Ленкоранский говор, отражая все элементы, присущие восточным диалектам и говорам азербайджанского языка, имеет свои специфические особенности как, например:

1) переход *а>ə* в конце слов: *балтə*—топор, *халə*—тетя, *сыргə*—серьги и т. д.

2) переход *ы>ү* во втором слоге слов: *палүт<палут*—дуб, *хатүн*—женщина, *јарпүз*—дикая мята и т. д.

3) слова *сојуг, исти*, выступая в роли сказуемого, принимают аффиксы принадлежности, например: *мәним со͡ʏгумду*—мне холодно, *мәним исдимду*—мне жарко.

4) специфические слова *очочу*—смутьян, *босаға*—порог, *зүнкүлә*—лед и т. д.

Казахский диалект

Казахский диалект охватывает Таузский, Акстафинский, Казахский районы Азербайджанской ССР и Марнеульский и Дманисский районы Грузинской ССР. Он имеет следующие специфические особенности:

наличие интерденталь̂ного *з*, например, *аз*—мало, *буз*—лед *әзилди*—ушибся и т. д.; 2) последовательность широких губных гласных, например: *гоглор*—выгоняет, *јохлор*—проверяет, *өјөј*—неродной, *көрөр*—видит и т. д.; 3) в некоторых словах в начале слов перед узкими гласными переход заднеязычного звонкого *г* в заднеязычный глухой *q*: *қыш*—зима, *қуш*—птица, *қыфыл*—замок и т. д. Переход *д>ч* в начале слова перед узкими гласными: *чиш*—зуб, *чиши*—самка, *чүш*—слезай и т. д. 5) замена *в>ј* в середине и в конце слов: *нүјә*—внук, *дојшан*—заяц, *төјлә*—конюшня, *бузој*—теленок и т. д. 6) полная редукция согласных *ј* и *һ* в начале слова впереди узких гласных, например: *үх'*—груз, *урд*—родина, очаг, *ухары*—верх, *умах*—клубок, *һөрмәх'*—строить, *һүрмәх'*—лаять, *үлкмәх'*—пугаться и т. д. 7) слова, оканчивающиеся на гласные звуки в винительном падеже принимают аффиксы *-јы, -ји, -јү, јү*, например: *гапыјы*—дверь, *кишији*—мужчина, *гузујү*—овечку, *сүрүјү*—стадо и. д. 8) употребление трехвариантного аффикса настоящего времени *-ер. -ор, -өр*: *алер*—он покупает, *гурор*—он строит, *үзөр*—он плавает;

9) специфические слова, характерные для Казахского диалекта: *анахдар*—замок, *баранташ*—ровесники, *гондара*—туфли, *гурава*—бездельник, *дырда*—подъем ноги, *јасар*—лентяй, *кап елəмəх'*—беседовать, *матрах*—кнут, *өтмəх'*—петь (о птицах), *солға*—раз, *тавын*—представитель борющихся стран, *тəјəлға*—прозвище, *хынзыр*—подлый, *чəһлим*—тропинка и т. д.

Айрумский говор

Айрумский говор входит в состав западной группы диалектов и говоров азербайджанского языка. В основном охватывает Кедабекский, Дашкесанский районы республики. Айрумский говор в рассеянном виде встречается также в Армянской ССР. Кроме общих черт, присущих западным диалектам и говорам азербайджанского языка, айрумский говор имеет свои узкодиалектные особенности, выражающиеся в следующем:

1) наличие в середине слов фрикативного *ғ*, например: *иғнə*—иголка, *дуғмə*—пуговица, *дөғмəг*—бить и т. д.; 2) наличие в начале и в середине слов аффрикаты *дз*; *дзиван*—молодой, *кəлəдзəм*—приеду, *адзам*—я голоден; 3) выражение категории сказуемости 1, 2 лица ед. ч. с узкими гласными: *алмышым*—я купил, *кəлерим*—иду, *дурорум*—я встаю, *көруфсүн*—ты видел и т. д.; 4) выражение категории сказуемости 1, 2 лица мн. ч. с широкими гласными: *алмышах*—мы купили, *кəлмишəх'*—мы пришли, *алыфсаныз*—вы купили, *кəлифсəниз*—вы пришли.

Нухинский диалект

Нухинский диалект охватывает Нухинский, Варташенский, Куткашенский районы Азербайджана. Он имеет свои специфические особенности:

1) широкая распространенность носовых гласных, где все гласные имеют свои носовые варианты; 2) переход *ə>е*, например: *ел*—рука, *ет*—мясо, *елли*—пятьдесят, *ејри*—кривой, *елех'*—сито, *демир*—железо, *деллех'*—парикмахер, *тер*—пот и т. д.; 3) переход *и>ə* например: *гəпəх'*—копейка, *һəмəшə*—всегда, *чəрмəлəнмəх'*—засучивать; 4) переход *е>и*: *илə*—делай, *иləси*—такие, *һисаф*—счет, *Илдер*—собственное имя, *Иреван*—Ереван и т. д.; 5) переход *ү>у*: *јүн*—шерсть, *јү*—мой, *сүтүн*—колонна и т. д.; 6) переход *и>ј* в середине слов: *чүјə*—цыпленок, *чији*—мать, *мејлис*—собрание и т. д.; 7) употребление усилительных частиц *һа* перед указательными местоимениями и наречиями, например: *һаинди*—сию минуту, *һабы*—это же, *һəблə*—такой и т. д.; 8) в 3 лице перфекта (прошедшее время), наряду с аффиксами *-ыф*, *-иф* употребляются *-ытды*, *-итди*, например: *алыф//алытды*—он купил, *кəлиф//кəлитди*—он пришел и т. д.; 9) специфические слова, характерные для Нухинского диалекта: *јүјүрмах*—лаять, *гавар*—камыш, *голчах*—кукла, *гытмыр*—скупой, *дадах//дадых*—нога, *дарышмах*—встречаться, *сығыр*—стадо крупного рогатого скота, *һүт*—безумный, сумасшедший, *хардалаш*—шалун и т. д.

Закатало-Кахский говор

Закатало-Кахский говор охватывает Закатальский и Кахский районы республики. Он имеет следующие особенности:

1) влияние кавказо-иберийских языков; 2) наличие смычно-гортанных звуков; 3) употребление специфических личных местоимений

3 лица, например: *hy//ho*—он, *hуннар//hоннар*—они: 4) употребление I и II лица личного местоимения в дательном падеже в форме *маға*—мне, *сағa*—тебе; 5) отсутствие притяжательных аффиксов 3 лица в определительных словосочетаниях, например *баш ағры>баш ағрысы*—головная боль, *гөз ағры<көз ағрысы*—глазная боль, *иш гун<иш күнү* раб чий день и т. д.; 6) из специфических слов, присущих этому говору, можно привести следующие: *шагга* —табун, род, клан, племя, *шәhрә*—улица, *гарагундеј*—кукуруза, *гуштугур*—борец, *бәбәрчин*—ласточка, *паланкеш*—дуршлаг, *атагар*—лес и т. д.

Ордубадский диалект

Ордубадский диалект охватывает Ордубадский и Джульфинский районы Азербайджанской ССР. Он имеет свои специфические особенности:

1) наличие аффрикаты *ц* в начале слов, например: *цал*—чалый, слепой, *цох*—много, *цөп*—щепка, *цадыр*—шатер, *цимир*—купается, *цај*—чай и т. д.; 2) переход *и>ү* под влиянием губно-губных согласных, например; *бүлдир*—„в прошлом году", *бүлмах*—знать, *шәкүл*—картина, *Мукајыл*—собственное имя; 3) в силу аспирации в начале слов *х* переходит в *h*, например; *hоруз*—петух, *hөрәх'*—обед, *hырда*—маленький, *hурма*—финик, *hал*—родинка и т. д.; 4) переход *к>к* в начале слов, например: *кечи*—козел, *кечид*—переход, *кечмиш*—прошедший, *кешниш* - кинза и т. д.; 5) нарушение сингармонизма в аффиксах; аффиксы часто выступают только с гласными заднего ряда, например: *кәлмах*—придти, *јәдых*—покушали, *әвдәјых*—мы дома, *кәлдыхда*—придя, и т. д.; 6) наличие аффиксов настоящего времени на *-ы, -и, -ыј, -ej*: *алысан*—покупаешь, *кәлисән*—идешь, *алы*—покупает, *кәли*—идет, *охшеј*—похож, *кечеј*—проходит и т. д.; 7) специфические слова для Ордубадского диалекта: *безден*—ящерица, *басдых*—фруктовая или ягодная колбаса, *бүрүшмә*—мужская одежда, сотканная из шерстяных ниток, *гумгума*—бутон, *гыраз*—клей, *hиндил*—ежевика и т. д.

Ереванский говор

Ереванский говор входит в состав южной группы диалектов и говоров азербайджанского языка и охватывает ереванский район Армянской ССР.

Кроме общих черт, которые объединяют ереванский говор с другими диалектами южной группы, он имеет свои специфические особенности, выразившиеся в употреблении *j* взамен литературного *н* в притяжательном аффиксе 2 лица мн. ч., в ед. ч. родительного, дательного, винительного падежей и в аффиксе сказуемости 2 лица мн. ч., например: *әлијиз*—ваша рука, *көзүјүз*—ваши глаза, *гушујуз*—ваша птица, *әлијин*—твоей руки, *әлијә*—твоей руке, *әлију*—твою руку.

Кроме этих диалектов и говоров, имеются еще переходные говоры, как бы являющиеся мостом от одной группы к другой. Сюда относятся 1) Геокчайский говор, 2) Агдашский говор, 8) Джебраильский говор.

Геокчайский говор

Являясь переходным говором между восточной и западной группами диалектов и говоров азербайджанского языка, геокчайский говор охватывает Геокчайский и Уджарский районы республики. В этом

говоре, наряду с особенностями восточных групп, имеются и особенности южных групп диалектов и говоров азербайджанского языка.

1) наличие в интервокальной позиции *ч* (восточная особенность) и *ж* (западная особенность), например: *бачы//бажы*—сестра, *кәтирәчәм//кәтирәжәм*—принесу и т. д.; 2) употребление в середине *к* (восточная особенность) и *j* (западная особенность) *икнә//ијнә*—игла, *икирми//ијирми*—двадцать и т. д.; 3) наличие в конце слов *ғ* и *к* (восточная особенность) и *х*, *х'* (западная особенность): *бытағ//бытах*—ветвь, *чөрәк//чөрәх'*—хлеб и т. д.; 4) употребление в конце слов дифтонга *оу* и *өу* (восточная особенности) и *оj*, *өj* (западная особенность), напр.: *бузоу//бузоj*—теленок, *бутөу//бүтөj*—целый и т. д.

Джебраильский говор

Джебраильский говор, являясь переходным говором между западной и южной группами диалектов и говоров азербайджанского языка, охватывает Джебраильский район Азербайджана.

В этом говоре, наряду с особенностями западных групп, имеются и особенности южных групп диалектов и говоров азербайджанского языка.

Западные особенности следующие:

1) наличие велярного *ӈ*, например: *гузуӈ*—твой ягненок, *гузурӈуз*—ваш ягненок, *алдыӈ*—ты купил, *алдыӈыз*—вы купили;

2) употребление в конце слов *ф*, например: *кәлиф*—пришел, *китаф*—книга и т. д.;

3) наличие *в* в интервокальной позиции: *чован*—пастух, *хавар*—известие и т. д.;

4) употребление аффиксов *-јы*, *-ји*, *-ју*, *јү* в винительном падеже, например: *гапыјы*—дверь, *дәвәји*—верблюда, *гузују*—ягненка, *сүрүју*—стадо.

5) употребление *ж* в интервокальной позиции: *гожа*—старик, *дуажам*—встану и т. д.

Южные особенности следующие:

1) наличие носовых гласных в притяжательных аффиксах и аффиксах сказуемости (2 лицо мн. ч.) например: *әлā*— твоей руке, *әлы̄*—твою руку, *алдыз̄*—вы купили и т. д.

2) переход *е>ә*: *әв*—дом, *сәвки*—любовь и т. д.

3) переход *о>а*: *ав*—охота, *алав*—пламя и т. д.

4) наличие в начале и в середине слов *ц*: *цимәнних'*—луг, *сыгырцын*—скворец и т. д.

5) употребление в начале слова *h* взамен *х*, например: *hоруз*—петух, *hырман*—гумно, *hәндәх'*—ров и т. д.

Как видно из вышеизложенного, в основе диалектного членения языка лежит лингвистический критерий, но на материале тюркских языков необходимо учесть и социальный критерий.

Ш. ШААБДУРАХМАНОВ

(*Ташкент*)

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Узбекский национальный язык в диалектном отношении занимает особое место среди других тюркских языков. В известной степени можно провести параллель между диалектным составом узбекского языка и диалектным составом азербайджанского языка с точки зрения их сложности. Оценивая диалектное своеобразие узбекского языка, крупный исследователь узбекских народных говоров проф. Е. Д. Поливанов в свое время совершенно справедливо отметил, что: „...ни один из тюркских языков СССР не обладает столь разными диалектными различиями, как узбекский язык..."

Отличия диалектного состава узбекского национального языка от других соседних тюркских языков наблюдаются во всех аспектах языкового процесса—фонетике, грамматике, лексике, и объясняются двумя причинами:

1) языковыми взаимодействиями между родственными тюркскими языками, относящимися к различным группам и

2) взаимодействиями между тюркскими и нетюркскими языками, прежде всего языковыми и этническими связями между узбекским и таджикским народами, которые в течение веков происходили и происходят на территории современного Узбекистана.

Исторически, если, разумеется, взглянуть на историю формирования узбекского языкового коллектива в общем плане, фонетические и лексико-грамматические различия явились следствием ряда последовательных миграций тюркских племен. Одним из древнейших племен были карлуки, которые оставили о себе след в различных узбекских говорах, особенно в городских. Последующим миграционным напластованием оказались огузские племена, элементы которых в различном соотношении прослеживаются в узбекских говорах. Наконец, позднейший слой составили кипчаки, наиболее компактно сохранившиеся в диалектном составе узбекского языка.

Для исторической диалектологии узбекского языка наиболее существенным является караханидское движение.

С караханидами в XI в. на территорию современного Узбекистана проникают тюркоязычные племена, а именно чигили, ягма, а также и карлуки в составе чигилей. Среди этих племен главную роль играли чигили. По указанию Махмуда Кашгарского, чигили занимали господствующее положение от Джейхуна до нижнего Чина. Не менее важная роль в составе караханидских тюркских племен принадлежала и уйгурам. Это, по сути дела, та языковая почва, на ко-

торой происходило постепенное формирование языковой общности, легшей в основу языка узбекской народности.

Сложная обстановка, в условиях которой формировался узбекский народ, в первую очередь отразилась на его нар дных говорах. Взаимодействие между родственными тюркскими племенами было только частью процесса, происходившего в истории формирования народных говоров узбекского языка. Другая часть процесса формирования узбекского языка, происходившая параллельно, связана с весьма длительным языковым контактом между тюркским племенем и инотюркскими этническими элементами. Следы этого отчетливо выявляются не только в лексике, но и в фонетике узбекского языка. В диалектологическом отношении наиболее существенными являются изменения в области фонетической системы, которые привели к частичному или к полному сокращению сингармонизма, как, например, в городских говорах узбекского языка. Именно этот признак (наличие или отсутствие сингармонизма) был положен проф. Е. Д. Поливановым в основу его классификации узбекских говоров. Не считаться с этим признаком, конечно, нельзя, учитывая, что связи между тюркскими племенами и нетюркскими элементами, прежде всего с таджикскими, действительно привели к появлению особых диалектных групп в составе узбекского языкового коллектива, отсутствующих в других тюркских языках.

Рассматривая современный узбекский язык в историческом плане, нельзя не присоединиться к выводу, что образовался он путем объединения трех генетически различных тюркских языковых общностей, которые и должны учитываться при распределении говоров узбекского языка по более крупным диалектным единицам или группам. Уместно напомнить здесь слова проф. Р. И. Аванесова: „...Диалектное членение языка, обусловленное всей многовековой историей народа, является членением сложным и многообразным“[1]. Вполне естественно, что при этом должны быть учтены нивелировка и объединение генетических различных узбекских народных говоров под действием литературного узбекского языка. В прошлом такому объединению препятствовали территориальная раздробленность (существование двух ханств и эмирата) и общий относительно низкий уровень экономических условий существования населения. В этих условиях диалектное объединение протекало лишь в рамках отдельных территориальных районов и имело характер частичной унификации. Иначе говоря, смещение и нивелировка языковых фактов осуществлялись через частичные процессы перекрещивания между ближайшими районами и не распространялись на всю глубину узбекской языковой территории.

Наречий в составе узбекского языка три: чигиле-карлуко-уйгурское, огузское и кыпчакское, каждое из которых характеризуется определенными языковыми признаками, объединяющими или, напротив, разграничивающими их.

Напомним в общих чертах, признаки, характеризующие эти наречия.

Огузскому наречию свойственно: наличие контрастирующих пар гласных (*уᴗу, оᴗө, ыᴗи, аᴗэ*); озвончение начальных глухих *т>д, к>г*, например: *даг*—гора, *гєл*—иди сюда; форма причастия будущего времени на *-джэк//джак*, например: *гелджэк, аладжак*—имею-

[1] Р. И. Аванесов. Учение о языке и диалекте... Сб. „Вопросы языкознания“, 1952, стр. 442.

щий взять, основа глагола „быть" *ол*; наличие, в отдельных случаях фонетического различия долгих и кратких гласных; форма родительного падежа на *-инг//-ынг*, винительного падежа на *-ы//-и*, и дательно-направительного падежа на *-а//-э* и другие признаки.

Признаками карлуко-чигиле-уйгурского наречия являются: наличие среднеязычного *й* в начале и в середине слова, например, *йок*—нет, *эйэк*—нога (не *адак*, *хатак*, *хазак*); сохранение конечных заднеязычных звуков *к*, *г*, *қ*, *ғ* после широких и узких гласных, например, *тэғ*—гора, *сарық//сарығ*—желтый, основа вспомогательного глагола „быть" *бол*; наличие глухих *т*, *к*.

К чигиле-карлуко-уйгурскому наречию относятся ташкентский, ферганский, андижано-шорхонский, наманганский, сарамкано-бухарский, джизако-каршинский, маргелано-кокандский и северноузбекские говоры.

Кыпчакское наречие характеризуется следующими признаками: наличием контрастирующих пар гласных; эволюцией конечного *ғ*>*в* после широких гласных (напр.: *тав*—гора); утрата конечных заднеязычных *к*, *г*, *қ*, *ғ* после узких гласных (напр.: *сары*—желтый, *кичи*—маленький); частично наличием в начале слова *дж*(<*й*), например: *джок*—нет; дифтонгизация начальных гласных верхне-среднего подъема (*йэ*, *уо*, *уө*); личные и указательные местоимения в дательном падеже *маған*, *саған*, *уған//оған*.

К кыпчакскому наречию относятся северо-хорезмские говоры и кишлачные говоры Ферганской долины, кураминские говоры Ташкентского оазиса и др.

Диалекты и говоры, входящие в состав указанных наречий, помимо общих признаков, имеют и свои узкодиалектные показатели. С точки зрения членения наречий на диалекты и говоры, наиболее сложным оказывается чигиле-карлуко-уйгурское наречие, в истории формирования диалектов и говоров которого языковые взаимодействия происходили наиболее сложно. Показательными в этом отношении оказываются городские говоры (в первую очередь ташкентский), которые продолжают сохранять известное количество фонетико-морфологических особенностей, относящихся к различным узбекским родоплеменным объединениям. Ср. например, факультативное чередование форм на *-аси* (*келаси йил*) и *-гу-*(*си*) (*келгуси йил*—будущий год). Махмуд Кашгарский относил форму на *-гу*(*-си*) к языку караханидских тюрков и форму на *-аси* считал огузской. Обращают на себя внимание и такие особенности, как появление и распространение фонемы *э* в городских говорах; наличие факультативного употребления *й//дж* в начальной позиции; *йур//джур*—иди, *йунг//джун*—шерсть *джийдэ// jігдä*. „Дивани лугати турк", *jігдä*.

Таким образом, не исключена возможность наличия очень сложной в диалектном отношении подпочвы формирования узбекских городских говоров, да и письменного староузбекского языка, на что не без оснований указывал П. М. Мелиоранский[2].

Оценивая общие результаты изучения узбекских городских говоров, следует признать, что целый ряд выводов и обобщений нуждается в дополнительных уточнениях, даже в том случае, когда речь идет о фактах общепризнанных. Взять хотя бы распространение фонемы *э* в говорах.

---

[2] П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. XII.

Появление оканья в узбекских городских говорах, объяснялось проф. Е. Д. Поливановым исключительно „иранизацией". В процессе „иранизации" исконно тюркский заднего ряда гласный *а* распадался якобы в сознании иранцев (таджиков), усвоивших тюркский (узбекский) язык, на две фонемы (*ə* и *ɔ*). Однако есть факты, которые позволяют в определенных случаях сомневаться в точке зрения проф. Е. Д. Поливанова.

Объективно существуют два различных типа фонем, а в связи с этим и два типа их распределения, т. е. два типа оканья, именно самаркандско-бухарского и ташкентско-ферганского. Несомненно, что и с генетической точки зрения эти факты различны, и поэтому требуют особого внимания исследователей.

В связи с диалектным членением языка необходимо уточнить и некоторые термины, поскольку в этой части наблюдается значительный разнобой.

В узбекской лингвистической литературе, наряду с термином „диалект", употребляются термины лах¡жа (наречие) и шева (говор) (лах¡жа в дореволюционной литературе обозначал даже самостоятельный язык). Лах¡жа обозначает понятие более широкое по сравнению с шева. Лах¡жа объединяет группу говоров, в общем сходных между собой, но имеющих частные различия. Шева (говоры) охватывают значительно более мелкие территориальные единицы, чем лах¡жа (наречия). Термин „диалект" в узбекской лингвистической литературе употребляется как в более широком значении — лах¡жа, так и в более узком значении шева. Термин „диалект" сейчас употребляется для обозначения диалектной единицы, средней между понятиями лах¡жа и шева.

Итак, с диалектным членением языка связано как уточнение понятий, вкладываемых в диалектные единицы языка, так и распределение этих диалектных единиц по определенным группам. Разбивка говоров и диалектов узбекского языка в разное время предлагалась его исследователями. В основу этих классификаций ложились различные признаки, а именно: территориальные (классификации проф. И. И. Зарубина и проф. К. К. Юдахина), этнические и династийные (классификация проф. Е. Д. Поливанова, частично проф. А. К. Боровкова), этнические (классификация проф. Газы Алима) и историко-лингвистические (классификации проф. А. К. Боровкова и проф. В. В. Решетова) и др.

Уточнение вопроса о диалектном членении узбекского языка позволит более четко определить и классификационные признаки.

Ш. Ш. САРЫБАЕВ

(*Алма-Ата*)

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Казахская диалектология как самостоятельная отрасль казахского языкознания сформировалась и получила развитие только в советский период. Дореволюционные исследователи непосредственно казахской диалектологией не занимались, хотя у них и есть некоторые высказывания о наличии или отсутствии диалектных различий в казахском языке. В опубликованных ими текстах встречается много диалектных особенностей. Нам известно, что В. Радлов отрицал диалекты в казахском языке. Позже А. Позднеев, И. Крафт, ссылаясь на высказывание В. Радлова, тоже отрицали их. П. М. Мелиоранский, ознакомившись поближе с языковыми материалами, не настаивал на своем мнении и позже признал, что язык казахов Оренбургской области отличается от языка казахов западной Сибири[1]. В советское время о диалектах в казахском языке говорили С. Е. Малов, С. Аманжолов, Н. Сауранбаев, Ж. Доскараев и др. Но в настоящее время есть языковеды, которые считают, что в казахском языке имеются только мелкие говоры (Г. Мусабаев и др.)

Собирание диалектных материалов было начато в 1937 г. С этого времени картотечный фонд отдела истории и диалектологии Института языка и литературы постепенно стал пополняться диалектными материалами. Но вплоть до 1950 г. в Казахстане не велось описательной работы. Только в 1951 г. вышла в свет работа „Местные особенности казахского языка" Ж. Доскараева и Г. Мусабаева—одна из первых описательных работ в области диалектологии. Появился ряд статей проф. С. Аманжолова, Н. Сауранбаева, Ж. Доскараева и других, в которых поднимались теоретические вопросы диалектологии. Но экспедиционное изучение, а также монографические описания говоров особенно интенсивно проходили за последние 5—6 лет. Вплотную к описательным работам мы приступили лишь в 1955 г.

В 1956 г. был составлен вопросник по собиранию диалектных особенностей казахского языка, вышел диалектологический словарь Ж. Доскараева. В 1959 г. была издана монография проф. Аманжолова „Вопросы диалектологии и истории казахского языка". Монографически описаны аральский, мангышлакский и чуйский говоры. В целях

---

[1] П. М. Мелиоранский. Зап. Вост. отд. русск. археолог. общества, т. XI, 1897—1898, стр. 363—364 (рецензия на кн.: В. В. Катаринский. Грамматика киргизского языка. Оренбург, 1897).

бесперебойного печатания диалектологических материалов Институт языка и литературы организовал систематический выпуск сборника „Вопросы истории и диалектологии казахского языка", три выпуска которых уже вышли в свет, и подготовлен очередной четвертый выпуск. Появились статьи молодых диалектологов Ж. Болатова, О. Накисбекова, С. Омарбекова, Г. Калиева и др. В настоящее время монографически изучаются восточная, западная и южная группы говоров.

Материалы последних двух десятилетий показали, что в казахском языке есть говоры, которые по сумме общих признаков объединяются в более крупные единицы—в группы говоров или диалекты.

В казахской диалектологии много спорных вопросов. Одним из них является вопрос о классификации диалектов, на котором мы хотим остановиться. В диалектологической литературе нет еще единого мнения в вопросе о количественном составе говоров и о диалектной основе казахского литературного языка.

Впервые со своей точкой зрения о классификации говоров выступил покойный проф. Аманжолов, который выделил три диалекта:

1. Южный диалект. Территория распространения: Алма-Атинская, Талды-Курганская[2], Джамбулская, Южно-Казахстанская и часть Кзыл-Ординской области.

В качестве признаков этого диалекта приводятся чередования *п/б, л//д, т//д, е/а, ы, с/ш* и другие, а также глагольные формы *баралы* вместо *барайык*; *барғын, барын,* вм. *бар*; *барғым бар* вм. *барғым келеді*; падежное окончание на ***ынан/бынан***: *атпынан келді//атпінен келді* вм. *атпен келді*. Приводится много лексических особенностей.

2. Западный диалект. Территория распространения: Западно-Казахстанская, Гурьевская, Актюбинская, часть Кустанайской и Кзыл-Ординской областей.

Указываются чередования *о/ұ, д/ж, г/ш, ш/д, м/л, т/б* и др. Приводятся глагольные формы *барулы* вм. *барды*; *жатырған* вм. *жатқан жасай келгенде* вм. *жаска келкенде* и др.

3. Северо-Восточный диалект. Территория распространения: Акмолинская, Северо-Казахстанская, Павлодарская, Карагандинская, Кокчетавская, Восточно-Казахстанская, Семипалатинская, большая часть Кустанайской области. Никакие характерные признаки этого диалекта не приводятся[3].

Автор считает, что Северо-Восточный диалект лег в основу казахского литературного языка. Это утверждение вызвало возражения со стороны некоторых казахских языковедов. Мы не можем сказать, что интерпретация языковых фактов автором проделана безупречно. В фактических материалах много неточностей. Это объясняется прежде всего некритичным отношением автора к дореволюционным источникам, в которых много искажений, книжных и других элементов. Например, книжные элементы *алдундан, ятса, йол, ясаткан* и другие, встречающиеся в поэме „Козы-Корпеш—Баян-Сулу", автором ошибочно относятся к диалектизмам. А дореволюционные источники для автора являлись основными, из которых он черпал диалектные материалы. Некоторые диалектные явления носят узколокальный характер и не присущи всему диалекту. Имеются в работе и такие явно диалектные слова, которые автор относит к литературной норме.

[2] Ныне упразднена и включена в состав Алма-Атинской области.

[3] См. С. А. Аманжолов. О диалектах казахского языка. „Вопросы языкознания", 1953, № 6; его же. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. 1, Алма-Ата, 1959.

Но несмотря на такие неточности, все же классификация проф. Аманжолова заслуживает внимания. Мы строим свою классификацию на основе классификации проф. Аманжолова.

Выделение южного и западного диалекта мы считаем правильным. Но восточная группа говоров вместе с центрально-северной группой напрасно отнесена к одному „северо-восточному диалекту" (терминология Аманжолова).

Кандидат филологических наук Ж. Доскараев предложил иную классификацию. Казахские диалекты им делятся на две большие группы:

1. Юго-восточная группа. Территория распространения: Южно-Казахстанская, Джамбулская, Алма-Атинская, юго-западные районы бывшей Талды-Курганской области и юго-восток Кзыл-Ординской области (Чилийский, Жана-Курганский и другие районы).

2. Северо-западная группа. Территория распространения: Западно-Казахстанская (до западного предела приуральских районов), Актюбинская, Гурьевская, Кустанайская, Карагандинская, Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, некоторые районы Кзыл-Ординской, (Казалинский, Аральский и др.) и некоторые районы Семипалатинской (Абралинский, Абаевский, Чубартавский и др.) областей.

В основу подразделения на юго-восточные и северо-западные группы говоров Ж. Доскараевым положены фонетические признаки. Наличие *ч* и *ж* в юго-восточной группе при соответствии им *ш* и *ж* в северо-западной, употребление звонкого *д* в северо-западных при соответствии ему *л* в юго-восточных (*мандай-манлай*), преимущественное наличие в начале слова звонкого *б* в северо-западных говорах при *б/п* в юго-восточных (*бейнет-пейнет*). Указывается на чередования *н/н*, *с/ш*, *т/д*, *ж/ш*, *а/э*, *а/ы* и др. Употребление в северо-западных говорах форм *барулы* вм. *барды*; *бара жатырған* вм. *бара жаткан*; *баражак*; параллельное употребление некоторых падежных окончаний и др. Указывается на употребление в юго-восточных говорах форм *барғын* вм. *бар*; *барғым бар* вм. *барғым келеді*; *арбамынан* вместо *арбамен*; *көрелі* вм. *көрейік* и др. Приводятся также лексические материалы.

Что касается восточной группы говоров, то Ж. Доскараев считает, что она, по имеющимся в наличии материалам, больше приближается к юго-восточной группе говоров, чем к центрально-северным, и склонен рассматривать ее в качестве переходных говоров[4].

Проф. Сауранбаев также предлагает выделить две основные группы диалектов. Это группа диалектов *ш, д* (*шапан, шал, мандай*) на севере и западе и *ч, л* (*чапан, чал, манлай*) на юге и юго-востоке[5]. Эта классификация, по существу, аналогична с классификацией Ж. Доскараев.

Экспедиционные изучения за последние 10 лет дают материалы для предварительной постановки некоторых вопросов, связанных с группировкой говоров казахского языка. При классификации говоров на отдельные группы мы в первую очередь учитываем явления не узколокального, периферийного характера, а явления „генеральные", имеющие характер крупнотерриториального распространения, т. е. мы учитываем величину диалектных явлений, районы распространения

[4] См. Ж. Доскараев. Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка. „Вопросы языкознания", 1954, № 2.

[5] См. Н. Сауранбаев. Диалекты в современном казахском языке. „Вопросы языкознания", 1955, № 5.

которых в некоторых случаях совпадают, а в некоторых случаях перекрывают друг друга.

В вопросе о выделении южной группы говоров у диалектологов разногласий нет, если не считать разнобоя относительно самого названия („юго-восточная" — по Доскараеву и Сауранбаеву и „южная" — по профессору Аманжолову). Но, нам кажется, не следовало бы объединять западную и центрально-северную группы говоров в одну группу, как это делают Ж. Доскараев и Н. Сауранбаев. Здесь соединяются в одну группу довольно разнохарактерные, разнотипные говоры, которые не объединимы ни грамматически, ни лексически.

Нужно учитывать все структурные особенности говоров. Грамматические, фонетические и лексические особенности говоров должны рассматриваться в единстве. В казахских говорах эти языковые явления, определяющие границы групп говоров, выступают не равномерно и не в одинаковой степени. Если в южной группе говоров на первом плане фонетические и грамматические особенности, то западная группа говоров прежде всего характеризуется своими специфическими грамматическими формами, а центрально-северная группа — больше всего лексическими особенностями. Учитывая все это, нужно различать следующие группы говоров.

Южная группа говоров. Территория распространения: Алма-Атинская, Джамбулская, Южно-Казахстанская области и часть Семипалатинской и Кзыл-Ординской областей.

Характерные черты: наличие глаголов повелительной формы на *ғын/гін, —қын/кін*. Например: *келгін* — приди, *алғын* — возьми. Наличие своеобразной сложной формы желательного наклонения: *барғысы бар* вм. *барғысы келеді* — хочет пойти, *барғысы жоқ* вм. *барғысы келмейді* — не хочет пойти. Наличие падежного окончания *-мынан* (*бынан*), *-пынан*. Например: *атпынан//атпінен барды* вм. *атпен барды* — поехал на лошади, *арбамынан//арбамінен келді* вм. *арбаменен келді* приехал на телеге. Оглушение звонкого *б* в начальной позиции слова: *пайқау* вм. *байқау* — попробовать, быть осторожным, *путақ* вм. *бұтақ* — ветка и др. Чередование носовых *н//ң*: *өлең* вм. *өлең* — песня, *қалың* вм. *қалың* — толстый и др. Частое выпадение звука *л* при изменении форм глагола: *барамай* (*бара алмай*), *боса* (*болса*) и др. При выделении южной группы говоров следует особо интерпретировать изоглоссу локанья. Например, *манлай* вм. *маңдай* — лоб, *таңлай* вм. *таңдай* — небо и др.

Некоторые диалектологи одним из признаков южного диалекта считают чоканье. Это, с одной стороны, правильно. Но тут следует оговориться, так как чоканье на этой территории не характерно для всех Кзыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Джамбульской областей.

В лексическом отношении для южных групп говоров характерны слова: *там* вм. *үй* — дом, *кемпірауыз* — клещи, *шопақ//шөпек* вм. *дән* — косточки, *ауға шығу* вм. *аңға шығу* — выходить на охоту, *чанда* вм. *анда-санда* — иногда, *сорау//сурау* вм. *билеу* — управлять, *әпке* вм. *апа* — *сестра*, *ашты* вм. *ащы* — горький, кислый, *шамбе//сама* вм. *шама* — чайный отвар, *дарбыз* вм. *қарбыз* — арбуз и др. Южная группа говоров характеризуется тем, что она очень богата профессиональными словами, связанными с бахчеводством, садоводством, хлопководством, и словами, связанными с оросительной системой. Например: *сәбіз* — морковь, *сарымсақ* — чеснок, *кулақ* — лепесток хлопчатника, *қауашақ* — коробочка хлопчатника, *басыпалды*, *торлама*, *ақұрық*, *кемпірқауын*,

қ|ызылурық|—сорта дынь, *уақ| арық*, *оман арық|*, *жап арық|*, *қ|улақ*—виды каналов для орошения и др. Южная группа говоров обогащает литературный язык профессиональными словами.

Южная группа говоров включает в свсей состав более мелкие говоры. Проф. Н. Т. Сауранбаев и Ж. Доскараев предлагают различать сыр-дарьинский, чимкентский (или арысский) и семиреченский говоры.

Западная группа говоров. Территория распространения: Западно-Казахстанская, Гурьевская, Актюбинская, часть Кустанайской и Кзыл-Ординской областей.

В качестве объединяющих признаков говоров западной группы выступают следующие особенности: морфологический показатель—употребление формы личного окончания 2-го лица на *сың|ыз-сің|із*. Например: *Сіз қ|айда барасың|ыз?*—вы куда идете? Наличие глагольной формы будущего времени на *-жақ|-жек|*. Например: *айтажақ|*—скажет, *баражақ*—пойдет и др. Наличие глагольной формы прошедшего времени на *улы-улі*: *Ол Теке қаласына барулы* вм. *Ол Орал қ|аласына барды*—он ездил в город Урал; наличие формы повелительного наклонения *барың|*! иди! вм. *бар*; *қалың|*! вм. *қал*!—останься. Эта форма особенно характерна для Мангышлакского говора. Наличие формы глагола *бара жатырған//баратырған* вм. *бара жатқан*—шедший. Употребление некоторых специфических форм местоимений, например: *бізің|*, *сізің|* вм. *біздің|*, *сіздің*—наш, ваш, *тонау//тона//төнеки* вм. *анау*, *әнеки*—вон, там, *шығайда*, *шығантоғайда* вм. *кейде*, *анда-санда*—иногда, редко.

Некоторые формы требуют дополнительного уточнения. Например, в Ключевом, Темирском, Карабутакском районах Актюбинской области отмечены формы *жүрем шығар* вм. *жүретін шығармын*—может быть, я поеду, *айтасың| екен* вм. *айтады екенсің*—оказывается, ты говоришь, *барасың| екен|* вм. *барады екенсің|*—оказывается, ты ходишь. Нужно уточнить степень распространенности этих явлений. Поэтому мы их не привлекаем для иллюстрации западных групп говоров.

Из фонетических особенностей можно указать на следующие: наличие чередования *а/—ұ*, *о/ұ*. Например: *құлдану—қ|олдану*—применять, *аз-мұз—аз-маз*—немного, чуточку, *жұмалау—домалау*—катиться, *орпақ|—ұрпақ|*—поколение, смена, *ақ|сау—ұқ|сау*—быть похожим, *тонау—тұнеу*—тот, то, *марқ|ом—марқ|ұм*—покойный, *қ|ұрытынды—қ|орытынды*—вывод, итог и др. Наличие чередования *ж/ш*: *ырғалу—шығалу—ырғалу—жырғалу*—раскачиваться, растягивать, *шаппа пышақ|—жаппа пышақ|*—складной нож, *шаршау—жаршау*—занавеска, *келемеш—келемеж*—дразнить и т. д. Озвончение начального звука *п* преимущественно в заимствованных словах, например: *беш—пеш*—печь, *балау—палау*—плов, *балуан—палуан*—богатырь, *бапа—папа*—папа, *бейіл—пейіл*—намерение, *бияла—пияла*—пиалушка, *бұт—пұт*—пуд и т. д. Наличие чередования *ж/д*. Глагол *домалау*—катиться в западном диалекте иногда выступает в форме *жұмалау*, последняя в постоянно жокающей форме употребляется в загадке „*Таудан тас жұмалайды, бірін—бірі қ|уалайды*“—букв. С горы катятся камни, догоняя друг друга.

Следует указать на специфические слова и словосочетания, характерные для данной группы говоров: *сой* вм. *тұқым*—род, *нобайы* вм. *түгел*, *бәрі*—все, целиком, *дырау* вм. *үлкен*, *зор*—большой, громадный, *бойлай* вм. *ылғи*, *өнебойы*—всегда, постоянно, *ірә жақ|сы* вм. *өте жақ|сы*—очень хорошо, *жандық|* вм. *ұсақ| мал*—мелкий рогатый скот, *сиыр-сыбыр* вм. *сиыр-миыр*—корова и другой подобный скот (букв. корова-морова), *азын-шоғын* вм. *азды-көпті*—мало—немного,

калай-солай вм. *калай болса-солай*—как попало *мә!—ә!*—междометие удивления, укоризны, *отырғыш* вм. *орындық*—стул, *көпшік* вм. *жастық*—подушка, *құдағай* вм. *құдағи*—сватья, кума, *жар газеті* вм. *қабырға газеті*—стенная газета, *не зат?* вм. *не нәрсе?*—что такое? что случилось?, *жарын* вм. *келесі жылы*—будущий год, *шандоз* вм. *керемет, әдемі*—красивый, великолепный, величавый, *ілкі әзірде* вм. *алғашқы кезде*—вначале, сперва, *жұмыс жасау* вм. *жұмыс істеу*—работать, *аман өрдің бе?* вм. *аман түрдың ба?*—утреннее приветствие, *я ғой, я ма?* вм. *жарай ма?*—не так ли? *беркіту*, вм. *бекіту*—закреплять, укреплять, *бырыткыру* вм. *былықтыру*—беспорядок и многие другие.

Значительные пучки изоглосс обрываются где-то между Актюбинской и Кустанайской областями на востоке и где-то между Аральском и Кзыл-Ордой на юге.

Кроме общих черт, которые объединяют западную группу говоров, имеется немало местных особенностей, на основе которых можно выделить отдельные говоры в составе западной группы. В первую очередь по ряду признаков можно выделить мангышлакский говор, уже описанный монографически. В отличие от других говоров западного диалекта он имеет свои специфические особенности. К ним относятся: а) наличие ярко выраженного чоканья: *чал, чапан, тігінчі* и др.; б) наличие чередования *с/ш*: *машкара* вм. *маскара*—безобразие, *тұрмыш* вм. *тұрмыс*—жизнь, *мышық* вм. *мысық*—кошка и др. Это чередование отмечено также в ординском говоре[6]; в) наличие формы желательного наклонения 1-го лица мн. ч. *баралы, айталы* вм. *барайық, айталық*—пойдем, скажем; г) наличие форм будущего времени: *барур, келур*, вм. *барар, келер*—пойдет, придет и др.: д) частое употребление форм повелительного наклонения *барың! келің!* вм. *бар! кел!*—пойди! приди! и др[7].

В составе западного диалекта можно выделить ординский говор, который характеризуется сильным влиянием татарского и башкирского языков. Это влияние было подмечено П. М. Мелиоранским еще в конце прошлого века[8].

Центрально-северная группа говоров. Территория распространения: Северо-Казахстанская, Кокчетавская, Акмолинская, Павлодарская и часть Кустанайской, Карагандинской и Семипалатинской областей. Эта группа говоров в основном характеризуется лексическими особенностями. Например, преимущественное употребление *оң, ды* вм. *жақсы, тәуір*—хороший, *есебі* вм. *айталық, мысалы*—скажем, например, *кигіз үй* вм. *киіз үй*—юрта, *кайыра* вм. *кайта*—обратно, *нөгер* вм. *нөкер*—свита и др. Характеризуется значительным влиянием русского языка.

В фонетическом отношении центрально-северная группа говоров больше приближается к западным группам, чем к остальным, а в грамматическом отношении—к восточным группам говоров.

Очень сложно обстоит дело с восточной группой говоров. Это наименее изученная часть территории Казахстана, и материалы экспедиции еще не дают основания для каких-либо выводов. Дело в том,

---

[6] Ә. Бөрібаев. Орда говорының кейбір фонетикалық ерекшелі ктері. „Изв. АН Каз. ССР", серия филол. и искусст. 1959 (1958), № 1—2 (8—9).

[7] С. Омарбеков. Мангышлакский говор казахского языка, автореф. канд дисс. Аяма-Ата, 1960.

[8] П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I Фонетика и этимология. СПб., 1894, стр. 2.

что на востоке недостаточно изучены языковые особенности казахов Восточно-Казахстанской и части Семипалатинской областей, не говоря о совершенной неизученности языка казахского населения Монгольской Народной Республики и Китайской Народной Республики. А пока, судя по материалам экспедиции, собранным в Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областях, эта группа говоров по одним своим признакам (особенно чоканьем и джоканьем, которые ранее были подмечены В. Радловым и А. Самойловичем) приближается к южной, а по другим—к центрально-северной группе говоров. Но восточная группа говоров имеет свои специфические особенности. Например, наличие своеобразной формы изъявительного наклонения *барғайы отыр* вм. *барғалы отыр*—собирается идти, *келгейі отыр* вм. *келгелі отыр*—собирается прийти, *адам сиық|ты* вм. *адам сияқ|ты*—подобно человеку и др.

Экспедиционные поездки кандидата филологических наук Ж. Болатова, который специально занимается изучением восточных групп говоров, выявили некоторые языковые особенности в языке населения восточных районов Казахстана.

Например, озвончение начальных звуков некоторых аффиксов, особенно аффиксов множественного числа (*биедер, бауырдар, үйдер, зордык, бірді—жарым, үрдап кету*, вм. *биелер, бауырлар, үйлер, зорлык, бірлі жарым, үрлап кету*); наличие специфических слов: *борми* вм. *жүгері*—кукуруза, *әскере, киын* вм. *өте*—очень, употребление в отрицательном значении слова *ерсі*—плохой, неважный. В литературном языке это слово употребляется в значении хороший, положительный. *Этейі -әдейі*—нарочно, *алал/адал*—честный, *екен-саяк-некен-саяк*—мало, редко, *шекті/шейін*—до, *тұрғай/түгіл*—не только, *к|алайшан|?/калайша?*—как?, *жоян/зор* большой, *жылк|ауз/тістеуік*—клещи, *шекілі деуік/семішке*—семечки, *емесе/немесе*—то, тогда) и др[9].

На стыке перечисленных групп говоров безусловно имеются переходные районы, в которых господствует смешанное употребление особенностей двух смежных групп говоров. Границы этих говоров пока еще точно не установлены.

Данную классификацию мы не считаем окончательной. К тому же еще ясно не определено место восточных групп говоров в системе классификации. Мы еще не располагаем точными данными об изоглоссах того или иного явления. К тому же имеются районы, которые еще не охвачены экспедиционным изучением. Совершенно неисследованы диалектные особенности казахов, проживающих за пределами Казахстана. А значительное по численности казахское население имеется на территории Узбекской ССР, Каракалпакской АССР, в Ашхабадской области Туркменской ССР, в Астраханской, Волгоградской, Оренбургской, Челябинской и Омской областях РСФСР. За пределами СССР казахи живут в северных округах провинции Синьцзян Китайской Народной Республики, а также в юго-западных аймаках Монгольской Народной Республики. Все эти районы пока остаются неизученными. Поэтому мы считаем, что правильнее будет воздержаться от окончательных выводов до последних обстоятельных исследований и до более обстоятельного сбора материалов.

---

[9] Ж. Болатов. Семей облысы Көкпекті, Ақ|суат аудандарында тұратын қ|азақтардың| тіліндегі кейбір диалектілік ерекшеліктер туралы „Қазақ| тілі тарихы мен диалектологиясының| мәселелері", 1960, 3-шығуы.

Мы все еще не можем смело использовать в качестве иллюстративных материалов многие языковые явления. Это объясняется тем, что еще не уточнены границы распространения тех или иных явлений. К ним относятся: чередование *й//ж* или выпадение *ж* на стыке двух слов. Например: *о йак* вм. *о (л) жақ*$_1$—та сторона, *бұ йақ*$_1$ вм. *бұ (л) жақ*$_1$—эта сторона; *баратыр* вм. *бара жатыр*—идет туда; явление джоканья; мягкое произношение гласных многих слов преимущественно в южных районах в отличие от западных и северо-восточных районов. Не ясны границы употребления следующих фонетических пар: *акшадай//ақшалай алды*—получил деньгами, *тірілей//тірідей алып келді*—привез живьем, *ыссы//ыстық*—горячий, *ашты//ащы*—горький; не ясна степень распространенности конструкции *барды емес пе?*—разве он не ходил?, *келе жатыр емес пе?*—разве он не идет? и др.

Говоры казахского языка испытали значительное влияние соседних языков, особенно родственных, которые в смежных территориях живут не только в соседстве, но и смешанно. Южные говоры испытали влияние узбекского, киргизского, уйгурского языков; западные говоры—татарского, башкирского и туркменского языков; восточные говоры—уйгурского и частично монгольского и китайского языков.

Из неродственных языков в говорах мы больше всего находим русские и арабо-персидские элементы. Арабо-персидские элементы больше всего наблюдаются в южных говорах, которые, видимо, проникли через узбекский язык, например: *айуан*—сени, балкон, терраса. Ср. перс. ایوان [эйван]—балкон, открытая галерея, терраса, портик, выступ (дома) с окнами; *әк*—известь. Ср. перс. آهک [ahäk]—известь, *әтір*—одеколон, духи. Перс. عطر [этр. ätr]—1) духи; 2) благовония аромат; *бадыран*$_1$—огурцы. Перс. بادرنگ [бадрäнг] род цитрусовых. Из иранских языков берут начало слова *әтешкір*—щипцы, *кәкпір//кәпкір*—шумовка, *к*$_1$*ораз*—петух, *дарбыз*—арбуз и др.

Значительное влияние на западные и северо-восточные говоры оказывает лексика русского языка, Например: *запон*—фартук, *курамыс*—коромысло, *шабата*—чобот, *пөзір*—пузырь, *мәнет//манат*—монета, *оғлоб*—оглобля, *бедре*—ведро и др. Из монгольского языка заимствованы *арасан*—целебный источник, *жамбыл*—крепость и др.

В восточных говорах из китайского языка заимствованы слова: *борми* (кит. баоми)—кукуруз, *думбе* (кит. дунмай//*дунмо*)—озимь, *буызы* (кит. фуцзы)—отруби, а также *лобы* (кит. *лобо*—редька, *лазы* (кит. лацзяо)—перец и др.

Все эти слова являются продуктом метизации и гибридизации. Впереди предстоит большая работа по выявлению степени влияния соседних языков, по выявлению первичных и вторичных элементов в говорах.

Ныне в Казахстане происходит активный процесс разрушения местных диалектов, их нивелировка, приближение речи аулов к нормам литературного языка. В современных условиях молодежь постепенно отходит от диалектных норм и приобщается к литературному языку. И такие наблюдения, которые можно будет сделать сегодня, будут невозможны через 10—15 лет. Об этом хорошо сказано в статье И. К. Белодеда и А. С. Мельничука: „В связи с усиленным стиранием диалектных отличий языка при переходе от социализма к коммунизму возникает и чисто профессиональная задача перед диалектологией, наиболее полно зафиксировать доступные пока для наблю-

дения диалектные явления, которые уже в недалеком будущем могут окончательно исчезнуть и, таким образом, навсегда оказаться потерянными для языковедческой и исторической науки. В наибольшей степени это касается лексических особенностей диалектов"[10]. Поэтому мы не можем равнодушно смотреть, как на наших глазах исчезают живые свидетели старины, которых давно уже коснулась гибельная рука вымирания. И мы должны и обязаны сделать максимум возможного, чтобы сохранить материалы народных говоров. Для этого нам нужно спешить с собиранием диалектных материалов, спешить, пока казахский литературный язык не успел поглотить их в себе.

Чтобы еще более оживить работу в области диалектологии Институт языка и литературы из года в год увеличивает число экспедиционных выездов. Отрадно отметить, что в настоящее время в отделе истории и диалектологии работают 10 человек, против трех в 1955 г. В следующем году намечено начать работу по картографированию диалектных особенностей. Уже составлен план порайонного исследования южных, восточных и частично западных групп говоров. Впереди предстоит большая экспедиционная работа. Объем предстоящих работ очень велик. Нам нужно охватить изучением многие районы, не говоря уже о территориях с казахским населением, расположенных за пределами Казахстана.

Перед диалектологами стоят следующие задачи: продолжение описания говоров казахского языка во всех лингвистических аспектах; лингво-географическое исследование диалектных явлений, которое предполагает создание диалектологического атласа казахского языка; составление диалектологических и областных словарей; решение вопросов классификации говоров и проблемы диалектной основы казахского литературного языка.

[10] И. К. Белодед, А. С. Мельничук. Вопросы развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму. „Вопросы языкознания", 1959, № 5, стр. 10—11.

Т. А. БЕРТАГАЕВ

(*Москва*)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

В каждом языковом подразделении, будь оно говор, диалект или наречие, имеется своя лексическая норма, которая в нем строго соблюдается. Носители того или иного подразделения всегда придерживаются той лексической нормы, которая традиционно установилась в этом языковом подразделении.

В силу этого лексические особенности представляют собой не менее устойчивый критерий разграничения языковых подразделений, чем фонетические и грамматические признаки.

Но особенности лексической нормы того или иного подразделения отражены не столько в отдельных словах, сколько в так называемых дифференциальных группах слов и их отношениях, выводимых путем сравнительного или сопоставительного анализа словарного состава разных языковых подразделений. В результате пятилетнего сравнительного изучения лексики различных бурятских говоров и диалектов, мной были установлены три основные дифференциальные группы слов, которые называю: коррелятивными, деривативными и разностными.

К коррелятам отношу такие слова, которые сосуществуют в разных языковых подразделениях, имея различные фонетические оболочки, но одинаковое значение. К примеру в эхиритском говоре: *дамжуурга*, в унгинском: *аврюулга* — лестница, в восточном диалекте: *сонхо*, в западном *шагаабар* — окно.

К деривативным относятся слова, имеющие разные производные значения в разных языковых подразделениях: *гэшхуур* — „лестница“ в аларском и „ступенька“ в булагатском, *оток* — „землянка“ в аларском и „место ночевки в пути, постоялый двор“ в булагатском, и т. д.

Но слова с таким смысловым отклонением в своем языковом подразделении представляют собой совершенно особую словесную и номинативную единицу, чем в другом языковом подразделении. Слово *гэшхуур* — лестница в аларском и слово *гэшхуур* — ступенька в булагатском, конечно, не одно и то же слово. Если их переместить и поменять местами, то они не совместимы с лексической нормой соответствующего языкового подразделения.

К разностной группе слов я отношу такие слова, которых нет в другом или других языковых подразделениях из-за отсутствия в данной местности тех или иных реалий. Например, в говорах западного

диалекта бурятского языка отсутствуют слова верблюдоводческой и буддийской лексики, а также слова, относящиеся к войлочной юрте, к некоторым видам одежд, украшений и т. п., которые имеют широкое распространение в так называемых восточных говорах бурятского языка.

У западных бурят не было никогда верблюдов, войлочной юрты и буддийской религии и, естественно, вся обиходная лексика, имеющая отношение к этим видам реалий, абсолютно отсутствует в западных говорах.

Но все эти три группы слов: коррелятивные, дериватные и разностные не представляют собой нечто однотипное во всех отношениях. Они имеют свои подгруппы. Среди коррелятов и дериватов различаются подгруппы неизвестных и известных, несовпадающих и совпадающих коррелятов и дериватов, а среди разностных: абсолютные и относительные.

Соответственные пары слов, составляющие корреляты, бывают неизвестны обоим сравниваемым языковым подразделениям, но бывают и известны.

Например: корреляты *шидага* (булагатское) и *тэпшэ* (мухоршибирское) — деревянное блюдо, неизвестны соответственно ни одному из сравниваемых языковых подразделений: слово *шидага* неизвестно мухоршибирскому говору, слово *тэпшэ* неизвестно булагатскому говору. А в коррелятах *уһэн* (бул.) и *нооһон* (ал.) — волосы, оба компонента известны сопоставляемым языковым подразделениям в том или ином виде. Булагатское слово *уһэн* — волосы, известно представителям аларского говора, хотя не употребительно, а аларское *нооһон* — волосы известно в булагатском в значении „шерсть".

Но „неизвестность" и „известность" может быть двусторонней или односторонней. Приведенные примеры относятся к „двусторонним", т. е. к таким, у которых неизвестны или известны обе соотносительные пары.

Например, в коррелятах *гурил* (вост.) и *талхан* (зап.) — мука, первый компонент неизвестен западному говору, зато второй компонент *талхан* известен восточному диалекту в значении „хлеб". Поэтому мы различаем корреляты с двумя и одним неизвестным, с двумя или одним известным.

Нередко одна из соотнесенных пар может иметь эквивалент в какой-нибудь из точек другого языкового подразделения или в другом языковом подразделении в целом. „Колыбель" в аларском *өөвээ*, а в булагатском *улгээ*. Но последний компонент встречается в одной из точек аларского говора, в сел. Улзетутуе. Понятие „равнина" в мухоршибирском говоре *тольво*, а в булагатском *тэхшэ газар*. Но последнее наблюдается в мухоршибирском говоре. Вследствие всего этого выделяются совпадающие или несовпадающие корреляты или дериваты.

Дериваты, кроме совпадающих и несовпадающих, бывают близкими и отдаленными. К близким относятся дериваты, имеющие такие отклонения в своих значениях, которые представляют как бы оттенки одного значения: *батаганаан* — муха (мух.) и *батагана* — комар (бул.), а к отдаленным такие, которые утратили свою непосредственную связь или в которых связь бывает прервана: *хото* — хлев (ал.) и *хото* — город (халх.).

Разностные или остаточные слова могут быть относительными и абсолютными. Относительно разностные слова — это слова, исчезнувшие в данном языковом подразделении, но имеющиеся в другом язы-

ковом подразделении. К таковым относится, например, слово *улхэн* — степь, исчезнувшее в булагатском говоре, но сохранившееся в унгинском, или слова шаманистического культа, сохранившиеся в булагатском говоре, но исчезнувшие в мухоршибирском.

Абсолютно разностными являются слова, которых не было и не могло быть в данном языковом подразделении из-за отсутствия соответствующих понятий и реалий. Например, слово *адислалта* — благословение неизвестно западным бурятам, как и *хом* — верблюжий хомут, ибо у западных бурят не было буддийской религии, в кодексе которой принят такой ритуал, как благословение, у них также отсутствовали в хозяйстве предметы и понятия имеющие отношение к верблюдоводству.

Из 1300 собранных нами различных наименований на уровне говоров (аларского и булагатского) коррелятов оказалось 19,8% к общему числу представленных слов: дериватов 8,1%, разностных слов — меньше 1%.

На уровне диалектов (мухоршибирского и булагатского говоров) из 1450 слов набирается коррелятов — 476, что составляет 34,7%. С двумя неизвестными на уровне говоров из общего количества коррелятов (аларь — булагат) — 0,38%, словом, равно нулю. На уровне диалектов 9,84%. На уровне говоров с одним неизвестным — 63, что составляет 24%. На уровне диалектов — 160, что составляет 33,6%.

При исследовании ряда бурятских говоров и диалектов выявилось, что к общему числу собранных слов:

А. Коррелятов на уровне говоров в два раза меньше, чем на уровне диалектов. 2. Корреляты с двумя неизвестными на уровне говоров равны нулю, следовательно, эта группа коррелятов не характерна для говоров, она появляется на уровне диалектов. 3. Коррелятов, совпадающих на уровне говоров, больше в два раза, чем на уровне диалектов, а несовпадающих, наоборот, меньше в два раза, чем на уровне диалектов.

Б. Дериватов, близких на уровне говоров, почти столько же, сколько на уровне диалектов к общему числу собранных слов. 2. Отдаленных дериватов на уровне говоров в полтора-два раза меньше, чем на уровне диалектов. 3. Совпадающих дериватов на уровне говоров в девять раз больше, чем на уровне диалектов, а несовпадающих, наоборот, меньше в два с половиной раза.

В. Разностных слов к общему числу на уровне говоров в 10 раз меньше, чем на уровне диалектов. 2. Абсолютно разностных на уровне говоров меньше в два раза, чем на уровне диалектов. Вот такова картина лексической характеристики языковых подразделений по вертикальному ряду в бурятском языке.

Частные или локальные компоненты дифференциальных групп. При наличии строгой нормированности словарного состава языковых подразделений, локального или местного словотворчества, константности значений, архаичности слов, разнохарактерности заимствований и т. п.— естественно, должны быть такие члены дифференциальных групп, которые характерны только для данного, определенного языкового подразделения. Такого рода несквозные и локально ограниченные члены дифференциальных групп можно назвать частными или локальными компонентами коррелятов, дериватов и разностных групп слов. Они являются не менее важными лингвистическими признаками, чем прочие, при определении границ языковых подразделений — смежных говоров и диалектов, т. е. представленных в виде горизонтального ряда.

Например, представителя булагатского говора, в частности, булусинца, с не меньшей точностью, чем по морфологическим и фонетическим особенностям его речи, можно определить по следующим членам коррелятов, наблюдающимся в его языке: *халтагай* (*өрөөлө*)— половина, половинка; *гумаага* (*хөвөн*)— вата; *шунгаха* (*оймохо*)— купаться, *данхай* (*так*)— полка; *оймохо* (*буланги ртуулха*)— мутить воду; *тээли:* (*гол*)— ось; *шударха* (*струуждэхэ*)— строгать стругами; *зартагай* (*харша*)— доска; *һээлээ* (*гое, гоемсок*)— франт; *дарлаха* (*номгорхо*)— угомониться, отбуянить, стать серьезным; *булгаанан* (*барилга*)— строение; *һаахан* (*хуйхердоон*)— молодчик и т. д.

Также специфически аларскими являются следующие компоненты коррелятов: *соол* (*тура*)—изба; *оеор* (*алаапхи*)— пол; *һөр.* (*өбөльжөөн*)— зимнее строение; *загнуу* (*зэп тогоон*)— медный котелок; *ноохон* (*уһэн*)— волосы; *гонзоли* (*ондорго*)— журавль колодца; *мушхаха* (*эрьюулхэ*)— сепарировать молоко; *жээрвэ, геэрвэ* (*хамууша модон*)— деревянная часть хомута и т. д.

Унгинскими являются *улхэн:* (*хээр*)— степь; *тангалзуур:* (*соксохи*)— крапивник (пташка); *бумбаар шулуун:* (*байса*)— скала; *нарихан эрвээхээ:* (*өрмөшө*)— летучая мышь; *хултээ* (*бараан*)— подставка для сундуков; *аврюулга:* (*гэшхуур*)— лестница; *төрьхө:* (*ялаха*)— победить и т. д.

Языку обусинских бурят (боханский говор) свойственны следующие члены коррелятов: *соол* (*пеэшэ*)— печь; *хутхуурга:* (*хутхуур, шэлээвэр*)— кочерга; *ухэк:* (*бараан*)—подставка для сундуков; *ургуй:* (*сэсэк*)— цветок; *сэсэк:* (*намаа*)— листья цветка и др.

Те же локально ограниченные явления находим и в дериватах и в разностных группах слов.

Из приведенных примеров видно, что разграничение языковых подразделений возможно провести на основе лексических признаков и по горизонтальному ряду, т. е. установить по ним границы смежных языковых подразделений.

Подытоживая сказанное, нужно заметить, что лексические данные, приведенные в определенную систему, позволяют произвести разграничение языковых подразделений не только по горизонтальному ряду, но и по вертикальному.

И эти лексические признаки должны быть приняты во внимание при классификации говоров, диалектов, наречий и близкородственных языков с одинаковым основанием с фонетическими и морфологическими признаками.

Н. Б. БУРГАНОВА, Л. Т. МАХМУТОВА

(Казань)

О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Начало изучения татарского языка, распространенного в силу ряда исторических причин на обширной территории, относится к XVII в. Вначале оно, как известно, носило чисто практический характер, служило миссионерско-колонизаторским целям царского правительства.

Научное изучение татарского языка началось в XIX в., когда, наряду со сбором устного народного творчества татар, обращается внимание и на особенности языка местного населения.

Возникновение татарской диалектологии связано с именем русского тюрколога А. Г. Бессонова. Значительный вклад в дело изучения татарских диалектов и говоров внесли такие крупные ученые, как В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, С. Е. Малов, а также Г. Ахмаров.

В послереволюционный период развернулось систематическое изучение татарских диалектов путем организации экспедиций. Большая работа в этой области была проведена Дж. Валиди (в конце 20-х годов). Важную роль в продвижении вперед и создании научных основ татарской диалектологии сыграли труды крупного ученого В. А. Богородицкого.[1]

В конце 30-х годов много сил и энергии отдал делу организации диалектологических экспедиций, руководству ими и подготовке научных кадров-диалектологов проф. М. А. Фазлуллин. Большую помощь оказывал диалектологам Ш. А. Рамазанов.

Из числа подготовленных в то время диалектологов вырос крупный специалист по татарской диалектологии Л. З. Заляй, под руководством и при непосредственном участии которого проводилось монографическое исследование говоров среднего диалекта татарского языка. Особенно интенсивно проводилась эта работа в послевоенные годы, когда серьезнее взялись за подготовку специалистов в области диалектологии через аспирантуру и было написано и защищено несколько кандидатских и одна докторская диссертация. В 50-е годы ежегодно организуются диалектологические экспедиции в составе одного-двух и более отрядов.

Еще во второй половине XIX в. были замечены различия между отдельными, как тогда называли, татарскими наречиями. И уже в конце XIX в. была сделана первая попытка классификации и описания их А. Г. Бессоновым в его работе „О говорах казанского татарского

---

[1] В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание... Казань, 1934; его же. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933.

наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам"[2].

В этой работе А. Г. Бессонов выделяет наречия: татарские, мишарские, тептярские, башкирские, причем татарское наречие делит на следующие поднаречия: сибирские, казанские, азербайджанские и крымские. Автором употребляется также термин „говор", однако и здесь нет у него последовательности. Татарский язык, по его мнению, распадается на три говора: книжно-мухаммеданский, разговорно-мухаммеданский и говор крещеных татар. Здесь автор смешивает понятия говора и стилей.

Дж. Валиди в своей работе „О диалектах казанского татарского языка"[3] выделяет три главнейших диалекта: 1) собственно-казанский, или собственно-татарский, 2) мишарский и 3) урало-уфимский и довольно точно указывает на территории их распространения. В этом труде автор впервые употребил термины „диалект", „говор" и „подговор", причем почти в том же значении, что мы понимаем под этими терминами в настоящее время (на этом вопросе остановимся ниже). Мы говорим „почти", потому что Дж. Валиди несколько больше значения придавал территориальному признаку, чем языковому, в отношении третьего в его системе урало-уфимского диалекта.

Хотя Дж. Валиди позднее уже не проявлял последовательности в употреблении этих терминов, (наблюдается параллельное употребление им терминов „наречие" и „диалект", а иногда употребление термина „наречие" в значении „подговор"[4]), ранее введенные им термины „диалект", „говор", „подговор" твердо вошли в татарскую диалектологию благодаря трудам Л. З. Заляя.

В статье „Татар теленда диалектлар"[5] Л. З. Заляй в составе татарского языка выделяет три диалекта: 1) средний, что соответствует собственно-казанскому по Дж. Валиди, 2) западный (мишарский по Дж. Валиди) и 3) восточный, куда автор включает урало-уфимский диалект (по терминологии Дж. Валиди) плюс язык западносибирских татар. В этой же работе при рассмотрении среднего диалекта употреблен и термин „говор".

В книге „Татар диалектологиясе"[6] система классификации татарских диалектов получила дальнейшее свое развитие и уточнение. Здесь под „восточным диалектом" автор принимает уже только язык татар Западной Сибири, а мензелинский говор, распространенный на территории целого ряда районов, относит к среднему диалекту.

Такое деление татарского языка окончательно утвердилось в татарской диалектологии, и оно сохраняется до сих пор.

За последние 10 лет татарская диалектология обогатилась большим количеством новых материалов, которые способствовали уточнению числа говоров в составе отдельных диалектов, уточнению границ их распространения, а в дальнейшем помогут решению проблем, связанных с историей татарского языка и народа. Кстати, отметим, что за последние 5 — 6 лет изучено большинство говоров западного (ми-

---

[2] А. Г. Бессонов. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам (См. журн. МНПР, ч. CCXVI, 1881, стр. 200 — 242).

[3] Дж. Валиди. О диалектах казанского татарского языка. („Вестн. науч. об-ва татароведения", 1927, № 6, стр. 50 — 64).

[4] Дж. Валиди. Наречие каринских и глазовских татар. „Труды общества изучения Татарстана". Казань, 1930, стр. 135 — 144.

[5] Л. Жәлә й. Татар теленда диалектлар. Журн. „Совет мәктәбе", 1938, № 5 — 6; № 8.

[6] Жәлә й. Татар диалектологиясе. Казан, 1947.

шарского) диалекта, в котором сохранились очень интересные архаичные формы. Материалы по ним будут опубликованы в подготовленном к печати сб. „Материалы по татарской диалектологии“ (ч. II).

Таким образом, термины „диалект“, „говор“ утвердились в татарской диалектологии в конце 20-х годов благодаря работам Дж. Валиди, но определение самих диалектов, уточнение границ распространения говоров и, разумеется, изучение их продолжалось и в последующие годы, вплоть до наших дней.

В связи с этим, хотелось бы коротко остановиться на том, что мы понимаем в настоящее время под терминами „диалект“, „говор“ и „подговор“.

Диалект — это местная разновидность языка в его отношении к общенародному языку и говорам, т. е. по своему объему выражает понятие, среднее между общенародным языком и говором. Диалект — это наиболее крупная языковая единица, объединяющая по ряду общих признаков более мелкие языковые единицы, называемые говорами.

В основу определения диалектов в татарской диалектологии положен территориально-лингвистический принцип, который совпадает с этническим принципом. Носители каждого из трех татарских диалектов представляют собой разные этнические группы.

Следует также отметить тот интересный факт, что диалектные единицы совпадают с границами распространения отдельных жанров устного народного творчества, в частности музыкального фольклора, и с элементами этнографии. Однако при определении диалекта решающую роль все же играет лингвистический принцип.

Диалекты распадаются на ряд говоров (с ө й л ә ш л ә р), отличающихся друг от друга по ряду особенностей, но в то же время объединяющихся по целому ряду ведущих диалектных признаков.

В образовании татарских говоров сыграли важную роль следующие моменты:

1. Территориальная обособленность, которая в свою очередь вела к изоляции в языковом отношении и способствовала: сохранению старых форм, дальнейшему развитию некоторых форм, независимо, например, от развития языка основной группы, от которой оторвалась в территориальном отношении данная группа, возникновению новых черт под влиянием окружающей языковой среды (других татарских говоров или языков тюркской или иной системы). На новой территории могли играть определенную роль и элементы субстратного характера.

2. В образовании говоров имела значение и обособленность в политическом и культурно-экономическом отношении. Наблюдения показывают, что совершенно определенное значение имели старые административные границы.

Все перечисленные факторы могли действовать одновременно или постепенно, один за другим, или же решающую роль могла сыграть только часть из них. Так, обособление группы каринских и глазовских татар в территориальном отношении привело к их изоляции языковой, а это способствовало, с одной стороны, сохранению старых грамматических форм (*мин укӏырмин*, *син укӏырсин*), архаических выражений и слов, а с другой — говор их подвергся некоторому влиянию соседнего удмуртского языка (в области лексики)[7].

В касимовском говоре (Рязанская область) также сохранились очень интересные языковые явления, благодаря которым можно ус-

[7] Н. Б. Борһанова. Нократ һәм Глазов татарларының тел үзенчәлекләре (канд. дисс.).

тановить генетическую связь его с заказанской группой говоров и с теми говорами, которые почти в тот же исторический отрезок времени, что и касимовские татары, обособились от казанских татар в каком-либо отношении (территориальном, культурно-экономическом, политическом и т. д.)[8].

Нагорная группа говоров подпала под влияние соседних говоров западного (мишарского) диалекта. При этом степень отличия одного говора от другого зависит, пожалуй, от степени влияния говоров мишарского диалекта.

3. В образовании отдельных говоров здесь сыграли также заметную роль старые административные границы, а также культурно-экономические центры и даже в какой-то степени базарные центры. Многие особенности говора мордва-каратаев, несомненно, могут быть объяснены мордовским субстратом[9].

4. При определении говоров нами принимается во внимание и фактор самосознания данной группы населения (мензелинский и бирский говоры)[10].

Самой мелкой языковой единицей являются подговоры (у р ы н ч ы л ы к л а р), которые, объединяясь в один говор по большинству диалектных особенностей, различаются все же по некоторым, если можно так выразиться, второстепенным или побочным признакам, встречающимся лишь на ограниченной территории и охватывающим обычно не всю, допустим, грамматическую категорию или встречающимся не во всех словах (например, фонетические особенности) и т. д.

В образовании подговоров, кроме отмеченных факторов, когда речь шла о говорах, можно указать и на некоторые другие: на фактор географических условий (реки), а в случае с крещеными татарами — также и момент религиозного характера. Группа татарского населения, обособленная в религиозном отношении, одновременно оказалась в значительной степени изолированной и в других областях, в частности в области языка и быта. А это повлекло за собой то, что в языке этой группы татарского населения сохранились старые формы (*х* вм. *җ*: *кат-хат*, *кәл-хәл* и др.; *п* вм. *ф*: *җепәк-ефәк*, *Җәпим-Ефим*; аффикс инфинитива *-мага*, *-мәгә* вм. *-ырга*, *-ергә*: *бармага*, *килмәгә* и др.) и архаизмы; в нем оказалось очень мало арабских заимствований, но и те, которые вошли, фонетически деформировались сильнее, чем в соседних говорах; появились новые термины, выражающие религиозные понятия, связанные с христианством.

Теперь перейдем к краткой характеристике диалектных различий в татарском языке. Однако, чтобы не повторяться и не занимать много времени, мы будем говорить, в основном, лишь о различиях двух татарских диалектов: среднего и западного (мишарского). О третьем, восточном диалекте, материал был изложен в содокладе тов. Тумашевой „Восточный диалект татарского языка и его отношение к литературному языку и другим диалектам татарского языка“[11], который,

---

[8] Л. Т. Махмутова. О некоторых лексических особенностях касимовского говора (рукопись).

[9] См. Материалы диалектологической экспедиции, проведенной Ф. С. Фасеевым в 1960 г. в Камско-Устьинский р-н ТАССР.

[10] Л. Т. Махмутова. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР. По материалам экспедиций 1954 — 57 гг. (рукопись).

[11] Д. Г. Тумашева. Восточный диалект татарского языка и его отношение к литературному языку и другим диалектам татарского языка. Тезисы докладов. Казань, 1958, стр. 33 — 37.

собственно, был подготовлен как содоклад к докладу Р. И. Аванесова „Разграничение языков и диалектов". Этому же диалекту посвящено было тогда и выступление тов. Ахатова.

Диалектные различия в области фонетики

1. Наличие огубленного *а°* (т. е. *а* произносимого с дополнительной губной артикуляцией) в большинстве говоров среднего диалекта и полное его отсутствие в говорах западного (мишарского) диалекта.

В последнем *а* — звук, близкий к русскому *а*[12]. Например: в средн. диал. *к|а°р‹а°* в миш. диал. *карга*, *туза°н — тузан*, *к|ола°к| — колак||кылак*, *ба°ла° — бала*, *А°рча° — Арча* и т. д.

2. Как правило, для некоторых говоров (западного) диалекта характерно ослабление губной артикуляции, ибо даже полная делабиализация гласных *ү—у*, *ө—о*. Например: *шулай — шолай,||шы°лай;||шылай*; *усак—осак*, *түгел—төгел||те°ге°л||тегел*; *кен|ел — ке°н|е°л||кен|ел*; *ул — ол* (сын); *тормош — ты°рмы°ш||тырмыш*.

3. Дифтонгу *өй* в положении перед гласными в западном диалекте соответствуют дифтонги *үw*, *ew||үв*, *ев*: *өй — ү||у*, *өйлән — үлән*, *төйә — түwә||тевә*, *сөйенеч — сүwенеч||севенеч* и т. д.

4. В западном диалекте дифтонги *ай*, *әй*, *ой* и другие, стягиваясь, образуют монофтонги, при этом последующие за ними согласные *л*, *р*, *н*, *д*, *т*, *ч* смягчаются. Например: *бәйрәм — бар'ам*, *бәйли — бәли*, *кайный — кан'ый*, *әйдә — ад'а*, *к|айчан — качан*, *к|айта — кат'а*.

5. Одним из ведущих диалектных различий в области согласных является наличие или отсутствие глубокозаднеязычных *к|*, *г*, *х|*. Эти звуки характерны для среднего и восточного диалектов и отсутствуют в западном. Причем, в западном диалекте в собственно татарских словах им соответствуют заднеязычные *к*, *г*, *х*, близкие по своей артикуляции к звукам русского языка. Например: *к|а°ра° — кара*, *к|а°г‹а° — кага*, *ба°к|а° — бака*, *та°к| — так*, *х|әзәр — хаз'ыр*, *Х|әсән — Хас'ан*.

А в слогах, заимствованных из арабского и персидского языков, *г* выпадает (т. е. дает нуль звука). Например: *Г‹а°бтулла — Абдулла||Абдылла*, *Г‹әйшә — Айша*, *г‹әдәт — адәт*, *г‹әйет — айыт*, *г‹әйеп — айып*.

6. Средний и западный диалекты татарского языка противопоставляются друг другу употреблением начальных *ж|* и *й* (*j*): первый из них является *ж|*-окающим, второй — *й*-окающим (*й*-окающим является и восточный диалект). Например: *ж|ил — йил*, *ж|ир — йир*, *ж|әйгү — йәйгү*, *ж|ылы — йылы*, *ж|ул — йул*, *ж|акын — йакын*.

В отдельных говорах западного диалекта отмечается соответствие начальных *й — дз* (*йыйыла — дзыйыла*, *йин| — дзин|*, *йиңи — дзиңи* и др.).

7. Еще одним важным диалектным различием следует считать характер артикуляции звука *ч* в рассматриваемых диалектах: *ч* среднего диалекта — это переднеязычный щелевой звук[13], тогда как *ч* западного диалекта — аффриката. В отдельных говорах этого диалекта звуку *ч* соответствует аффриката *ц* (*пыча°к| — пыцак*, *ча°лгы — цалгы*, *печән — пецән*, *а°ч — ац* и др.).

---

[12] Г. Алпаров. Сайланма хезмәтләр, Казан, 1945, 46 б; В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание, Казань, 1953, стр. 38 — 39.

[13] Г. Шараф. Палятограммы звуков татарского языка (отд. оттиск), стр. 21; У. Байчура. Звуковой строй татарского языка. Казань, 1959, стр. 117 — 122.

Заканчивая краткую характеристику диалектных различий в области фонетики, следует отметить, что западный диалект по всем перечисленным пунктам отличается не только от среднего диалекта, но и от татарского литературного языка, в основу которого лег средний диалект.

В области морфологии средний и западный диалекты противопоставляются следующими особенностями:

1. Инфинитив в западном диалекте передается формой на *-ырга, -ергә* и совпадает с литературным языком. В говорах среднего диалекта сохранились формы на *-мага, -мәгә* (*бармага, килмәгә*); *-ма, -мә* (*барма, килмә*); *-малы, -мәлле* (*бармалы, килмәле*), *-асы, -әсе*, (*барасы, киләсе*). В восточном диалекте им соответствует форма на *-галы, -гәле* (*баргалы, килгәле*).

2. Глагол 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения в современном литературном языке и среднем диалекте совпадает с основой глагола (*кил, кит, бар*).

В говорах западного диалекта, наряду с указанной формой повелительного наклонения, употребляются архаичные формы на *-гын, -ген* (*баргын, килген*), *-гыл, -гел* (*баргыл, килгел*), *-ыңыз, -еңез* (*барыңыз, киленез*).

Следует отметить, что первые две формы бытовали и в татарском литературном языке вплоть до XX в.

3. В западном диалекте сохранилась более древняя форма выражения 3-го лица ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения: *ул киләдер, хат юктыр* и т. д. Правда, эта форма здесь уже вытесняется формой, характерной для литературного языка и среднего диалекта (*ул килә, хат юк* и т. д.).

4. Татарские диалекты отличаются друг от друга различными формами прошедше-настоящего времени, бытующими в них. Для ряда говоров западного диалекта характерна форма прошедше-настоящего времени, образованная в 1—2-м лице ед. и мн. числа от деепричастия на *-ып, еп* (*мин барыпмын, син барыпсың, без барыпбыз, сез барыпсыз*). В восточном диалекте употребляется и форма 3-го лица ед. ч. (*ул барыпты*).

В среднем диалекте и литературном языке прошедше-настоящее время образуется от причастия на *-ган, -гән* (*мин алганмын, син алгансың, ул алган* и т. д.).

5. Расхождения между диалектами наблюдаются также в формах выражения желательного наклонения. Для большинства говоров среднего диалекта, не претерпевших влияния западного диалекта, характерно употребление конструкции типа *барасым килә, эчәсем килә*[14]. В западном диалекте ей соответствуют конструкции типа *баргым кели*, в восточном — *баргым киләте*, образованные от отглагольного имени на *-гы, -ге* плюс вспомогательный глагол *кели* или *киләте*.

6. Форма на *-малы, -мәле* в значении причастия распространена почти во всех говорах среднего диалекта (*асылмалы лампы, ачылмалы тәрәзә, кутәрмәле чабата* и др.) и на более ограниченной территории (у подберезинских кряшен) — в значении инфинитива долженствования (*мин иртәгә Казанга бармалы* — я завтра должен поехать в Казань).

В западном диалекте данная форма совершенно отсутствует.

7. Многократность действия в татарском литературном языке и

[14] О значении этой конструкции см.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М. — Л., 1948, стр. 177.

среднем диалекте выражается посредством аффиксов *-гала, -гәлә, -штыр, -штер* (*баргала, алгала, укыштыр*), в западном диалекте в подавляющем большинстве говоров — с помощью аффикса *-гакла, -гәклә* (*баргакла, килгәклә, укыкла*).

В области синтаксиса на данной стадии изучения диалектов не отмечены явления, которые составляли бы особенность лишь одного диалекта.

Из лексики можно было бы привести немало интересных фактов, различающих наши диалекты, но мы ограничимся лишь несколькими примерами.

Такие термины родства, как *тудыка, тумачи, торачи, игәч, оныкǀǀнука* и некоторые другие, составляют особенность западного диалекта. В среднем диалекте они либо потеряли свое первоначальное значение (*тумачи, тудыка*), либо употребляются лишь в составе сложных или парных слов (*кайнигәч, туган-тумача*), либо совсем не употребляются *оныкǀǀнука, торачи*).

Лексические расхождения наблюдаются также в названиях построек и предметов домашнего обихода (соотв. в среднем и западном диалектах: *өй, йорт — ызба; ишек алды — йорт, азбар; кар базы — пугарʲан; сөлге — йөслек, йөзлек* и др.); *названиях одежды* (*хәситә — чапук, путʲмар; чикмән — зипун; кин-дерә — кәркеш; ойык — чолка* и др.); названиях некоторых растений и животных (*киндераш — мошко, мышкы; жˌтеин — элән; миләш — мәләш, пизел; тигәнәк — кырмалау; әрем — нәпкәмәс, әрем; сарыкˌ — куй, ат — алаша, йылкы; әтәчʲ — кучат; тилгән — кагау* и др.), в употреблении некоторых слов, выражающих явления природы (*жˌәй — йаз; йаз — йаз башы*), а также абстрактные понятия.

Таковы вкратце те основные признаки, по которым противопоставляются два крупных татарских диалекта.

К сожалению, за ограниченностью времени нет возможности более подробно остановиться на существующих между отдельными татарскими говорами расхождениях.

Выводы, к которым мы приходим на основе анализа имеющихся в нашем расположении материалов, следующие:

1. Татарский язык распадается на три диалекта (средний, западный и восточный), каждый из которых объединяет по нескольку говоров.

2. Средний диалект по наличию ряда черт, которые отнюдь не являются заимствованиями, сближается с чувашским языком (булгарский тип). К числу особенностей, сближающих эти языки, относятся, например, формы:

а) средний диалект татарского языка *-асы, -әсе* (*минем эчәсем килә* — мне хочется пить; *укˌысы иде безгә ул китапны* (нокр. г.) — надо бы нам прочитать эту книгу). Чуваш. *-ас, -ес* (*манан ӗҫес килет* — мне хочется пить; *колхозниксем паян авӑн ҫапас теҫҫе* — колхозники сегодня хотят молотить)[15].

б) средн. диал. татар. яз. *-малы, -мәле -маллы, -мәлле* (*кˌаз чебиләрен таҗыкˌ талап үтермә булмаллы*). Чуваш. *-малла, -мелле* (*каймалла ҫын* — человек, который должен ехать; *авӑн ҫапмалла* — нужно молотить).

в) средн. диал. татар. яз. *-ма, -мә* (*тарама кˌуркˌам чәчемне*,

[15] Чувашские примеры взяты из сб. „Материалы по грамматике современного чувашского языка". Чебоксары, 1957, стр. 213, 225, 227, 228.

кыйыла дип (нокр. г.)—боюсь расчесывать волосы, так как выпадают). Чуваш. *-ма*, *-мə* (*колхозниксем ыраш вырма пуçланă*—колхозники начали жать рожь).

г) аффикс многократности в средн. диал. татар. яз. *-кала*, *-кәлә* (*көлгәлә*, *чакырғала*), в чуваш. яз. *-кала*, *-келе* (*кулкала*, *çухăркала*).

Можно было бы привести здесь также парадигмы спряжения и некоторые другие примеры. Однако следует отметить, что окончательное решение этого вопроса требует дальнейшего углубленного изучения диалектов обоих языков, языка надгробных памятников булгарского периода, татарских письменных памятников и т. д.

3. Западный (мишарский) диалект по своим особенностям сближается с кыпчакской группой тюркских языков и с языком орхоно-енисейских памятников.

4. Восточный диалект окончательно сформировался позднее, в конце XIX и начале XX в., и претерпел влияние соседних тюркских языков.[16]

[16] См. Д. Г. Тумашева. Ук. работа.

У. Б. АЛИЕВ

(Нальчик)

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ЯЗЫКА КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Язык карачаевцев и балкарцев в научной литературе встречается под несколькими названиями: *карачаевский диалект*, *балкарский диалект*, *карачаево-балкарский язык*, *карачаевский язык*, *балкарский язык*.

До Великой Октябрьской социалистической революции язык карачаевцев и балкарцев назывался *карачаевским диалектом* или *балкарским диалектом*. С первых лет советской власти и создания письменности до 1937 г. он стал именоваться *карачаево-балкарским языком*. С 1937 г., когда карачаево-балкарская письменность на латинской основе была заменена письменностью на основе русской графической системы, он стал называться в изданиях карачаевских *карачаевским языком*, в изданиях балкарских—*балкарским языком*.

Такой разнобой в наименовании одного и того же языка объясняется рядом причин. Основной из них является то, что народ—носитель его существует под двумя этническими наименованиями: балкарцы и карачаевцы. Балкарцы живут по юго-восточную сторону отрогов горы Эльбруса, а карачаевцы — по северо-западную сторону этих отрогов. В силу этого балкарцы относятся к Кабардино-Балкарской автономной советской социалистической республике, а карачаевцы—к Карачаево-Черкесской автономной области. Такое территориальное и этническое деление народа на две части вошло в традицию определения и национальной принадлежности представителей карачаевцев и балкарцев.

До 1937 г. карачаевцы и балкарцы пользовались единой письменностью и орфографией, едиными учебниками и другими изданиями на родном языке. При переходе на русскую графическую систему письменности в 1937 г. для Балкарии был утвержден один, для Карачая другой вариант алфавита. Это привело к тому, что учебники и другая литература на родном языке издаются для Карачая на карачаевском, для Балкарии на балкарском вариантах алфавита. В настоящее время ставится вопрос об унификации карачаевского и балкарского вариантов алфавита и создании единой орфографии, чтобы пользоваться едиными учебниками в школах и иметь возможность читать в Балкарии и Карачае художественную и иную литературу.

Нужно думать и надеяться, что в ближайшее время этот вопрос

будет решен положительно, и язык, как и до 1937 г., будет называться карачаево-балкарским.

Степень изученности диалектов языка карачаевцев и балкарцев

Детальным изучением диалектов языка карачаевцев и балкарцев, относящегося к кыпчакско-огузской подгруппе тюркских языков, до сих пор почти никто не занимался. Из дореволюционных исследований, посвященных этим вопросам, следует назвать две работы известного венгерского тюрколога W. Pröhle. Одна из них называется Karatschaische Studien. В ней дана специфика карачаевского диалекта. Вторая называется Balkarische Studien. В ней исследуется специфика Малкарского диалекта. В этих работах дано точное описание двух основных диалектов языка карачаевцев и балкарцев.

Из работ советского периода следует назвать исследование балкароведа доцента А. М. Аппаева „Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку", которое в 1941 г. было представлено и защищено в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Ленинградском университете.

Как видно и по названию, работа А. М. Аппаева написана без учета данных карачаевского диалекта. В языке той части народности, которая относится к Кабардино-Балкарии, А. М. Аппаев находит 4 диалекта: Малкарский, Холамо-Бызынгиевский, Чегемский и Баксанский. Внимательное изучение работы А. М. Аппаева и данных языка приводит к заключению, что Холамо-Бызынгиевский, Чегемский и Баксанский диалекты (в толковании А. М. Аппаева) отличаются друг от друга одним только усилением взрывного компонента аффрикаты *ж* в Баксане и усиления фрикативного компонента этой аффрикаты в Холамо-Бызынги и Чегеме. В Малкарском диалекте этому звуку противопоставлен фрикативный звук *з*, в Карачаевском — четкая аффриката *ж*. Других различий между диалектами Холамо-Бызынгиевским, Чегемским и Баксанским А. М. Аппаев не находит[1]. Да их и нет! Трудно думать, что этих различий достаточно для выделения 4 диалектов в одной только Балкарии, как делает А. М. Аппаев. Факты говорят, что в Балкарии имеют распространение только два диалекта языка карачаевцев и балкарцев—это диалекты **Малкарский и Холамо-Бызынгиевско-Чегемско-Баксанский** (см. ниже).

Все остальные работы (школьные учебники, исследования А. К. Боровкова, У. Д. Алиева, У. Б. Алиева, А. М. Байрамкулова и др.) дают описание того диалекта, который лег в основу литературного языка, преподается в школах и на котором выходят газеты, журналы и произведения писателей и поэтов Карачая и Балкарии.

Диалекты языка карачаевцев и балкарцев

Язык карачаевцев и балкарцев членится на три диалекта. По количеству говорящего на них населения эти диалекты можно назвать и расположить так:

1. *Карачаевский диалект*, распространенный на территории Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края.
2. *Баксано-Чегемско-Холамо-Бызынгиевский диалект*, распро-

[1] А. М. Аппаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.

страненный на территории Кабардино-Балкарской АССР по ущельям рек Баксан, Чегем, Холам и Бызынри.

3. *Малкарский диалект*, распространенный по ущелью реки Черек Кабардино-Балкарской АССР.

Основными из названных диалектов является *Карачаевский* и *Малкарский*, а *Баксано-Чегемско-Холамо-Бызынгиевский*—промежуточный. Он по фонетике и отдельным грамматическим явлениям близок к Карачаевскому, по лексике и другим грамматическим особенностям — к Малкарскому диалектам.

Можно предположить, что в давние времена, до прихода на нынешнюю территорию, *Промежуточный диалект* (для краткости так будем называть Баксанско-Чегемско-Холамо-Бызынгиевский диалект в дальнейшем) и Карачаевский составляли один общий диалект, противостоящий Малкарскому диалекту. Но после того как карачаевцы оказались по одну сторону отрогов горы Эльбрус, в верховьях р. Кубань, а баксанцы, чегемцы и холамо-бызынгиевцы по другую сторону этих отрогов, в верховьях рек Баксан, Чегем, Холамо-Бызынги, т. е. в соседстве с малкарами, вместе с которыми впоследствии вошли в состав Кабардино-Балкарской АССР под общим этническим наименованием „Балкарцы", последние, сохранив свои фонетические нормы, испытали грамматическое и лексическое влияние Малкарского диалекта.

Следует отметить, что в основу создающегося карачаево-балкарского литературного языка положены нормы Карачаевского и Промежуточного диалектов языка карачаевцев и балкарцев. На данной диалектной базе печатаются газеты, журналы, учебники, художественная, политическая и научная литература. Эти два диалекта при общих чертах, обусловливающих их отношение к одному языку, имеют и свои специфические черты в фонетике, грамматике и лексике. Эти черты регулируются устанавливающимися нормами литературного языка.

Фонетические различия диалектов языка карачаевцев и балкарцев

1. Замена ч>ц

Аффриката *ч* Карачаевского и Промежуточного диалектов в Малкарском во всех случаях заменяется аффрикатой *ц*.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
челек	*челек*	*целек*	*челек* (ведро)
чибин	*чибин*	*цибин*	*чибин* (муха)
тиккич	*тиккич*	*тиккиц*	*тиккич* (дратва)
эркеч	*эркеч*	*эркец*	*эркеч* (козел)
к,алач	*к,алач*	*к,алац*	*к,алач* (калач)
к,умач	*к,умач*	*к,умац*	*к,умач* (кумач)
кече	*кече*	*кеце*	*кече* (ночь)
ички	*ички*	*ицхи*	*ички* (напиток)
к,очхар	*к,очхар*	*к,оцхар*	*к,очхар* (баран)
ахча	*ахча*	*ахца*	*ахча* (деньги)
ағашчы	*ағашчы*	*ағащцы*	*ағашчы* (лесник)

На основе данной специфики Малкарского диалекта высказывается мнение, что он берет свое начало от того языка, который описан в известном памятнике XIII в.—„Codex Cumanikus". Мнение это под-

тверждают сравнением данных памятника с данными Малкарского диалекта[2].

Памятник	Малкарский диалект	Литературный
ацы	*ацы*	*ачы* (горький)
ацык,	*ацык,*	*ачык,* (открытый)
ацыу	*ацыу*	*ачыу* (горе)
ағац	*ағац*	*ағач* (дерево)
ақ,ца	*ахца*	*ахча* (деньги)
алаца	*алаца*	*алача* (как они)
анца	*анца*	*анча* (столько)
бицен	*бицен*	*бичен* (сено)
бык,цы	*быхцы*	*мыхчы* (пила)
борцлу	*борцлу*	*борчлу* (должник)
бурце	*бурце*	*бурче* (блоха)
к,ац	*к,ац*	*к,ач* (убегай)
цөмуц	*цөмуц*	*чөмуч* (чашка)
цецек	*цецек*	*чечек* (оспа)

Однако вопрос этот нуждается в дополнительном изучении, так как другие фонетические особенности Малкарского диалекта в названном памятнике не встречаются. Кроме того, правильность чтения буквы *с* в примерах из памятника как *ц* можно оспаривать, так как буква *с* латинского алфавита в известных случаях читается как *ч*. Наличие звука *ц* в примерах из памятника убедительно и на большом материале оспаривает Т. И. Грунин.

2. *Замена* ж| > ж|ь, ж, з

Аффриката *ж|* Карачаевского диалекта заменяется палатализованной аффрикатой *ж|ь* в Баксанском, фрикатом *ж* в Чегемо-Холамо-Бызынгиевском компонентах Промежуточного диалекта. Притом палатализованная аффриката *ж|ь* встречается в сопредельных с Карачаевским диалектом районах, фрикат же *ж* встречается в сопредельных с Малкарским диалектом районах Промежуточного диалекта.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
ж,ыламук,	*ж,ылямук,*	*зыламук,*	*ж,ыламук,* (слеза)
	жылямук,		
ж,ылан	*ж,ылян*		
	жылан	*зылан*	*ж,ылан* (змея)
ж,ылк,ы	*ж,ылкы*		
	жылкы	*зылк,ы*	*ж,ылк,ы* (табун)
ж,аш	*ж,аш*		
	жаш	*заш*	*ж,аш* (сын)
ж,аз	*жа,з*		
	жаз	*заз*	*ж,аз* (весна)
ж,улгуч	*ж,улгуч*		
	жулгуч	*зулгуц*	*ж,улгуч* (бритва)
ж,узук	*ж,узук*		
	жузук	*зузук*	*ж,узук* (кольцо)
аж,ир	*аж,ир*		
	ажир	*азир*	*аж,ир* (жеребец)
хуж,у	*хуж,у*		
	хужу	*хузу*	*хуж,у* (проклятый)

[2] А. М. Аппаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку, стр. 58.

хурж,ун	*хурж,ун* *хуртун*	*хурзун*	*хурж,ун* (карман)
сынж,ыр	*сынж,ыр* *сынжыр*	*сынзыр*	*сынж,ыр* (цепь)
гурбеж,и	*гурбеж,и* *гурбежи*	*гурбези*	*гурбеж,и* (кузница)

Вариации аффрикаты *жˌ* в Промежуточном диалекте отмечаются и W. Prohle и А. М. Аппаевым.

Однако следует сказать, что мягкая аффриката *жˌ* в Баксанском компоненте Промежуточного диалекта встречается только в таких словах, в которых встречается мягкая *ль*: *жилян*, *жилямук*. В других случаях аффриката *жˌ* характеризуется признаками аффрикаты *жˌ* Карачаевского диалекта. Фрикативный звук *ж* характерен для Чегемского, Холамского и Бызынгиевского компонентов Промежуточного диалекта.

В литературный язык входят слова со звуками *жˌь* и *ж* Промежуточного и *жˌ* Карачаевского диалектов. Слова со звуком *жˌ* в литературный язык входят через печатные издания Карачая, а со звуком *ж*—через печатные издания Балкарии. Такому проникновению в литературный язык отдельных звуков из диалектов содействовало различие в алфавитах, принятых в Карачае и Балкарии.

3. Замена к>х, кˌ>хˌ

Взрывные глухие *к* и *кˌ* Карачаевского и Промежуточного диалектов в середине слов или на стыке их перед взрывными или глухими фрикативными согласными звуками заменяются соответственно фрикативным *х* или *хˌ* в Малкарском диалекте.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
ж,ск,ду	*ж,ок,ду*	*зохду*	*ж,ок,ду* (нет)
бычак,дан	*бычак,дан*	*быцахдан*	*бычак,дан* (от ножа)
көбчекчик	*көбчекчик*	*көбцехцик*	*көбчекчик* (подушка)
к,абчык,чык,	*к,абчык,чык,*	*к,абцыхцык,*	*к,абчык,чык,* (мешочек)
кубурчекчик	*кубурчекчик*	*кубурцехцик*	*кубурчекчик* (сундучок)

Данная замена является результатом действия закона диссимиляции. В Карачаевском и Промежуточном диалектах этот закон действует только при стечении двух аффрикат *чч*: *ағаччы-ағашчы*—лесник, *чаччык-чашчык*—косичка.

4. Замена г>хˌ, г>х

Фрикативный звук *г* в словах с согласными заднего ряда во всех диалектах языка карачаевцев и балкарцев после взрывных и фрикативных глухих заменяется звуком *хˌ*, а с гласными переднего ряда такая замена звуком *х* наблюдается в словах только Малкарского диалекта.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
айтх,ан	*айтх,ан*	*айтх,ан*	*айтх,ан* (говоривший)
к,ачх,ан	*к,ачх,ан*	*к,ацх,ан*	*к,ачх,ан* (убежавший)
шашх,ан	*шашх,ан*	*шашх,ан*	*шашх,ан* (умалишенный)
кетген	*кетген*	*кетхен*	*кетген* (ушедший)
чабх,ан	*чабх,ан*	*цафх,ан*	*чабх,ан* (бежавший)

кебген	*кебген*	*кефхен*	*кебген* (ссохшийся)
чебген	*чебген*	*цефхен*	*чебген* (черкеска)
себгил	*себгил*	*сефхил*	*себгил* (веснушка)

5. Замена б (п)>ф

Взрывные звуки *б* или *п* перед взрывными или глухими фрикативными звуками в слове или на стыке слов Карачаевского и Промежуточного диалектов заменяются глухим фрикативным звуком *ф* в Малкарском диалекте.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
чыпчык,	*чыпчык,*	*цыфцык*	*чыпчык* (птичка)
к,абчык,	*к,абчык*	*к,афцык,*	*к,абчык,* (мешок)
чепген	*чебген*	*цефхен*	*чебген* (черкеска)
чабыб кетди	*чабыб кетди*	*цабыф кетди*	*чабыб кетди*
алыб келди	*алыб келди*	*алыф келди*	*алыб келди*
алыб берди	*алыб берди*	*алыф берди*	*алыб берди*

6. Замена т>тI

Взрывной глухой звук *т* Карачаевского и Промежуточного диалектов в Малкарском диалекте заменяется двусмычно-придыхательным глухим звуком *тI* (знаком I условно обозначается двусмычно придыхательность взрывного глухого звука *т* в Малкарском диалекте). Двусмычная придыхательность звука *т* в Малкарском диалекте, как предполагается, появилась под влиянием иберийско-кавказских языков, с которыми этот диалект соседствует. Однако это соседство имеют и остальные диалекты языка карачаевцев и балкарцев, но в них этот признак не наблюдается.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
тарак	*тарак*	*тIарак*	*тарак,* (расческа)
тала	*тала*	*тIала*	*тала* (поле)
тана	*тана*	*тIана*	*тана* (телка)
тилек	*тилек*	*тIилек*	*тилек* (просьба)
тикгич	*тикгич*	*тIихгич*	*тикгич* (дратва)
төлу	*төлу*	*тIөлу*	*төлу* (поколение)

7. Замена к>кI

Взрывной глухой среднеязычный звук *к* Карачаевского и Промежуточного диалектов в тех случаях, когда данный звук не заменяется фрикативным *х* (см. выше), он заменяется в Малкарском двусмычно-придыхательным среднеязычным взрывным звуком *кI*

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
көрдүм	*көрдүм*	*кIөрдүм*	*көрдүм* (увидел)
күнүм	*күнүм*	*кIүнүм*	*күнүм* (мой день)
кир	*кир*	*кIир*	*кир* (входи)
кел	*кел*	*кIел*	*кел* (приходи)

8. Замена к,>к,I

Взрывной звук *к,* Карачаевского и Промежуточного диалектов в тех случаях, когда нет замены звуком *х,*, заменяется двусмычно-придыхательным звуком *к,I* в Малкарском диалекте.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
к,арачайлы	*к,арачайлы*	*к,Iарацайлы*	*к,арачайлы* (карачаевский)
малк,арлы	*малк,арлы*	*малк,Iарлы*	*малк,арлы* (малкарский)
к,ауға	*к,ауға*	*к,Iауға*	*к,ауға* (тревога)
к,уугун	*к,уугун*	*к,Iуугун*	*к,уугун* (погоня)
к,урук,	*к,урук,*	*к,Iурук,I*	*к,урук* (жердь)

Все три двусмычно-придыхательных звука (*тI*, *кI*, *к,I*) Малкарского диалекта в фразе будут выглядеть так: *TIаланнан, биз билмей тIурғанлай кIелифми кIалдын! Таланнан, биз билмей турғанлай келибми калдын!*

9. Замена переднерядных гласных О, У, И, Э передне-среднерядными ОЪ, УЪ, ИЪ, ЭЪ.

Переднерядные гласные *ө*, *ү*, *и*, *э* Карачаевского и Промежуточного диалектов в словах заменяются передне-среднерядными *өъ*, *үъ*, *иъ*, *эъ* (знаком ъ условно обозначается признак передне-среднерядности). Все согласные при этих звуках теряют свою сингармоническую мягкость, свойственную согласным в Карачаевском и Промежуточном диалектах.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
өзен	*өзен*	*өъзеън*	*өзен* (ущелье)
көз	*көз*	*кIөъз*	*көз* (глаз)
күнум	*күнум*	*кIүънүъм*	*күнум* (мой день)
кирдим	*кирдим*	*кIиърдиъм*	*кирдим* (я вошел)
керек	*керек*	*кIеъреък*	*керек* (нужда)

10. Выпадение звука н из состава аффиксов -мен (-ман), -сен (-сан), -сын (-сын, -сун, -сүн)

Выпадение звука *н* из состава предикативного аффикса 1-го и 2-го лица ед. ч. свойственно всем диалектам языка карачаевцев и балкарцев.

Малкарскому и Промежуточному диалектам свойственно выпадение звука *н* и из состава аффикса *-сын* (*-сун*, *-сын*, *-сүн*).

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
барсын	*барсы*	*барсы*	*барсын* (пусть идет)
келсин	*келси*	*келси*	*келсин*
кетсин	*кетси*	*кетси*	*кетсин*
көрсүн	*көрсү*	*кIөърсүъ*	*көрсүн*
турсун	*турсу*	*тIурсу*	*турсун*
болсун (*босун*)	*болсу* (*босу*)	*болсу* (*босу*)	*болсун*

Согласные звуки в полногласных сочетаниях в Карачаевском и Промежуточном диалектах произносятся довольно четко, в Малкарском диалекте согласные в таких же сочетаниях имеют обыкновение произноситься приблизительно с зиянием. Исключение составляют

взрывные согласные, особенно с придыханием. В связи с этим создается впечатление, что слова в произношении представителя Малкарского диалекта состоят из одних придыхательных и гласных звуков.

Холамо-Бызынгиевскому компоненту Промежуточного диалекта свойственно растягивание гласных слова. Эта особенность в интонации представителя холамо-бызынгиевского компонента Промежуточного диалекта часто служит поводом для шуток по его адресу. Все эти явления ожидают своего детального экспериментального изучения.

Чегемо-Баксанский компонент Промежуточного диалекта и весь Карачаевский диалект в интонации отличаются энергичностью и ясностью, четким произношением всех звуков — гласных и согласных.

Морфологические различия между диалектами языка карачаевцев и балкарцев.

Наблюдения показывают, что диалекты языка карачаевцев и балкарцев имеют и морфологические различия, которые особенно ярко проявляются в глагольных формах. Если фонетические различия наблюдались между Карачаевским и Промежуточным диалектами, с одной, и Малкарским диалектом, с другой стороны, то морфологические различия наблюдаются между всеми тремя диалектами: между Карачаевским и Промежуточным, между Карачаевским и Малкарским, между Малкарским и Промежуточным.

1. Диалектальные различия в образовании причастия будущего времени

Вторая форма причастия будущего времени в Карачаевском диалекте и баксанском компоненте Промежуточного диалекта образуется, как и все другие глагольные формы, от общеглагольной основы (повелительной формы 2-го лица ед. ч.) и суффиксов *-лык*, *-рык*, *-нык*, *-арык*, *-ырык* с сингармоническими разновидностями.

Вторая форма причастия будущего времени в холамо-бызынгиевском и чегемском компонентах Промежуточного диалекта и в Малкарском диалекте образуется от первой формы причастия будущего времени (*окур*, *чабар*, *минер*) и суффикса *-лык* с сингармоническими разновидностями.

Исключение составляют основы на *-р*, *-л*: *бар—барлык*, *кел—келлик* и т. д.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
барлык,	*барлык*,	*барлык*,	*барлык*,
саллык,	*саллык*,	*саллык*,	*саллык*,
куллук	*куллук*	*куллук*	*куллук*
толлук,	*толлук*,	*толлук*,	*толлук*,
сорлук,	*сорлук*,	*сорлук*,	*сорлук*,

От основ на *-р*, *-л*, как видно из примеров, причастие на *-лык* во всех трех диалектах образуется одинаково. В переводе эти примеры по порядку означают: „тот, кто пойдет"; „тот, кто положит", „тот, кто посмеется"; „то, что наполнится"; „тот, кто спросит".

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
ок,урук	*ок,урук* *ок,урлук*,	*ок,урлук*, *ок,урлук*,	*ок,урук*,

жӀурурук,	*жӀурурук*		*жӀурурук*
	журурлук	*зурурлук*	
тилерик	*тилерик*		*тилерик*
	тилерлик	*тилерлик*	
танырык,	*танырык,*		*танырык,*
	танырлык,	*танырлык,*	

От основ на гласные звуки причастие будущего времени как видно из примеров, образуется двояко: в Карачаевском и одном из компонентов Промежуточного диалектов от общеглагольных основ (*оку*—учись, *жӀуру*—ходи, *тиле*—проси, *таны*—узнай) и суффикса *-рук*Ӏ, *-рук, -рик, -рык*Ӏ, а в части Промежуточного и Малкарском причастия с одним и тем же значением образуются от причастия на *-р* (*окӀур*—тот, кто будет учиться; *жӀурур*—тот, кто будет ходить; *тилер*—тот, кто будет просить; *таныр*—тот, кто будет узнавать) и суффикса *-лук*Ӏ, *-лук, -лик, -лык*Ӏ.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
чабарык,	*чабарык,*		*чабарык,*
	чабарлык,	*цабарлык,*	
танышырык,	*та ышырык,*		*танышырык,*
	танышырлык,	*танышырлык,*	
сӧлеширик	*сӧлеширик*		*сӧлеширик*
	сӧлеширлик	*сӧлеширлик*	

Как видно из примеров, весь Карачаевский диалект и часть Промежуточного диалекта (баксанский компонент) образуют этот тип причастия будущего времени от основы (*чаб*—беги, *таныш*—познакомься, *сӧлеш*—говори) и суффикса *-арык*Ӏ, *-ырык*Ӏ, *-ирик*Ӏ, а может быть, и *-ерик*: *кетерик*. Эта же форма принята и в литературном языке. Весь Малкарский диалект и часть Промежуточного диалекта (холамо-бызынгиевский компонент) образуют это же причастие от другого причастия (на *-р*) и суффикса *-лык, -лик*, могут быть разновидности *-лук*Ӏ, *-лук*: *жӀурушурлук, урушурлук*Ӏ.

Основы на *н* дают три вида образования причастия, описанного выше: на *-ныкӀ, -арыкӀ, -арлыкӀ*.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
манник	*минник*	*минник*	*минник*
минерик	*минерик*	*минерик*	*минерик*
	минерлик	*минерлик*	
абынык,	*абынык,*	*абынык,*	*абынык,*
абынырык,	*абынырык,*	*абынырык,*	*абынырык,*
	абынырлык,	*абынырлык,*	
конук,	*конук,*	*конук,*	*конук,*
конарык,	*конарык,*	*конарык,*	*конарык,*
	конарлык,	*конарлык,*	
көрүннук	*көрүннук*	*көрүннук*	*көрүннук*
көрүнүрүк	*көрүнүрүк*	*көрүнүрүк*	*көрүнүрүк*
	көрүнүрлүк	*көрүнүрлүк*	

Как видно по примерам, Карачаевскому диалекту свойственны две формы образования причастия будущего времени с основой на *н*: *минник* и *минерик*—кто должен сесть верхом. Эти формы образуются в одном случае при помощи суффикса *-ныкӀ, -никӀ, -нукӀ, -нукӀ*, в другом при помощи суффикса *-арыкӀ, -ерик*. По значению эти формы ничем не отличаются. Эти же формы встречаются в Малкарском и Промежуточном диалектах. Однако в последних, кроме этих двух форм, имеет хождение параллельно с первыми двумя и третья форма,

образованная от первой формы причастия и суффикса *-лык, -лик, -лук, -лүк*: *окурлук, минерлик, чабарлык, зазарлык*.

Формы, которыми характеризуется Малкарский диалект, считаются остаточными. Они являются результатом каких-то древнейших процессов в образовании причастия, когда основой для этого служила не форма повелительного наклонения 2-го лица ед. ч., а причастия на *р*: *окур, чабар, минер, конар* и т. д.

2. Диалектные различия в употреблении причастия прошедшего времени с суффиксом -лайына, -лейина.

Причастие прошедшего времени языка карачаевцев и балкарцев употребляется и с суффиксом с притяжательным аффиксом 1, 2 и 3-го лица ед. и мн. ч. *-лайыма, -лайына, -лайына*. Этот суффикс в Карачаевском диалекте присоединяется к причастию прошедшего времени непосредственно: *келгенлей*—как только прибыл. Только после этого к форме может присоединиться аффикс лица, например: *келгенлейиме*—как только я прибыл, *келгенлейине*—как только ты прибыл, *келгенлейине*—как только он прибыл, *келгенлейибизге*—как только мы прибыли, *келгенлейигизге*—как только вы прибыли, *келгенлейлерине*—как только они прибыли.

В Малкарском диалекте к причастию прошедшего времени сначала прибавляется притяжательный аффикс, а затем уже суффикс *-лай, -лей*: *келгенимлей*—как только я прибыл, *келгенинлей*—как только ты прибыл, *келгенинлей*—как только он прибыл, *келгенибизлей*—как только мы прибыли, *келгенигизлей*—как только вы прибыли, *келгенлеринлей*—как только они прибыли.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
келгенлейиме	*келгенлейиме* *келгенимлей*	*келгенимлей*	*келгенлейиме*
келгенлейин,е	*келгенлейин,е* *келгенин,лей*	*келгенин,лей*	*келгенлейин,е*
келгенлейине	*келгенлейине* *келгенинлей*	*келгенинлей*	*келгенлейине*
келгенлейибизге	*келгенлейибизге* *келгенибизлей*	*келгенибизлей*	*келгенлейибизге*
келгенлейигизге	*келгенлейигизге* *келгенигизлей*	*келгенигизлей*	*келгенлейигизге*
келгенлейлерине	*келгенлейлерине* *келгенлеринлей*	*келгенлеринлей*	*келгенлейлерине*

В компонентах Промежуточного диалекта эта форма образуется смешанно: как в Карачаевском и как в Малкарском диалектах.

3. Диалектные различия в образовании формы родительного и винительного падежей имен существительных с притяжательными аффиксами.

Падежные формы имен существительных в языке карачаевцев и балкарцев образуются одинаково. Исключение составляют формы родительного и винительного падежей имен существительных с притяжательными аффиксами 1-го лица ед. ч.

В родительном и винительном падежах имена существительные с притяжательными аффиксами 1-го лица ед. ч. в Карачаевском диа-

лекте оканчиваются на гласные *-Ы, -И, -Ү, -У*: *атам-ы, көзүм-ү, колум-у, тилим-и.*

В Малкарском и Промежуточном диалектах параллельно с формами Карачаевского диалекта смешанно встречаются окончания этих падежей в сочетании с согласным *м*: *атам-мы, көзүм-мү, колум-му, тилим-ми.* В литературный язык входит карачаевская норма.

4. Синтаксические различия

Синтаксические различия между диалектами языка карачаевцев и балкарцев обусловлены, главным образом, различным практическим осмыслением залоговых значений глаголов карачаево-балкарского языка.

В Карачаевском диалекте глагол *козу* в данной форме употребляется в значении действительного залога, а в форме *козут* в значении понудительного залога, поэтому карачаевцы говорят: *Итни козума*– не дразни собаку, но *кесинди козутма*—не позволяй дразнить себя. В Малкарском и Промежуточном диалектах этот же глагол в форме *козу* употребляется в значении понудительного, а в форме *козут* в значении действительного залога, поэтому представители этих диалектов говорят: *Итни козутма*, но *кесин и козума.*

Приблизительно так же обстоит дело и с глаголом *бак*—ухаживай В Карачаевском диалекте этот глагол требует после себя форму винительного падежа, так как воспринимается как глагол действительного залога: *Кохоз сүрүүчүле малны иги бағадыла*—колхозные чабаны хорошо ухаживают за скотом. В промежуточном и малкарском диалектах глагол *бак* употребляется в значении среднего залога: *Колхоз сүрүүчүле малға иги бағадыла*—колхозные чабаны хорошо смотрят за скотом.

В языке карачаевцев и балкарцев часто встречаются глаголы, которые, как видно из примеров, требуют разное управление. Но вопрос этот еще не изучен.

Лексические различия между диалектами языка карачаевцев и балкарцев

Лексические различия между диалектами языка карачаевцев и балкарцев можно разделить на три разряда: *а*) разные слова для обозначения одних и тех же предметов и понятий. Такие слова в языке карачаевцев и балкарцев встечаются в достаточном количестве, но перечислить их все нет возможности ибо этим вопросом еще никто не занимался.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	
тилимди	*хүюн*	*ырысхын*	*(дратва)*
некел	*чокай*	*цукол*	*(чуб)*
хота	*албота*	*гефхин*	*(фартук)*

Встречаются слова, которые противопоставляют один из трех диалектов двум другим.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	
күрек	*беккяхын*	*күрек*	(*лопата*)
баҕана	*жигинжи*	*зигинзи*	(*столб*)
уууз	*ырпыс*	*ууз*	(*молозиво*)
көлекге	*ауана*	*ауана*	(*тень*)
ж,а к,оз	*ж,анк,оз*	*цыкарон*	(*подснежник*)
табак.	*чырча*	*цырца*	(*тарелка*)
биттир	*биттиркөч*	*дибилдирик*	(*летучая мышь*)
гүрбе	*гүрбе*	*күф*	(*ящик*)
тартан	*мыга*	*мыга*	(*кулик*)
х,амх,от	*ж,ух,*	*зух,*	(*морда*)
күлте	*гысты*	*гысты*	(*сноп*)

б) синонимические пары, одни из которых активизированы в одном, другие в другом диалекте. Имеются синонимические пары, которые одинаково относятся к словарному составу всего языка; один из этих синонимов больше употребляется в одном диалекте, другой—в другом. Состав таких пар еще полностью не учтен. Притом в употреблении таких пар Промежуточный и Малкарский диалекты противопоставлены Карачаевскому диалекту.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	
турна	*зурнук,*	*зурнук*	(*журавль*)
хонча	*кекел*	*кекел*	(*бакенбарды*)
кекел	*чокай*	*чокай*	(*чуб*)
калаж,ук	*сабанҕач*	*сабанҕач*	(*соха*)

в) антонимичные омонимы. В языке карачаевцев и балкарцев встречаются слова, которые в диалектах употребляются в противоположном значении.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский
өзен — ущелье	*өзен* — *равнина*	
жалла — приближайся ко мне	*ж,алла*— удаляйся от меня	
чегет — лес	*чегет* — теневая сторона горы	

К плановому и всестороннему изучению диалектов языка карачаевцев и балкарцев мы только приступаем. Нужно думать, при глубоком и квалифицированном изучении в языке карачаевцев и балкарцев будет обнаружено много интересного и не только для данного языка.

Е. И. УБРЯТОВА
(*Москва*)

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Изучение диалектов тюркских языков за последнее десятилетие значительно продвинулось вперед[1].

Показателем роста является то, что по ряду языков диалектологи уже приступили к составлению диалектологических атласов (в Азербайджане[2], Татарии[3]) и диалектологических словарей (в Азербайджане[4] и Татарии[5]).

Первичное собирание диалектологических материалов во многих местах также подходит к концу. Есть у нас даже и такие тюркоязычные республики, в которых опубликованы все подготовленные к печати описания диалектов. Это можно сказать о Киргизии, где изданы все законченные описания местных диалектов и в 1950 г. вышла в свет сводная работа Э. Абдуллаева и Ж. Мукамбаева „Кыргыз диалектологиясынын очерки"[6]. И. А. Батманов приступил к исторической диалектологии по материалам енисейской письменности[7]. На нашем совещании И. А. Батманов также выступил с докладом на тему „Диалектные особенности языка памятников орхоно-енисейской письменности"[8]. Этими работами И. А. Батманова открывается новая область исследования диалектов тюркских языков—историческая диалектология. О том, что эта очень важная и пока еще слабо разработанная область диалектологии тюркских языков будет в дальнейшем развита и углублена, свидетельствует также и доклад Э. Р. Тенишева на тему

---

[1] См. Вопросы диалектологии, т. II, Баку, 1960, стр. 7—22.

[2] М. Ш. Ширалиев. Диалектологический атлас азербайджанского языка. Вопросы диалектологии тюркских языков. Материалы второго регионального совещания по диалектологии тюркских языков, состоявшегося 11—15 ноября 1958 г. в г. Казани. Казань, 1960, стр. 53.

[3] Н. Б. Бурганова, Л. З. Заляй. О принципах составления диалектологического атласа татарского языка. Вопросы диалектологии тюркских языков... Казань, 1960, стр. 59.

[4] Р. А. Рустамов. О принципах составления диалектологического словаря азербайджанского языка. Там же, стр. 64.

[5] Л. Т. Махмутова. О принципах составления татарского диалектологического словаря. Там же, стр. 78.

[6] Э. Абдуллаев, Ж. Мукамбаев. Кыргыз диалектологиясынын очерки. Фрунзе, 1959.

[7] И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 118.

[8] Третье региональное координационное совещание по вопросу диалектологии тюркских языков (тезисы докладов), Баку, 1960, стр. 50.

„Система согласных в языке древнеуйгурских памятников Турфана и Ганьсу", также стоящий в порядке дня нашего совещания[9].

Идет публикация материалов и исследований по диалектологии других тюркских языков. Я назову только некоторые.

Большим событием является выход в свет в Баку двух томов (в 1958 и 1960 гг.) „Вопросов диалектологии тюркских языков". Это — сборники статей, собранные, подготовленные к печати и изданные под руководством проф. М. Ш. Ширалиева, при ближайшем участии Р. А. Рустамова и сотрудников диалектологического сектора Института языка и литературы им. Низами Азербайджанской Академии наук. По существу, они являются нашим специальным журналом, объединяющим диалектологов-тюркологов СССР.

Материалы нашего I координационного совещания изданы в первом томе „Вопросов диалектологии тюркских языков". Материалы II совещания изданы также под заглавием „Вопросы диалектологии тюркских языков" (Казань, 1960) Институтом языка и литературы Казанского филиала Академии наук СССР. Главную тяжесть осуществления этого издания вынесла на себе Л. Т. Махмутова.

Эти сборники хорошо отражают работу в области диалектологии тюркских языков. Они разнообразны по содержанию. В них нашли место все вопросы, которыми в данное время занимаются диалектологи-тюркологи.

Нельзя также не отметить сборника „Вопросы диалектологии и истории казахского языка". Уже вышло 3 выпуска. В каждом из них печатаются исследования и материалы по диалектологии казахского языка. Эта серия в Казахстане имеет то же значение для диалектологии казахского языка, какое азербайджанские „Вопросы диалектологии тюркских языков" имеют для диалектологии тюркских языков вообще. Это наши опорные издания, так как они объединяют (и уже много сделали для этого) усилия отдельных диалектологов-тюркологов.

Из монографических работ, вышедших в последнее время, следует особо выделить книгу В. В. Решетова[10]. Работа интересна тем, что в ней фонетика узбекского языка дана так, как она проявляется в диалектах и современном литературном языке. Автор учел все, что было сделано его предшественниками Е. Д. Поливановым, К. К. Юдахиным, А. К. Боровковым, а также им самим и его многочисленными учениками и показал фонетическую систему узбекского языка в ее развитии. Не будучи узбековедом, я не могу судить о том, насколько это удалось автору, но самую постановку этой задачи следует признать очень удачной. Можно только пожелать, чтобы и по другим тюркским языкам мы могли бы располагать такими же материалами.

Наличие таких изданий, особенно таких, как азербайджанские „Вопросы диалектологии тюркских языков", говорят о стремлении диалектологов-тюркологов к коллективности в работе, желании координировать свои исследования и собирание материалов, совместно намечать и разрешать наиболее сложные теоретические и практические задачи диалектологии тюркских языков.

Это и дает основание надеяться, что предполагаемая тема „Вопросы диалектологии тюркских языков", точнее, один такой вопрос — „Образование диалектных систем в тюркских языках" — вызовет интерес наших диалектологов-тюркологов. Вопрос об образовании диалектных систем всюду является спорным, поскольку в большинстве слу-

[9] Третье региональное координационное совещание по вопросу диалектологии тюркских языков (тезисы докладов), Баку, 1960, стр. 52.

[10] В. В. Решетов. Узбекский язык, ч. I, Фонетика. Ташкент, 1959.

чаев он строится и, вероятно, будет строиться на различной интерпретации диалектных материалов и их соответствии с имеющимися историческими данными. И всюду он неизбежно встает, как только предварительные описания дают некоторые материалы для его решения. Мне думается, что разработка этого вопроса в теоретическом плане становится нашей общей задачей.

Предварительные наблюдения были уже сделаны по многим языкам. В книге В. В. Решетова „Узбекский язык, ч. I" во вводной части была показана сложность диалектной системы узбекского языка и ее зависимость от очень сложных процессов этногенеза самого узбекского народа[11].

Сейчас эти вопросы встают и для многих тюркских языков (азербайджанского, татарского, хакасского, тувинского, чулымского, якутского и др.). Уже самые предварительные наблюдения показывают, что способы образования диалектных систем тюркских языков очень разнообразны. Я думаю, что не будет преувеличением утверждение, что каждый тюркский язык шел в этом своим путем и что нельзя найти два тюркских языка, диалектные системы которых совпадали бы.

Единственное, что их объединяет—это зависимость образования диалектных систем от исторических условий жизни самих тюркских народов, от интенсивности взаимодействия этих языков с языками родственными и неродственными.

Там, где эти процессы были сложными, возникли и сложные диалектные системы, с крупными диалектными подразделениями типа наречий. Напротив, там, где эти процессы были менее сложными, диалектные системы языков оказались слаборазвитыми.

И если бы тюркские языки развивались изолированно, вероятно, диалектов совсем не было бы.

Примером языка со слаборазвитой диалектной системой может служить казахский язык. Известно, что только в последнее десятилетие трудами С. А. Аманжолова, Н. Т. Сауранбаева, Ж. Д. Доскараева и Ш. Ш. Сарыбаева доказано наличие диалектов в казахском языке. Однако особенности описанных диалектов наблюдаются главным образом в области фонетики и лексики. В области фонетики—преимущественно общетюркские соответствия: *б—м*, *с—з*, *ч—ш*. Различия в типах ассимиляции и т. п.[12]

Что же касается лексического различия, то оно часто связано с географическими условиями жизни носителей данного диалекта. Например, лексика по рыбному делу у казахов, живущих у Аральского и Каспийского морей[13].

Если сравнить казахскую диалектную систему с узбекской, в которой фонетические различия совпадают с классификационными фонетическими признаками (например, джеканье и йеканье), т. е. по существу межязыковыми фонетическими соответствиями[14], то будет ясно, что диалектные расхождения в казахском языке выражены гораздо слабее.

Слаборазвитую систему диалектов имеет и якутский язык.

Специалисты по якутскому языку (и не специалисты) также часто указывали, что якутский язык лишен диалектов. Это утверждение так же, как и в отношении казахского языка, исходило из понимания

---

[11] В. В. Решетов. Ук. работа, стр. 28—49.

[12] Ж. Болатов. Узын аг,аш экспедициясынын, материалдарынан. Вопросы истории и диалектологии казахского языка, вып. I, 1958, стр. 163.

[13] Ж. Доскараев. Арал, Каспи балык,шылары,ның, тіліндегі профессионалдық, лексиканың, материалдары. Там же, стр. 83.

[14] См. В. В. Решетов. Ук. работа, стр. 49—75.

термина „диалект", как крупного языкового подразделения, обладающего значительными расхождениями и в фонетике, и в морфологии, и в лексике. Якуты расселены на очень большой территории—около четырех миллионов кв. км. И вот оказывается, что почти на всей этой территории якутский язык довольно однороден, хотя местных особенностей в нем отмечено очень много. „Словарь якутского языка" Э. К. Пекарского содержит их великое множество. Но относятся они преимущественно к фонетике и лексике.

В области фонетики эти особенности 1) частью являются общетюркскими. Например: соответствие *м—б —муус—буус* (лед); соответствие *и—э —илии—элии* (рука); 2) частью составляют особенность только якутского языка, например: соответствие долгих и кратких гласных *—ан,ар—ан,аар* (половина); соответствие дифтонгов и широких долгих *—өруө—өрөө* (дневать).

Но большинство из них наблюдается непоследовательно только в пределах небольшого круга основ и часто факультативно для жителей данной местности. Это заставляет думать о том, что диалекты якутского языка находятся в процессе формирования и что в современном языке диалектная система развита слабо.

Однако на большой территории распространения якутского языка есть два района, которые выделяются стойкими диалектными чертами. Один из них находится в центре Якутии и, что особенно важно, в той ее части, которая относится к месту первоначального заселения якутов в Ленско-Алданском междуречье. Другой—за пределами Якутской республики—в Таймырском долгано-ненецком национальном округе. Это—район расселения долган, говорящих на своеобразном диалекте якутского языка. Образование долганского диалекта понятно. Долгане —исторически группа эвенков, которые давно, еще до начала XVII в. усвоили якутский язык, а затем, в силу исторически сложившихся условий, должны были в течение трех столетий жить изолированно в иных общественных и климатических условиях. И диалект их настолько обособлен, что стоит на грани образования самостоятельного языка.

Другое дело так называемый „акающий" диалект в самом центре Якутии. Это диалект, в котором огласовка определенных слов прошла по первому слогу, в отличие от „окающего" диалекта, в котором огласовка этих же слов установилась по последнему слогу. Явление это шире, чем просто „оканье" и „аканье", так как огласовка слов либо по первому, либо по второму слогу распространяется на слова и с задними и с передними гласными: *хатын—хотун, дайды—дойду, кэрсиэ—көрсүө, сэриин—сөрүүн* и т. д. „Аканье" нашло распространение и в некоторых северных районах. Но они несомненно связаны с центральными „акающими" районами.

Как образовался сам якутский язык, мы теперь, по-видимому, уже знаем[15]. Но мое объяснение образования „акающего" диалекта расходится с тем, что говорят историки об отношениях предков якутов с монгольскими племенами. По мнению А. П. Окладникова, эти отношения могли быть только в те времена, когда предки якутов жили в Прибайкалье[16]. Наличие „акающего" диалекта говорит, как мне кажется, о том, что это могло быть на территории Якутии. В самом деле, первоначально якуты обитали лишь на небольшой территории Ленско-Аладанского междуречья. Здесь нашли якутов первые русские казаки,

---

[15] А. П. Окладников. История Якутской ААС, т. I. Якутия до присоединения к русскому государству. М—Л., 1955, стр. 278.

[16] Там же, стр. 281, 321—333.

пришедшие на реку Лену в начале XVII в. Отсюда якутский язык, словно из чаши, разлился во всех направлениях по огромной территории, составляющей 1/6 РСФСР. Распространяясь из единого центра в иноязычной среде, якутский язык остался однородным. Его многочисленные местные диалектные особенности распространяются лишь на отдельные слова; будучи характерными для данного района, они иногда оказываются необязательными для каждого представителя данного говора, производят впечатление чего-то неустановившегося. И только в одном месте центральной части Якутии (северные районы можно в данном случае не принимать во внимание, так как известно, что в них якуты и якутский язык появились значительно позднее и, следовательно, эти особенности языка туда были перенесены из центральных районов) возникли стойкие диалектные черты, распространяющиеся на определенную часть лексики, а именно—слова тюркского и монгольского происхождения, которые в древних тюркских и монгольских языках имели другой порядок гласных, чем в современном якутском. Ср. например:

катун	в якутском	*хатын — хотун*
јарук	„	*сарык — сорук*
јарг,у	„	*саргы — соргу*

Мы знаем сейчас, что вся территория вокруг центральной части современной Якутии в XVII в. была заселена многочисленными племенами эвенков. Это хорошо показано в книге Б. О. Долгих „Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в.“. Те эвенкийские племена, которые после XVII в. перешли на якутский язык, вероятно, были однородны по языку, так как они, перейдя на якутский язык, не дали особых диалектов на этой территории. Это заставляет предполагать, что территория центральной Якутии, на которой в этих словах гармония гласных установилась по первому слогу, была заселена какой-то другой народностью, не тюркской и не тунгусо-маньчжурской, во всяком случае не эвенками.

О том, что это была какая-то монголо-язычная народность свидетельствует следующее:

1. В якутском языке содержится много монгольских элементов в фонетике, морфологии, синтаксисе и особенно в лексике. Акад. В. В. Радлов считал, что в лексике монгольские элементы составляют до 30% лексического состава якутского языка[17].

2. В якутской материальной культуре и фольклоре также содержится немало элементов, говорящих о древних связях предков якутов с древними монгольскими племенами[18]. Интересно, что даже среди названий местности можно встретить слова древнего письменного монгольского языка, например: *чэриктэй* (письм. монг. *cerigtei*, современный монгольский: *цэрэгт*; бурятский: *сэрэг* — войско). *Элэһин* — песчаное место (мон. *elesyn* — песок). Даже такое название, как *халдьаайы* — южный склон, без которого немыслим якутский *алаас* (поляна на пригорке — обычное место расположения якутского жилища до революции), может быть понято только через монгольский язык, в котором *халцгай* означает скудная растительность (о траве, мхе). В якутский язык это слово могло попасть только от монголоязычного племени, жившего в Монголии, так как именно там южные склоны лишены растительности.

---

[17] W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen S — Pb., 1908, S. 2.

[18] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 325.

3. Огласовка слов по первому слогу (аканье) при установлении ныне действующего закона гармонии гласных могли возникнуть в среде населения, в прошлом монголоязычного, лишь недавно перешедшего на тюркский язык и сохранявшего как акцент свойственное монгольским языкам выделение первого слога[19].

На конгрессе востоковедов я читала доклад об отношении якутского языка к тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским. Там этот вопрос заинтересовал присутствующих, но прения не могли развернуться, так как время было очень ограниченное. Обсуждение продолжалось в кулуарах. И вот, Е. П. Лебедева, занимающаяся диалектами эвенкийского языка, сказала, что мое предположение о том, что монголы жили когда-то на территории центральной Якутии, очень ее заинтересовало, так как по ее наблюдениям северные диалекты эвенкийского языка имеют гораздо более ярко выраженные следы влияния монгольского языка, чем южные диалекты.

Доказательства того, что монголы когда-то жили на территории, на которой сейчас живут якуты, собираются по крупицам, но я убеждена, что этих крупиц наберется со временем достаточно. Это позволит уточнить образование диалектной системы якутского языка.

Очень интересна история образования диалектной системы хакасского языка. Конечно, я не имею права говорить об этом, так как не изучала соответствующих материалов. Однако меня спровоцировала на это очень интересная книга Л. Р. Кызласова „Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины" (М., 1960 г.), а также книга Б. О. Долгих „Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в." (М., 1960).

Сейчас, собственно, стало азбучной истиной то, что хакасский язык сложился путем консолидации племенных языков, занявших по отношению друг к другу положение диалектов. На основании этого я в своей работе писала, что образование диалектов в якутском языке шло диаметрально противоположным путем по сравнению с хакасским[20]. В якутском языке образование диалектов шло путем распространения якутского языка в иноязычной среде, тогда как хакасский язык сам сложился в результате консолидации родственных племенных языков, ставших его диалектами, т. е. один как бы шел от общего языка к диалектам, другой—от диалектов к общему языку.

На самом деле это справедливо только в отношении сравнительно более позднего периода истории хакасского языка.

Я не учла также давно известного обстоятельства, что диалекты современного хакасского языка представляли собой языки племен, недавно перешедших на тюркский язык, например, комасинцы, койбалы и другие, которые еще в начале XIX в. были известны как народы, говорящие на самодийских языках. Сейчас, действительно идет процесс объединения диалектов хакасского языка. Исследователи отмечают наличие в современном хакасском языке следующих диалектов: сагайского, качинского, кызыльского, шорского. Но эти диалекты, по свидетельству Н. А. Баскакова и А. И. Инкижековой-Грекул, также ассимилировали более мелкие подразделения: сагайский ассимилировал язык бельтирцев, качинский и сагайский ассимилировали язык

[19] Г. Д. Санжеев. Современный монгольский язык. М., 1959. стр. 20.

[20] Е. И. Убрятова. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М, 1960, стр. 34.

койбалов, говоривших первоначально на своем диалекте; кызыльцы ассимилировали кюэрикский диалект[21].

Литературный хакасский язык был создан на основе сагайского и качинского диалектов. Но и другие диалекты оказали и будут еще оказывать на него свое влияние. В то же время уже сейчас отмечается, что литературный язык начал оказывать, а в дальнейшем будет еще более интенсивно оказывать свое нивелирующее влияние на диалекты хакасского языка.

Но это движение к единству характерно для последнего этапа хакасского языка, хотя началось оно с древнейших времен и прошло многие этапы.

Л. Р. Кызласов в своей работе на основании археологических материалов, относящихся к Таштыкской культуре, которую он датирует со II в. до н. э., пришел к выводу, что по ряду признаков (материальная культура, данные антропологии) эту культуру можно сближать с культурой обских угров, в частности с культурой хантов. Привлечение топонимического материала также привело его к выводу, что „Северный Алтай и Хакассия имеют угорскую топонимику, подтверждающую мнение о дотюрском угорском населении этих территорий" (стр. 169). На этой территории в таштыкское время существовало древнее хакасское государство, угорское по своему языку. Проникновение тюркских элементов на эту территорию началось очень рано. Л. Р. Кызласов, исходя из классификации С. Е. Малова, полагает, „что в эпоху древнехакасского государства (VI—X вв.) шорский и хакасский языки уже существовали".

Он пишет: „Тюркоязычность на Среднем Енисее появилась лишь во II—I вв. до н. э.[21]" „., В период первых пяти веков нашей эры следует констатировать этническую неоднородность и пестроту родового состава у населения Хакасско-Минусинской котловины, где наряду с тюркоязычными продолжали жить угроязычные потомки и „самодийские группы"[23].

Процесс этот был очень длительным и продолжался, вероятно, много столетий.

В книге Б. О. Долгих „Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке" приведены любопытные данные относительно племенного состава населения Минусинской котловины XVII в. Среди тюрок отмечены к и р г и з ы.

Численность всех киргизов „добрых людей" без кыштымов снова была определена в 1000 чел. (В 1703 г. 1500 юрт киргизов были уведены в Джунгарию).

Киргизы с 1609 г. неоднократно принимали русское подданство и начинали платить ясак в Томский, Красноярский и Кузнецкий уезды. Но между киргизами и служилыми людьми в течение всего XVII в. шла борьба. До увода черными калмыками в Джунгарию они составляли 4 улуса: алтысар, езерцев, алтырцев, тубинцев.

Кроме того, там имеются подробные сведения о сагайцах, бельтирах, качинцах, аринцах, камасинцах, кашинцах, карагасах, тоджинцах и многих других. Последние племена даны с их родовыми подразделениями, говорящими об их принадлежности к самодийским племенам.

---

[21] Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. Фонетические особенности хакасского языка. Труды Ин-та языкознания, т. VI. М., 1954, стр. 326.

[22] Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакассов. Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, вып. VII. Абакан, 1959. стр. 73.

[23] Там же, стр. 78.

Приложена очень интересная карта, которая позволяет судить о том, что качинцы, камасинцы, карагасы, койбалы в XVII в. еще не были тюркоязычными. Конечно, одних исторических сведений диалектологу мало. Ему необходимы свои материалы, которые бы могли помочь лингвистически обосновать путь образования диалектной системы, хотя изучение исторических условий развития чисто лингвистических процессов очень важно.

Но эти материалы со всей очевидностью показывают, что прежде чем появился современный хакасский язык с его диалектами, народы и его носители относились не только к разным племенам, но и к разным языковым общностям.

Иначе говоря, и здесь шел тот же процесс распространения какого-то древнего тюркского языка в иноязычной среде. Только эта среда в отличие от того, как это происходило на территории Якутии, была разнородной (угорской и самодийской). Распространение тюркского языка (языков?) дало сначала разные тюркские племенные языки, которые позднее консолидировались в хакасский язык. Активная роль на этой территории принадлежала киргизам, по отношению к которым и качинцы, и сагайцы, и бельтиры, и кызыльцы, и койбалы, и камасинцы были кыштымами (т. е. подчиненными). Но их ли язык распространился среди этих племен или какой другой—это смогут выяснить только диалектологи хакасского языка, которым придется изучить и самодийские и тюркские языки.

Известно, что на территории Хакассии сохранилось много древних рунических памятников, которые получили название „енисейских". О том, какому народу могли принадлежать эти памятники, велись споры.

Условно енисейские рунические памятники считались киргизскими, на том основании, что на этой территории сложилось государство, в котором древние киргизы играли первенствующую роль[24].

Сопоставление материалов современного киргизского языка с языком енисейских памятников привело исследователей, главным образом, киргизоведов, к сомнению в возможности прямого сближения современного киргизского языка с языком енисейских памятников[25]. И это справедливо. И не только потому, что этот древний тюркский язык, отраженный в текстах енисейских памятников, отдален во времени от современного киргизского языка, но и потому, что это совсем другой язык.

Ярким свидетельством генетической близости тюркских языков может служить система причастных форм.

В частности, большинство тюркских языков Сибири и Алтая (хакасский, алтайский, шорский, чулымский, тувинский) имеют единую систему причастных форм как первичных, так и вторичных, и, что очень важно, эта система причастных форм совпадает с системой причастных форм современного киргизского языка (см. таблицу).

Создается впечатление, что здесь распространился какой-то древний тюркский язык кыпчакского типа (форма на-*ган*, отсутствие форм на -*мыш*, -*дык*). Язык же енисейских надписей по составу причастных форм должен быть отнесен к огузским языкам, он либо принадлежал какому-то другому народу, говорившему на языке, родственном древ-

---

[24] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952, стр. 4—7.

[25] К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940, стр. 6; И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 14.

ним тюркам Северной Монголии, и который, возможно, был позднее ассимилирован; либо он являлся древним литературным языком, которым пользовались тюркоязычные народы Хакассии.

Таблица интересна в том отношении, что она показывает большую общность как в древних причастных формах (общетюркские *-ар*, *-маз*, кыпчакский *-ан*), так и в более поздних вторичных причастных и глагольных формах глагола *-ателик*, *-халах*; *-атат—-атан*; *-ыык—-ыых*), характерных только для этой группы языков, и не отраженных в древних тюркских памятниках.

Таблица ясно показывает, что с языком енисейских памятников эти языки связаны не более чем все остальные тюркские языки. Кроме того, эти языки объединяют и стяженные формы с вспомогательными глаголами *тыр-*(*тур-*), *чат—-ча-*(*jat-*), чего также не было в древних тюркских языках Монголии и в енисейских памятниках и что свойственно современным кыпчакским языкам.

Классификации, построенные на фонетическом принципе, обычно относили эти языки к разным группам[26].

Древний киргизский язык, по всей вероятности, относился к языкам кыпчакского типа. Распространение его в среде разноязычных племен и дало разные племенные языки с общей основой, что и обеспечило в дальнейшем их постепенное сближение. Способствовало этому также и то, что носители этих племенных языков—народы, населяющие Минусинскую котловину, с древнейших времен находились в тесных отношениях друг с другом и даже входили в единое государственное объединение[27]. Сам процесс перехода на тюркский язык (языки) всех этих народов был длительным. Кроме того, очень часто он шел не непосредственно от исконно тюркоязычного народа, а через посредство другого народа, раньше перешедшего на тюркский язык. Очень хорошо это прослежено в книге Л. П. Потапова „Происхождение и формирование хакасской народности" (Абакан, 1957). Тщательно проанализировав исторические документы XVII—XIX вв., а также материалы, собранные Миллером, Фишером, Палласом, Кастреном и другими, лично наблюдавшими за этим процессом в разное время, автор показывает постепенное распространение тюркоязычности. В XVII в. по русским историческим документам наиболее активным народом, подчинившим себе кето- и самоедоязычные племена на этой территории, были киргизы. Их кыштымами были качинцы, исторически принадлежавшие к самодийскоязычным народам[28], но к этому времени усвоившими тюркский язык, от которых он начал переходить к тесно связанным с ними кетоязычным аринам[29].

Второй группой, где также началось распространение тюркского языка под влиянием еще более тесных связей с киргизами были тубинцы, представлявшие собой в XVII в. конгломерат племен, состоявший из тубинцев, моторов и койбалов (самодийскоязычные и кетоязычные племена[30]. Вторым источником распространения тюркского языка Л. П. Потапов считает кызыльцев, появление которых он объ-

[26] И. А. Батманов. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе 1947, стр. 89; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 197, 207.

[27] См. Л. Р. Кызласов. Гаштыкская культура. М., 1960; Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.

[28] Ук. работа, стр. 91.

[29] Там же.

[30] Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 96.

ясняет переселением какой-то тюркоязычной группы с Иртыша и Тобола[31].

Точка зрения Л. П. Потапова разделяется не всеми историками. Л. Р. Кызласов относит процесс тюркизации местного населения к более раннему периоду, а возникновение государства древних хакассов в VI в.[32] Не имея возможности судить об этом, могу сказать только, что материалы и документы, приведенные Л. П. Потаповым, согласуются с данными языка, во всяком случае не противоречат им, а кроме того, процесс, нарисованный им, очень напоминает то, что происходило и происходит сейчас на территории Якутии. Изучение диалектов хакасского языка, вероятно, позволит сделать какие-то более точные выводы.

Вплотную к вопросу об образовании диалектной системы татарского языка подошли татарские диалектологи. Перед ними стоят очень большие трудности и они, вероятно, должны будут вести коллективно исследования диалектной системы татарского языка.

По установленной проф. Л. З. Заляем классификации в татарском языке имеются следующие диалекты:

1) средний диалект—татарский язык населения Татарской республики и Башкирии;

2) западный диалект—язык мишарей;

3) восточный диалект—язык татароязычного населения Сибири.

Но за этим, в сущности, очень условным делением скрываются весьма сложные процессы, которые шли в прошлом и продолжаются сейчас.

Так, например, очень сложны отношения татарского и башкирского языка. В Башкирии идет интенсивное взаимодействие этих языков и их диалектов. В одних районах Башкирии победил башкирский язык, в других — татарский.

Этого вопроса касается в своей очень интересной диссертации А. Ш. Афлетунов „Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР. (Автореферат, Казань, 1961).

Восточный диалект татарского языка—также интересное поле для наблюдений за живыми процессами взаимодействия татарского языка с другими тюркскими языками[33]. По свидетельству, с одной стороны, А. П. Дульзона[34], с другой—М. А. Абдрахманова[35], татарский язык

---

[31] Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 86—88.

[32] Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. Уч. зап. Хакасского НИИЯИ, вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 55; см. также К. Г. Копкоев. Некоторые данные к вопросу о происхождении хакасов. Там же Основное возражение К. Г. Копкаева Л. П. Потапову состоит в том, что хакасский язык не мог сложиться за такой короткий срок. Но Л. П. Потапов и не говорит о возникновении нового языка на пустом месте. Он говорит о переходе на тюркский язык отдельных племен, в процессе которого сложился новый язык, а это совсем другое дело. Во всяком случае хакасский язык по своему грамматическому строю (система глагольных форм) объединяется в одну группу с киргизским языком, а по фонетическим особенностям—с местными тюркскими языками.

[33] Д. Г. Тумашева. Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку. Вопросы диалектологии тюркских языков. Материалы II регионального совещания по диалектологии тюркских языков. Казань, 1960, стр. 52.

[34] А. П. Дульзон. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола. „Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 101.

[35] М. А. Абдрахманов. К вопросу о закономерностях диалектно-языкового смешения (на материале тюркского говора дер. Эушта, Томского р-на). Автореф. канд. дисс. Томск, 1960, стр. 1, 2.

проникает в диалекты тюркских языков Томского района (эуштинцев, чулымцев). Для диалектолога эти наблюдения имеют очень важное значение, так как они позволяют наблюдать живые процессы формирования (и разрушения) диалектных систем.

Вопрос от образовании диалектной системы так или иначе поднимается в диалектологических работах по всем тюркским языкам.

Языков много. Системы их чаще всего сложны и, главное, очень разнообразны. То, что лежит на поверхности в большинстве сибирских языков, в которых эти процессы проходили относительно недавно и отражены в большом числе разнохарактерных документов, не так ясно прослеживаются в таких языках, как узбекский, уйгурский или башкирский. Однако и здесь сравнительное изучение диалектов поможет проследить образование диалектных систем.

Было бы чрезвычайно важно и интересно коллективно написать работу, посвященную формированию диалектных систем азербайджанского, алтайского, башкирского, гагаузского, казахского, каракалпакского, караимского, карачаевского, киргизского, кумыкского, ногайского, татарского, тувинского, туркменского, узбекского, уйгурского, чувашского, чулымского, хакасского, якутского языков.

Такая работа имела бы прежде всего большое теоретическое значение, так как она позволила бы выявить общие закономерности образования диалектных систем тюркских языков, а также отличие этих общих закономерностей от закономерностей образования диалектных систем языков иных семей, например, германских, славянских и т. д.

Подготовка работы могла бы быть осуществлена путем написания глав, посвященных образованию диалектных систем отдельных тюркских языков, специалистами, занимающимися диалектологией этих языков. Главы вводная и заключительная, содержащие теоретические обобщения, могут быть написаны специальной редколлегией.

Обсуждение планов отдельных глав и завершенных частей работы можно проводить как на специальных совещаниях коллектива авторов, так и на региональных совещаниях по вопросам диалектологии тюркских языков.

Вся работа могла бы быть выполнена за 3—4 года (1961 г.—собирание материалов. 1962 г.—написание статей по отдельным языкам и их обсуждение, 1963 г.—составление вводной и заключительной обобщающих статей, 1964 г.—редактирование и подготовка к печати). Общий объем работы — 25 — 30 п. л.

В процессе дальнейшей работы могут быть выдвинуты и другие вопросы, представляющие широкий теоретический интерес, разработка которых может быть осуществлена только общими усилиями тюркологов-диалектологов.

А. Г. ВЕЛИЕВ

(*Баку*)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕХОДНЫХ ГОВОРОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Выявление и изучение фонетических, грамматических и лексических особенностей переходных говоров имеет очень важное значение для выяснения некоторых основных вопросов взаимовлияния диалектальных групп, а именно восточной, западной и северной групп диалектов и говоров азербайджанского языка.

При классификации диалектов и говоров азербайджанского языка, в основном, учитывались наиболее распространенные различия, по которым в силу известных причин не представляется возможным установить точные границы диалектальных групп, так как на пограничных территориях возникают своеобразные особенности, характеризующие переходные говоры.

В эпоху феодализма, по-видимому, на территории Карабахского, Шекинского и Бакинского ханств существовали отдельные диалекты, более или менее отличающиеся от других диалектов, носители которых входили в состав других ханств. Согласно историческим данным[1], начиная с середины XV в. до первой четверти XIX столетия Шекинская область и примыкающие к ней территории были объединены в Шекинское ханство. Между Шекинским ханством и его соседями, Карабахским и Шемахинским ханствами, постоянно велись войны, внутри самого ханства шла междоусобица. Все эти столкновения большей частью происходили на территории нынешних Агдамского, Геокчайского, Уджарского и других районов, по которым проходили основные дороги.

Общеизвестно, что в условиях ханства те или другие языковые явления в диалектах постоянно увеличивались. Все эти изменения происходили вследствие перехода пограничных участков ханств из рук в руки, а население их постоянно сталкивалось с представителями другого диалекта; при воздействии последнего возникали говоры, обладающие особенностями трех различных диалектных групп. На примере агдашских, геокчайских и уджарских говоров мы сталкиваемся с этим процессом междиалектных явлений. В результате этих исторических событий население названных территорий в течение длительного времени постоянно подвергалось влиянию как Нухинского, так и Карабахского и Шемахинского диалектов. Влияние это на переходные говоры здесь не везде было одинаково. В то время как в агдашских переходных говорах сильное влияние оказала нухинская, несколько слабее карабахская и незначительное восточная группа (особенно ше-

[1] Из истории Шекинского ханства. Изд. АН Азерб. ССР, Баку, 1958, стр. 25 и др.

махинская), то в геокчайском говоре сильное влияние оказал Шемахинский, в уджарском—переходном говоре Карабахский диалект, входящий в западную диалектальную группу.

Поэтому при исследовании диалектологических особенностей агдашских, геокчайских и уджарских переходных говоров нам следует учесть все историко-географические факторы, имеющие какое-либо отношение к ним. В связи с происходившими политическими событиями и стихийными бедствиями (частые землетрясения в Шемахинском районе) в составе населения указанных территорий все время происходили изменения, что безусловно оказало, некоторое влияние на их языковые особенности.

Таким образом, в речи населения указанных территорий появляются особенности как смежных диалектальных групп, так и собственно диалектальные различия, характеризующие переходные говоры.

Необходимо отметить, что некоторые особенности переходных говоров лежат в основе современного азербайджанского литературного языка. Сюда относится в первую очередь сохранение гармонии гласных. В этих переходных говорах твердо соблюдается гармония. Таким образом, эти говоры как бы являются мостиком между западной группой, с одной стороны, и восточной и северной группой — с другой.

Далее, в этих говорах в конце слов развит палатальный смычной (глухой) согласный *к*, что считается также нормой литературного языка.

Но особый интерес представляет выявление некоторых характерных особенностей восточной и западной групп в геокчайском, уджарском и зардобском говорах, и северной группы в агдашских говорах.

С целью исследования переходных говоров в 1949, 1954, 1957, 1960 и 1961 гг. были организованы диалектологические экспедиции, а также совершены индивидуальные поездки в Геокчайский, Агдашский и Уджарский районы, где собраны очень интересные материалы, характеризующие эту группу. В результате анализа собранных материалов выявлены некоторые характерные особенности переходных говоров и в некоторой степени установлена степень насыщенности этих говоров элементами других диалектальных групп.

Среди диалектальных групп, установленных существующей классификацией диалектов и говоров азербайджанского языка, особое место занимают переходные говоры, обладающие своеобразными особенностями.

В составе переходных говоров различаются: агдашский, геокчайский, уджарский и зардобский говоры.

Агдашские переходные говоры обладают следующими характерными особенностями.

В области фонетики:

1. В агдашских говорах сильно развиты долгие варианты гласных $\bar{а}, \bar{ə}, \bar{о}, \bar{ө}, \bar{е}, \bar{ү}, \bar{ү}$; из них большое распространение имеют широкие гласные ($\bar{а}, \bar{ə}, \bar{о}, \bar{ө}$); эти долготы в основном являются вторичными образованиям вследствие выпадения согласных, главным образом: *j*, *h*, *в*, *н*, *г* (или же целого слога: *-hа*, *-jи*, *-нə*) в середине и в конце слова. Здесь не наблюдаются долгие варианты гласных *и*, *ы*, отсутствие которых резко отличает эту группу от геокчайских переходных говоров, где сильно развит долгий вариант *и*.

В то время как долгие варианты широких (открытых) гласных имеют большое распространение, долгие варианты узких гласных ($\bar{ү}, \bar{ү}$) имеют незначительное распространение, а полузакрытые ($\bar{е}$)

как бы занимают среднее положение между ними, напр.: *дача* (лит. дајча)—жеребенок, *да* (лит. даһа)—еще, *тәк* (лит. тәнәк)—виноградная лоза, *Зилфар* (лит. Зүлфүгар)—собственное имя, *мә* (лит. мәнә)—мне, *сә*(лит. сәнә)—тебе, *фәлә* (лит. фәһлә)—рабочий, *гәшәр* (лит. гәншәр)—против, *јә* (лит. јијә)—хозяин, *кәрмәһ* (лит. кәјирмәк)—отрыгивать, *дәрман* (лит. дәјирман)—мельница, *Нәрман* (лит. Нәриман)—собственное имя, *сох* (лит. сојуг)—холод, *јошан* (лит. јовшан)—полынь, *доға* (лит. довга)—рисовый суп на кислом молоке, *јало* (лит. алов)—пламя, *ошара*—сироп, *дола*—укрытое место, откуда охотятся за куропаткой и турачом, *чәрко*—буйвол, запрягаемый дополнительно, *коға*—крюк, *коғар*—посуда, сделанная из деревянной коры, *тоха*—мотыга, *дөрә* (дөврә)—круг, *һај*—отклик, *вәр* (лит. вер)—отдай, *үсүк*—наперсток, *дерсән* (лит. дејирсән)—ты говоришь, *кессән* (лит. кедирсән)—ты идешь и др. Долгота в словах: *тоха*, *дола*, *коға*, *коғар*, *һај*, *вәр*, по-видимому, не является вторичным образованием.

2. Основной вид дистанционной прогрессивной частичной ассимиляции — это гармония гласных, которая соблюдается почти во всех агдашских переходных говорах, напр.: *үззүк* (лит. үзлүк)—маска, *бармағыма*—к моєму пальцу, *өјүн ожағындан* (<евин очағындан) — из дымоходной трубы, *јајылыф* (лит. јајылыб)—распространивш**ис**ь, *өјмуздәјәм* (<евимиздәјәм)—нахожусь (в нашем) доме, *бирәз* (<бир аз)—немного, *китавыны* (<китабыны)—его книгу, *һәфтик* (<аптек) аптека.

В этих говорах наблюдается полное сохранение губной гармонии гласных, напр.: *сөјүр* (<севир)—любит, *отдујур* (>отлајыр)—пасется, *күдүкчү*—пастух, *гуггулдујур* (<гағылдајыр)—гогочет, дөјлү (<дејил)—не, *һөсүрдү* (<өскүрдү)—закашлял, *хуну*—сорт арбуза, *оон* (<онун)—его, *көкүдүр* (лит. күрәкәнидир)—является его зятем, *охшујур* (<охшајыр)—он похож и пр.

3. Чередование (или соответствие) широких гласных переднего ряда с узкими такого же ряда: *ә→и—инчил* (лит. әнчир)—инжир, *огәдир* (лит. огәдәр)—столько, *зинчир* (лит. зәнчир)—цепь, *иссијир* (лит. истәјир)—он хочет, *нәгәдир* (лит. нә гәдәр)—сколько, *елијиф* (лит. еләјиб)—сделав, *әвиршим* (лит. әбрәшим)—декоративное дерево.

Чередование *ә→и* наблюдается в касимовском говоре татарского языка (напр.: *тиризи*<*тәрәзә*—окно, *пирипис*<*пәрәмәч*— перемечь, *чичи*<*чәчәк*—цветок, *сини*<*сәнәк*—вилы[1].

Такое чередование можно считать специфической особенностью переходных говоров.

К чередованиям широких гласных с узкими гласными относятся также *а→у*: *куалы* (лит. кавалы)—слива, широко распространенное явление чередования губных заднего ряда, в основном, в абсолютном начале и в первом слоге: *о→у*; *ун* (лит. он)—десять, *унда* (лит. онда)—у него, *гуах* (лит. говаг)—тополь, *мушух* (лит. мешок)—мешок, *ухлеј* (лит. охлов)—скалка, *вагун* (лит. вагон), *пузмах* (лит. позмаг) стереть.

По сравнению с азербайджанским языком *о→у* также распространено в башкирском и татарском языках (*кул*—рука, *утыз*—трид-

[1] Л. Т. Махмутова. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. Материалы по диалектологии, Казань, 1955, стр. 155.

цать, *юл*—дорога, *тулы*—полный, *ут*—огонь[2]. Такое же явление наблюдается и в уйгурском языке (напр.: *улар*—они, *ун*—десять, *уйын*—игра)[3], а также в хакасском языке (напр.: *пузул*, *пузух*)[4].

Кроме того, здесь зафиксированы другие типы, входящие в эту группу: *а—и*, *синавар* (лит. самовар); *а—ы сахлыjыр* (лит. сахлаjыр)—сохраняет, *jорғалыjыр* (лит. jорғалаjыр)—идти иноходью. Чередование губных переднего ряда: *ө→ү*, *күjәрир* (лит. көjәрир)—всходы зеленеют. Чередование неогубленных с губными: *ә—ү түә* (лит. дәвә)—верблюд, *мүһәббәт* (лит. мәһәббәт)—любовь.

Все вышеприведенные типы чередования (или соответствия являются особенностями агдашских переходных говоров, которые иногда обнаруживаются и в других диалектах и говорах.

4. Здесь наблюдается ряд чередований, специфичных для других диалектов и говоров. Чередование *е—ә*, наблюдаемое в первом слоге (напр.: *кәнә* (лит. *jенә*)—опять, *вәр* (лит. вер)—отдай, *бәлә//һәблә* (лит. бәлә)—так, отмеченные в говорах сел. Модуд, Карадейн и Карадаглы Агдашского района, является особенностью восточной группы.

Но чередование неогубленных переднего и заднего рядов *ә→а* (напр.: *новат* (лит. нөвбәт)—очередь, *сифат* (лит. сифәт)—лицо, *мәрфаж* (лит. мәфрәш)—большой ковровый сак, *сурфа* (лит. сүфрә)—скатерть, *хашыл* (лит. хәшил)—жидкая каша из муки, *хынгал* (лит. хинкал)—блюдо из теста), зафиксированные в южных и юго-западных селениях Агдашского района, является особенностью западной группы.

Здесь же встречается чередование *е→ө*, являющееся особенностью северной группы и других диалектов; напр.: *jөj* (лит. өкеj)—неродной *сөjүр* (лит. севир)—любит, *өj* (лит. ев)—дом, *дөjлү* (лит. дejил)—не *өjләнмәх'* (лит. евләнмәк)—жениться и т. д.

5. В этих говорах широкое распространение получили нисходящие дифтонгоиды типа $\bar{o}^{\breve{y}}$ и $\bar{ө}^{\breve{y}}$, напр.: *то$\bar{}^{\breve{y}}$х* (лит. *тоjуг*)—курица, *то$\bar{}^{\breve{y}}$лу* (лит. тоғлу)—барашек, *до$\bar{}^{\breve{y}}$з* (лит. донуз)—свинья, *гырго$\bar{}^{\breve{y}}$л* (лит. гырговул)—фазан, *гаро$\bar{}^{\breve{y}}$лчу* (лит. гаровулчу)—караульщик, *со$\bar{}^{\breve{y}}$ра* (лит. сонра)—потом, *го$\bar{}^{\breve{y}}$шу* (лит. гоншу)—сосед, *бө$\bar{}^{\breve{y}}$ди* (лит., бөjүдү)—вырос и т. д.

6. В агдашских переходных говорах, как закономерное явление, наблюдается так называемое жоканье, т. е. дезаффрикатизация *ч*, которое имеет место в корнях слов в интервокальной позиции (напр., *ожах* (лит. очаг)—место для разведения огня, *нежә* (<нечә)—как, *кежә* (<кечә)—ночь, *чижи* (лит. ана)—мать, *бажы* (<бачы)—сестра, *бажанах* (<бачанаг)—свояк, *балажа* (балача)—маленький, *һажы* (һачы)—собственное имя, *һажат* (<һачат)—инструмент, *тәрәжә* (<тәрәчә)—сплетение), в конце слов после гласного (в большинстве случаев в односложных словах), *саж* (<сач)—металлический диск, используемый для приготовления хлеба, *киж* (<кич)—глупый, *аж* (<ач)—голодный, *уж* (<уч)—конец, *күж* (<күч)—сила, *диж* (лит. динч)—спокойный) также в аффиксах, главным образом, будущего времени (напр. *бахажам* (<бахачағам)—посмотрю, *ичәжәм* (<ичәчәjәм—выпью) и пр.

Это явление, наблюдаемое западнее и севернее от Агдашского, Геокчайского, а также западнее от Уджарского и Зардобского районов, охватывает почти всю западную и северо-западную часть тер-

---

[2] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 14.

[3] С. Е. Малов. Уйгурский язык. М.—Л., 1954, стр. 188.

[4] Хакасско-русский словарь, М., 1953, стр. 165.

ритории Азербайджанской ССР. В агдашских говорах жоканье в корнях слов распространено, в основном, в селах, расположенных на юге района, по левому берегу Куры и в виде островков в некоторых других селениях, а в аффиксах это явление наблюдается почти во всех селах района. По сравнению с геокчайскими говорами это явление здесь развито больше.

Чередование *ч→ж* в корнях наблюдается также и в некоторых тюркских языках и в их диалектах. В башкирском языке: *бажа*—свояк, *ижадсы*—созидатель, *мажара*—приключение, *таж*—корона, *фажига*—трагедия, *хәжәт*—надобность, *һөжүм*—нападение, *әжер*—мзда[5]; в тувинском языке: *ажыг*—кислый, горький, *бажа*—свояк, *кежээ*—вечер, *кожай*—хозяин[6].

7. В этих говорах заметно постепенное исчезновение велярного аффриката *ӈ*, вместо которого в большинстве случаев носовые гласные не появляются, как это бывает в северной группе. Поэтому в этом отношении агдашские говоры, как и другие переходные говоры, приближаются к восточной группе. Употребление велярного *ӈ* имеет место, в основном, в категории принадлежности во 2 лице: *атаӈы* (лит. сәнин атанын)—твоего отца, и в корнях слов, напр.: *аӈры*—туда. Но наряду с этим в категории принадлежности употребляются и носовые звуки: напр.: *алыы* (лит. сәнин әлинин)—твоей руки.

8. Повсеместно в агдашских переходных говорах наблюдается оглушение согласных в результате чередования *б→ф* и двойного чередования *г→ғ→х*, что происходит обычно в конце слов, напр.: *мираф* (водный староста), *кәлфәтин*—клещи, *гаф*—посуда, *әрәф*—араб, *диф*—сказав, *гајдыф*—возвратившись, *кәсиф*—отрезав, *хәлиф*—придя, *гармах*—крюк, *гавах*—тыква, *чомах*—палка, *чарых*—лапти, *чирах*—светильник, *ушах*—ребенок, *гуах*—тополь, *гатых*—кислое молоко и др.

Здесь же можно обнаружить чередование *п→ф* в середине и в конце слова, напр.: *гуфлу*—с ручкой, *ифлих'*—бумажная нитка, *гафгара*—совершенно черный, *гыфгырмызы*—ярко-красный, *тофлады*—собирал, *һәфтик* (<аптек)—аптека, *сәфди* (<сәпди)—засеял, *гофду* (<гопду)—поднялся.

В агдашских говорах в конце слова наряду с глухим палатальным смычным *к*, также развит глухой спирант *х'*, который в результате ослабления переходит в некоторых словах в *һ*, напр.: *үзүк//үзүх'*—кольцо, *једәһләмәх'*—держать лошадь за повод, *әппәк//әппәх'*—хлеб, *бибих'//бибиһ*—часть граната, *дишәһләмәх'*—точить напильником, *әллик//әллих'*—кружка, *кәлик//кәлих'//кәлиһ*—неспелая дыня, *көвәх'//көвәһ*—середина колеса, *үрәх'дән//үрәһдән*—от сердца, *бәһмәз*—сваренный сок фруктов, *өрдәх'//өрдәһ*—утка, *кәпәнәх'//кәпәнәһ*—бабочка.

9. Одним из распространенных фонетических явлений в агдашских переходных говорах является переход *б→в* в интервокальной позиции и в конце слов после гласных, который наблюдается почти во всех говорах данного района, напр.: *сәвах*<*сабаһ*—завтра, *баравар*<*бәрабәр*—совместно, равно, *горава*—маринад, *Авдылла*<*Абдулла*—собственное имя, *тавах*—<*табаг*—корыто, *шырвит*<*ширбит*—род рыбы, *хәлвир*—решето, *каһрава*<*кәһрәба*—янтарь, *күлвә*—*күлбә*—печь, горн, *хәвәр*—весть, *гаван*—кабан, *чувух*<*чубуг*—прут, *арава*—телега, *дәвәдуваны*—мать-и-мачеха (растение), *нәлвәнки*<*нәл-*

[5] Башкирско-русский словарь М., 1958, стр69, 198, 373, 499, 593, 609, 631, 694.
[6] Тувинско-русский словарь. М., 1955, стр. 43, 78, 220, 230.

бәки—блюдце, *каваф*<*кабаб*—шашлык, *әвришим*<*әбришим*—дерево, *сәвирли*<*сәбирли*—терпеливый, *авад*—благоустроенный, *гавырға*—ребро, *кәвә*—ковер, *китавыны*—его книгу, *новатчы*<*нөвбәтчи*—пастух, *јава*—вилы, *авкәрдән*—черпалка, *Автыкәрим*<*Абдулкәрим*—собственное имя, *бава*—дедушка, *ава*—плащ, *һәлвәт*<*әлбәттә*—конечно, *дувара*—вторично, *кежә вә күндүз*—день и ночь, *Нәви*<*Нәби*—собственное имя, *гову*—враг, *мүрәккәв*—чернила, *гав*—посуда.

10. В этих говорах можно обнаружить оглушение *д*→*т* в разных позициях, напр.: *тукан*<*дукан*—лавка, *тиһ*<*дик*—крутой, *патчаһ*<*падишаһ*—царь, *түә*<*дәвә*—верблюд, *тиггәтнән*<*диггәтлә*—внимательно, *азат*—свободный, *шүјүт*—укроп, *исгылат*—склад, *бастырды*—закопал, *тарахлы*<*дараглы*—хохлатый; и дезаффрикатизацию *ч* двойным чередованием *ч*→*ч*→*ш*: *агаш*—дерево, *тураш*—турач, *көрүч*<*көруш*—высокое дерево, *саш*<*сач*—диск, на котором пекут хлеб, *башармах*//*бажармаг*—уметь, *јамаш*<*јамач*—склон горы.

11. В начале слова развит согласный *һ*, напр.: *һинди*<*инди*—теперь, *һавах*<нә вахт—когда, *һачар*<ачар—ключ, *һаj*—что (вопросительное местоимение), *һајана*—куда, *һөсүрдү*<өскүрдү—покашлял, *һалча*—алча, *һәлвәттә*—конечно.

В агдашских говорах примечателен ряд особенностей в разных грамматических категориях. В области морфологии:

1. В говоре сел. Булотаги Агдашского района употребляется особая форма сравнительной степени прилагательных с помощью частицы *һәнк*//*һәнки*, равнозначной словам „вроде", „напоминающий" (лит. тәһәр): *мүрәббәһәнк*—вроде варения, *чахырһәнки ишки*—напоминающий напиток вино, *әвамһәнк*—как невежда, *бирһәнк*—какой-то, странный.

—*Күлөјш нар мүрәббәһәнк* олур—кисло-сладкий гранат вроде, (напоминает) варенья.—*Нарын сууннан ширә дүзәлдилләр, чахырһәнки ишки олур, өзү дә туршһәнки*//*туршмәзәһәнки олур*—Из граната получают сок вроде (напоминающий) винного напитка, который бывает кисловатым. *Јашды адамлар әвамһәнк, бәлә түкһәнк олур.*—Пожилые люди бывают вроде (как) невежд. Гарачан кәндинин дили бирһәнкди.—Язык деревни Караджан какой-то (вроде) странный.

2. В этих говорах для образования штучных числительных между числительным и существительным ставятся следующие нумеративы (пояснительные слова), характеризующие данные говоры: *виж*—мешок. *Дүнән беш виж памбых тофладым.*—Вчера я собрал пять мешков хлопка. *Чунғул*—кипа, пачка. *Мән бир чунғул нар үздүм.* Я сорвал несколько (?) гранат. *Пәнчә*—сноп скошенного хлеба. *Өјнә кимин сәккиз пенчә тахыл бишдим.*—До перерыва я скосил 9 снопов хлеба. *Дагга*—мерка зерна. *Уна бир дагга буда вер.* Выдай ему 1 мерку пшеницы. *Дәнә*—штука. *Чижим Падардан ики дәнә туғ алыф.*—Мать в Падаре купила две (штуки) метлы. *Гом*—пучок. *Мәнә беш гом һала ал кәти.*—Купи мне пять пучков зелени. *Гајыс*—два пуда. *Он гајысмыз бир тағарды.*—Десять двухпудовых составляет двадцать пудов.

3. В агдашских говорах склонения личных местоимений в родительном и дательно-направительном падежах отличаются от литературного языка и других диалектов. В указанных падежах в 1 и 2 лице конечный *н*, а также в 3 лице соединительный сонорный *н* выпадают, таким образом, образуются парные гласные, в которых второй глас-

ный, количественно меняясь, произносится долго: *мән*—я, *мəəм* (лит. мəним)—меня, *мəə* (лит. мəнə)—мне; сəн—ты, *сəən* (лит. сəнин)—тебя, *сəə* (лит. сəнə)—тебе; однако в 3 лице наряду с этим во всех падежах, за исключением именительного и родительного, происходит чередование широкого гласного *о* с узким *у*, напр.: *о*—он, *оон* (лит. онун)—его, *уа* (лит. она)—ему, *уну*—(лит. ону)—его, *унда* (лит. онда)—у него, *уннан* (лит. ондан)—от него.

4. Во всех говорах Агдашского района употребляется усеченная форма определенного будущего времени на *-аж*, *-əж* вместо литературного *-ачаг*, *-əчəк*, напр.: *алажам*—буду получать, *алажасан*—будешь получать, *олажах*—будет получать и т. д.

Однако в сел. Пираза Агдашского района употребляется и другая форма при помощи аффиксов *-атды*, *-этди*. В этом говоре при спряжении глаголов в данном времени после аффиксов времени личные окончания не употребляются, но и аналитически сочетаются с личными местоимениями. Глаголы спрягаются следующим образом: *мән алатды*, *сән алатды*, *о алатды*, *биз алатды*, *сиз алатды*, *олар алатды*. Следует отметить, что такое явление пока не отмечено в других диалектах и говорах азербайджанского языка. Однако в других тюркских языках и в их диалектах такое явление существует. В восточном диалекте татарского языка наблюдается такое же явление *мин парған* (вм. барганмын), *син парған* (вм. баргансын), *ул парған* (лит. ул барган), *пес парган* (вм. барганбыз) и т. д.[7]

5. В большинстве говоров Агдаша для выражения деепричастия употребляются аффиксы *-ыф*, *-иф*, *-уф*, *-үф*, фонетически измененные варианты (*алыф*, *билиф*, *дуруф*, *көрүф*), однако в подгруппе Кюкял—Турянчай Агдаша мы встречаем более архаичную форму деепричастия, выражаемую при помощи четырехвариантных аффиксов *-ыбаны*, *-ибəни*, *-убани -үбəни* (*алыбаны*, *кəлибəни*, *охуjубаны*, *көрүбəни*).

6. В этих говорах при повелительном наклонении глагола употребляются усилительные частицы *дəə//дана*; бах *дəə//бах дана*—смотри-ка.

7. В отличие от западной группы в большинстве говоров Агдаша вопросительные предложения различаются по интонации путем протяжного произношения последнего гласного конечного слова, напр.: *Арава кəлди? Кешди?* Однако в нескольких селах (Карадаглы, Мовдуд, Карадейн) встречаемся с другой конструкцией вопросительного предложения, выраженного при помощи вопросительных частиц: *мы*, *ми*, *му мү*.

8. В некоторых говорах разделительный союз в отличие от литературного языка и других диалектов выражается не при помощи *ja*, *jа*, а посредством *нə*, *нə дə*; последние формы в литературном языке означают отрицание: напр.: *нə тəлəбəди*, *нə дə мүəллим* (Арабоджаг)—он и не студент, и не преподаватель.

В области лексики агдашских говоров.

Некоторые особенности, напр.: *дəhə*—посев хлопка или зерновых культур, *hала*—сорняк или зелень, *дəннəмək*—собирать (фрукты), *мампах//маппах*—беспомощный, *данға күн*—завтрашний день, *тə-*

[7] Д. Г. Тумашева. Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектом Сб. „Вопросы диалектологии тюркских языков", Казань 1960, стр. 47.

рəвəз—огород, *гыргыра*—катушка, *əнбир*—тиски, *хырнəк*—зайчик, *хыр*—резьба, *шəл*—дерево с листьями, срубленное, *шəлпə*—пробка, *бурчум//бүрчүм*—побег, росток, *сырт*—седловина горы, *нəнд*—посевная площадь, *чөjкə*—медная чаша, *коғар*—посуда, приготовленная из коры черешни и т. д.

При рассмотрении приведенных особенностей агдашских говоров мы можем прийти к такому заключению, что наряду с специфическими чертами этих говоров в них также преобладают диалектные особенности западной, восточной и северной групп диалектов и говоров азербайджанского языка, что доказывает соприкосновение различных языковых групп на данной территории.

Среди переходных говоров особый интерес представляют геокчайские говоры, которые являются как бы областью соприкосновения восточной и западной диалектальных групп. В этих говорах, наряду с некоторыми особенностями указанных двух диалектальных групп, наблюдается ряд своеобразных черт, характерных для геокчайского говора. Отметим некоторые из них.

1. Одной из характерных особенностей геокчайских переходных говоров является употребление в слове в большинстве случаев двух или более долгих вариантов гласных, которые создают особую интонацию речи; напр.: *Сəки дəвади ē*—ведь ты хочешь вызвать драку.

2. В этих говорах более развиты в корнях как небные, так и губные, а в аффиксах—губные гласные, напр: *илдыз* (лит. улдуз)—звезда, *бырда*—здесь, *кетсүн* (<кетсин)—пусть он пойдет.

3. В геокчайских говорах наблюдаются случаи выпадения согласного *j* в начале и середине слова, являющиеся характерной особенностью Казахского диалекта, входящего в западную группу; напр.: *уху* (<jуху)—сон, *үк* (<jүк)—груз, *ухары* (<jухары)—вверх, *көəрчин* (<көjəрчин)—голубь. В некоторых случаях это явление обнаруживается на стыке двух слов при их слиянии. напр.: *буанда* (лит. буjанда)—на этой стороне. Этот фонетический процесс происходит в результате выпадения и других звуков между двумя словами при произношении их без паузы. Этот процесс имеет широкое распространение как в общенародном разговорном языке, так и почти во всех его диалектах. Такое же явление наблюдается в башкирском[8] и в некоторых других тюркских языках.

4. Как закономерное явление почти во всех говорах Геокчая сохраняется принцип сингармонизма. Здесь преобладает в основном небная гармония. Однако в сел. Караязы Геокчайского района более развита губная гармония. В этом говоре примечательным фактом является замена небных губными гласными, которая наблюдается как в корнях, так и в аффиксах, напр: *чалуб* (лит. чалыб)—скосив, *чəкирүк* (<чəкирик)—тянем, *билдүн* (<билдин)—ты узнал. Это явление прочно вошло в категорию сказуемости в ед. ч. в 3 лице *нəду*? (что это такое?), *анрыдаду*—находится на той стороне и т. д.

5. В этих говорах сильно развиты долгие гласные вторичного образования, напр.: *тары* (лит. танры)—бог, *мат* (<манат)—рубль, *jах* (<jанаг)—щека. Кроме того, встречаемый здесь долгий *а* в словах *гары*—старуха, *сары*—желтый, *вар*—есть, является долготой первичного образования.

6. Чередование *б ~ п* наблюдается в различных позициях в слове, напр.: *лыпап* (<ləгəб)—прозвище, *əрəп* (<əрəб)—араб, *потилкə//по-*

[8] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 27.

тулга—бутылка, *дejun* (<дejиб)—говоря, *пытах* (<будаг) — ветка, *пычаг* (<бычаг)—нож, *jығын* (jығыб)—собрав и пр.

Такое же явление отмечено и в родственных языках. В уйгурском языке: *пічак, палта, пашман*[9]; в турецком языке: *раştак*—башмак, *pazarlık*—торг, *реу*—задаток, *piştek*—вариться[10]; в хакасском языке: *пала*<*бала, палты*<*балта, паар*<*бағыр*[11]; в чувашском языке: *пăх*<*бах, пурта*<*балта*[12], а также в диалектах тюркских языков. В восточном диалекте татарского языка: *пез* (*без*), *пиш* (*биш*), *пиыл* (*быел*)[13]; в башкирских диалектах: *песән*—сено, *палық*—рыба, *пакыр* —красная медь[14].

Чередование *п*→*б*, являющееся характерным для северной группы, встречается и в Геокчае в различных позициях: *бити* (<пити)—мясной суп, *бадрон*—патрон, *билан* (<план)—план. Это явление имеет место и в тюркских языках. В башкирском языке: *бартком, бартија, балучка*[15].

7. Обращает на себя внимание категория сказуемости в геокчайских говорах, где слова, употребляемые в данной категории, не принимают никаких аффиксов: *мән галхоччи, сән галхоччи, о галхоччи, биз галхоччи, сиз галхоччи, олар галхоччи.* Эта особенность зафиксирована в сел. Поту, Алхасава Геокчайского района. Однако наряду с ними широко распространены различные варианты аффиксов сказуемости, в особенности двухвариантные аффиксы мн. ч. 1 лица: *-jик//-jих'*, 2 лица мн. ч. *-сиз//-суз.*

8. Характерным явлением для переходных говоров является жоканье и сохранение аффрикаты *ч*. По сравнению с агдашскими говорами здесь дезаффрикатизация согласного *ч* не получила широкого распространения. Этот процесс в основном наблюдается в южных и западных селениях Геокчайского района, а в некоторых селениях отмечаются оба явления, что характерно и для уджарских говоров.

9. Как известно, в азербайджанском литературном языке в начале слова употребляется фрикативный заднеязычный звонкий гласный *г*. Однако в сел. Арабджабирли в начале некоторых слов употребляется звуковой вариант *ғ*, который по произношению стоит очень близко к звуку ɣ (гайн) арабского языка; *ғыз*—девушка, *ғәрә*—черный, *ғапы*—дверь, *ғаттајыб*—свернув, *ғазан*—котел и др.

Такой вариант употребляется в сел. Фатмаи на Апшеронском полуострове.

10. Другой важной фонетической особенностью является почти полное отсутствие как в корнях, так и в аффиксах велярного сонорного *н* (*н*). В категории принадлежности этот звук, в основном, заменен согласным *в* или же звуками *у*, *ў* (а также дифтонгоидами типа *оу*, *өў*, носовым гласным вариантом *ӯ*), что показывает на слабое положение велярного *н* в переходных говорах. Множество таких ва-

---

[9] С. Е. Малов. Уйгурский язык. М.—Л., 1954, стр. 177, 175.
[10] Турецко-русский словарь. М., 1945, стр. 482, 484, 486, 490.
[11] Хакасско-русский словарь. М., 1953, стр. 141, 142, 144.
[12] Русско-чувашский словарь. М., 1951, стр. 279, 700.
[13] Г. Х. Ахатов. Некоторые особенности восточного диалекта татарского языка. Уч. зап. Тобольского Госпединститута, вып. 1, 1958, стр. 53.
[14] Т. Г. Баишов. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955, стр. 33.
[15] Там же.

риаций вытекает из сущности переходных говоров, составляющих как бы промежуточное состояние в диалектальных группах, напр.: *әлӯвун, әлӯвә, әлӯви*—твоей руки, *белӯ, белӯва//белӯва* — к твоей спине, *белуи*—твою спину; *атӯ_н*—твоего отца, *атӯва*—твоему отцу, *атӯви*—твоего отца, *нәнӯун*—твоей бабушки, *нәнәуа*—к твоей бабушке, *өзӯн*—тебя самого, *өзувә*—тебя самому, *өзӯн*—тебя самой.

11. В отличие от многих диалектов и говоров в геокчайском говоре парадигмы склонения существительных с гласными переднего и заднего рядов, а также с огубленными и неогубленными во 2 лице ед. ч. и мн. ч. резко выделяются с одновариантным аффиксом *-ун* в ед. ч. и *-ув* во мн. ч.; напр.: *јерун* (лит. јерин)—твое место, *јерӯн* (<јеринин), *јеруа* (<јеринә), *јеруи* (<јерини); *јерӯз* (<јериниз), *јерӯзун* (<јеринизин), *јеруза* (<јеринизә), *јерӯзи* (јеринизи); *ухлӯн//ухлӯ_ун* (лит. охловун)—твоя скалка, *ухлӯ_а* (<охловуна), *ухлӯ_и* (<охловуну) и т. д. Как видно из примеров, в аффиксах принадлежности 2 лица употребляются, как правило, огубленные, причем в большинстве случаев закрытые (*у*).

12. В геокчайских переходных говорах получило широкое распространение чередование взрывных согласных между собой; оно наблюдается в чередовании *т→д*, которое происходит в середине слова в результате качественного изменения одного звука в определенном звуковом комплексе, а также под влиянием гласного в звуковых комплексах: *кт, ст, хт, фт, шт, тр*, напр.: *мећдәб//мәкдәб*—школа, *усда*—мастер, *тахда*—доска, *дурба*—труба, *көсдәрмәк*[с]—показывать, *хәсдәхана*—больница, *шәфдәли*—персик, *бәхдәвәр*—счастливый, *ахдармах*—искать, *ирәфдар*—обращение и пр. Такое же чередование имеет место в восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка. Однако, сравнив с родственными языками, его можно установить и в уйгурском языке, напр., *бәт//бәд, бојтаг//бојдаг*[16]; в северных говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *диғирчек*—колесо. Кроме того, озвончение происходит и в случае *п—б*, наблюдается оно как в абсолютном начале, так и в середине слова, напр.: *бити*—буль он, *бишик*—кошка, *балто*—пальто, *сӯбӯркә*—метла.

Это широко распространенное явление довольно часто встречается в большинстве родственных языков, в уйгурском (*паспорт//башпурт* паспорт, *пичаг//бичаг*—нож, *пӯтӯк//битик*—письмо, бумага; в ногайском (*пиш//биш*—косить, *пит//бит*—расти, в каракалпакском (*пал//бал*—мёд, *пит//бид*—расти и др). В области оглушения согласных характерным для переходных говоров можно считать чередование *ч→ш*, состоящее как бы из двух последовательных чередований (*ч→ж* и *ж→ш*). *Ч→ш* появляется главным образом в середине и в конце слов, напр.: *чекиш* (лит. чәкич)—молоток, *башармах* (<бачармаг)—уметь, *иштимаји* (<ичтимаи)—общественный, *ағашдых—уғашдых* (<ағачлыг)—деревья, *тураш* (<турач)—турач, *бӯриш* (<бӯрӯнч)—бронза, *пуш* (<пинч)—заклепка, *куш* (<күнч)—угол и пр.

13. В геокчайских говорах, как правило, оглушение *д* происходит, в основном, в конце слова (*ат<анд*—клятва, *чит<чијид*—семя, *нохут<нохуд*—горох, *арват<арвад*—женщина, но изредка встречается и в начале (*тик*—бугор, *тӯкан*—лавка, *тӯшбәрә<дӯшбәрә*—

[16] (См. Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., стр. 21, 23).

пельмени. Чередование (также и соответствие) *д→т* является специфической особенностью западной группы азербайджанского языка, оно наблюдается и в большинстве тюркских языков (в современном турецком, каракалпакском, ногайском, уйгурском и др.) и в их диалектах (Джерге-тальском говоре киргизского языка, в северных говорах Ёмудского диалекта и в Салырском диалекте туркменского языка, в бахмальском говоре узбекского языка, в казанищенском говоре кумыкского языка), что составляет особенность как огузской, так и кыпчакской групп.

14. В этих говорах часто можно наблюдать чередование фрикативных согласных, а именно—соответствие фрикативных глухих между собой (*х→h*, *х→т*, *с→ш*), глухих и звонких фрикативных (*ф→в*, *h→j*, *х→г*), а также звонких фрикативных между собой (*в→j*). Чередование *х→h* происходит обычно в интервокальном положении и считается характерным для данных говоров, напр.: *ahыры*—наконец, *baһырсан*—ты смотришь, *бырaһылларды*—отпускали, *Балаһаным*—собственное имя, а также в абсолютном начале слова (*horуз*—петух, *hана*—ткацкое приспособление), в соседстве с сонорным *арh*—арык, *горhма*—не бойся. Сфера территориального распространения чередования *в→j* очень обширна, являясь особенностью западной группы, оно занимает значительную территорию Геокчая. В основном наблюдается в конце слова, напр.: *өj*—дом, *бүтөj*—целый, *бызоj*—теленок и пр.

Особый интерес представляет чередование звонких и глухих фрикативных согласных, которое имеет довольно значительные разновидности, из коих в Геокчае отмечены чередования *в→ф* (*мәф<мәhв*—истребление, *сафхоз<совхоз*), *в→h* (*дуһар<дивар*—стена), *з→с* (*јасшишиjи*—дикая кошка), *в→х* (*духар<дивар*—стена), *j→h* (*даһаз*—мелкий), *г→х* (*ахыллы*—умный, *бахча*—садик, *сахнах*—ободок сита).

15. В геокчайских переходных говорах употребляется среднеязычный фрикативный глухой согласный *х'*, который является характерным для данных говоров. Этот звуковой вариант появляется в результате чередования *к→х'* в середине слова перед сонорным, а большей частью в конце слова после гласных переднего ряда. Изоглосса *к→х'* представляет собой как бы линию (область) продолжения такого же явления в северной и западной группах, напр.: *кәх'лик*—куропатка, *тих'мәк*—шить, *чичәх'*—цветок, *эппәх'*—хлеб. Наряду с этим явлением в таких же условиях происходит чередование *к→h*, которое, по-видимому, является результатом нарастающей аспирации, однако точное разграничение этих явлений (*к→х'* и *к→h*) представляется трудным.

Чередование *б→в* является характерным для многих диалектов и говоров азербайджанского языка. Оно считается специфической особенностью как западной и северной групп, так и переходных говоров (агдашских, геокчайских, уджарских и зардобских). Чередование *б→в* происходит в интервокальной позиции в середине многосложных и в конце односложных слов. Необходимо отметить, что это явление имеет место в тех говорах, где распространена дезаффрикатизация *ч→ж*. Однако наряду с этим явлением в переходных говорах также наблюдается параллельное употребление *б→в* и литературной нормы и в то же время постепенное исчезновение к востоку данного чередования, напр.: *хајаван<хијабан*—аллея, *харава<хараба*—развалина, *гаваг//гавах<габаг*—перед, *див*—дно, *галыв*—колодка и пр. Это явление наблюдается и в родственных языках (см. уйгурский) и

в их диалектах (в бахмальском говоре узбекского языка, джергетальском говоре киргизского языка и пр.).

16. Следует особо отметить, что вместе с оглушением согласных (особенность западной и северной групп) в Геокчае наблюдается и в некоторой степени озвончение согласных. Однако самое примечательное—это чередование *г→ғ* (еще более озвонченное, чем в литературном языке), которое преобладает в восточной части района (напр.: *ғыз*—девочка, *ғардаш*—брат, *оғадар<огәдәр*—столько, *ушағ*—ребенок, *чаруғ*—лапти, *балығ*—рыба и пр.), изоглосса которого, перемещаясь на запад, составляет параллели с изоглоссами оглушения, а еще дальше—совершенно исчезает, уступив свое место явлению *г→х* (результат двойного чередования (*г→ғ→х*), напр.: *бы̄тах < будаг* — ветка, *папах*—шапка, *памбых*—хлопок, *нохсан*—недостаток, *hахсыз*—несправедливый и т. д.

17. В силу пересечения различных изоглосс в личных и указательных местоимениях в родительном, дательно-направительном и винительном падежах создается определенная вариация, качественно отличная от других диалектов и говоров, напр.: *мәним//мә̄м//мәин// мә̆н*—меня, *сәнин//сә̄н//сә̆ин//сәән//сәнүн*—тебя, *онун//унун// о͡у̯н// о͡н*—его, *мәнә//мә̄//мәә*—мне, *сәнә//сә̄//сијә*—тебе, *она//о͡а//уна//уа͡*—ему, *мынын//мынун//муун//бынын*—этого, *мына//муна//мыа*—этому.

18. В переходных говорах глаголы имеют различные признаки. Аффиксы перфекта в геокчайских говорах во 2 лице ед. и мн. ч., употребляются в двух вариантах: *-мы*, *-ми*, а в 3 лице четырехвариантные: *-ыб*, *-иб*, *-уб*, *-үб*. Особо следует отметить, что аффикс 2 лица мн. ч. почти во всех переходных говорах употребляется только в одной форме *-суз*, который резко выделяется в произношении и создает как бы особую интонацию. Как правило, во всех парадигмах спряжения личный аффикс 2 лица мн. ч. употребляется с обязательным элементом закрытого огубленного гласного *у*, что наблюдается почти во всех временах простого изъявительного наклонения (*кәлдуз*, *алдуз*, *көрмисуз*, *алмысуз*, *билирсуз*, *алырсуз*, *кәләчәhсуз*, *вырачахсуз*, *кәләрсуз*, *аларсуз*), в плюсквамперфекте *кәлмишдуз*, *алмышдуз*), в имперфекте I (*алырдуз*, *кәлирдуз*), в имперфекте II (*кәләрдуз*, *алардуз*), в будущем-прошедшем (*кәләчејдуз*, *алачејдуз*), в прошедшем-желательном (*алејдуз*, *кәлејдуз*), в прошедшем-необходимом (*аласыjдуз*, *кәләсиjдуз*), в прошедшем-долженствовательном (*алмалиjдуз*, *кәлмәлиjдуз*), в прошедшем-условном (*алсејдуз*, *кәлсејдуз*), а также в желательном (*аласуз*, *кәләсуз*), в необходимом (*аласысуз*, *кәләсисуз*), в долженствовательном (*алмалысуз*, *кәлмәлисуз*) и в условном (*алсуз*, *кәлсуз*) наклонениях.

19. Сравнительно не так давно возникшее под влиянием литературного языка долженствовательное наклонение, по-видимому, скорее всего является показателем будущего времени и выражением категории модальности. К такому выводу мы приходим, ознакомившись с диалектологическими данными из переходных говоров. Долженствовательное наклонение, несмотря на свою небольшую историю, прочно укрепилось в языке и широко употребляется в общенародном азербайджанском разговорном языке. Форманты долженствования (*-малы*, *-мәли*) можно обнаружить во всех переходных говорах, однако в восточных сельских говорах больше применяются при отрицательном слове *дөjүр* (*дејил*—не). Поэтому сфера распространения их неодинакова.

В западной части указанных говоров парадигмы спряжения представляются в виде: *кәлмәлијәм*—я должен приходить, *кәлмәлисән, кәлмәлиди, кәлмәлик', кәлмәлисуз, кәлмәлидиләр*; *алмалы дөјүрәм*—не должен получить, *алмалы дөјүрсән, алмалы дөјүр* и т. д.

20. Наклонение необходимости на *-асы, -эси* в геокчайских говорах встречается лишь в некоторых сельских говорах, а в других оно употребляется как будущее время. По-видимому, это наклонение является вариантом будущего времени (эквивалентным с долженствовательным наклонением), одновременно выражающее модальность. С развитием и проникновением в диалектную речь долженствовательного наклонения, наклонение необходимости легко уступает ему свое место, что доказывается параллельным употреблением их в некоторых сельских говорах. Однако в нескольких говорах оно совершенно выпало, сохранившись только во 2 лице ед. и мн. ч. категорического будущего времени, напр.: *јазчам//јазачам*—напишу, *јазассан//јазаасан//јазејсан//јазчахсан*—напишешь, *јазчах*—напишет, *јазачух//јазачуг*—напишем, *јазасуз//јазассуз//јазчахсуз*—напишете, *јазчахлар*.

Из приведенного парадигма можно предположить, что в аффиксах *-асы, -эси* во 2 лице закрытые гласные (*ы, и*) легко выпадают, а в 1 и 3 лицах эти аффиксы заменены показателями категорического будущего времени (*-ач, -эч*).

Отрицательные глаголы в этих говорах в наклонении необходимости образуются посредством отрицательного слова *дөјүр* и аффиксами *-ма, -мә* , которые прибавляются как к основному глаголу, так и вспомогательному глаголу *ол*, напр.:

единственное число	множественное число
1 л. аласы дөјүрәм (не должен получать)	1. л. аласы дөүјрик
2 л. аласы дөјүрсән	2 л. аласы дөүрсүз
3 л. аласы дөјүр	3 л. аласы дөјүр
1 л. алмијасыјам	аласы олмадым
2 л. алмијасысан	аласы олмадын
3 л. алмијасыды[и]	аласы олмады[и]
1 л. алмијасыјых	аласы олмадых
2 л. алмијасысуз	аласы олмадуз

21. Парные разделительные союзы *ја—јә* и *нә—нә* в геокчайских переходных говорах употребляется так же, как в агдашских говорах, т. е. в некоторых сельских говорах *нә—нә*, не выражает отрицательности, а также *ја—јә* не выполняют свою основную функцию, напр.: *нә шүшәдән олур, нә дә дәмирдән олур* (в значении: *ја шүшәдән олур, ја да дәмирдән*—состоит либо из стекла, либо из железа), *јә јахшыды, јә писди* (в значении: *нә јахшыдыр, нә писдир*—или ни хороший, или же ни плохой).

Однако и в этом явлении обнаруживается особенность переходных говоров. Наряду с указанными значениями разделительных союзов, они употребляются также параллельно, т. е. в одном и том же говоре (напр., сел. Карамарян), имеет место *ја—јә* в значении, соответствующем литературному и обратном: *јә мән кедәрәм, јә сән кедәрсән* в значении: *ја мән кедәрәм, ја сән кедәрсән*—или я пойду, или же ты пойдешь). *Јә биззә олмыјах, јә сиззә олмыјах* (в зна-

чении: *нə биздə олмаjаг, нə сиздə олмаjаг*—не будем ни у нас, не будем также и ни у вас).

Вышеприведенные данные еще раз показывают, что переходные говоры как бы составляют область соприкосновения отдельных изоглосс, характеризующих три диалектальные группы. Эти изоглоссы (фонетические, морфологические явления) вне точки соприкосновения действуют более энергично, однако по мере приближения, постепенно ослабевая, разнохарактерные изоглоссы составляют параллели, но после пересечения с другими, могут совершенно исчезнуть.

Е. В. ГУДИАШВИЛИ

(*Тбилиси*)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТУРЕЦКОЙ РЕЧИ РИЗЕ И ТРАПЕЗУНДА

(по опубликованным диалектологическим материалам)

Вокализм. Турецким диалектам не свойственно резкое разграничение друг от друга. В современной турецкой языковой области почти невозможно найти два территориально отдаленных района, жители которых не понимали бы друг друга. Однако это положение не лишает нас возможности изучать и сопоставлять языковые данные разных областей Турции. Сопоставление же дает нам прочную научную основу для классификации современных турецких диалектов.

Среди доселе известных опытов классификации турецких диалектов более правильным и приемлемым кажется нам территориальный принцип. Поэтому вполне допустимо выделить крупные языковые области, объединяющие несколько административно-территориальных единиц. Конечно, пока что рано говорить об окончательной классификации турецких диалектов, до тех пор пока не будут изучены все районы Турции и сопоставлены данные разных языковых единиц.

Принимая все это во внимание при изучении турецких диалектов, следует осторожно применять термины „диалект", „говор", „наречие" и т. д.

Настоящая статья представляет часть темы, ставящей целью изучение турецких диалектов. В данном случае объектом исследования является турецкая речь северо-восточной части Турции.

Условно эту языковую область называют группой северо-восточных диалектов. Но не каждая административная единица, объединяющаяся в северо-восточной части Турции совпадает с понятием диалекта. В частности, интересующие нас турецкие речи вилайетов Ризе и Трапезунда по фонетико-грамматическим особенностям можно выделить в самостоятельный диалект северо-восточной Анатолии. По отношению же друг к другу эти две речи являются наречиями так называемого Ризе-Трапезундского диалекта. (Следовало бы воскресить употребляемый Куношем в научной тюркологической литературе термин „лазский диалект").

Изучение северо-восточных турецких диалектов особенно интересно для тюркологов Грузии. Так как известно, что в северо-восточной части современой Анатолии, на побережье Черного моря компактными массами обитает народ картвельского происхождения—Чаны, т. е.

Лазы[1]. По-лазски говорили даже в самом Ризе[2]. И поэтому несколько-вековое соприкосновение этих двух народов—турок и чанов (лазов) должно было оставить след и в языковом отношении. Влияние чанского на речь жителей северо-восточной Анатолии, в частности на ризе-трапезундских областей, нам кажется закономерным.[3]

Турецкая речь Ризе и Трапезунда часто привлекала внимание как русских, так и западноевропейских тюркологов, однако монографически они до сих пор не изучены. Существующие материалы в основном представляют тексты турецких речей Ризе и Трапезунда[4].

Наша работа ставит целью на основе указанного диалектологического материала исследовать систему гласных Ризе-Трапезундского диалекта, а также указать параллели из других языковых областей Турции.

По фонематическому составу Ризе-Трапезундский диалект мало чем отличается от вокализма современного турецкого языка. Здесь же следует отметить и то, что широкий гласный звук *ə* (ä), весьма характерный для других диалектальных единиц северо-восточной Анатолии, встречается спорадически, редко.

Не лишен интереса и вопрос о долгих гласных в изучаемом нами диалекте. Вообще в турецких диалектах первичная долгота проявляется в разной степени. Например, в юго-западных диалектах отмечено обильное наличие гласных первичной долготы[5]. В изученных же нами доныне турецких диалектах вторичная долгота преобладала над первичной; в Ризе-Трапезундском диалекте долгота в основном вторичного происхождения[6]. Но если исключить вопрос ударения, встречаются и слова с первичными долгими гласными. Так, напр.: *sēn* (*sen*, Трап., А. Дж., 250), *dēgil* (*degil*, Трап., А. Дж., 195), *pelçōzimi* (*bel çözümü*, Трап., А. Дж., 237), *nēnni*, Трап., А. Дж. 140) и др.

Известно, что в литературном турецком языке в заимствованных из арабского языка словах долгота гласных прослеживается в определенных случаях, в персидских же словах в произношении и орфографии долгие гласные слабо проявляются[7]. Несмотря на это в диалектах, в частности, исследуемой нами речи, в иностранных заим-

---

[1] Н. Я. Марр. Из поездки в Турецкий Лазистан. Изв. Императорской АН. СПБ. 1910. См. Джавахашвили. История грузинской нации (на груз. языке), I, II, Тбилиси, 1913.

[2] Арн. Чикобава. Введение в языкознание (на груз. языке). Тбилиси, 1952, стр. 366.

[3] В. Писарев. Несколько слов о требизондском диалекте ЗВО, XIII, 1901. И.

[4] И. Кунош. Laz dalok, Nyclvtudomàni közlemények. XXII, 1891; Его же. Lazlürkische Wörterliste aus der Gegend Samsun-Trépezunt; В. Писарев. Несколько слов о требизондском диалекте, ЗВО, XIII, 1901, Л. Бонелли. Voci del dialetto turco di Trebizonda. K. Sz. Будапешт, 1902; М. Рясенен. Eine sammlung von mānī-Liedern aus Anatolien. Хельсинки, 1926. А. Джафероглу. Kuzey-dogu illerimiz agizlarndan toplamalar (Ordu, Giresun, Trabzon, Rize ve yöreri agizları). Стамбул, 1946.

По сведениям Т. Ковальского (Die Osmanisch-türkische Dialekte E I. IV-Лейпциг, 1931 г., стр. 996). И. Кунош считает, что на сформирование лазского диалекта большое влияние имел какой-то неизвестный индогерманский язык! Предполагаем, что для того времени неизвестным „индогерманским языком" является ныне орошо изученный Чанский диалект занского языка, входящий в картвельскую группу языков.

[5] Zaynep Korkmaz. Güney-batı Anadolu agızları (ses bilgisi). Анкара, 1956, стр. 10—23.

[6] Следует отметить, что в текстах Рясенена не указана долгота гласных, кроме двух случаев: ālādim, ālādim.

[7] Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 112-

ствованиях долгота гласных почти всегда сохранена. Так, напр., *rāzıysanuz* (*razıysaniz*<араб. راضي, Трап., А. Дж. 134), *hāli* (*hali*<араб. حال Трап., А. Дж., 133), *mādem* (*madem*<араб. مادام Трап., А. Дж., 251), *mīras* (*miras*<араб. ميراث Трап., А. Дж., 142). *dānesi* (*tanesi* перс. دانه Трап., А. Дж., 171), *çāre* (*çare*<перс. چاره Трап. А. Дж., 1), *pādıṣah padiṣah*<перс. پادشاه Трап., А. Дж., 164). *beyzādem* (*beyradem*<перс. زاده Трап., А. Дж., 134), *kārımı* (*karimı*<перс. كار Трап., А. Дж., 249) и др.

Как было уже отмечено, вторичная долгота преобладает. Из ряда причин, способствующих возникновению вторичной долготы следует отметить *выпадение согласных*. Так, например, в словах арабского происхождения при утрате согласного гортанного звука ع наблюдается появление долгого гласного: *tāpif* (араб. تعريف Трап., 175), *yāni yäni* (араб. يعني Трап., 133), *cemī* (араб. جميع Трап., 134) *katīyen* (араб. قطعياً Трап., 243).

В некоторых арабских словах утрата согласного ع стягивает одинаковые гласные звуки в один долгий гласный: *sāt* (араб. ساعت Трап., Ризе, А. Дж., 165, 300), *müsāde* (араб. مساعده Трап., А. Дж., 182), Хотя в этих двух примерах сохранению долгого гласного может способствовать и арабский долгий *ā* в корне.

Между двумя гласными и в конце закрытого слога редуцируется согласный *h* и при стяжении гласных образуется вторичная долгота: *dā* (*daha*, Трап., А. Дж., 133), *pāli* (*pahalı*, Ризе, А. Дж., 284), *yāu* (*yahu*. Трап., А. Д., 219) *padiṣānın* (*padiṣahının*, Трап., А. Дж., 220), *kāveyi* (*kahveyi*, Трап., А. Дж., 176).

При частичной редукции *h* также возникает долгий гласный: *ṣeriye* (*ṣehriye*, Трап., А. Дж., 133).

Среди гласных утрачивается также и согласный *y*, после чего стягивание двух гласных дает долгий гласный звук, напр.: *elmā* (*elmaya*, Трап., А. Дж., 200), *yā* (*yaya*<*aya*, Трап., А. Дж., 225), *eṣṣē* (*eṣeye*, Трап., А. Дж., 164). *hegā* (*hikaye*, Трап., А. Дж., 183), *kōcam* (*koyacagım*, Трап., А. Дж., 176), *pekī* (*peki yi*, Трап., А. Дж., 134), *yīm-da* (*yiyeyim de*, Трап., А. Дж., 153).

Исчезает и согласный *n* (по происхождению древний *ñ* „сагыр нун“), образуется долгий гласный: *sōra*, (*sonra*, Трап., А. Дж., 154); также после утраты *n* (*ñ*) стягивание двух гласных дает долгий гласный звук, напр.: *pā* (*bana*, Трап., А. Дж., 128), *sā* (*sana*, Трап., А. Дж., 133), *bā* (*bana*, Трап., А. Дж., 173).

Согласный звук *к'*, подвергаясь сильной палатализации через *к'*> >*g'*>*y'*, образуя нисходящий дифтонг, способствует возникновению долгих гласных: *keleçēmisiniz* (*gelecek misiniz*, Трап., А. Дж., 201). *kōde* (*gökte*, Трап., А. Дж., 230).

Как известно, дифтонги в ударных и безударных слогах дают долгие гласные звуки[8]. Это же явление наблюдается и в диалекте Ри-

[8] Э. В. Севортян. Фонетика..., стр. 107.

зе—Трапезунда, напр.: *pi‿ṣṣēmı ētdi* (*bir ṣey mietti*, Трап., А. Дж., 173). *yemeni* (*yemegini*, *ṣindiyse*, Трап., А. Дж., 244), *ṣardīle* (*ṣartiyle*, Трап., А. Дж., 163). *ṣimdīsa*, *ṣimdiyse*, Трап., 164).

В самих дифтонгах частичная редукция согласного *y* (*й*), по-видимому, является причиной возникновения вторичной долготы: *ö ʸle* (*öyle*, Трап. А. Дж., 244), *ko ʸdeki* (*gökteki*, Трап., А. Дж. 191).

В изучаемых нами речах довольно распространено образование долгих гласных на основе выпадения заднеязычного звонкого спиранта *g*, напр.: *pāleri* (*bagları*, Трап., А. Дж. 170), *īaladim* (*yagladım*, Трап., Ряс., 41) *āladim* (*agladım*, Трап., Ряс.,41), *bey‿ōlina* (*bey ogluna*, Трап., А. Дж., 139).

Также согласный *g* между двумя гласными исчезает, стягивая их в один долгий гласный, напр.: *māzada* (*magazada*, Трап. А., Дж., 175), *ācın* (*agacın*. Трап., А. Дж., 154), *çocū* (*çocugu*, Трап., 195), *sordūn* (*sordugun*, Трап., А. Дж., 134), *sagluni* (*sagligını*, Трап., А. Дж., 219), *tān* (*dagun*, Трап., А. Дж., 220), *çārdi* (*çagırdı*, Трап., А. Дж., 218), *bārtdı* (*bagirttı*, Трап., А. Дж., 154), *kucānda* (*kucagında*, Трап., А. Дж., 174), *kulānı* (*kulagını*, Трап., А. Дж., 133), *kuṣan* (*kuṣagını*, Трап., А. Дж., 170), *cārmıṣ* (*çagirmış*<*cagırmış*, Трап., А. Дж., 155) и т. д.

Выпадает согласный *g*: *kāralar*, (*kargalar*, Ризе. А. Дж., 296), *yōranın* (*yorganın*, Ризе. А. Дж., 293). Выпадает *v*: *tōbeçar* (*tövbekar*, Ризе. А. Дж., 302).

Кроме упомянутых случаев, долгие гласные образуются и при контракции двух одинаковых или разных гласных звуков, напр.: *nettin* (*ne ettin*, Ризе. А. Дж., 263), *nēdeyim* (*ne edeyim*, Трап., А. Дж., 174), *nēdocu ᵍum* (*ne cdecegim*, Трап., А. Дж., 202), *yalī* (*ya Ali*! Ризе, А. Дж., 295), *narardım* (*nearardim*, Трап., А. Дж., 248), *kadolidur* (*kadı ogludur*, Ризе, А. Дж., 271).

Частичная редукция гласного звука в ауслауте способствует также возникновению долгого гласного в анлауте следующего слова, напр.: *tiṣar‿atmıṣ* (*dıṣarı atmıṣ*, Трап., А. Дж., 199), *selv‿agaci* (*selvi agacı*, Трап., А. Дж., 195).

Думаем, что причиной вторичной долготы может послужить также выпадение гласного звука как в безударных, так и в ударных слогах; *ōrda* (*orada*, Трап., А. Дж., 171). *yemōgmo* (*yemegimi*, Трап, А. Дж., 133), *etēyne* (*etegine*, Трап., А. Дж., 244).

В некоторых случаях утрата определенного звукового комплекса, как видно, создает эффект долгого гласного: *ne olī* (*ne oluyor*, Трап.,

А. Дж., 133), *tēy* (*diyor*, Трап., А. Дж,, 220), *verīy*, *oliy* (*veriyor*, *oluyor*, Трап., 221), *durīysun* (*duruyorsun*. Трап., Д. Дж., 133) и т. д.

Чередование гласных. Гласные звуки в Ризе-Трапезундском диалекте показывают ряд изменений по сравнению с литературным турецким языком в зависимости от занимаемой позиции в слове. Мы постарались установить некоторые закономерности чередования гласных.

Гласный а. Заднеязычный широкий гласный звук *а* ввиду разных причин видоизменяется в переднеязычный гласный *е* (*ə*). По регрессивной ассимиляции *а*>*е*: *dene* (*tane*, Трап., А. Дж., 133), *ceket* (*caket*, Трап., А. Дж., 166), *meremet* (*merhamet*, Ризе, А. Дж., 291); *herem* (*harem*, Ризе, А. Дж., 277).

По прогрессивной ассимиляции *а*>*е*: *becer* (*bekar*, Ризе, А. Дж., 278), *ne gede* (*ne kadar*, Трап., А. Дж., 172).

В ряде случаев переход *а* в *е* обусловливает и окружение согласных звуков. Так, например, в соседстве с переднеязычным согласным *а*>*е*: *aceba* (*acaba*, Ризе, Ряс., 36), *aceba* (*acaba*, Трап., А. Дж., 153), *hocemuze* (*hocamıza*, Трап., А. Дж., 134).

Также причиной палатализации гласного *а* могут явиться сонорные *r*, *l*[9] и среднеязычный звонкий спирант *y*: *remezan* (*ramazan*, Ризе, А. Дж., 298), *darefinda* (*tarafnda*, Трап., А. Дж., 172), *çerez* (*kiraz*, Ризе, А. Дж., 292), *dişeri* (*dışarı*, Ризе, А. Дж., 294), *yollerilen* (*yollarla*, Ризе, А. Дж., 275), *atdiler* (*attılar*, Трап., А. Дж., 202), *pakmişler* (*bakmışlar*, Трап., А. Дж., 155), *äxбабläpä* (*ahbaplara*, Трап., Писарев, 186), *torbeye* (*torbaya*, Трап., А. Дж., 153), *seia saya*, Ризе, Ряс., 35).

В окружении губных согласных гласный *а* заменяется лабиальными гласными *о*, *и*; *bubamın* (*bubamın*, Трап., А. Дж., 134), *bubam babam*, Ризе, А. Дж., 291), *pobasına* (*babasına*, Трап., А. Дж. 164), *peştamalını* (*peştamalını*, Ризе, А. Дж,, 261), *şovlarına* (*şalvarına*, Ризе, А. Дж., 297).

В слове *çirmiş* (*çagırmış*, Трап., А. Дж., 155), *а*>*ı* следует объяснить регрессивной ассимиляцией.

В некоторых примерах трудно было отыскать объективную основу для замены *а* другими гласными, такие случаи считаем целесообразным рассмотреть как субституцию гласных, например, *а*>*е*: *hetamda* (*hamamda*), Трап., А. Дж., 183), *hematɛ* (*hamama*, Ризе, Ряс., 32), *hemdolsun*, (*homdolsun* Ризе, А Дж., 301), *mämäm* (*tamam*, Трап., Писарев, 186), *zäman* (*zaman*, Трап., Писарев., 182), *degegɛ* (*dakika*, Трап. А. Дж., 165), *heste* (*hasta*, Ризе, А. Дж., 282), *furset* (*fırsat*, Ризе, А. Дж., 299), *eş aı* (*aşagı*, Ризе, А. Дж., 295), *bena* (*bana*, Ризе., А. Дж., 294): *а*>*ä*: *nämazi* (*namazi*, Ризе, А. Дж., 298), *mäniyi* (*maniyi*, Ризе, А. Дж., 275).

а>*ı*: *хынчарі* (*hançeri*, Трап., Писарев, 184).

а>*i*: *portikali* (*portakal*, Ризе, Ряс., 32).

Гласный *е*. Как было сказано, широкий гласный звук *ə* (*ä*) в диалекте Ризе-Трапезунда встречается лишь спорадически. Его нельзя считать характерным звуком для этого турецкого говора.

---

[9] G. Bergsträsser. Zur Phonetik des Türkischen nach gebildeter Konstantinopler Aussprache 1918, стр. 9.

Что же касается преднеязычного *e* в изучаемом диалекте, оно представлено разными соответствиями[10]. Например, по регрессивной ассимиляции *e>a*: *asasen* (*esasen*, Трап., А. Дж., 183), *çavap* (*cevap*. Трап., А. Дж., 165).

По прогрессивной ассимиляции *e>a*: *хынчарі* (*hançeri* Трап., Писарев, 184).

По прогрессивно-регрессивной ассимиляции *e>a*: *parabar* (*beraber*, Трап., А. Дж., 162).

Не имея объективную основу, *e* особенно часто чередуется с заднеязычым гласным *a* как в закрытых и открытых конечных слогах так и в середине слова, напр. *d'itsam* (*ditsem*, Ризе, Ряс., 21), *dereman* (*değirmen* Ризе. А. Дж., 296) *bilsamki* (*bilsem ki*, Ризе, А. Дж., 261), *cɛvɛrsan* (*severse*n, Ризе, Ряс. 27), *haman* (*hemen*, Трап., А. Дж., 165) и т. д.

t'ima (*kime*, Ризе, 35), *гäна* (*yene*, Трап., Писарев, 186), *tenda* (*tente*, Ризе, А. Дж., 277), *dema* (*deme*, Ризе, А. Дж., 260), *ɛtma* (*etme*, Ризе, Ряс., 23) и т. д.

elladum (*elledim*, Ризе, А. Дж., 261), *veralum* (*verelim*, Трап. А. Дж., 153), *bilalum* (*bilelim*, Трап., А. Дж., 154), *yüragım* (*yüregim*, Трап., А. Дж., 162).

В окружении губных согласных иногда гласный *e* принимает вид лабиальных *o*, *ö*: *dòᵛlete* (*devlete*, Ризе, А. Дж., 268), *yemögmu* (*yemegimi*, Трап., А. Дж., 133), *doylät* (*devlet*. Трап., Пис., 192).

гömykma (*kemikte*, Трап., Писарев, 180).

В ряде основ вместо литературного *e* встречаем узкий гласный *i*: Напр.: *atiṣım ateṣim*, Ризе., А. Дж., 284), *kinarina* (*kenarına*, Ризе, А. Дж., 274), *iskemlisine* (*iskemlesine*, Ризе, А. Дж., 274).

Особо следует отметить формы: *d'ize* (*dece*, Ризе, Ряс., 34), *virsın* (*versin*, Ризе, Ряс., 27), *vir* (*ver*, Трап., А. Дж., 134), *irmedi* (*ermedi*, Ризе, А. Дж., 263), где сохранение гласного *i* есть архаизм в языке[10].

Гласный *i*. В Ризе-Трапезундском диалекте мягкий узкий гласный звук *i* представляется в разных видах. В ряде основ вместо современного литературного *i* имеем *e*, *e* гласные. Так, напр.: *ɛndi* (*indi*, Ризе, Ряс., 32), *endurup* (*indirip*, Трап., А. Дж., 154), *dᶜɛidum* (*giydim*, Ризе. Ряс., 35), *ġeydi*, (*diydi*, Трап., А. Дж., 202), *äwim* (*iṣit*, Трап., Писарев, 181), *gettukdan sora* (*gittikten sonra*, Трап., А. Дж., 153), *ehtiyar* (*ihtiyar*, Ризе, А. Дж., 297), *ehtiyara* (*ihtiyara*, Трап., А. Дж., 182), *eṣaret* (*iṣaret*, Ризе, А. Дж., 302), *fɛlwkalar* (*filikalar*, Ризе, Ряс, 30);

ṣeherinde (*ṣehrinde*, Ризе, А. Дж., 299), *çerez* (*kiraz*, Ризе, А. Дж.,293), *degege* (*dakika*, Трап., А. Дж., 165).

[10] В текстах из Трапезунда и Ризе гласный *e* обозначается разно. Так, у Писарева встречаем только *ä*, М. Рясенен, за исключением нескольких случаев, для *e* употребляет букву ɛ. В текстах А. Джафароглу мы встречаем двоякое обозначение *e*: *e* и *ç*, последнее автор называет закрытым *e*. Узкий гласный звук *e* в основном зафиксирован на месте исторического *i*.

[11] K. Foy. Türkische Vokalstudien, bezonders das köktürkische und Osmanisch betrefend. Sonderabdruck aus den Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin. II. Берлин, 1900.

При фиксировании этого явления следует вспомнить о вопросе взаимоотношения гласных звуков *i*, *e* в старотурецком и в других языках тюркской системы. Известно, что в ряде основ, где в современном литературном турецком языке сейчас имеется гласный *e*, в старотурецком в большинстве случаев такие основы имели узкий гласный *i*, так, напр.:

старотурецк.	современ. лит. тур.
ايتمك—*itmek*	*etmek*
ديمك—*dimek*	*demek*
گيجه—*gice*	*gece*
ايل—*il*	*el*

Расширение узкого *i* , т. е. *i*>*e* должно быть явлением вторичного происхождения[12].

В этом отношении турецкие диалекты дают более интересный материал, где *i*>*e* получило гораздо большее распространение. Этим явлением характеризуются диалекты северо-восточной Анатолии, Цалкинский диалект[13], северная часть Анатолии (Кастамония, Болу, Зонгулдак[14], встречается на юго-западе (в Аидине)[15], характерно и для диалектов Центральной Анатолии (Сивас[16], Чанкир, Амасия); *i*>*e* не чуждо также азербайджанскому языку и его диалектам,

Передний узкий гласный *i* в Ризе-Трапезундском диалекте в окружении губных согласных трансформируется в губные гласные *ü*, *u*, *o*, напр.: *musafir* (*misafir*, Трап., А. Дж., 183), *ϕybapi* (*civari*, Трап., Писарев, 188), *bür* (*bir*, Ризе, А. Дж., 276), *çümeninde* (*çimeninde*, Трап., А. Дж., 155), *müsafir* (*misafir* Трап., А. Дж. 200), *çömen* (*çimen*. Ризе, А. Дж. 297). Хотя в форме *şuşekleri* (*şişekleri*, Трап., А. Дж., 166) для *i*>*u* трудно подыскать объективную основу.

Одним из характерных явлений для изучаемого нами говора можно считать почти что закономерное наличие губных гласных *ü*, *u* в конечных закрытых слогах, как в основах слова, так и аффиксах: *dämür* (*demir*, Трап., Писарев, 184), *zängün* (*zengin*, Трап., Писарев, 180), *käskün* (*keskin*, Трап., Писарев, 180), *bilezük* (*bilezik*, Ризе, А. Дж., 279), *itcürdüm* (*itirdim*, Ризе, Ряс., 35) *yerüm* (*yerim*, Трап., А. Дж., 133), *dedüm* (*dedim*, Трап., А. Дж. 134) и т. д.
benum (*benin*, Ризе, Ряс., 20), *sänün* (*senin*, Ризе, А. Дж., 263), *senun* (*senin*, Трап., А. Дж., 165), *sevdum* (*sevdim*, Ризе, Ряс., 20). *kimun* (*kimin*, Трап., А. Дж., 200), *incedur* (*incedir* Ризе, А. Дж., 261), *sevverum* (*sewerim*, Ризе, Ряс., 33), *geşluk* (*gençlik*, Ризе, А. Дж., 259) и т. д.

---

[12] К. Foy. Türkische Vokalstudien..., стр. 184—198. Хотя противоположная гипотеза выдвинута Радловым, который развитие гласных предполагает по линии *ä*>*i*. (См. В. Радлов. Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. „Изв. Императорской АН, XIV, №4, СПб, 1901.

[13] Е. В. Гудиашвили. Особенности турецкого говора населения Цалкинского района (дисс.) Тбилиси, 1949.

[14] A. Caferoğlu. Anadolu ağızlarından toplamalar (Kastamonu, Çankırı, Çorum, Amasya, Nigde ilbaylıklari ağızları, kalayıcı argosu ve geygelli yürüklerinin gizli dili). Стамбул, 1943: Его же. Anadolu illeri ağızlarından derlemeler (Van, Bitlis, Muş, Karaköse, Eskişehir, Bolu ve Zonguldak illeri agizları). Стамбул 1951.

[15] К. Foy. Das Aidinisch—türkisch. K. Sz. Будапешт. 1900, стр. 173, 179.

[16] M. Räsänen. Türkische Sprachproben aus Mittel Anatolien. I. Sivas vil.: Studia Orientalia. Хельсинки, 1933, стр. 12.

Губные гласные встречаются и в середине слова: *enügi* (*enigi*, Трап., А. Дж., 199), *gensliᵹumi* (*gençligimi* Ризе, Ряс., 35), *içimuza* (*ikimize*, Ризе, А. Дж., 280), *ebeluge* (*ebelige*, Трап., А. Дж., 199), *pisurdun* (*pişirdin*, Ризе, А. Дж., 265) и т. д.

Сравнительно редко в ризе-трапезундской речи в конечном открытом слоге зафиксированы губные гласные в ущерб гармонии гласных: *yemedü* (*yemedi*, Трап., А. Дж., 154), *kendümü* (*kendimi*, Трап., А. Дж., 133), *sekidu* (*sekizdi*, Ризе. А. Дж., 268), *kalemdendu* (*kalemdendi*, Ризе. А. Дж., 286).

Интересно, что это явление, т. е. обильное наличие губных гласных звуков, столь характерное для староосманского[17] в отличие от других турецких диалектов полностью сохранилось в изучаемой нами ризе-трапезундской речи[18]. Здесь же следует отметить, что аналогичные архаические формы, пережитки догармонического периода засвидетельствованы и в цалкинском диалекте (но не в такой степени)[19]. Думается, что в тех языковых областях, где более или менее просвечивались данные языка субстрата, легко сохранились архаичные формы языка, не подвергаясь дальнейшему развитию.

В речи Ризе крайне редко встречаются случаи веляризации *i*. *i*>*ɯ*: *esdɯ* (*esti*, Ризе, А. Дж., 275), *fɛlɯkalar* (*filikalar*, Ризе Ряс., 30), *sɛvd'ᵉullim* (*sevgilim*, Ризе, Ряс., 22), *vàdɛlɛrɯmuz* (*vadelerimiz*, Ризе, Ряс., 21).

В текстах записанных в Трапезунде, отмечаем два случая замены *i* звуком *e* в неударных слогах: *şişeleremi*, *köşeleremi* (*şişelerimi*, *köşelerimi*, А. Дж., 229).

В форме: *cahabına* (*sahibine*, Трап., А. Дж., 153) *i*>*a*—результат ассимиляции гласных.

Гласный *ɯ*. Особо следует отметить то положение, что в ризе-трапезундской турецкой речи употребление заднеязычного узкого гласного *ɯ* (*ы*) крайне ограничено. Чаще твердое *ɯ* в разных позициях слова, несмотря на окружение согласных звуков, палатализуется. В начале слова *ɯ*>*i*: *nivakläp* (*biçaklar*, Трап., Писарев, 182), *pizᵹaumi* (*biçgımı*, Рязе, Ряс., 29), *pirakmışler* (*birakmışlar*, Трап., А. Дж., 153), *sirt* (*sırt*, Ризе, А. Дж., 259), *дишары* (*dısarı*, Трап., Писарев, 178), *kiᶻ* (*kız*, Ризе, Ряс., 21), *çikdum* (*çıktım*, Ризе, А. Дж., 263), *sirma* (*sırma*, Ризе, Ряс., 33), *çigdi* (*çıktı*, Трап., А. Дж., 164), *iclamмajinψac* (*islatmayınca*, Трап., Писарев, 181), *cigaram* (*cıgaram*, Ризе, Ряс., 34), *nasil* (*nasıl*. Ризе, Ряс., 33) *yilki* (*yılkı*, Ризе, А. Дж., 268), *iirtarum* (*yırtarım*, Ризе, Ряс., 33), *ilan* (*yılan*, Ризе. Ряс., 30), *ikᶜan* (*yıkan*, Ризе, Ряс., 32) и т. д.

Палатализация *ɯ* отмечается также в середине слова в закрытых

---

[17] H. Vambery. Alt-osmanische Sprach Studeen mit azerbaisanischen texste als appendix. Лейден, 1901, стр. 159, 165;

Н. К. Дмитриев. Материалы по османской диалектологии. Фонетика „карамалицкого" языка, ЗКВ, III, Л., 1927, стр. 448.

[18] M. Räsänen. Beiträge zur Frage der türkischen Vokalharmoni ISFO. XLV, стр. 9, 10.

[19] Е. В. Гудиашвили. Особенности турецкого... Тбилиси, 1949.

и открытых слогах[20], напр.: *iakina* (*yakına*, Ризе, Ряс., 32). *ianajindan* (*yanagından*, Ризе, Ряс., 30), *darilma*, *sarılma* (*darılma*, *sarılma*, Ризе, А. Дж,. 273), *чыᵏapildi* (*çıkarıldı*, Трап., Писарев, 182), *kapilerde* (*kapılarda*, Ризе. А. Дж., 268), *taşlidur* (*taşlıdır*, Ризе, А. Дж., 28⁸), *parasini* (*narasını*; (Ризе, Ряс., 33), *kᶜarasina* (*karasına*, Ризе, Ряс., 36), *japildi* (*yarıldı*, Трап., Писарев. 186).

ı>i наблюдается и в конце слова в закрытых слогах *almiş* (*almıs*, Трап., А. Дж., 201), *dumanim* (*dumanım*, Ризе, А. Дж., 273), *attim* (*attim*, Ризе, Ряс., 36), *kadin* (*kadın*, Трап., А. Дж., 199), *janalim* (*yapalım*, Трап., Писарев, 180).

Для ризе-трапезундской речи весьма характерно наличие в конечных открытых слогах переднеязычного *i* вместо твердого *ı* в ущерб закону гармонии гласных, напр.: *kari* (*karı*, Трап., А. Дж., 202), *kari* (*karı*, Ризе, 259), *kizi* (*kızı*, Трап., А. Дж., 201), *yazi* (*yazı*, Ризе, Ряс., 20), *yagli* (*yaglı*, Трап., А. Дж., 133), *olmadi* (*olmadı*, Ризе, А. Дж. 263), *боyali* (*boyalı*, Трап., Писарев, 179), *adli* (*adlı*, Трап., Писарев, 190), *tatli* (*tatlı*, Трап., А. Дж., 193) и т. д. Здесь же следует заметить, что *ı>i* в вышеуказанной позиции в изучаемом нами диалекте не носит характер системы, как например, в Цалкинском диалекте, где в конечном открытом слоге наличие палатального *i* считается закономерным[21].

В виде архаизмов в Ризе-Трапезундском диалекте сохранилось множество форм с заднеязычным лабинальным гласным *u*[22]. Так, напр., *baluk* (*balık*, Трап., А. Дж., 133), *jazuk* (*yazık* Трап., Писарев, 196), *açuk* (*açık*. Трап., А. Дж,, 134), *kadun* (*kadın*, Трап., А. Дж., 201), *kaşuk* (*kaşık*, Ризе, А. Дж., 265), *bàlukᶜ* (*balık*, Ризе, Ряс., 35) *altun* (*altın* Ризе, А. Дж., 263), *şaşuk* (*şaşık*, Ризе, А. Дж. 260), *yuldu* (*yıldız*, Трап. А. Дж., 164).

dalsuz (*dalsız*, Ризе, А. Дж., 269), *kᶜalsun* (*kalsın*, Ризе, Ряс., 30), *iarum* (*yarım*, Ризе, Ряс., 21), *aklum* (*aklım*, Ризе, А. Дж., 260) *alazacum* (*alacagım* Ризе. Ряс., 35), *çarugum* (*çarıgım*, Трап., А. Дж., 177) и т. д.

В формах *buidur* (*bildır*, Ризе А. Дж., 286), *buiukli* (*bıyıklı*, Ризе, Ряс., 33), *muh* (*mıh*, Трап., А., Дж., 165), *furset* (*fırsat*, Ризе, А. Дж., 299), *funduγum* (*fındlgım*, Ризе, Ряс., 20), *fundugu* (*fındıgı*, Трап., А. Дж., 199), переходу *ı* в *u* способствовало соседство с согласными *b*, *m*, *f*.

ı>u характерно также и середине слова в закрытом слоге: *atumi* (*atımı*, Ризе, А. Дж., 260), *akᶜlumi* (*aklımı*, Ризе, Ряс., 26), *boᶜazuma* (*bogazıma*, Ризе, Ряс., 20), *kucaguma* (*kucagıma*, Ризе, А. Дж., 264), *iataγuna* (*yatagına*, Ризе, Ряс., 35) и т. д.

Сравнительно редко наблюдаются формы с конечным лабиальным гласным и в открытых слогах вместо современного *ı*: *yamandu* (*yamandı* (Ризе, А. Дж., 259), *havalidu* (*havalıdı*, , Ризе., А. Дж., 260),

---

[20] В большинстве случаев смягчение твердого *ı* вызвано окружением палатальных согласных.

[21] Е. В. Гудиашвили. Особенности турецкого говора... Тбилиси, 1949.

[22] Как известно, подчиняясь дальнейшему развитию гармонии гласных в современном литературном турецком языке в определенных случаях *u<ı*.

karşu (*karsı*, Трап., А. Дж., 154) (Сравни со староосманскими формами).

В слове *faydamüz*, Ризе, А. Дж., 289) *ı>ü* вызвано соседством *ı* с лабиальным согласным *m*.

Зафиксирован единственный случай перехода *ı* в *o*: *sakon* (*sakın*. Трап., А. Дж., 134).

В силу прогрессивной ассимиляции *ı>a*, *kaiaɣumi* (*kayıgımı*, Ризе, Ряс., 31), *bārtdı* (*bagırttı*, Трап., А., Дж., 154), *çārdı* (*çagırdı*, Трап., А. Дж., 164).

Для турецкой речи Ризе отмечены формы с гласным *e*, *e* (ɛ) вместо литературного *ı*: *eşik* (*ısık*, А. Дж., 268), *nazlanɛrsin* (*nazlanırsın*, Ряс., 32), *beiazlanɛrsin* (*beyazlanırsın*, Ряс., 32), *t'ᶜɛmànɛ* (*kemani*, Ряс., 22), *varme* (*varmı*? Ряс., 28).

Как видим, в северо-восточной языковой области в Ризе-Трапезундском диалекте заднеязычный узкий гласный подвергается сильной трансформации в всех проекциях гласных *ı>i*, *ı>u*, *ı>e*, *ı>a*, *>o*. Для такого ограничения произношения *ı*, предполагаем, существует объективная основа: следует вспомнить, что побережье Черного моря, северо-восточная часть Турции компактными массами населяют племена нетурецкого происхождения—Лазы (Чаны). Естественно, звуки, чуждые артикуляции лазов, в их произношении заменились, свойственными более доступными гласными. Этим можно оправдать частую замену *i* переднеязычным *i*, столь редко встречающуюся в других турецких диалектах.

Что же касается наличия губного гласною *u* вместо *ı*, этого пережитка догармонического периода гласных, то он также характерен для Ризе-Трапезундской турецкой речи, хотя его и нельзя считать оригинальным явлением для изучаемого нами диалекта, так как *ı>u* в большей или меньшей степени можно встретить и в других турецких диалектах: в румелийском турецком[23], в худавендгяре[24], в турецкой речи северной Сирии[25], в сербских турцизмах[26], в Цалкинском диалекте[27] и т. д. Интересно также и то, что проф. Ширалиев для восточных диалектов азербайджанского языка приводит формы: *башун*, *гачырух*[28].

Гласный *o*. Судя по данным наших текстов, заднеязычный, широкий лабиальный гласный *o* редко подвергается изменению. Для трапезундской речи зафиксирован единственный случай сужения *o*, т. е. перехода *o* в *u*: *yurgàni* (*yorganı*, А. Дж., 199), чему должно быть способствует предыдущий согласный *y*.

Явление это спорадически встречается и в других турецких диа-

---

[23] J. Kunos. Rumelisch—türkische Sprichwörter. K. Sz. Будапешт, 1906, стр. 73.

[24] В. Максимов. Опыт исследования тюркских диалектов в худавендгяре и Карамании. СПб., 1907. стр. 44.

[25] E. Littmann. Ein türkisches Märchen aus Nordsyriyen K. Sz. Будапешт, 1901, стр. 149.

[26] Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию „ДАН", 1928, стр. 272.

[27] Е. В. Гудиашвили. Особенности турецкого говора... Тбилиси, 1949.

[28] М. А. Ширалиев. Сравнительное изучение азербайджанского и турецких диалектов. Труды первой конференции закавказских университетов, Баку, 1959, стр. 210.

лектах. Так, например, в центральной Анатолии (Малатье)[29], в северной части Турции (Зонгулдаге, Болу[30], Кастамунии)[31]. В особенности сужение *о* широко распространено в турецкой речи Орду и Киресунта[32]. *о>и* встречаем и в Цалкинском диалекте.

В трапезундской речи гласный *о* в окружении согласных передней артикуляции переходит в *е*: *çecugdur* (*çocuktur*, А. Дж., 164).

Зафиксирован один случай *о>i*: *likonta* (*lokanta*, Трап., А. Дж., 133).

Гласный *ö*. При наблюдении над дивергенцией лабиального широкого гласного *ö* в Ризе-Трапезундском диалекте наше внимание привлекла особая тенденция его к делабиализации. В разрабатываемых нами текстах часто встречаются формы с гласным *е* вместо ожидаемого *ö*, напр.: *elmem* (*ölmem*, Ризе, Ряс., 30), *epen* (*öpen*, Трап., А, Дж., 166), *ertdi* (*örttü*, Трап., А. Дж., 166), *nebete* (*nöbete*, Ризе, Ряс., 36), *çelpedur* (*körpedir*, Ризе, А., Дж., 296), *çezdi*) (*çözdü*, Трап., А. Дж., 172), *älyr* (*ölür*, Трап., Писарев, 194), *e_pir* (*öbür*, Трап., А, Дж.. 202), *eldurma* (*öldürme*, Трап., А. Дж., 181), *elursin* (*ölürsün*, Ризе, А. Дж., 268).

Случаи делабиализации *о* крайне редки и в других турецких диалектах[33]. Т. Ковальский это явление считает характерным только для северо-восточной языковой области[34]. Предполагаем, что возникновению и упрочению этого явления способствует вышеуказанный фактор, т. е. население этой области нетюркоязычными Лазами (Чанамы), в произношении которых губное *ö* могло превратиться в *е*[35]. Этой же причиной можно объяснить и веляризацию палатального *ö* столь характерную для ризе-трапезундской турецкой речи, *ö>o*: *ordek* (*ördek*, Ризе А. Дж., 290), *onine* (*önüne*, Ризе, А. Дж., 264), *ordi* (*ördü*, Трап., А. Дж., 183) *овлядян* (*ögleden*, Трап., Писарев, 184), *sozi sözü*, Трап., 183), *d'ozlerini*, (*gözlerini*, Ризе, Ряс., 23), *d'ollere* (*göllere*, Ризе, Ряс., 24), *kokuna*, *koküne* Ризе, А. Дж., 263)и т. д.

---

[29] A. Caferoglu. Güney—dogu illerimiz agizlarından toplamalar Malatya, Elâzig, Tunceli, Gaziantep ve Maras vilâyetleri agızları), Стамбул, 1945, стр. 10, 43, 47 55, 65.

[30] A. Caferoglu. Anadolu illeri agizlarından derlemeler (Van, Bitlis. Mus, Karaköse, Eskişehir, Bolu ve Zonguldak illeri agızları), Стамбул, 1951, стр. 206, 161, 163, 164.

[31] A. Caferoglu. Anadolu agızlarından toplamalar (Kastamonu, Çankırı. Çorum Amasya Nigde ilbaylikları agızları, kalayıcı argosu ve geygelli yürüklerinin gizli dili) Стамбул 1943, стр. 8, 9. 10, 36, 59, 64.

[32] A. Caferoglu. Kuzey—dogu illerimiz agızlarından toplamalar (Ordu, Giresun Trabzon, Rize ve yöresi agızları). Стамбул, 1946, стр. 4, 5, 19, 37, 89, 101.

[33] В турецкой речи Кастамунии, Орду, Киресунта и Малатии в глаголе *çözmek* спорадически *ö>e*.

[34] T. Kowalski. Die Osmanisch-türkische Dialekte. E. I. IV. Лейпциг, 1931 стр 998.

[35] Хотя в чанском в определенных случаях констатируются палатальные губные, возникшие в результате взаимного влияния турецкого и лазского языков (см. С. Жгенди, фонетика жандур-мегрулис (на грузинском языке). Тбилиси, 1953, стр. 33).

В турецкой речи Ризе наблюдаются также случаи сужения *ö. ö>ü*, *u*. Напр., *küseli* (*köşeli*, А. Дж., 294), *cümdiler* (*gömdüler*, А. Дж., 269), *düşek* (*döşek*, А. Дж., 268), *burakli* (*börekli*, А. Дж., 282); *urulmuşdur* (*örulmüştür*, А. Дж., 293).

Замена *ö* гласным *ü*, мало свойственная для диалектов Анатолии, широко распространена в Адакале[36] и в турецкой речи болгарских турок[37]. В тюркологической научной литературе *ö>ü* объясняется перемещением ударения[38].

Гласный *u*. Заднеязычный узкий лабиальный *u* в зависимости от занимаемой позиции в слове в Ризе-Трапезундском диалекте передается разно. Так, например, в большинстве случаев в первом слоге *u* заменен широким *ö*: *ögradum* (*ugradım*, Ризе, Ряс., 34), *боланук* (*bulanık*, Трап., Писарев, 180), *ögilli* (*ugurlu*, Трап., А. Дж., 177), *olaşun* (*ulaşın*, Ризе, А. Дж., 269), *bogdanın* (*bugdayın*, Ризе, Дж., 296) *ограшты* (*ugraşti*, Трап., Писарев, 184), *yokarı* (*yukorı*, Ризе, А. Дж., 276) и т. д.

Значительно реже встречаем *u>o* и в последующих слогах: *barot* (*barut*, Ризе, А. Дж., 266), *kulagoz* (*kilavuz*, Ризе, А. Дж. 301), *Istanbol* (*Istanbul*, Ризе, Ряс., 25). В слове *doldor* (*doldur*, Ризе, Ряс., 32), *u>o* возможно считать результатом прогрессивной ассимиляции.

Расширение гласного *u* спорадически отмечается и для других турецких диалектов, среди которых выделяется Айдинский диалект, где *u>o* приобрел почти закономерный характер[39].

В нашем диалекте в конечном закрытом слоге и в инлауте в открытых и закрытых слогах гласный *u* утрачивает лабиальность и в ущерб принципу гармонии гласных заменяется переднеязычным *i*: *vurir* (*vurur*, Ризе, А. Дж., 274), *bulursin* (*bulursun*, Ризе, А. Дж., 268), *olmiş* (*olmuş*, Трап., А. Дж., 199) и т. д.

vurdiler (*vurdular*, Ризе, А. Дж. 269), *kokisi* (*kokusu*, Трап., А. Дж. 133), *jolinä* (*yoluna*, Трап., Пис., 188), *avlusine* (*avlusuna*, Ризе, Ряс., 34), *iolci-iim* (*yolcuyum*, Ризе, Ряс., 22) и т. д.

Редко *u>i*: *o͡dına͡* (*oduna*, Трап., А. Дж., 229), *gayb-olmişdi* (*kayıb olmuştu*, Трап., А. Дж., 134).

Особенно часты случаи утраты лабиальности в конечном открытом слоге, где *u>i*: *kuşi* (*kuşu*, Ризе, А. Дж., 267), *oni*, (*onu*, Ризе, А. Дж., 263), *puldi* (*buldu*, Трап., А. Дж., 171), *dogri* (*dogru*, Трап., А. Дж., 133), и. д. Аналогичную картину показывают данные карсской и эрзурумской турецкой речи[40].

Зафиксировано несколько основ с мягким *ü* вместо заднеязычного *u*: *bulüte* (*buluta*, Ризе, А. Дж., 267), *omuzünde* (*omuzunda*, Трап., А. Дж., 229), *сорӱшӱплär* (*soruşurlar*, Трап., Писарев, 192), *pozülmiş*

---

[36] T. Kowalski. Die Osmanisch türkiche..., стр. 998.

[37] Н. К. Дмитриев. Заметки по болгарско-турецким говорам. „ДАН", 1927, стр. 211.

[38] M. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkische Sprache. Studia orientalia. XV, Хельсинки, 1949, стр. 45.

[39] K. Foy. Das Aidinisch-türkische. K. Sz. Будапешт, 1900, стр. 173, 179.

[40] A. Caferoğlu. Dogu..., стр. 147, 186.

(*bozulmuş*, Трап., А. Дж., 201), *mepüshaneye* (*mahpushaneye*, Ризе А. Дж., 267). В примерах *bulüte* и *pozülmiş* *u*>*ü* должно быть вызвано соседством с палатальным согласным *l*.

Гласный *ü*. Все данные звукочередования, связанные с гласным *ü* встречаются и в других диалектах и в этом отношении данные Ризе-Трапезундского диалекта нового и оригинального не показывают. Так, напр.: *ü*>*ö*: *yozcar* (*чüzgar*, Ризе, А. Дж., 294), *böуük* (*büyük*, Ризе, А. Дж., 283), *бöjук* (*büyük*, Трап., Писарев, 196). Хотя это слово встречается и в виде *beyugi* (*büyügü*, Ризе, А. Дж., 281, Трап., А. Дж., 153, 164).

Встретили несколько примеров с гласными *o* вместо *ü*: *gogominda* (*gügümünde*, Ризе, А. Дж., 298), *omudım* (*ümidim*, Ризе, А. Дж., 299), *bojudi* (*büyüdü*, Ризе, Ряс., 28).

Во всех позициях слова *ü* часто заменяется нелабиальным *i*: *istine* (*üstüne* Трап., А. Дж., 182), *bitün* (*bütün*, Ризе, А. Дж., 171), *tig'ana* (*dükkana*, Трап., А. Дж., 274).

düzinde (*düzünde*, Ризе, А. Дж., 259), *üstine* (*üstüne*, Ризе, Ряс., 20), *tuşindi* (*düşündü*, Трап., А. Дж., 275).

gümiş (*gümüş*, Ризе, А. Дж., 263), *kömmiş* (*gömmüş*, Трап., А. Дж., 199).

В конечном открытом слоге переход *ü* в *i* так же характерен, как и *u*>*i*: *türki* (*türkü*, Ризе, А. Дж., 259), *yüzügi* (*yüzügü*, Ризе, А. Дж., 266), *düşti* (*düştü*, Ризе, А. Дж., 261) и т. д.

В большинстве случаев *u*>*u*: *uçunsu* (*üçünsü*, Трап., А. Дж., 171), *duşdi* (*düştü*, Ризе, А. Дж., 285), *uş* (*üç*, Ризе, А. Дж., 285) и т. д.

Частая утрата палатальности еще раз подтверждает наши соображения о влиянии чанского (лазского) на Ризе-Трапезундский диалект.

И. А. БАТМАНОВ

(*Фрунзе*)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Начиная с конца XVII в., в различного рода печатных произведениях ряда стран появляются сведения о загадочных письменах на камнях, находившихся в бассейне верхнего течения Енисея.

В начале XIX в. уже были опубликованы их изображения (Г. Спасский, 1818) и описания, привлекшие внимание крупных ученых. О происхождении и этнической принадлежности этой системы письменности высказывались различные и противоречивые взгляды.

В 1889 г. Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества организовало экспедицию, возглавлявшуюся Н. М. Ядринцевым и обследовавшую ряд памятников в бассейне р. Орхона (Монголия). Открытием орхонских памятников начинается новая славная страница в развитии тюркологии, когда, наконец, были прочитаны, описаны и проанализированы как с лингвистической, так и исторической точек зрения памятники орхоно-енисейской письменности древних тюркских народов, населявших обширную территорию от северной части Монголии и Южной Сибири до Средней Азии и ряда сопряженных мест.

Датский ученый В. Томсен в декабре 1893 г. завершил работу по дешифровке памятников этой письменности. Одновременно с ним в России была проделана большая работа по их разысканию, описанию, переводу и изучению В. Радловым и др.

За истекшие 70 лет стараниями ученых различных стран был накоплен большой материал, сделан ряд обобщений и выводов, позволяющих теперь вплотную приступить к более углубленному изучению языка ряда древних тюркских племен, а также и к выяснению истории и процессов развития современных тюркских языков[1].

---

[1] В то же время в некоторых выводах о рассматриваемых памятниках обнаруживались и противоречия, отражающие различный методологический подход отдельных ученых к решению одних и тех же вопросов. Некоторые из положений, особенно касающиеся происхождения орхоно-енисейского письма (скифская, греко-готская, ласвянская, гуннская, чудская и др. теории) и трактовки исторического материала не приняты советской тюркологией.

За последние годы в национальных республиках СССР значительно активизировалась работа в области изучения этих памятников.

Как известно, к середине I тысячелетия н. э. тюркские племена, населявшие Южную Сибирь, находились под протекторатом жужаней, а те в свою очередь оставались в зависимости от династии Вэй, господствовавшей в Северном Китае.

К середине VI в. тюркоязычные племена теле, тёлёсы, тардуши и другие, объединенные под властью Тумыня, восстали и образовали тюркский каганат, распавшийся к 600 г. на две части: восточную и западную. Центром расселения племен, входивших в Восточный каганат, была долина р. Орхона. С 630 по 682 г., при династии Тан, этот каганат находился в вассальной зависимости от Китая, а потом в 745 г. под ударами уйгуров прекратил свое существование. Одним из многочисленных первоисточников по истории тюркских племен того времени являются памятники орхоно-енисейской письменности, воздвигнутые в большинстве случаев в честь родовой и феодальной знати. Они распространены на значительной территории и в их составе по графическим и лингвистическим признакам можно выделить несколько групп.

1. Енисейские, открытые ранее орхонских, но прочитанные позже их. Расположены в бассейне верхнего течения Енисея, т. е. на территории нынешних Хакасии и Тувы. Опубликовано более 50 текстов, в большинстве случаев очень кратких. Принадлежали кыргызам, чикам и предкам ряда алтайских и хакасских племен.

Енисейские памятники В. В. Радлов датировал VII и смежными веками. С. Е. Малов полагал, что ранние памятники относились к V в. Л. Р. Кызласов оспаривает распространенный среди тюркологов взгляд о времени бытования енисейской письменности и определяет его периодом с VII по XIII в.[2]

2. Таласские памятники (12 камней и одна деревянная палочка), найденные на территории Киргизии. По графическим особенностям ближе всего стоят к енисейским.

3. Орхонские, наиболее крупные и относящиеся к концу VII и первой трети VIII в. Расположены в бассейне р. Селенги и ее притока Орхона, а также в прилежащих местностях. Таковы стелы Гудулухана (ум. в 692 или 693 г.; Онгинский памятник), Тоньюкука (у р. Толы, был советником трех ханов; памятник сооружен после 716 г.), Кюль-тигина (ум. в 731 г.), его брата Могиляна. т. е. Бильге-кагана (ум. в 734 г.), в честь Кули-чура, вождя тардушей и современника Кюль-тигина и Бильге-кагана. К этой группе памятников относятся эпитафии из Ихе-Асхете и Хойто-Тамира.

4. Из Суджи, Шине-Усу и Восточного Туркестана (включая и документы, написанные на бумаге), более поздние, чем предыдущие. В их числе следует особо выделить, во-первых, Суджинский памятник в честь Яглакар-хана. Считается уйгурским, но очень близок по языку к енисейским текстам. Относится к середине VIII в. или к более позднему времени. Во-вторых, следует назвать Селенгинский памятник (из Шине-Усу) в честь Мюн-чура, первого из каганов уйгурской динас-

---

[2] Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. „Советская археология", 1960, № 3, стр. 118.

тии, воцарившегося в 745 г. Стела воздвигнута в начале второй половины VIII в.

5. Ряд мелких надписей на камнях, монетах, посуде, пряжках и украшениях. Распространены на обширной территории у Байкала, Лены, в Монголии, Средней Азии в других местах. Пока не отнесены ни к одному из предшествующих типов. Нуждаются в более детальном изучении.

Тексты, их новейшие уточненные переводы, комментарии к ним и обзор литературы вопроса даны в следующих трудах С. Е. Малова: „Памятники древнетюркской письменности", (1951), „Енисейская письменность тюрков" (1952), „Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии" (1959) и др.

Ряд сведений по истории вопроса можно найти и в труде А. Н. Бернштама „Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII веков" (1946)[3].

В языке всех указанных памятников представлены единый словарный состав и общая грамматическая система. Они отражают тот письменный язык, которым пользовалась во второй половине I тысячелетия н. э. значительная часть тюркских племен (имеются и более поздние памятники).

В языке рассматриваемых памятников есть свои локальные разновидности, отражающие особенности племенных диалектов (или даже языков). Таким образом, можно говорить о параллельном существовании древнетюркского письменного языка с разговорной речью того времени.

Наличие такого единого письменного языка со своими традиционными нормами говорит о продолжительных культурных (и лингвистических) связях между племенами, населявшими, во-первых, долину верхнего течения Енисея (Южная Сибирь); во-вторых, долины рек Селенги и ее притока Орхона (Монголия); в-третьих, долину р. Таласа (в Киргизии), а также и ряд других мест.

Многие тюркологи обращали внимание на колебания в написании одних и тех же слов в рассматриваемых памятниках. В этом отношении представляют особый интерес следующие явления:

1. Употребление *и* вместо *э* в части енисейских текстов, например, в №№ 6, 15, 18, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 43, 48 (нумерация дана по книге С. Е. Малова „Енисейская письменность тюрков"), в памятнике из Суджи[4], в памятниках Кюль-тигина, Могиляна, Тоньюкука, Моюн-чура (на уйгурском языке), в 4-м, 5-м и 9-м памятниках из Хойто-Тамира, в таласских памятниках (на деревянной палочке и в тексте № 1)[5].

Наоборот, вместо *и* в одной и той же группе слов встречаем *э* в значительной части енисейских текстов, в памятнике Кули-чура и в Онгинском памятнике.

Ср.: *ЫЛЬ=ил*—государство, племенной союз (п. Кюль-тигина) и *ЭЛЬ=эл* (в части енисейских памятников). Предположительно (по косвенным данным) ко второй группе (с сохранением *э*) можно отнести говор, отраженный в памятниках Кули-чура и Онгинском,

К первой группе памятников (с признаком *ЫЛЬ=ил*) в качестве сопутствующих примеров можно привести такие: *БЬЫРЬ—бир* (вм.

---

[3] Общие данные, излагаемые в настоящей статье, а также примеры из языка орхоно-енисейской письменности почерпнуты нами из названных трудов С. Е. Малова, А. Н. Бернштама и др.

[4] Текст № 47 в указ. труде С. Е. Малова.

[5] См. следующие труды С. Е. Малова: „Памятники древнетюркской письменности" и „Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии".

бер)—давай (т. Кюль-тигина), *БьЫСь—бис* (вм. беш)—пять (т. Тоньюкука), *ЫКьЫ—ики* (вм. ЭКьЫ—эки)—два (оба представлены и в енисейских памятниках).

Закономерное употребление ***и*** вместо ***э*** в ряде слов типично для таких современных языков, как татарский, башкирский (ср. *ике*—два), хакасский (*ікі*) и тувинский (*ийи*), тогда как в ряде других вместо ***и*** произносится ***э*** (*эки*).

2. Написание ***Ш=ш***, сохраняется в большинстве енисейских памятников (*БьШ—беш*—пять. *КьЫШЫ—киши*—человек, женщина и т. п.), в первом таласском памятнике (*ЫШНьКьА—ишинке*—своему товарищу), на таласской деревянной палочке (***Ш=эш***, *иш*—товарищ), в чарышском и подкунинском. В памятнике из Суджи обнаруживается весьма интересное явление: вместо ожидаемого ***с*** там написано ***ш***, напр., *ШНШЗ* (вм. *СНСЗ* сансыз)—без числа, ШУРУГ (вм. *СУРУГ*)—соруг—расспросы. Ср. енисейские п. 8, 11, 12, 32.

В памятнике Кюль-тигина имеется *БьЫШ—биш*—пять (как и *ТШ—таш*—камень); наряду с ним, встретилось *БьЫСьнч—бисинч*—пятый. Там же представлено два варианта аффикса -***ыш***, ***ись***[6]. Вообще, в этом памятнике больше преобладает ***с*** вместо ***ш*** (*ЫСь—ис*—работа, труд, дело; *КьЫСьЫ—киси*—человек, женщина). Условно его следует отнести к „с-говору", который нашел свое (правда, не совсем полное) отражение в памятниках Могиляна (*БьЫСь—бис*, вм. *беш*), енисейских №№ 26, 32, Тоньюкука (*Сь—ис*—дело, работа, труд; вм. *Ы—иш*), Кули-чура, в Онгинском, из Хойто-Тамира. К этой группе можно отнести третий таласский памятник.

В тексте Моюн-чура представлены четыре разновидности: ***Ш*** (как и в части других памятников, напр.: *БШ—баш*—голова, начальник), ***Сь*** (вм. ***Ш*** в части других памятников, напр.: *БьЫСьнч—бисинчи*—пятый, вм. ***бешинчи***), ***С*** (как в других памятниках: *СьУ—су*—войско) и ***Ш*** (вм. ***с*** других памятников: *ШнчДЫ—шанчдым, санчдым*—я победил; *ШЫН|Р—шын|ар, сын|ар*—в направлении). Надо, однако, заметить, что в ряде ранее указанных памятников встречаются и слова с обозначенным 1) ***Ш***:*ЙЫШ—йыш*—чернь, т. е. лес и горы; *ЙШ—йаш*—возраст (п. Могиляна); 2) *ШД—шад*, *Т|Ш—таш*—камень (п. Тоньюкука) и т. п. В тексте памятника Могиляна есть два параллельных написания: *КьЫШЫ* и *КьЫСьЫ*—человек. Это, конечно, объясняется тем, что во всех рассматриваемых текстах не нашли своего полного отражения говоры, а получили обозначение лишь их следы, потонувшие в нормах начавшейся складываться письменной традиции.

Признак ***с*** присущ современным казахскому, каракалпакскому, хакасскому, якутскому (со своими закономерностями) языкам. Вместо него употребляется ***ш*** (как и во многих енисейских текстах) в киргизском, горно-алтайском, уйгурском, узбекском, туркменском, карачаевском, балкарском, азербайджанском, турецком, тувинском языках.

3. Сохранение *Бь—бь* в личном местоимении 1 л. ед. ч. (*бен—я*), как и в некоторых других словах перед носовыми согласными (*БьНь—бен*—я, *Бун|—бун|*—печаль, *БьН ГьУ—бен|гу*—вечный, памятник). Это представлено в большинстве енисейских памятников (№№ 1—3, 6, 9—11, 13, 15, 16, 19, 20, 22, 24, 25, 37, 41, 44, 48—57), в памятнике Тоньюкука, в уйгурском памятнике Моюн-чура.

Другая разновидность этого местоимения (*МНь—мен*), как и в отдельных случаях назализация *б*, в других словах (*МН|КьУ* вм.

---

[6] Впрочем, во многих памятниках „***МСь***" может читаться в виде „***мыш***". Буква *Сь* имеет двоякое чтение (*с* и *ш*).

Таблица 1

Примерная схема распределения следов диалектов в языке памятников орхоно-енисейской письменности

Признаки диалектов \ Памятники	Енисейский 15	Енисейский 6	Енисейский 1	Кули-чура	Онгинский	Тоньюкука	Куль-тигина	Могиляна	Суджинский	Енисейский 29	Моюн-чура (Уйгурский)	Другие памятники	Современные языки, в которых повторяются отмеченные признаки
И	—	—				—	—	—	—	—	—	1. Таласск. 1, 2. Таласск. палочка 3. Хойто-Тамирские 4, 5, 9 4. Енисейские 15, 18, 26, 27. 28, 29, 30, 31, 32,43, 48.	Татарский, хакасский, башкирский
Э			—	—	—							Большинство других енисейских	Большинство других тюркских языков
Ш	—	—	—							—	—	1. Таласск. 1, палочка 2. Мн. енисейск. . 3. Чарышск.	Большинство тюркских языков.
С > Ш		—							—		—	Енисейск. 6, 7, 8, 11, 12, 28, 29, 32, 45, Подкунинский	
С				—	—	—	—	—			—	1. Таласск. 3, 2. Хойто-Тамирск., Енисейский 26	Казахский, каракалпакский, хакасский, якутский
БЕН	—	—	—	(—)		—					—	Енисейские, 2—3, 9—11' 13.15, 16, 19, 20, 22, 24, 25, 37, 41. 44, 48—51.	Турецкий, гагаузский,
МЕН							—	—	—	—		Енисейские 10, 28, 29, 32, (39), 45	Большинство тюркских языков
(-М -ГА, -КА	—	—	—							—		Енисейские 3, 7, 8, 13, 15, 17, 44,	Узбекский, уйгурский, тувинский
(-М)-А		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1. Из Ихе-Асхете, 2. Енисейские 11, 18, 27, 49, 51	Большинство других тюркских языков
ЛТ, РТ	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	Большинство енисейских	В отдельных словах ряда языков
ЛД, РД		—								—		Енисейские 7, 8, 11, 13, 14,	Большинство слов значительной части тюркских языков

Таблица 2

ГРАДАЦИИ ПРИЗНАКОВ

Градации	Признаки																	
1. Наречия (2)	*Э*									*И*								
2. Диалекты (6)	*Ш*					*С*	*С > Ш*			*Ш*		*С*		*С > Ш*				
3. Говоры (9)	*Б*					*(Б)*	*Б*		*М*	*Б*		*Б*	*М*	*Б*	*М*			
4. Подговоры (16)	*МКА*			*М* ка, га / а	*МА*	*(МА)*	*МКА*	*МА*	*МГА*	*МГА*	*МКА*	*МА*		*МА*		*М* ка, га / а		
	ЛТ	*ЛТ, ЛД*	*ЛД*	*ЛТ*		*ЛТ*	*ЛД*		*ЛТ*	*ЛТ*		*ЛТ*		*ЛТ*		*ЛТ, ЛД*		
Типичные памятники	3 (Т)	44 (Т)	13 (Т)	1,41 (Т)	49, (51) (Т)	К-ч, Онг (М)	(7,8) (Т)	11 (Т)	45 (Т)	15 (Т)	27 (Х)	Тон, (М)	К-т, М (М)	М-ч (М)	Судж. (М)	28,29 (Х)		
Остальные памятники	2, 10, 14, 19, 25, 40, 42, 46, Чар. (Т, Х, Ч)					—	16, Подкунинск. (Т, Х)			30, (31), 43, 48 Тал. 1, Тал. п. (Х, Т, Тл)		26 Хойто-Там. (Х, М)		6, 12, 17, 32 (Т, Х)				
Примеры языков, в которых повторяются диал. признаки	Киргизск., г.-алт., узб., уйг., частично: тувинск. (беш|ийи), туркм., азербайджанск.					Каз., к.-калп.	—			Татарск., башкирск.		Хакасск., якутск.		Чувашск. (диалектн.)				

Примечание: (Т)—Тува, (Х) - Хакасия, (М)—Монголия, (Тл)—Талас, (Ч)—Чарыш. В части языков могут повторяться признаки двух наречий.

БьН|Гьу), обнаруживается в енисейских текстах №№ 10, 28, 29, 32, 39 (в последнем нет *мен*, но зафиксировано два варианта: *бен,ку* и *мен,ку*), 45 (есть и „бен?"), в Суджинском памятнике, в памятниках Кюльтигина и Могиляна (однако в них, наряду с *мен*, есть и *бен,гу* вместо ожидаемого *мен,гу*).

В памятниках же Онгинском и Кули-чура рассматриваемое местоимение не представлено (*б* в примерах *бен,гу*—вечный и *бун,*—печаль, сохраняется).

В большинстве современных тюркских языков представлен вариант *мен, мин, мән*, тогда как в турецком и гагаузском употребляется *бен*.

4. В одной группе памятников (3, 7, 8, 13, 15, 44) при именах с притяжательным аффиксом 1 л. ед. ч. дательный-направительный падеж оформлен в виде-*КА*, *-КьА*, *-ГА*,*-ГьА*. В текстах 1, 28, 29, 41 и других имеются колебания в передаче этого падежа: *-КА*, *-КьА*, *-ГА*, *-Гь А* и *-А*.

Наконец, в памятниках 11, 18, 27, 49, 51, Кули-чура, Онгинском, Моюн-чура, Суджинском, Кюль-тигина, Могиляна, Тоньюкука и других дано только *-А*.

Образование на *-га* при аффиксе 1 л. ед. ч. сохраняется в современных языках карлукско-чагатайского типа, т. е. в узбекском и уйгурском (узб. *ота-м-га*—моему отцу). Формант дательного-направительного падежа в виде *-а* при притяжательном аффиксе 1 л. ед. ч. распространен в киргизском, казахском, туркменском, азербайджанском, турецком, хакасском, горно-алтайском (с вариантом *-га*) и в ряде других языков, кроме тувинского.

5. В значительной части памятников более распространены на слогоразделе сочетания *ЛТ*, *РТ*, *НТ*, *НК* и т. п. (*келти*—он пришел; *бирти*, *берти*—он дал и др.). В отличие от них, в текстах 25, 28, 29, 44 и некоторых других имеются два варианта: *ЛТ* и *ЛД* в одних и тех же словах. Есть ряд памятников, где последовательно дано *ЛД* (№ 7, 8, 11, 13. 14).

Распространение перечисленных типовых признаков показано в табл. 1.

Однако в некоторых памятниках непоследовательно представлены отмеченные признаки. Так, в памятниках №№ 10, 45 есть *бен* и *мен*; в памятнике 23 и 24 имеются признаки *э* и *и* (*эл*—народ и *ичим* вм. *эчим*—старший брат, или *эл* и *йиг* вм. *йег*—хороший), в памятнике 26 вместе с *йас*—возраст (вм. *йаш*) дано *тегмиш*—соприкоснулся), имеются признаки *с* и *ш* и т. п.

Кроме рассмотренных признаков, в отдельных памятниках имеются еще и другие частные (лексические и грамматические) отличия, но они не носят системного характера, а потому не могли быть учтены при составлении табл. 1.

Отмеченные признаки свидетельствуют о том, что в языке памятников орхоно-енисейской письменности, несомненно, существовали свои диалектные отличия, возникшие и развивавшиеся, вероятно, еще до оформления данной системы письменности.

Каждый из названных признаков имеет различный диапазон распространения. В связи с этим вырисовывается несколько градаций лингвистических особенностей, отмеченных в табл. 2, являющейся схемой классификации языковых особенностей памятников. При ее разработке было рассмотрено 77 текстов. Часть из них не содержит совокупности намеченных признаков, а потому не могла быть принята

во внимание. Поэтому в табл. 2 включены данные, характеризующие лишь 46 памятников: из Хакасии—10, из Тувы—24, из Монголии—9 и других—3.

В составе языка памятников четко выделяется два наречия: Э и И. Каждое из этих наречий содержит по три диалекта: Ш, С, С > Ш (возможно, что последний признак относится к графическим особенностям алфавита, но и при таких условиях в этом следует усматривать какие-то отличия, имевшие свои закономерности). В составе диалектов повторяются говоры Б (*бен*) и М (*мен*), а далее уже следуют подговоры.

Для суммарной характеристики всех памятников удобнее всего в первую очередь принять во внимание признаки наречий и диалектов, так как в некоторых памятниках черты говоров или подговоров представлены недостаточно полно.[7]

По диалектным особенностям территориальные группы памятников характеризуются следующими данными (количество памятников):

Таблица 3

Локализация \ Диалект		*эш*	*эс*	*эс > ш*	*иш*	*ис*	*ис > иш*
Хакасия	10	1	—	1	4	1	3
Тува	24	13	—	6	3	—	2
Монголия	9	—	2	—	—	5	2
Чарыш	1	1	—	—	—	—	—
Талас	2	—	—	—	2	—	—
Всего:	46	15	2	7	9	6	7

Таким образом, в памятниках Тувы преобладает наречие Э, в памятниках Хакасии—И (то же и в совр. хакасском языке). Более четко представлен диалект С в памятниках на территории Монголии. Явление *с > ш* обнаруживается в части хакасских, тувинских и монгольских памятников.[8]

Наречия и диалекты, судя по имеющемуся пока материалу, не имели четко очерченных территориальных границ. Так, из 8 проанализированных памятников с Ча-Холя (Тува) пять относятся к наречию Э, два—к И, а один (№ 23) совмещает в себе признаки обоих наречий. Из двух текстов из Кызыл-Чира (Тува) один (44) относится к наречию Э, а другой (№ 43)—к наречию И. То же можно сказать и о памятниках с Барыка (№№ 6, 7, 8).

Это объясняется в первую очередь кочевым образом жизни обладателей памятников (происходила смена пастбищ), а также и сложными политическими отношениями между племенами или союзами племен. Так, например, территория Тувы в VI—VIII вв. входила в состав Восточного тюркского каганата, в период с 750 по 840 г. была завоевана уйгурами, потом—хакасами.[9] Естественно, что при таких условиях в памятниках могли найти отражение разные диалекты.

[7] Поэтому предлагаемая классификация говоров языка орхоно-енисейской письменности носит предварительный характер. Возможно, что она подвергнется изменениям при анализе ряда новых текстов (по мере их нахождения или описания).

[8] Автор приносит свою искреннюю благодарность тюркологам З. Б. Арагачи (из Тувы) и Д. И. Чанкову (из Хакасии), оказавшим ему помощь при установлении местрасположения енисейских памятников, упоминаемых в данной статье.

[9] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 97, 100.

ВЫВОДЫ

1. Наличие в каждом из наречий трех соответственных диалектов говорит об общих тенденциях в развитии языка памятников орхоно-енисейской письменности.

С другой стороны, различие в составе диалектов указывает на неравномерность процесса развития языковых черт рассматриваемой системы говоров.

2. Можно наметить следующую последовательность смены отмеченных классификационных признаков:

а) ***Б*** > ***М***

б) -***МКА***, -***МГА*** > -***М*** $\frac{ка,\ га}{а}$ > -***МА***

в) ***ЛТ*** > ***ЛТ***, ***ЛД*** > ***ЛД***

3. Язык памятников орхоно-енисейской письменности отражал в той или иной степени соотношение фактов в разговорной речи тюркских племен, населявших Южную Сибирь, Северную Монголию и ряд сопряженных мест.

4. Картина соотношения диалектных признаков в языке тюркских племен второй половины первого тысячелетия н. э. может быть учтена при разработке истории отдельных тюркских языков. При этом не следует думать, что язык памятников орхоно-енисейской письменности был той основой, в процессе дифференциации которой впоследствии возникли современные тюркские язык. Это был язык, с которым сосуществовали и другие тюркские языки.

5. Те общие черты, которые вскрываются в общей массе современных тюркских языков и в языке памятников, подтверждают их родство.

6. Характерные особенности, отличающие современные тюркские языки (или их группы) друг от друга, во многом соответствуют тем диалектным различиям, которые обнаруживаются в орхоно-енисейских текстах, а потому можно предполагать, что они начали формироваться в период, непосредственно предшествовавший возникновению этой письменности (V—VIII в.) или даже раньше.

Э. ТЕНИШЕВ

(*Москва*)

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕУЙГУРСКИХ ПАМЯТНИКОВ УЙГУРСКОГО ПИСЬМА ТУРФАНА И ГАНЬСУ

Общим правилом для тюркских языков является различие согласных по линии глухости и звонкости. Исключение составляет небольшая группа языков, в том числе сарыгъюгурский и саларский языки, носители которых с давних пор (югуры—более тысячи, салары—около шестисот лет) живут на территории Китая в тесном контакте с китайским народом.

В этих языках различие согласных установилось совершенно по-другому. В языке сарыгъюгуров согласные различаются по наличию или отсутствию аспирации. Придыхательные согласные—сильные глухие звуки, не озвончающиеся в любой позиции слова. Непридыхательные согласные относятся к слабым глухим, звонкость которых колеблется, иногда почти доходя до полной.

Оба ряда звуков образуют соотносительные пары:

$$q—q‘,\ k—k‘,\ t—t‘,\ p—p‘,\ \overset{v}{ts}—\overset{v}{ts‘},\ tç—tç‘.$$

Фонологическая ценность этих пар особенно ярко выявляется в начале слова: *qol*—рука и *q‘ol*—проси!, *qaro*—смотри! и *q‘aro*—письмо, *ger*—чашка и *k‘er*—войди!, *kyr*—смотри! и *k‘yr*—мера зерна, *tala*—навьючь! и *t‘ala*—равнина, *tar*—сей, сажай! и *t‘ar*—узкий, *per*—дай! и *p‘er*—бей! *pır*—один и *p‘ır*—звукоподражание полету птицы, *dzola*—смотри в зеркало! и *ts‘ola*—*перепиши*!, *дзоu*—носилки и *tç’ou*—мост.

Начальная позиция слова в сарыгъюгурском языке, как видно из приведенных примеров, характеризуется в основном глухими согласными. Более сильные колебания наблюдаются в середине слов и в начале аффиксов. Здесь возможны такие случаи:

1) два звонких звука (основы и аффикса): *sazdı*—волосы, *gØzdi*—глаз, *taγdan*—с горы, *pegden*—от начальника;

2) два глухих звука (основы и аффикса): *axısqa*—рту, *siqke*—двери, *pastı*—голову, *terekten*—с дерева, *soitın*—корзины;

3) звонкий основы и глухой аффикса: *tsaγta*—во время, *qazsa*—если пороет, *t'aγta*—на горé;

4) глухой основы и звонкий аффикса: *k'usγe*—птице, *misγe*—нам;

5) гласный основы и звонкий согласный аффикса: *semige*—кумирне, *suγa*—воде, *t'alaγa*—степи, *qotıγa*—очагу, *muγa*—этому, *goγa*—тому;

6) гласный основы и глухой согласный аффикса: *jyte*—в доме, *kisete*—у человека, *Lianχuasıta*—в Лянхуасы, *poılıtan*—с этого года, *sutan*—из воды, *neten*—отчего? почему? *qarahte*—посмотрел, *kelohte*—приходил, *unsimahte*—не читал;

7) сонорный основы и звонкий аффикса: *hasarγa*—селу, *aqsaqalγa*—старосте, *erenge*—мужчине, *qolda*—на руке, *jaγanda*—у слона, *hasardan*—из селения, *manγde*—поехал, *mınde*—поднялся; сел (на коня);

8) сонорный основы и глухой аффикса: *jıφta*—в году, *aγıφtan*—со двора, *keφti*—пришел, —*pıφti*—узнал, *alφi*—взял, *barhti*—пошел, *pıφtir*—прошлый год, *saqaφtıq*—лента на шляпе, *salγanta*—когда положил.

Из звонких согласных в середине слова встречаются щелевые γ, *z*: *aγır*—тяжелый, *jaγı*—война, *azaq*—ступня, *pezik*—большой, *azγır*—жеребец.

В конце слов могут быть те же согласные, что и в начале, т. е. глухие с придыханием и без придыхания: *ahat*—конь и *at*—имя, клятва, *jehet*—мясо и *et*—делай!, *ahaq*—теки! и *aq*—белый.

Конечные звонкие—γ, *g*, *z*: *taγ*—гора, *arıγ*—чистый, *peg*—начальник, *qoz*—лей!, *kez*—одень!

Можно было бы думать, что обилие глухих согласных в языке арыгъюгуров—явление изначального порядка. Ведь сарыгъюгурский язык—это „*z*-язык" и по многим основаниям С. Е. Малов считал его „древнейшим языком". Но этому препятствуют такие соображения:

1) нам неизвестно пока по каким-либо материалам изначальное состояние фонетики тюркских языков.

2) данные саларского языка, который, хотя и относится к „*j*-языкам", или по системе С. Е. Малова к „новым языкам", в своей фонетике несет многие черты, что и язык сарыгъюгуров.

Последнее заставляет думать, что глухие согласные в сарыгъюгурском (как и в саларском) языке — явление, безусловно древнее, но относительно древнее.

В саларском языке существуют два ряда согласных различающихся наличием или отсутствием аспирации. Аспирированные согласные—сильные глухие, остающиеся таковыми независимо от положения в слове. Неаспирированные согласные—по природе своей слабые глухие, озвончающиеся в различной степени. Степень озвончения колеблется даже в речи одного и того же лица и фонемного значения не имеет.

Оба ряда согласных образуют такие пары: *q*—*q'*, *k*—*k'*, *t*—*t'* *p*—*p'*, *ts*—*ts'*, *tç*—*tç'*

Фонемную роль этих звуков легко усмотреть в начале слова: *qal*—'останься!' и *q'al*—'натяни лук!'; *kumur*—уголь и *k'umur*—мост, *kimu*—горчица и *k'imu*—лодка, *tam*—стена и *t'am*—пресный, *taγan*—

разойдись! и *t'aγan*—талкан (поджаренная мука), *puzı*—теленок и *p'uzı*—магазин, *pat*—утка и *p'at*—тони! опускайся!, *tsızı*—мера для жидкости и *ts'ızı*—мера длины (30 *см*), *tçyt*—качество и *tç'yt*—схвати! поймай!

В начале слова в саларском языке наличествуют сильные глухие. Слабые глухие в начальной позиции слов, несмотря на некоторую иногда озвонченность, тяготеют больше к глухим, чем к звонким. Все позволяет считать начало саларских слов в общем глухим, как и в сарыгъюгурском языке.

Природа саларских согласных определила их состояние и в середине слова. Картина здесь весьма меняющаяся и характеризуется такими особенностями:

1) два звонких звука (основы и аффикса): *k∅zdɛ*—в глазу, *jyzdɛ*—на лице, *taγdɛ*—на горе, *paγdɛ*—в саду, *k∅zdɛn*—из глаз, *taγden*—с горы;

2) два глухих звука (основы и аффикса): *paqqa*—саду, *taqqa*—горé, *pasta*—в голове (или на голове), *aγactan*—с дерева, *aʰtten*—с коня;

3) звонкий основы и глухой аффикса: *taγta*—на горé, *paγtigi*—находящийся в саду, *jyzten*—из ста;

4) гласный основы и звонкий согласный аффикса: *çyçoγa*—в школу, *Altuliγa*—в Алтиюлы, *suda*—в воде, *ameden*—от матери, *paleden*—от ребенка, *aneden*—от девушки;

5) гласный основы и глухой согласный аффикса: *suta*—в воде *qaqatan*—от старшего брата, *k∅nʲnite*—в душе, *k'∅ʰkita*—на спине, *kata*—где? куда?;

6) сонорный основы и звонкий аффикса: *isinda*—внутри, *elimdɛ*—в моих руках, *qoldan*—из рук, *anden*—потом, *pir k'ynda*—однажды, *mından*—отсюда, k'emden от кого, *ejinda*—у тебя самого;

7) сонорный основы и глухой аффикса: *jerte*—на земле, *mınta*—здесь, *ante*—там, *anten*—затем, потом, *pisırten*—от нас, *selerten*—от вас, *pularte*—у них, *pularten*—от них.

Сравнивая эти примеры с приведенными из сарыгъюгурского языка легко усмотреть, что в том и другом языке характер сочетаний согласных почти одинаковый.

Из звонких согласных в середине слов встречаются γ, *g*: *jaγır*—плечи, *saγal*—баки, *aγız*—рот.

В конце слов могут быть как глухие, так и звонкие согласные. Конечные глухие встречаются обоих видов—и аспирированные и без аспирации: *aʰt*—конь, *at*—имя; *oʰt*—сиди!, *ot*—огонь; *eʰt*—делай!; *k∅ʰp*—много.

К звонким конечным относятся γ, *g*, *z*: *taγ*—гора, *paγ*—сад, *teg*—касайся!, достигай!, *jyz*—лицо, сто; *k∅z*—глаза, *jaz*—весна.

Из этого краткого обзора согласных сарыгъюгурского и саларского языков видно, что оба языка, несмотря на их принадлежность к различным классификационным группам, обнаруживают один и тот же тип согласных и их сочетаний и в связи с этим весьма и весьма похожий фонетический облик слова.

А это дает право прийти к выводу о том, что отмеченные фонетические особенности того и другого языка—явление не изн альное,

а результат воздействия на эти языки одного и того же источника — китайского языка, в котором согласные различаются именно наличием или отсутствием аспирации.

Китайская культура и китайский язык сильно проникли в быт и язык сарыгъюгуров и саларов. Оба эти народа по меньшей мере двуязычны, т. е. говорят на родном языке и на китайском языке. Поэтому неудивительно, что в обоих языках обнаруживается глубокое влияние китайского языка, нивелирующее прежде всего их фонетические черты.

Отсюда же следует и другой вывод: китайский язык, вызвавший своим влиянием одинаковые черты в двух тюркских языках, должен вызвать при соответствующих условиях сходные черты в третьем и в любом другом языке тюркской семьи.

Таким третьим языком, который испытал на себе глубокое влияние китайского языка, является язык древних уйгуров Турфана и Ганьсу.

В диалектальном отношении этот язык, представленный памятниками уйгурского письма и буддийской культуры IX—XIV вв., относится к восточной группе смешанного диалекта древнетюркских языков[1]. Язык восточно-уйгурских памятников следует отличать от языка памятников арабского (частично уйгурского) письма и мусульманской культуры — Qutadγu bilig, сочинений Махмуда Кашгарского, Ибн-Муханны, Ахмеда Югнеки и Рабгузи, составленных в тот же самый период времени — X—XiV вв., но не в Турфане и Ганьсу, а на западе (вплоть до Самарканда). Вместе с этим язык буддийских памятников на уйгурском шрифте необходимо отличать от языка памятников рунического письма и рукописей манихейского и уйгурского письма манихейского содержания, найденных в Турфане и Ганьсу, но относящихся к более ранней эпохе, чем собственно уйгурские памятники Таким образом, в восточную группу входит язык таких памятников как „Золотой блеск" (Suvarnaprabhāsa), Tisastvustik, Kuan-si-im Pusar Abhidharmakoça, Maitirsimit, жизнеописание Сюань-Цзана, уйгурских текстов в изданиях Ф. В. К. Мюллера, В. Банга, А. Габэн, П. Пелльйо, Г. Рахмати, а также язык различного рода юридических документов и хозяйственных записей,—очень ценных источников для изучающих язык, культуру и быт древних уйгуров.

Исторические источники показывают, что с начала нашей эры на территории Синьцзяна и Ганьсу китайцы и тюрки, среди них уйгуры, находятся в состоянии постоянного контакта (политического, культурного и языкового), который наиболее сильно проявляется в V—VI и VIII—XII вв.[2]

Уйгуры Турфана—Ганьсу испытывали влияние, конечно, не только китайской культуры, они находились также под влиянием иранской, индийской и эллинистической культур. Но связи уйгуров с китайцами были наиболее тесными, живыми и длительными, поэтому китайское культурно-языковое воздействие на уйгуров было самым сильным, сравнительно с влиянием культуры других народов.

Многие уйгурские памятники буддийского содержания являются

---

[1] W. Radloff. Alttürkische Studien, V. „Изв. ИАН", 1911, стр. 442.

[2] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 253—255, 278—280, 290, 294.

A. v. Gabain. Hunnisch—türkische Beziehungen. 2. v. Togan'a Armagan. Istanbul, 1955, стр. 14—29; J. Hamilton. Les Ouigeuzs a' l' époque des cinq dynasties. Paris, 1955, и др.

переводом с китайского. Это—Suvarnaprabhāsa, Abhidharmakoça, Kuan-
v
si-im Pusar и др. Встречаются деловые документы, написанные на двух языках—уйгурском и китайском. Некоторые документы составлены обуйгурившимися китайцами, например, документы № 83 и 84 из книги В. В. Радлова Uig, Sprachdenk, (L. 1928, стр. 134—139), документы 1, 2 и 3 в изд. С. Е. Малова. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга (Записки ИВАН АН СССР, I, Л., 1932, стр. 129—149) и т. д.

В уйгурских рукописях встречается много китайских собственных имен, терминов, отдельных слов и целых выражений.

Пользуясь этим материалом, китаистам удалось установить даже диалектную принадлежность языка китайского населения древнего Турфана, на котором говорили и уйгуры.

Турфан и Ганьсу населяли уйгуры, владевшие кроме родного языка, еще китайским языком. Иными словами, китайский язык в Турфане и Ганьсу был на положении lingua franca. Его растущим влиянием следует объяснить то обстоятельство, что часть уйгуров Ганьсу теперь говорит только по-китайски. Надо думать, что уйгуры Турфана и Ганьсу, как и современные потомки их сарыгъюгуры, были двуязычными в основной своей массе. Это двуязычие в течение длительного времени, несомненно, должно было отразиться на родном языке уйгуров. И оно действительно отразилось и на разговорном и на литературном их языке.

Материал литературного языка привожу из Suvarnaprabhāsa—сочинения, широко известного уйгурам Турфана и Ганьсу. Примеры беру из ганьсуйского варианта, изданного В. В. Радловым и С. Е. Маловым. Материал народно-разговорного языка приводится из уйгурских юридических документов и деловых бумаг, найденных в Турфанском оазисе и опубликованных В. В. Радловым и С. Е. Маловым.

Уйгурская письменность, являющаяся адаптацией согдийской, основывается на фонетическом принципе.

Буквы, служащие для передачи взрывных и щелевых согласных, следующие: передает q, γ; две точки, стоящие слева, иногда обозначают γ, но большей частью q. Вернее всего, как заметил В. В Радлов, роль этих точек сводится к тому, чтобы выделить эту букву среди других „зубцовых“ букв, стоящих рядом[3]. В самом согдийском письме нет никаких диакретических знаков.

передает k, g,

передает t,

передает d,

передает p, b,

передает s, $š$ (иногда справа от буквы две точки).

передает z.

Таковы начертания букв, которые установились в уйгурской графике, их традиционные звукопредставления. Оставляя пока в стороне вопрос о том, какие звуки и буквы стоят в начале уйгурских слов, от-

[3] W. Radloff, S. Malov. Uigurische Sprachdenkmäler. L., 1928, стр. 71.

вет на который будет дан ниже, рассмотрим какие букво-звуки и их сочетания допускаются в середине слов:

1) два глухих звука (основы и аффикса): *atqır*—жеребец (Suv. 555_8), *aqtarılu*—переворачиваясь (Suv., $601_{,11-12}$), *ätkü*—хороший (Suv., 264_5, 354_{13}, *ötsüz*—без времени (Suv., 397_{18}), *üsüksüz*—непрерывно (Suv., 567_8);

2) звонкий основы и глухой аффикса: *tidti*—пожертвовал (Suv., 619_5), *ajıdtı*—сказал (Suv., 389_{16}), *ıdtım*—я послал (Suv., 636_{10}), *ädkü*—хороший (Suv., 264_6);

3) глухой основы и звонкий аффикса: *aqıtdacı*—заставляющий течь (Suv., 600_{20}), *kinki ötdä*—в последующее время (Suv., 639_4), *aqdarılu*—переворачиваясь (Suv., 133_{21}), *isdäjü*—ища (Suv., 602_4), *üsdälip*—увеличившись (Suv., 684_{17});

4) гласный основы и звонкий согласный аффикса: *ülküz-üz*—без меры (Suv., 258_7), *söz-läz-ün*—пусть говорит! (Suv., 441_7), *nom-ladı*—читал книгу (Suv., 576_{22}), *aγır-laz-un-lar*—пусть уважают! (Suv., 530_{12});

5) гласный основы и глухой согласный аффикса: *nom-latym*—я проповедовал (Suv., 363_9), *oqşatı*—стал похожим (Suv., 656_6) *titi*—сказал (Suv., 596_{11}), *söz-läti*—рассказал (Suv., 436_9, 622_{13}), *ajasun-lar*—пусть оберегают! (Suv., 530_{11}), *ädkü-kä*—хорошему (Suv., 376_{12});

6) сонорный основы и звонкий аффикса: *icindä*—внутри (Suv., 566_{11}), *ötündi*—взмолился (Suv., 397_{22}, 403_{15}, 633_2, 638_{13}), *saqındı*—подумал Suv., 614_1), anda munda—там и сям (Suv., 631_{17-18});

7) сонорный основы и глухой аффикса: *arasınta*—среди, между (Suv., 366_3), *orun-ta*—на месте (Suv., 576_{11}), *altınc*—шестой (Suv., 458_{16}, 343_{21}), *il-tä*—в народе (Suv., 397_{16}), *jaltrıγ-lıγ*—сверкающий (Suv., 520_2), *icintä*—внутри (Suv., 477_3), *söslämäkintin*—из его речи (Suv., 277_{24}), *sävintü-rüp*—обрадовав (Suv., 268_{2-3}), *nom-ta*—в книге Suv., 363_{10}, 365_{12}), *tülüm-tä*—во сне моем (Suv., 633_{19}), *sudur-ta*—в сутре) Suv., 363_{11}), *körtüm*—я увидел (Suv., 633_{20}), *inim-kä* моему младшему брату (Suv., 619_5), *ämti*—теперь (Suv., 670_{17});

8) глухой основы и сонорный аффикса: *söslämjü*—говоря (Suv., 576_6) *alqu ötlärtä*—в разные времена (Suv., 367_9), *atruq*—разный (Suv, 312_{12}), *äträm-lär*—способности (Suv., 453_{13}).

Согласные в интервокальном положении очень неустойчивы: *ata*—отец (Suv., 552_1) и *ada* (Suv., 608_{11}); *adasıntın*—от его вреда (Suv., 332_5) и *atasıntın* (Suv., 332_6), *qatun-ı*—жена его (Suv., 624_{13}, и *qadunı* (Suv., 546_{12}), *nädäg*—что? (Suv., 588_7) и *nätäg* (Suv., 588_8).

Положение звонких в середине слова обозначается на письме еще и так: слог с конечным звонким отделяется от остальной части слова, а в конце слога ставится буква конечного начертания:[4] *kökü̇z-üm*—моя грудь (Suv., 633_{13}), *köz-lärı üz-ä öz-lärı*—они сами посредством своих глаз (Suv., 277_{22}), *ornaγ-lıγ*—вместилище Suv., 594_{13}), *atqaγ-lıγ*—с мыслью (Suv., 264_{5-6}).

Это правило дает основание для заключения о том, что и в конце слова могут быть звонкие согласные. К ним относятся γ, *g*, *z*: *qar-lıγ taγ täg*—как покрытая снегом гора (Suv., 347_4), *joq qüruγ*—пустота (Suv., 485_8), *kicig*—маленький (Suv., 411_{15}), *küntüz*—днем (Suv., 488_5), *säkiz*—восемь (Suv., 681_{11}), *tüz*—прямой, верный (Suv., 90_6,

[4] W. Badloff, S. Malov. Uigurische Sprachdenkmaler. L., 1928, стр. 74.

376_{18}), *idmaz*—не пошлет (Suv., 321_8), *üsäliksiz*—непрерывный (Suv., 376_{18}).

Путем сравнения приведенных фонетических особенностей очень легко убедиться в том, что сочетания и перебои согласных в середине слова и согласные в конце слова в литературном древнеуйгурском языке являют собой картину, чрезвычайно схожую с той, что наблюдается в сарыгъюгурском и саларском языках. Отсюда следующий вывод: в литературном древнеуйгурском языке различие между звонкими и глухими согласными пропало так же, как и в этих двух языках. Этой причиной только и можно объяснить отмеченные особенности в области древнеуйгурских согласных.

Язык и содержание древнеуйгурских юридических документов, несмотря на сложившийся стиль и форму соглашений, все же ближе к народному языку и быту, чем буддийские вероучительные сочинения с их старым книжным языком. Разница заметна сразу и в морфологии и в лексике, но она не создает существенной преграды между этими двумя формами одного и того же языка. По этому поводу много интересных мыслей высказали в своих трудах В. В. Радлов[5] и и С. Е. Малов[6]. Тема, начатая ими, не завершена и ждет своего исследователя. Следует только отметить, что отнесение языка юридических документов и прочих деловых бумаг к народно-разговорному языку древних уйгуров не вызывало пока возражений. Графика этих образцов деловой речи уйгуров не отличается чем-либо существенным от графики литературного языка, но, можно думать, что она больше фиксирует народное произношение.

Для выяснения природы согласных народного языка важно представлять себе сочетание их в середине слова и положение на конце. В средней позиции слова могут быть такие сочетания:

1) два звонких звука (основы и аффикса): *tudz-a*—если будет держать (Д. 11_7, USp., 11; Д 66_7, USp., 119), *tudz-un*—пусть держит! (Д 61_{10}, USp., 112; Д 80_6, USp., 137; Д16_{13}, USp., 21), *sadz-un*—пусть продаст! (Д 16_{14}, USp., 21), *jaradγalı*—чтобы создать (Д 58_6, USp., 102);

2) два глухих звука (основы и аффикса): *jasduq-qa*—монете (Д 62_6, USp., 114), *is-kä*—делу (Д 14_{17}, USp., 16);

3) звонкий основы и глухой аффикса: *ulaγ-qa*—подводе (Д 31_{11}, USp., 46), *jultuz-qa*—звезде (Д 42_3, USp., 59), *öd-kä*—времени (Д 44_1, USp., 64), *ödtä*—вовремя (Д 43_{17}, USp., 63);

4) глухой основы и звонкий аффикса: *coqγ-a*—печати (Д 7_7, USp., 9), *ösgä*—другой (Д $3_{8,10}$, USp., 48), *qısda*—зимой (Д 71_3, USp., 123), *jasduq*—монета (Д $62_{5,7,10}$, USp., 114), *qotdım*—оставил (Д 78_4, USp., 133), *tutdum*—держал (Д 86_4, USp., 141), *satz-un*—пусть продаст! (Д 30_{15}, USp., 44; Д. 61_{11}, USp., 112);

5) гласный основы и звонкий согласный аффикса: *janıγ-a*—новому (Д 3_1, USp., 115; Д 76_2, USp., 129), *kisigä*—человеку (Д 13_{11}, USp., 14), *janıda*—в новом (Д 29_4, USp., 42), *j(a)rma-da*—на плече (Д 42_{1-2}, USp., 59), *jarlıqadı*—приказал (Д 58_{13}, USp., 102), *jorız-un*—пусть ходит! (Д 78_7, USp., 133);

---

[5] В. В. Радлов и С. Е. Малов. Suvarnaprabhasa (Сутра золотого блеска). I—II, СПб. 913, стр. XV; W. Radloff, S. Malov. Uigurishce Spraehdenkmäler L. 1928.

[6] С. Е. Малов. Уйгурские рукописные документы. Н. Ф. Сальденбурга. „Записки ИВАН СССР", I, Л., 1932, стр. 143.

6) гласный основы и глухой согласный аффикса: *aγa-qa*—старшему брату (Д 6_7, USp., 6), *aruçqa-qa*—старику (Д 32_{22} USp., 48), *janɨqa*—новому (Д 85_2 USp., 140), *kiši-kä*—человеку (Д 56_{14} USp., 98), *Ilči-kä*—Ильчи (собств. имя) (Д 80_2, USp., 137), *Qoco-ta*—в Хочжо (современ. Кара-Ходжа) (Д 9_5, USp., 9);

7) сонорный основы и звонкий согласный аффикса: *aldɨ*—шесть Д $4_{7,\ 8}$ USp., 4; Д $74_{14,\ 19}$, USp., 128), *käldim*—пришел (Д 84_6, USp., 139), *qaldɨ*—остался (Д 12_6, USp., 12), *kälz-ä*—если придет (Д 11_8 USp., 11; Д 66_8, USp., 119), *ikindi*—второй (Д 2_1, USp., 2), *anda*—там (Д 55_{30} USp., 95);

8) сонорный основы и глухой согласный аффикса: *altɨ*—шесть (Д 73_1, USp., 125; Д 77_1, USp., 130; Д 80_2 USp., 137; Д 120_1, USp., 255), *alтɨnc*—шестой (Д 7_7, USp., 7; Д $85_{1,\ 3}$, USp., 140), *altɨm*—получил (Д 1_4, USp., 1; Д 3_5, USp., 3; Д 7_4, USp., 7; Д 35_2, USp., 52; Д 48_3, USp., 83; Д 49_5, USp., 84; Д 51_5, USp., 86; Д 52_2, USp., 89; Д $61_{8,\ 21}$, USp., 112; Д 63_4, USp., 115; Д 67_2, USp., 120; Д 70_3, USp. 122, Д 83_7, USp., 138; Д 85_2, USp., 140) *oγul-qa*—сыну (Д 57_6, USp., 100);

9) глухой основы и сонорный аффикса: *Qutluγ Tämür*—собств. имя (Д 57_6, USp., 100), *pisnin, ol*—это—наш (Д 22_{58}, USp., 29);

10) звонкий основы и сонорный аффикса: *Qudluγ adlɨγ*—по-имени Счастливая (женское имя) (Д $16_{4.\ 10-11}$ USp., 21), *tudmatɨn*—не держа (Д 77_9, USp, 130).

В позиции между гласными звонкие и глухие согласные черезвычайно неустойчивы:

otuz—30 (Д 5, USp., 5) и *oduz* (Д 1_1, USp., 1), *kitin*—после (Д 58_7, USp., 102) и *kidin* (Д 62_4, USp., 114), *qotup*—оставив (Д 26_5, USp., 36; Д 77_8, USp., 130) и *qodup* (Д 119_2, USp., 254), *piditim*—написал (Д 1_{12}, USp., 1; Д. 34_{16}, USp., 51; Д 57_{28}, USp., 100), *pitidim* (Д 2_{13} USp., 2) и *pididim* (Д 3_{20}, USp., 3) *qosi*—ягненок (Д $36_{3.5}$ USp., 53) вм. *qozɨ*, *usun*—длинный (Д 13_2, USp., 14) вм. *uzun*, *üsüp*—порвав (Д 32_7, USp., 48) вм. *üzüp*.

В. В. Радлов заметил, что в случае звонкого *z* слог графически закрывается буквой *z* конечного начертания, а последующий гласный пишется без начального *ä*[7]:

söz-üm—мое слово (Д 24_1; USp., 33; Д $69_{1,4}$; USp., 121) и *söstn-cä*—по его словам (Д 12_{25}, USp., 12), *käz-ik*—очередь (Д 75_1, USp., 129) и *käsik* (Д 80_5, USp., 137), *öz-üm*—я сам (Д 10_{13}, USp., 10; Д 34_{16}, USp., 51; Д 56_{22}, USp., 98) и *ösüm* (Д 13_{17}, USp., 14; Д 7_{10}, USp., 7; Д 64_9, USp., 117), *öz-i*—он сам (Д 16_{13}, USp., 21) и *ösi* (Д 13_{12}, USp., 14; Д 57_{11}, USp., 100).

Это правило распространяется и на серединные звонкие *γ* и *k*: *sadiγ-ɨ*—стоимость его (Д 56_7, USp., 98) и *sadɨqɨ* (Д 8_5, USp., 8), *sadɨqɨn* (Д 24_{16}, USp., 33), *pidig-i*—его документ (Д 5_3, USp., 5) и *pidiki* (Д 55_{30}, USp., 95).

Если звонкость согласных *γ*, *g*, *z* в середине слова передается на письме их конечным положением, то те же согласные должны быть звонкими и на конце слова: *uluγ*—большой, великий (Д $42_{10,\ 11}$, USp., 59), *paγ*—связка (Д 13_5, USp., 14), *Qoca paslɨγ päg*—князь—правитель Хочжо (Д 65_2, USp., 118), *küclug pökü-lüg ädräm*—сильное, мудрое ис-

[7] W. Radlotf, S. Malov Uigurische Sprachdenkmäler. L., 1928, стр. 74.

кусство (Д 58_{35}, USp., 102) *ärklig*—сильный, владетельный (Д 56_{12-13} USp., 98); *söz*—слово (Д 6_6, USp., 6), *küz*—осень (Д 1_4, USp., 1; Д 2_6, USp., 2), *käbäz*—хлопок (Д 2_2, USp., 2), *altımız*—мы взяли (Д 14_{10}, USp., 16), *qorqinc-sız*—бесстрашный (Д 59_{17}, USp., 107), *äksüksüz*—без недостатка (Д 56_{11}, USp., 98).

Приведенные выше сочетания согласных оказались общими и для народно-разговорного и для литературного языка древних уйгуров.

Таким образом, древнеуйгурский язык в целом обнаруживает тот же самый характер сочетаний согласных, что и сарыгъюгурский и саларский языки, хотя каждый из этих языков и относится к разным классификационным группам (по С. Е. Малову, древнеуйгурский это „*j*-язык" или „древний язык"). Следовательно, есть все основания сказанное о природе согласных в литературном языке повторить для всего древнеуйгурского языка, а именно: язык уйгуров Турфана и Ганьсу, запечатленный в памятниках уйгурского письма, не различал звонких и глухих согласных. Следовательно, смыслоразличительное значение согласных должно было проявлять себя иным путем.

Зная глубокое воздействие китайской среды на уйгуров и их язык, а также результат этого воздействия на природу согласных сарыгъюгурского и саларского языков, следует определенно сказать, что в древнеуйгурском языке господствовала та же система согласных, что и в этих двух языках. Противопоставление древнеуйгурских согласных фонем установилось по линии наличия или отсутствия аспирации: q—q' k—k', t—t', p—p', s—s'.

Причем, принимая за основу родственный древнеуйгурскому сарыгъюгурский язык, можно установить по его образцу звуковой облик древнеуйгурского слова со стороны его консонантизма:

1) в начале слова стоят глухие согласные—аспирированные и неаспирированные,

2) в середине слова — согласные и их сочетания, как только что приведенные,

3) в конце слова допустимы звонкие согласные γ, g, z.

Реальный путь реконструкции уйгурского произношения состоит в том, чтобы на материале одного какого-либо памятника, постепенно расширяя круг уйгурской лексики, выявить омографические написания, проверить по данным сарыгъюгурского и саларского языков, нельзя ли усмотреть в них придыхательные согласные.

Таким же путем проверять и одиночные слова. Трудность состоит в том, что пока отсутствует материал по сарыгъюгурскому и саларскому языкам.

В связи с этим не могу не вспомнить еще раз, что уникальная книга с текстами по сарыгъюгурскому языку С. Е. Малова, в которой обозначено придыхание, до сих пор не напечатана, хотя сигнальный экземпляр ее вышел одинадцать лет назад.

В как й период времени могла устанoвиться подобная система согласных в языке древних уйгуров? А. Габэн в 1954 г. опубликовала тексты буддийского содержания на брахми шрифте, найденные в Турфане и относящиеся к IX в.[8] Система согласных уйгурских брахми текстов очень близка к той, что была намечена выше; (т. е. глухие согласные в начале, в том числе и p, звонкие конечные γ, g, z и сочетания сонорных с глухими и т. д. в середине. Таким обра-

[8] A. Gabain. Türkische Turfan-Texte. VIII. Berlin, 1954.

зом, в IX в. в языке южных уйгуров уже существовала эта система согласных. Поскольку первые рукописи уйгурского письма датируются VIII в.[9], то установление данной системы согласных следует отнести на столетие раньше времени написания текстов на брахми.

К VII—VIII вв. относятся рунические тексты, в том числе и Селенгинская надпись, принадлежащая уйгурам. Язык рунических надписей по своим необычным сочетаниям согласных несколько похож на язык уйгурских текстов. Можно думать, что и язык тюрк-тугю в степях Монголии испытал на себе известное влияние китайского языка. О китайском влиянии на рунические надписи интересные наблюдения сделал Е. Д. Поливанов, но подробно это влияние не изучено. Рунические тексты обнаруживают, видимо, начальную стадию влияния, которое в уйгурском языке на территории Китая достигло своей полной силы.

Заметив подобие орфографий рунических и уйгурских текстов, французский иранист Р. Готьо высказал мнение, что сходство это объясняется адаптацией графической системы согдийцев[10]. Согдийцы оказали, конечно, большое культурное влияние на уйгуров, а через посредство уйгуров — и на монголов. Уйгуры заимствовали у согдийцев письменность, переводили на свой язык с согдийского, употребляли будийские термины согдийского происхождения или термины, попавшие к ним через согдийскую передачу. Многие из этих слов, как показал Б. Я. Владимирцов, уйгуры писали по-согдийски, т. е. без всякого изменения[11], в таком виде они перешли и к монголам[12].

Но означает ли это, что все особенности уйгурской орфографии навеяны только применением согдийской письменной традиции? Нет, не означает. Ссылаясь на В. Томсена, Р. Готье утверждает, что фонетика уйгурского языка, в которой различались глухие и звонкие согласные, не соответствовала согдийской графике с ее однозначным обозначением глухих и звонких[13]. Следовательно, уйгуры вынуждены были, например, перенять и согдийский способ передачи звонких, посредством сочетаний глухих с *n*, т. е. *np*, *nt*, *nk* и *zt*[14]. Но ведь эти сочетания далеко не исчерпывают всех тех сочетаний согласных, о которых речь шла выше. Можно ли все многообразие их объяснить аналогией? Применима ли во всех случаях аналогия? Одной аналогии здесь, разумеется, мало. Орфография какая бы она ни была, удобная или неудобная для языка, она прежде всего отражает его произносительные и другие нормы, общепонятные для людей. Это— ее основное назначение.

Применение уйгурами согдийской письменности как раз объясняется тем, что к моменту ее адаптации в уйгурском языке сложилась такая фонетическая система, для передачи которой согдийская графика представляла большие удобства. Уйгурские тексты на брахми шрифте, свободные от согдийской традиции, блестяще это подтверждают. Вполне понятно, что уйгуры, приняв согдийский алфавит, взяли кое-что и из орфографии. Ведь все это в какой-то мере соответствовало их языку! Остается еще допустить, что уйгурская система согласных установилась под воздействием согдийского языка. Участие

---

[9] A. Gabain. Alt-türkisches Schrifttum. Berlin, 1950, стр. 13—14.

[10] R. Gauthiot. De l'alphabet sogdien. „Journal Asiatique", serie t. XVII, N 1 janv.-fev., p. 90—91; его же. Essai de grammaire sogdienne. 1. Phonetique. Paris 1914—1923, p. 4—7.

[11] Б. Владимирцов. Mongolica I. „ЗВО", т. I. Л., 1925, стр. 316—329.

[12] Там же.

[13] R. Gauthiot De l'alphabet sogdien, стр. 90.

[14] h. Gauthiot. Essai de grammaire sogdienne, p. 130—132, 139—140, 146.

в этом процессе согдийского языка не вызывает возражений, но не он главный фактор трансформации уйгурских согласных. В сарыгъюгурском и саларском языках с той же системой согласных очень трудно допустить такое влияние согдийского языка. Если для языка сарыгъ югуров-ламаистов оно еще как-то объяснимо, то для языка саларов-мусульман, оказавшихся на территории Китая в конце XIV в., такое влияние едва ли когда-нибудь было.

Уйгурская орфография несет на себе реальное уйгурское произношение, которое установилось под воздействием китайского языка.

Венгерский китаист проф. Б. Чонгор на основе уйгурских транскрипций китайских слов из памятников Турфана и Ганьсу определил, что они относятся к чанъаньскому диалекту[15]. Согласно исследованиям Х. Масперо[16], Ло Чан-пэя[17], Б. Чонгора[18] и С. Е. Яхонтова[19] в диалекте, на котором говорили жители столицы империи Тан Чанани и население Северного Китая в VII—X вв., звонкие неносовые согласные древнего китайского языка (ancient chinese—по Б. Карлгрену[20]) потеряли звонкость. В чанъаньском диалекте действовали согласные *q—q'*, *k—k'*, *p—p'*, *ts—ts'*—только глухие согласные с аспирацией и без нее. Эта система согласных была усвоена уйгурами и отразилась в орфографии уйгурского языка.

В. Томсен, изучая рифмы Qutadγu bilig, пришел к выводу, что глухие и звонкие согласные в языке памятника различались и дал образец своей транскрипции текста, построенной по типу западных языков[21]. Впоследствии лингвистический материал Махмуда Кашгарского, Ибн-Муханны и других древних авторов подтвердили правильность этой транскрипции. Для группы западных языков, в которую входят языки всех этих письменных памятников, транскрипция В. Томсена верна. Но другое дело восточные языки. К ним транскрипция В. Томсена совершенно не подходит.

В языках восточной группы в полной мере действует правило, по которому звонкие согласные являются вариантами глухих,—правило, которое сформулировал В. В. Радлов[22] и применял в своих транскрипциях уйгурских текстов до и после теории В. Томсена вплоть до последнего периода своей деятельности, когда он составил словарь к „Золотому блеску",—и в этом отношении В. В. Радлов стоял к истине ближе, чем кто-либо другой.

Образцы транскрипций текстов.

1. „Золотой блеск".

Транскрипция С. Е. Малова.

Oi bäg tirilip kälip, örü olurup $a\overset{v}{s}$ *$i\overset{v}{c}$kü qoltı. Anı körüp qamaγ qası*

---

[15] B. Csongor. Chinese in the uighur script of the T'ang-period. „Acta Orientalia", t. II, fasc. 1; Budapest, 1952, p. 73—121.

[16] H. Maspero. Le dialecte de Tch'ang-ngan sous le T'ang. „Bulletin de l'Ecole Française d'Extréme-Orient,". t. XX. Hanoi, 1920, стр. 33.

[17] Ло Чан-пэй. Северо-западные диалекты эпохи Тан и Пяти династий. Пекин, 1933.

[18] B. Csongor. Ук. соч., стр. 85.

[19] С. Е. Яхонтов, рец. B. Csongor. „Советское востоковедение" 1956, № 2, стр. 189—195.

[20] B. Karlgren. Crammata Serica. Stockholm, 1940, стр. 46—48.

[21] V. Thomsen. Sur le systeme des consonnes dans la langue ouigoure. „Keleti szemle", II. Budapest, 1901, № 4, стр. 241—259.

[22] W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1883, p. 131—133, 199—200.

qatası, baslap, kim ol törütä jıγılmıs, näcä kisilär ärti ärsär olar barcä qorqup bälinγläp, ıraq tasdtılar qactılar (Suv., 55—11).

Предполагаемая транскрипция (на основе сарыгъюгурского языка)

Ol päg tirilip kälip örü olurup as ickü q'oltı. Anïkörüp qamaγ qası qataı paslap, kim ol törütä jiγılmıs, näcä kisilär ärti ärsär, olar p'arca qorqup pälinγläp iraq tasdılar qactılar.

2. Юридические памятники.

Транскрипция В. В. Радлова.

Qanlarımısqa küc perip jor (ı). *tımıs ärti ämti tar polsar,* (*qan*) *ımız Toqluq—tamürninγ . . . sintä jaman paqlarımısnı äilar jaqsi poluru* (Д 22_{44-48}. USp., 29—30).

Предполагаемая транскрипция.

Qan-larım-ız-qa küc pirip jurdımız ärti ämti tar polsar, (*qan*) *ımız Tuγluγ-Tämürninγ . . . sındä jaman paγ-larımız-ni jaqsı poluru.*

А. А. ЮЛДАШЕВ

(*Москва*)

О ПРОГРАММАХ СОБИРАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ АТЛАСОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

За последние годы в ряде республик развернуто изучение диалектов тюркских языков методами лингвистической географии. Как и в монографическом изучении диалектов тюркских языков, здесь ведущее место заняли азербайджанские и татарские диалектологи. Работа над диалектологическим атласом азербайджанского и татарского языков, начатая в 1957 г. и успешно проводимая ими в настоящее время, вызывает у тюркологов большой интерес. По мере развертывания аналогичных исследований в области диалектологии других тюркских языков все более возрастает интерес также и к опыту составления диалектологических программ, которым располагают азербайджанские и татарские диалектологи и который еще не подвергался специальному обобщению и обсуждению на наших координационных совещаниях. Поэтому нужно считать весьма своевременной постановку данного вопроса на настоящем совещании.

Приходится только сожалеть, что этому вопросу посвящен только один доклад и что к тому же докладчик по известным причинам не в состоянии по достоинству оценить указанный опыт и подвергнуть его надлежащему обобщению и анализу. Надеюсь, неизбежные пробелы в докладе будут восполнены в выступлениях специалистов.

В разработке программ собирания сведений для диалектологического атласа исключительно важное значение имеет решение вопроса о составе изучаемых явлений, ибо программы такого рода по необходимости предполагают лишь выборочное изучение определенных языковых явлений. Достоинство программ определяется поэтому прежде всего тем, насколько удачно разрешена данная проблема, насколько удачно выбран круг вопросов, подлежащих изучению методами лингвистической географии.

В программу такого рода обычно включаются вопросы, касающиеся различительных признаков диалектов и говоров, имеющих по крайней мере два варианта и представленных в одном говоре одним своим вариантом, в другом—другим. По отношению к историческому развитию данного конкретного языка один из этих соотносительных вариантов, составляющих диалектное различие, обычно является архаизмом, другой—новообразованием, а в отдельных случаях—заимство-

ванием. Один из соотносительных вариантов может быть в составе норм литературного языка.

В ходе монографического изучения диалектов азербайджанского и татарского языков установлено множество различительных признаков такого рода по каждому диалекту, по каждому говору. Каждое из этих явлений представляет для диалектологии большой интерес, каждое из них может быть картографировано, причем в преобладающем большинстве случаев эти явления могут дать изоглоссу, если не на всей территории распространения данного языка, то во всяком случае на значительной территории того или иного его диалекта.

Между тем в программу собирания сведений для диалектологического атласа азербайджанского языка включено всего 197 вопросов. Примерно такое же ограниченное количество вопросов охватывает и программа собирания материалов для диалектологического атласа татарского языка.

Из чего исходили авторы программ при отборе состава явлений, подлежащих изучению, могут ли они в каждом данном случае ответить, почему включен в программу тот или иной вопрос?

По моему глубокому убеждению, мы получим здесь удовлетворительный ответ применительно к каждому вопросу программы, поскольку, как уже говорилось, изучение любого диалектного явления методами лингвистической географии не лишено смысла. Другое дело, насколько важно и нужно изучение данного явления для азербайджанской или татарской диалектологии, насколько соответствует оно ее задачам, в конечном итоге обусловленным уровнем развития данной диалектологии.

Если подходить к предложенному составу изучаемых явлений с этой точки зрения, а подходить нужно здесь прежде всего и главным образом именно с этой точки зрения, то решение, предложенное авторами программ, едва ли во всем найдет всеобщее одобрение, едва ли все пункты программы найдут себе достаточно убедительное обоснование.

С глубоким удовлетворением можно и нужно отметить, что программы в соответствии с задачами современной азербайджанской и татарской диалектологии ставят своей целью проследить территориальное распространение отнюдь не всех, а лишь основных диалектных различий, едва ли не в большинстве случаев представляющих собой целостное звено в системе национального языка. Изучение такого рода явлений методами лингвистической географии позволит выяснить отношение диалектов друг к другу и к литературному языку, даст много новых материалов по воссозданию истории самих диалектных различий, истории отдельных говоров и диалектов и создаст прочную научную базу для всей последующей диалектологической работы, что и составляет одну из главных и основных задач современной азербайджанской и татарской диалектологии.

Наряду с диалектными различиями указанного рода, программы включают в себя значительный круг вопросов, касающихся различительных признаков отдельных говоров и диалектов, не связанных с системой других говоров и диалектов. Безусловно и эти явления представляют большой интерес, особенно для истории языка и для исторической фонетики и грамматики. Таково, например, соотношение начального *ч* и *ц*, связанное с системой Ордубадского и Тавризского диалектов, соотношение начального *ч* и *д*, связанное с системой Казахского диалекта азербайджанского языка. Но они едва ли все могут считаться в той мере важными, чтобы заниматься ими

именно сейчас. Например, с точки зрения задач татарской диалектологии едва ли имеет особенно важное значение исследование таких сугубо частных локальных фактов, каким является замена исконных *д* и *з* межзубным *з*, наблюдаемая лишь в отдельных говорах татар, не связанная с системой других татарских говоров и диалектов и легко объяснимая территориальным взаимодействием татарских говоров с башкирскими.

Здесь, конечно, можно спорить, тем более, что примеры, взятые наугад, быть может недостаточно показательны. Но дело не в этом. Важно решить вопрос в принципе. Едва ли станет кто-либо всерьез возражать против того, что на первых порах желательно охватить минимальный круг максимально важных вопросов такого рода и что вопросы должны быть рассчитаны на обследование любых говоров данного языка.

Ни с точки зрения задач татарской диалектологии, ни с точки зрения лингвистической географии вообще, не находит достаточного оправдания включение в программу диалектных различий, связанных с фонетическим освоением заимствованных слов типа *кино—кину—кина*, *пальто—пальту—пәлтә*, *метро—митру—митра*, *песок—писук—пәсук*, *сестра—систра—сәстра* (см. п. 7, стр. 23). Другое дело, когда они изучаются не специально, а в связи с исследованием соотношения определенных звуков.

Трудно считать целесообразным включение в программу также и отдельных общих явлений типа татарского *унбер* > *умбер*, *урманлар* > *урманнар*, (см. п. 34, стр. 29), *көнбагыш* > *комбагыш*, *унбиш* > *умбиш*, *унбер* > *умбер* (п. 36, стр. 29), *урманга* > *урманға* (п. 37, стр. 30), которые спорадически встречаются повсеместно и которые обусловлены закономерностями, отнюдь не характеризующими систему данного диалекта или даже языка.

Таких вопросов, включение которых в программу может вызвать возражение, немного. В целом состав вопросов как азербайджанской, так и татарской диалектологической программы подобран, на наш взгляд, удачно. В программе по азербайджанской диалектологии предусмотрено изучение 56 вопросов по фонетике, 47 вопросов по грамматике и 94 вопросов по лексике, имеющих непосредственное отношение к решению назревших задач азербайджанской диалектологии по выяснению отношений диалектов друг к другу и литературному азербайджанскому языку и по воссозданию истории самих диалектных различий, истории отдельных говоров и диалектов и истории национального языка, а в татарской диалектологической программе Н. Б. Бурановой—более 200 явлений такого же рода.

Диалектные различия, включенные в программы, за редким исключением представляют собой двухвариантные или многовариантные соотносительные явления, представленные в одном диалекте одним своим вариантом, в другом—другим (ср. азерб. *а:ə*, *а:е*, *а:о*, *а:у*, *а:ы*, *ə:и*, *ə:е*, *ə:ө*; *ы:у*, *ы:и*; *у:и*, *у:о*; *ө:ү*; *б:п*, *б:м*, *б:в*; *д:т*, *д:ғ*; *ф:п*; *к:к*, *к:ч*, *н*$_1$*:ч*; *ч:ж*; *ч:ш*, *х:һ*, *х:ғ*, *с:з*; *йу:у*; *бизим*: *бизин*: *бизи*; *чивин*: *милчәк*; татар. *ө:е*; *о:ы*; *и:ə*; *өй:и*, *к:к* *х:к*; *ж*$_1$*:й*; *ж*$_1$*:з*; *ч:ц*, *ч:ш*; *б:п*, *б:м*; *н:к*$_1$; *ф:п*; ки *лəсез*: *килесегез*, *укымый*: *укымыйча*, *укымыйчы*; *кайтканда*: *кайтышлый*; *җир җилəге*: *җир җилəгесе*: *җир җилəк*; *этəч*: *кучат*: *эцәт*, *бəрəңге*: *бүлбе*: *картуш*: *җир алмасы*) а в некоторых случаях—одновременно двумя или даже тремя взаимоисключающими вариантами.

Следовательно, эти различия почти все дадут изоглоссы на всей территории распространения данного языка.

Внешнее строение программ обычное. Весь охваченный круг вопросов распределен по соответствующим разделам (фонетика, морфология, синтаксис, лексика) с соблюдением принципа последовательности. В программе, составленной азербайджанскими диалектологами, можно было бы еще более четко разграничить чисто морфологические явления от явлений, обусловленных фонетической системой говора типа *сапсары: сафсары*, отнесенных в раздел морфологии.

Программа по собиранию материалов для диалектологического атласа татарского языка открывается разделом лексики, который, как и соответствующий раздел диалектологической программы азербайджанского языка, включает в себя противопоставленные и некоторые непротивопоставленные диалектные различия. Среди первого типа различий самое большое внимание уделено обозначению одного и того же понятия различными словами. В татарской диалектологической программе из 120 вопросов по лексике около 100 вопросов посвящено различиям такого рода, а в азербайджанской диалектологической программе из 194 вопросов—более 150. Противопоставленным различиям, связанным с обозначением одним и тем же словом различных понятий, отведено в программе весьма небольшое место. Еще меньше вошли в программы непротивопоставленные диалектные различия по лексике, т. е. слова, представленные лишь в части диалектов или в одном лишь диалекте и не находящие себе соответствия в других диалектах и в литературном языке.

Противопоставленные диалектные различия по лексике связаны с соответствующими предметами и явлениями современной действительности. Это — слова, которые и ныне имеют своих референтов. Непротивопоставленные диалектные различия в целом ряде случаев связаны с обозначением явлений и предметов, ушедших в область предания, таковы, например: татар. *кәләпүш* разновидность национального головного убора, *хәситә* — нагрудное украшение, *киндерә|| кәркеш|| чабата бавы* и т. п.

Такова часть терминологии, связанная с системой родства типа татар. *тудыка, онука, ичәч*. Такого рода устаревшие слова молодому поколению малоизвестны, да и старшим поколением они активно не употребляются. Поэтому желательно отразить это в формулировках, иначе собиратель может дать отрицательной ответ, исходя из наблюдений говора только молодого поколения.

В вопросах по лексике очень желательно, кроме того, ориентировать собирателя в отношении синонимичности изученных слов. Ныне, когда под возрастающим влиянием нормализованного литературного языка мощным потоком вливаются в диалекты и говоры-литературные эквиваленты изучаемых слов, совершенно необходимо учитывать возможность существования в говоре синонимов для обозначения одного и того же понятия.

В непосредственной связи с этим стоит задача выяснения частоты употребления и стилистической дифференциации того или иного синонима, частоты его употребления в зависимости от культурного уровня носителей говора. Изучение параллельных явлений, ныне наблюдаемых в азербайджанских и татарских диалектах также и в области фонетики и грамматики, много обещает для решения вопросов истории национального языка. Поэтому очень желательно, чтобы при собирании материала не упускалась из виду эта сторона изучаемых явлений.

Фонетические и грамматические явления, включенные в программу, по своему характеру делятся на два типа: 1) лексические ограниченные типа азерб. *к*; *к*, наблюдаемого в начале слов вне зависимости от того, при каком слове оно выступает; 2) представленные лишь в ограниченном круге слов типа азерб. *һөрмәк*: *өрмәк*, изучение которых имеет свою специфику,—в данном случае важно не только проследить отражение явления на однородном лексическом материале, приведенном в программе, но и установить возможно полный перечень слов, в которых наблюдается это явление в говоре. Соответственно меняется здесь и само картографирование и его цель. Указанного рода явления обычно не представляют собой целостного элемента действующей системы говора и языка, восходят к более отдаленным источникам. Предметом и целью картографирования здесь является поэтому не столько определение места явления в системе говора, сколько показ наличия или отсутствия данного явления в данном населенном пункте, тогда как картографирование первого типа явлений, прежде всего и главным образом, должно быть направлено на определение места явления в системе говора. В этом последнем случае картографирование предполагает рассмотрение варианта явления в его отношении к противопоставленному варианту, что в конечном итоге и позволяет определить место явления в системе говора.

Здесь чрезвычайно важно проследить, насколько последовательно проводится данное явление в говоре, имеются ли колебания, отклонения и т. п. Как отсюда вытекает, в программах эти два типа диалектных различий должны быть четко разграничены. Между тем в диалектологических программах азербайджанского и татарского языков далеко не последовательно проведено разграничение регулярного явления, для иллюстрации которого пригодно любое его проявление от лексически ограниченного явления, которое надлежит исследовать на определенном однородном материале исчерпывающим образом. Строение вопросов, касающихся регулярного явления, местами ничем не отличается от вопросов, посвященных лексически ограниченным явлениям, тем более, что и подача примеров, приводимых после каждого вопроса, в обоих случаях осуществлена одинаково. Этот упрек в большей мере касается азербайджанской диалектологической программы. Сравните, например, п. 25 этой программы, где речь идет о последовательной замене исконного начального звонкого *б* глухим *п*, с п. 26, где вопрос касается соотношения начального *б* и *м* применительно к крайне ограниченному числу слов. П. 25 гласит: „В начале слов произносится *б* или *п*?

бичин или *пичин*; *буғча* или *пухча*; *балта* или *палта*; *бүтөв* || *бүтө* или *пүтө*; *будах* или *путах*; *бүтүн* или *пүтүн*; *бишмиш* или *пишмиш*; *бухара* или *пухара*".

В п. 26 мы читаем:

В начале слов произносится *б* или *м*?

буна или *муна*; *бунда* или *мунда*; *биз* или *миз*; *банлады* или *манлады*". Как можно легко заметить, строение п. 25 в принципе ничем не отличается от последующего 26 п. Примеры можно подобрать и более яркие, это особенного труда не составляет, чего нельзя сказать применительно к татарской диалектологической программе, где регулярные явления довольно четко разграничены от явлений лексически ограниченных, как можно в этом убедиться хотя бы из следующих примеров.

Стр. 26, п. 21: „Каково соотношение *ж*ˌ и *й*: для данного населенного пункта свойственно жоканье или йоканье?

а) в начале слов: *йәшел* или *жˌәшел*; *йахшы* или *жˌакшы*; *йул* или *жˌул*; *йаңғыр* или *жˌаңғыр*; *жˌәй* или *иәй*; *жˌыр* или *йыр*; *жˌәйәү* или *йәйәү*;

б) в середине слов: *моржˌа* или *морйа*; *мәржˌән* или *мәрйән*;

в) в заимствованных из арабского языка: *жˌан* или *йан*; *жˌавап* или *йавап*; *Жˌамал* или *Йамал* . . .

г) в заимствованиях из русского языка: *сабрание* или *сабранжˌа*, *правление* или *правлинжˌа*, *фамилия* или *фамилжˌа*, Дарья или Даржа?“..

Стр. 30, п. 39: „Как произносятся следующие слова: *лампа* или *ланпы*, *нампы*; *тастымал* или *тастыман*; *йолдыз* или *йондоз*; *колмак* или *комнак*...“

Здесь уже сама формулировка вопроса не оставляет возможности превратного понимания его сущности. Даже неискушенному собирателю ясно, что в первом случае он должен проследить соотношение *ж*ˌ и *й* в целом, во всех возможных его проявлениях, а во втором — соотношение *н* и *м* применительно к приведенному перечню слов, который он может пополнить, если явление выходит за рамки этого перечня, поскольку в конце перечня стоит многоточие. Многоточие стоит и после перечня слов, относящихся к предшествующему вопросу. Но оно в данном случае указывает на возможность восполнения примеров любым подходящим материалом, поскольку сама формулировка вопроса дает установку на изучение явления применительно к неограниченному лексическому материалу. В результате собирания материала по первому из приведенных вопросов может быть картографировано явление в целом, во втором же случае предполагается картографировать проявление языкового факта применительно к определенному кругу слов, или отдельное картографирование каждого из этих слов.

Несмотря на то, что программы для диалектического атласа предусматривают выборочное изучение лишь определенных диалектных различий языка, разработка вопросов, посвященных этим различиям, должна быть осуществлена так, чтобы эти различия рассматривались как звенья, неразрывно связанные с системой диалекта в целом.

С названным подходом к изучению диалектических различий связано также распределение материала на разделы и рубрикация его на соответствующие пункты.

Если расположение разделов программ можно считать в целом удачным, то рубрикация материала внутри раздела, в особенности внутри раздела фонетики, во многом оставляет желать лучшего. Можно было бы иначе систематизировать целый ряд вопросов, например, следовало бы сосредоточить в одном месте и несколько иначе разработать разбросанные по всему разделу вопросы, касающиеся озвончения исконных начальных глухих согласных, поскольку эти вопросы отражают, очевидно, то или иное звено общего явления. То же самое нужно сказать и о вопросах относительно озвончения исконных согласных, стяжения и выпадения звуков и др. И вообще во многих случаях можно было бы провести границу между общим и частным в пределах одного и того же фонетического явления, раздробленного на разные пункты по не совсем понятным мотивам.

В азербайджанской диалектологической программе диалектные различия типа *галын*: *гәлин*, *хәбәр*: *хабар*, *хамыр*: *хәмир*, отражающие одно общее явление, а именно постпалатальный и палатальный сингармонизм, почему-то рассматриваются в трех различных пунктах: *галын*: *гәлин* в п. 1, стр. 7; *хабар*: *хәбәр* в п. 6, стр. 8, *хамыр*: *хәмир* в п. 14, стр. 9. Эти пункты, а также п. 2, стр. 7, прослеживающие частные моменты названного общего явления, могли бы быть объединены в один пункт, в пределах которого можно было бы выделить соответствующие рубрики, касающиеся частных моментов явления. (Правда, часть материала, представленного в пп. 2, 6, 14 и связанного с нарушением сингармонизма сюда не подходит, она подлежит выделению в самостоятельный пункт, посвященный соотношению звуков *а*:*ə*, *ы*:*и*). Можно было бы объединить также п.п. 41 и 42, стр. 10.

Переходя к строению вопросов, нужно заметить, что оно в целом осуществлено в соответствии с целями и задачами программы и с учетом специфики самих диалектных различий. Вместе с тем и здесь можно высказать некоторые пожелания. В отдельных вопросах по фонетике можно было бы еще более четко разграничить качество фонемы от ее соответствия в обусловленной позиции, сравните соотношение *а*:*о*, с одной стороны, в словах типа *йохын*: *йахын*, *шалвар*: *шолвар*, где мы действительно имеем дело с качеством фонемы, с другой—в словах типа: *баба*, *боба*, *добан*: *дабан*, *папах*: *попах* *амбар*: *омбар*: где переход исконного *а* в *о* едва ли не обусловлен артикуляционными особенностями звуков *м*, *б*, *п*, *д*, в окружении которых здесь выступает исконный *а* (см. п. 5, стр. 8); ср. также переход *а* в *ы* в сильной и слабой позициях, с одной стороны, в азерб. *манып*: *манат*, с другой— в словах типа *йаха*: *йыха*, *сармашых*: *сырмашых*, *самавар*: *сымавар* (п. 5, стр. 8); ср. закономерный переход *а* в *ə* под влиянием палатального сингармонизма, наблюдаемый в словах типа *хамыр*: *хәмир* и не имеющий прямого отношения к качеству фонемы *а* (стр. 9, п. 14).

В отдельных случаях не проведена граница между качественно различными явлениями, пересекающимися в одном и том же языковом факте. В этом отношении показателен п. 10 азербайджанской программы, в пределах которой в одном ряду рассматривается два явления: 1) нарушение законов сингармонизма типа *һейва*, *һейван* и связанное с этим соотношение *а*:*ə*; 2) палатальный и постпалатальный сингармонизм типа: *кениш*:*каныш*, *кен*:*кан*. На погрешности данного рода можно указать и в татарской диалектологической программе. Например, здесь восходящее к отдаленным временам соотношение *э*:*и* в словах типа *ит*:*эт*, *кил*:*кел*, *биш*:*беш*, поставлена на одну доску с соотношением этих звуков, наблюдаемым в слове *кирпеч*: *керпеч* и отражающим явление безусловно более позднее. Здесь необходим учет плана синхронии и диахронии. В связи с этим замечанием хочется высказать пожелание, чтобы при разработке вопросов диалектологических программ в большей мере учитывалась и сторона историческая, в частности интересы исторической грамматики и фонетики. Конечно, очень значительная часть вопросов так или иначе имеет к ней непосредственное отношение. Но разработку вопросов и в этом отношении можно сделать еще более целеустремленной.

Внешнее строение вопросов осуществлено четко и лаконично, главное—с учетом характера соответствующего диалектного различия, что, как и надлежащим образом разработанная внутренняя структура

вопроса, имеет исключительно большое значение для правильной организации наблюдений и собирания материала.

Из замечаний на этот счет я могу указать лишь на недостаточную продуманность отдельных формулировок. Такова, например, формулировка вопроса под п. 48 на стр. 15 азербайджанской диалектологической программы, где из-за небрежной формулировки в словах *йүзүк* и *йүзмәк* усматривается вставка звука *й*. С внешним строением вопросов программы тесно связаны подбор и подача иллюстративного материала по каждому отдельному вопросу.

Вопросы по фонетике и морфологии в обеих программах оснащены значительным по объему иллюстративным материалом, подобранным в большинстве случаев из наиболее часто употребляемого в данном языке состава явлений и слов, что облегчает работу собирателя, поскольку отыскание и фиксация такого рода примеров в говоре особенного труда не составляют. Исключением в этом отношении являются вопросы, в которых речь идет о лексически ограниченных явлениях, подлежащих изучению в определенных словах.

В каждом отдельном вопросе программы даны варианты слов, касающиеся, как правило, только данного диалектного различия, именно того, о котором спрашивается в соответствующем вопросе, причем авторы стремятся к исчерпывающему приведению вариантов данного различия. В частности, так обстоит дело в татарской диалектологической программе, в которой ряд примеров включает в себя предполагаемые и мало известные факты и в которой в конце перечня примеров последовательно ставится многоточие, очевидно, с тем, чтобы при собирании материала по программе не была закрыта возможность выяснения новых, еще неизвестных фактов, касающихся сферы проявления данного диалектного различия.

Рубрикация иллюстративного материала, целиком зависящая от понимания составителями структуры явлений, которым посвящен данный вопрос, произведена довольно тщательно, в особенности в татарской диалектологической программе. Сказанное не означает, что в этом отношении азербайджанская диалектологическая программа уступает ей. Применительно к последней высказать суждение как в этом, так и в некоторых других отношениях представляется мне очень трудным.

Иллюстративный материал в вопросах по фонетике и грамматике, касающихся лексически неограниченного регулярного явления, представляет собой лишь примерный перечень слов, в которых представлено изучаемое явление. Ответ на вопрос программы может быть дан в связи с этим и не обязательно при помощи именно данных слов, но также и любых других, которые пригодны для показа данного явления. В случаях, когда иллюстративный материал является строго определенным и ограниченным, когда само явление обнаруживается в считанных словах, когда оно лексически ограничено, это должно быть специально оговорено в формулировке вопроса программы. К сожалению, этого мы не находим в азербайджанской диалектологической программе, где перечень примеров сплошь и рядом не характеризован. Далеко не всегда четко охарактеризован иллюстративный материал и в татарской диалектологической программе. То ли это иллюстрация лексически неограниченного регулярного явления, то ли это исчерпывающий перечень слов, в которых нужно проследить лексически ограниченное явление. Что должен делать с этим материалом собиратель — тоже неизвестно.

Неприемлемость такой подачи иллюстративного материала станет

очевидной, если учесть, что вопросы не сопровождаются соответствующими инструктивно-методическими указаниями и объяснениями их сущности, вследствие чего программы во многом теряют в своей доходчивости.

Диалектологический атлас предполагает большой объем работы и в связи с этим по необходимости требует участия в ней целого коллектива специалистов, особенно в части собирания материала. Последнее невозможно осуществить успешно каким-либо одним лицом или даже одним отрядом. Материал собирается разными лицами, разными отрядами, руководители которых являются специалистами разной квалификации. Представляя собой результат работы отдельного отряда, собранный данным отрядом материал является частью единой цельной работы. Поэтому у собирателей должны быть единые в основном методологические установки, единые технические и методические приемы и единое понимание сущности каждого вопроса программы. Для этого необходимо со всей тщательностью разработать вопросы не только с точки зрения научной, с точки зрения структуры изучаемого явления, но и с точки зрения методической. Кроме того, следовало бы оснастить программу общими сведениями по методике сбора материала.

Ни во введении, ни в самой программе не говорится о том, как должен собираться материал: записывается ли живая речь с последующей разноской материала на карточки, или собиратель должен давать ответы на вопросы программы в порядке их следования. Правда, общие сведения такого рода могут быть почерпнуты из соответствующих диалектологических пособий или приобретены во время инструктажа, к которым обычно прибегают каждый раз перед выездом в экспедицию. Но конкретные методические указания сообразно с характером самой программы и охваченных ею вопросов совершенно необходимы, тем более, что состав участников экспедиции и их руководителей обычно в какой-то мере меняется, в связи с этим в известной мере меняются и требования и понимание некоторых недостаточно четко сформулированных вопросов, тогда как сама программа остается той же самой и неизменно является основным документом, регламентирующим не только характер сбора методологического материала, но и характер последующего его картографирования.

Было бы желательно, чтобы на основании опыта работы по действующим программам была составлена и издана инструкция методического характера. Разработка инструктивно-методических указаний, направляющих собирание и систематизацию материала по каждому вопросу программы безусловно целесообразна и для таких опытных специалистов, какими являются азербайджанские и татарские диалектологи. Она будет способствовать более глубокому и точному пониманию основных принципов программы и сущности вопросов и тем самым будет содействовать повышению качества собираемых материалов и научного уровня самого картографирования.

Быть может, в ходе работы уже наметились некоторые коррективы и дополнения по составу и строению вопросов. Эти изменения, необходимость которых определяется продолжительным опытом, тоже могли бы найти свое отражение в инструкции. В частности, на основании проделанной работы можно было бы уже дать твердую установку, какие вопросы подлежат обязательному исследованию, какие могут быть оставлены без ответа. В настоящее время, когда накоплен уже значительный опыт не только по собиранию материала, но и по его систематизации и предварительному картографированию, очень

важно, чтобы были выявлены допущенные в подборе материала типичные ошибки и их причины. В целях предостережения от этих ошибок в дальнейшей работе необходимо доводить их до сведения собирателя. Кроме того, в инструкции желательно было бы увидеть применяемую в азербайджанской диалектологии систему фонетической транскрипции с возможно полным и точным описанием каждого знака. В этом, как уже говорилось здесь, заинтересованы больше всего специалисты по другим тюркским языкам, которым приходится пользоваться данными азербайджанской диалектологии.

В заключение хочется отметить, что действующие диалектологические программы татарского и азербайджанского языков сослужат большую службу в углубленной теоретической разработке вопросов диалектов этих языков. Составленные с должным знанием дела и выдержавшие продолжительное испытание на практике они вместе с тем представляют большой интерес и для специалистов по другим тюркским языкам, занимающимся исследованием диалектов методами лингвистической географии, в особенности тем, кто только ныне приступает к этому. Было бы очень желательно, чтобы их авторы и редакторы обобщили свой опыт и поделились им через периодическую печать или на нашем предстоящем координационном совещании. Хотелось бы больше узнать и о результатах предварительного картографирования.

Г. БАКИНОВА

(*Фрунзе*)

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

В нашей республике в последние годы, наряду с изучением киргизского литературного языка, большое внимание уделялось и уделяется изучению его местных, территориальных особенностей, результаты которого были обобщены в ряде научных работ по киргизской диалектологии.

Эти исследования носят монографический характер. В них анализируются фонетические, грамматические и лексические особенности отдельных групп говоров.

Накопленный значительный диалектологический материал дает возможность поставить в настоящее время на повестку дня вопрос о составлении диалектологического словаря киргизского языка. Это будет первый опыт работы в данной области киргизского языкознания.

Правда, диалектная лексика включалась в имеющиеся киргизско-русский и русско-киргизский словари, а также в составляемый ныне толковый словарь, но они не охватывали ее целиком. Отражение некоторых диалектных слов в упомянутых словарях киргизского языка не исключает возможности и необходимости составления собственно диалектологического словаря киргизского языка. Он значительно облегчит изучение истории киргизского языка, его диалектов, так как процесс развития связан с усвоением явлений из местных говоров и с обогащением за счет других языков.

Наличие областных словарей будет способствовать, безусловно, и изучению истории появления отдельных слов, и выяснению степени распространения и употребления их в разных говорах, а также показу изменения их значений. Такой словарь нужен также для нормализации орфографии киргизского языка, для учителя киргизского языка и литературы в сельской средней, восьмилетней и начальной школе, которому приходится прививать школьникам нормы правильной литературной речи и бороться с употреблением диалектизмов.

В областном киргизском словаре нуждаются и краеведы, работники разных специальностей, которым нередко нужно навести справки о значении и происхождении того или иного термина. Такой словарь может принести большую помощь и писателю, и любому культурному человеку, так как, раскрывая многочисленные значения тех или иных слов, словарь будет способствовать обогащению словарного запаса лиц, пользующихся им.

По некоторым языкам составляют сперва региональные областные словари, а затем на основе этих региональных словарей разрабатывают сводный диалектологический словарь.

Состояние изучения местных диалектов киргизского языка дает возможность составить не только региональный словарь киргизских говоров, а сразу общий диалектологический словарь, который охватит все выявленные лексические особенности киргизских говоров, ибо сейчас трудно разграничить территорию употребления тех или иных слов в связи с тем, что диалектные особенности киргизского языка уже мало различаются между собой, они проявляются не в такой степени, как в некоторых других языках. Кроме того, для самостоятельного регионального словаря мы не располагаем достаточным количеством лексического материала по каждой отдельной территории. В Киргизии диалектологи до сих пор специально не занимались сбором лексических материалов. Эта работа проводилась попутно при обследовании говоров для монографического описания их. Наиболее значительные диалектные различия отмечаются в области лексики и фонетики. Поэтому сбор лексических материалов и составление диалектологического словаря киргизского языка представляет особый интерес. Исходя из изложенного, сектор диалектологии ИЯЛ АН Киргизской ССР намечает пока подготовку небольшого диалектологического словаря, охватывающего диалектную лексику киргизского языка на территории Киргизии, Узбекистана, Казахстана и Таджикистана.

Киргизские языковеды не располагают письменными дореволюционными материалами на киргизском языке, в том числе и материалами диалектной лексики. Материалы Радлова, Алмаши и других по эпосу „Манас" представляют собой образцы устного разговорного языка только северных киргизов.

Это все говорит о том, что лексикографический диалектный материал не имеет предшествующих источников. Источником для предполагаемого диалектологического словаря явятся экспедиционные диалектологические материалы ИЯЛ и Киргизского государственного университета, собранные за последние десятилетия, с привлечением по возможности диалектной лексики, встречающейся в областной и районной печати, и в фольклорных материалах, а также в некоторых художественных произведениях.

При составлении словаря надлежит учесть опыт работы и методику изложения материала в диалектологических словарях русского, татарского, казахского и других языков[1], а также в „Киргизско-русском словаре" проф. К. К. Юдахина.

О принципах составления диалектологического словаря существуют разные мнения[2]. Необходимо учесть все мнения и высказывания по этому вопросу и критически использовать их в практической работе.

Вопрос подбора слов является основным при составлении диалектологического словаря. Все высказывания об этом сводятся к одному мнению, что в диалектологический словарь должна включаться только диалектная лексика.

---

[1] Опыт областного великорусского словаря, 1852, 1858 гг.; Словарь областного архангельского наречия, 1885 и др. Диалектологик сузлек (на татар. яз.), ч. I, 1948, ч. II, 1953, ч. III, 1958; Ж. Досқараев. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері (лексика), II бөлім, Алматы, 1955.

[2] Ф. П. Филин. Об областном словаре русского языка; В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. Изучение диалектной лексики. Лексикографический сборник, вып. II. М., 1957; Ш. Сарыбаев. Новая диалектологическая работа. „Вестн. АН Казахской ССР," II. Алма-Ата, 1956. Ф. П. Филин. Проект словаря русских народных говоров. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961.

Как известно, местные диалекты являются ответвлениями от общенародного языка. Носители местных киргизских диалектов говорят на общенародном киргизском языке, пользуются его словарным составом, однако в речи их вместе с общенародной основой имеются свои, местные особенности, в том числе и в лексике. Следовательно, в диалектологическом словаре должна найти отражение только лексика местного употребления, только словарные диалектизмы. К ней можно отнести:

1. Слова, характерные для данного говора или группы говоров, но отсутствующие в киргизском литературном языке, например: ***пийабан***—картофельный суп с мясом, ***пасыра***—сотый; ***чору***—служанка, придворная работница царевны; ***чаткал***—щепка (лит. кирг. ***чамынды***); ***чуалчык*** *//**жок желим**//* ***кызыл курт***—дождевой червь (в лит. кирг. ***сөөлжан***); ***мамакөс***—трясогузка (в лит. кирг. ***жылкычы чымчык***); ***пычан***—сено; ***пайтаба***—портянка и др.

Многие из этих слов, не встречающиеся в литературном киргизском языке, чаще всего являются заимствованными из других языков в готовом виде, т. е. фонетически оформленными (***лэп***—губы), с грамматическими формами (***битта***—один, одного) и лексическими значениями (***пэйчэ***—нога животного, ***кэллэ-пэйчэ***—голова и нога).

Многие из заимствованных диалектизмов уже вошли в литературный киргизский язык, как, например, ***шып***—потолок.

2. Слова общеизвестные, одинаковые по звучанию со словами литературного языка, но имеющие и другие дополнительные значения. Например, „подпотник" обозначается словом ***тердик***, а в киргизском литературном языке—***ичмэк***. Слово же ***тердик*** в литературном киргизском языке и группе северных киргизских говоров обозначает лишь „потник"; ***торпок*** в южных говорах употребляется в значении „теленок", а в литературном языке и группе северных говоров—бычок по второму году; ***оодар***—у ичкиликских киргизов означает резать (барана), а у остальных—перевернуть, свалить; ***аттан оодар***—свалить с лошади; ***толто***—в южных говорах, кроме своего прямого значения, означает осадок при вытопке масла, а в литературном языке—место соединения аорты с сердцем, а также „колечко" или „шпенек", которым прикрепляется лезвие ножа к рукоятке; ***тыбыт***—в южных говорах осадок при вытопке масла, а в литературном киргизском языке—пух (козий); ***бууручак***—в некоторых говорах обозначает град, а в литературном киргизском — горох и коротенькие веревочки с узелками на конце, служащие для привязывания ягнят и др.[3]

3. Слова этнографического характера, относящиеся к определенной отрасли хозяйства, культуры, науки, быта, которые могут быть активными и пассивными, связанными с определенными предметами—явлениями современной действительности, и в отличие от них слова устаревшие, связанные с исчезнувшими явлениями, производственными отношениями, с чертами бытового уклада. Например, в южных говорах имеются такие названия вещей, как ***аташ керек*** и ***лахшагер*** (в лит. кирг. ***кычкач***)—щипцы для углей; ***оймотекей*** и ***төр-гөлжүн*** или у атбашинских чериков ***ободо***, (в лит. кирг. ***шырдак***)—сшитый орнаментированный войлок и др.

4. Такие омонимы и синонимы, как ***чуке*** и ***ашык*** (в лит. только ***чүкө***—альчик), ***топсо*** *//**бүктөмө**//* ***ашык-машык*** *//**турум**//* ***айлампа*** —дверные навесы; ***челек*** *//**бакыр**//* ***чака***—ведро; ***тай***—

[3] Ряд примеров и их толкования почерпнуты из „Киргизско-русского словаря, проф. К. К. Юдахина.

первое значение: жеребенок после шести месяцев, второе значение: кипа, тюк и др.

5. Пятая группа слов устойчивые словосочетания, сложные слова как ***күйө жанчы*** и ***күйөнөкөр***—дру́жка (вм. лит. ***күйөө жолдош***) и др.

6. Устарелые слова, архаизмы, сохранившиеся в диалектах, как ***тәңгә мүрү***—25 копеек.

7. Но диалектизмы бывают не только лексические, но и фонетические, морфологические. Поэтому, кроме приведенных слов, в киргизский диалектологический словарь должны войти слова с фонетическими и морфологическими особенностями, как, например: ***чикилик*** (вм. лит. кирг. *чикит*)—чижик, ***өмөлдүрүк***—нагрудник, часть верховой сбруи; и слова, претерпевшие фонетические изменения, в результате чего их трудно распознать в литературном киргизском языке, как ***дору*** (в лит. кирг. ***дарбы***)—раззадориваться: *Ат доруса, эшек кошо доруйт;* ***өрчүлө*** (в лит. кирг. ***өрүлүктө***)—угощение вновь прикочевавших теми, кто жил на этом месте прежде; ***желкинчек*** (вм. лит. кирг. *селкинчек*)—качели; ***түйүл*** (вм. лит. кирг. *түгүл*)—не, не только; ***кенчир*** (вм. лит. ***кендир***)—конопля.

8. Слова с иным грамматическим оформлением, чем в литературном киргизском языке, как, например: ***тебегеч*** (вм. лит. ***тебенээк***)—лягающий; ***куру*** (вм. лит. ***кургак***)—сухой; ***куруп калды*** (вм. лит. ***кургап калды***)—высох; ***көкмөк*** (вм. лит. ***көпкөк***)—очень синий; ***кечит*** (вм. лит. ***кечүү***)—брод; ***тетиногу*** (вм. лит. ***тетиги***)—вон тот; ***маңа*** (вм. лит. ***мага***)—мне; ***жөнгөр*** (вм. лит. ***жөнө сал***)—наладить и др.

Нам сейчас необходимо решить вопрос, во-первых, о том, будем ли мы в этом словаре отражать фонетические, лексические и морфологические варианты слов? Как, например, в диалектах: ***ободо***, ***оймотеке***, ***төрволжун***, ***шырдамал*** (сшитый орнаментированный войлок), а в литературном ***шырдак***; в диалектах ***топурак*** *//****турпак****//* ***тупурак***, а в литературном ***топурак***—глина, земля, почва. Во-вторых, новые слова (советизмы, интернационализмы), употребляющиеся в диалектах в разных фонетических вариантах, как ***аптомобуз*** *//****аптобус****//* ***аптобуз*** (вм. лит. ***автобус***); ***берме*** *//****перме****//* ***пермә*** (вм. лит. *ферма*). В-третьих, следует ли включать слова этнографического характера?

Мы позволим себе высказать свое мнение по всем этим вопросам.

Киргизский литературный язык оформлялся после Великой Октябрьской социалистической революции, в советский период, на основе северной группы говоров.[4]

---

[4] Среди исследователей киргизского языка есть разные мнения о том, какой диалект лег в основу литературного языка. И. А. Батманов в своей работе „Современный киргизский язык" (1953) считает, что в основу литературного киргизского языка лег иссык-кульский говор. Б. М. Юнусалиев в своей статье „Адабий тилибиздин диалектилик базасы жөнүндө" (газ. „Советтик Кыргызстан", 5 январь, 1962) считает, что основой литературного киргизского языка являются все диалекты киргизского языка. Вопреки этим двум мнениям мы полагаем, что в основу литературного киргизского языка легла группа северных говоров (тянь-шаньский, иссык-кульский, чуйский). Это наше мнение более подходит к истине, чем предыдущие, и подтверждается многими лингвистическими и историческими факторами. Во-первых, фонетическим, грамматическим (за исключением незначительных отклонений) и лексическим единством литературного языка с речью носителей северных говоров. Но никак нельзя сейчас утверждать наличие единства произношения, интонации и лексики южных, особенно ичкиликских, говоров с нормой литературного языка. По всем данным к его нормам более всего подходят северные говоры, имеющие между собой менее значительные отличия, нежели южные.

Поэтому письменный литературный киргизский язык очень мало отличается от разговорного языка. Представители интеллигенции во многих случаях на собраниях, лекциях, на сцене говорят на общепринятом разговорном киргизском языке с некоторыми фонетическими, лексическими и, реже, грамматическими элементами своего местного говора.

Поэтому в киргизских диалектах значительную роль играют звуковые особенности, которые бывают подчас настолько сильными, что некоторые слова становятся непонятными для представителей другого говора. Для изучения истории киргизского языка, а также для сравнительного изучения его говоров крайне важно показать фонетические и морфологические варианты слов.[5]

О методе работы. Наиболее трудным в работе является определение и правильная передача значения диалектного слова, которое раскрывается двояко:

а) либо путем использования эквивалента из литературного языка, если такой эквивалент существует;

б) либо путем развернутого толкования его значения, если эквивалент отсутствует.

В некоторых случаях и при наличии возможности эти значения слова иллюстрируются примерами. Мы не предполагаем давать в словаре схемы и рисунки, фотографии предметов, так как не располагаем ими.

Объяснение слов будет дано на киргизском языке, но между тем не исключается возможность перевода на русский язык отдельных слов для более точной передачи их значения.

Диалектные слова будут переданы как реестровые слова, независимо от принадлежности к частям речи, так как они могут быть представлены всеми частями речи. Чтобы облегчить пользование словарем людям, незнакомым с диалектными словами данной местности, следует, по нашему мнению, давать реестровое слово по существующей орфографии, а в скобках указать его фонетические формы по произношению в говорах.

Омонимы будут передаваться каждый отдельно под римской цифрой.

Синонимы и фонетические варианты будут включены по алфавиту,

Во-вторых, исторические факторы в момент образования, становления литературного киргизского языка создавали условия для распространения северной группы говоров: а) образование первого административного центра на севере, б) более раннее установление связей северных киргизов с русскими, в) подавляющее большинство первых работников издательств представители северных районов.

[5] Некоторые специалисты по русской диалектологии считают, что лучше не включать в диалектологический словарь иностранные слова, так как произношение их носителями местных говоров не зависит от территории. Но фонетическое усвоение заимствованных слов через русский язык вынуждает нас не придерживаться этого мнения, потому что заимствованные слова звучат по-разному, в зависимости от фонетических особенностей киргизских говоров. Например: слово *план* в южных киргизских говорах произносится как *пилон* //*плон*// или более мягко: *пилэн* //*плэн*, тогда как на севере встречается *былан* //*булан* и др. Исходя из этого, мы сочли нужным включить в киргизский диалектологический словарь слова, заимствованные через русский язык и из него. С другой стороны, включение таких заимствованных слов и слов этнографического характера в виде *этэш курок* //*лахша. гер* — щипцы для углей, *охлош*// *нуургуч* //*уболук*//—скалка и др., нужно считать полезным для изучения истории культуры киргизского народа.

На наш взгляд, правильно поступили диалектологи, включившие в татарский диалектологический словарь заимствованные слова из русского языка, как, напр.: *члина* (русск. целина), *шепши* (русск. щипцы), *шэйкэ* (русск. шайка) и др.

но объяснение значения слова будет дано только к основному синониму; при остальных же вариантах будут даваться отсылки на основное значение или на наиболее распространенный фонетический вариант.

О пометах. В предполагаемом киргизском диалектологическом словаре будут даны географические пометы, указывающие на территорию распространения слов. Что же касается помет грамматического и этимологического характера, то в этом словаре их не следует давать, так как они должны быть включены в толковые и этимологические словари.

О сравнении. В некоторых диалектологических словарях[6] сравниваются лексические материалы как различных говоров одного языка, так и с фактами из соседних родственных языков. Такого рода сравнения в диалектологическом словаре лишь перегрузят словарь и затянут срок его составления. Эту работу мы выполним во вторую очередь.

Таковы наши соображения о принципах составления первого небольшого диалектологического словаря киргизского языка.

---

[6] См. Ж. Досқараев. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері (лексика), II бөлім.

Л. А. ПОКРОВСКАЯ

(*Москва*)

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

По поручению Сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР я подготовила небольшое выступление о диалектологическом словаре казахского языка. Хочу напомнить, что на предыдущем координационном диалектологическом совещании в г. Казани в ноябре 1958 г. обсуждались принципы составления диалектологических словарей азербайджанского, татарского и казахского языков. С докладом „Некоторые вопросы составления диалектных словарей казахского языка" выступил тогда кандидат филологических наук Ш. Ш. Сарыбаев. Он говорил о принципах составления диалектологических словарей на основании опыта первого такого словаря, составленного Ж. Доскараевым и изданного в 1955 г.[1]

В настоящее время имеется еще один диалектологический словарь казахского языка, он включен в книгу проф. С. Аманжолова „Вопросы диалектологии и истории казахского языка" (Алма-Ата, 1959, стр. 353—448). На этом диалектологическом словаре я и хочу коротко остановиться в связи с общими принципами составления диалектологических словарей.

В своем докладе на совещании в Казани Ш. Ш. Сарыбаев отмечал, что в составлении диалектологического словаря казахского языка имеются большие трудности двоякого характера: во-первых, они связаны с тем, что „совершенно неисследованными остаются вопросы диалектной лексикографии. Неразработанными остаются такие вопросы, как структура и специфика словаря, принципы отбора, толкования слов и привлечения иллюстративных материалов, а также вопрос о мере введения этих материалов в диалектные словари"[2].

Во-вторых, трудности заключаются в том, что „пока еще не установлен круг основных диалектных различий казахского языка"[3]. „Наблюдается много точек соприкосновения слов литературного языка с диалектизмами. Если грамматические и фонетические явления уже твердо нормализированы и мы в них четко различаем литературные от нелитературных, то в отношении лексики мы в ряде случаев на-

---

[1] Ж. Доскараев. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері (Лексика). Алматы, 1955.

[2] См. Тезисы докладов II регионального совещания по диалектологии тюркских языков. Казань, 1958, стр. 28.

[3] Там же.

талкиваемся на затруднения, так как продолжают параллельно существовать несколько вариантов, „синонимов", имеющих определенные территориальные границы в употреблении, и мы не можем отдать предпочтение (какому-либо) одному из этих равноправных вариантов и назвать его литературным словом".[4]

Трудности первого рода, связанные с разработкой общих теоретических принципов составления диалектологических словарей, могут быть в основном разрешены, если обратиться прежде всего к богатому опыту русской диалектологии в этой области. Как известно, уже имеется много изданных и рукописных областных словарей русского языка.

В настоящее время в Институте русского языка Академии наук СССР в Москве и Ленинграде, а также во многих периферийных пединститутах ведется интенсивная работа по сбору диалектной лексики и составлению региональных диалектологических словарей. В нынешнем году выйдет из печати „Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка" (ответ. редактор В. Г. Орлова). Диалектологи-русисты любезно предоставили мне возможность ознакомиться с рукописью этого пособия. В нем очень четко и подробно изложены принципы и методы собирания диалектной лексики, разработаны вопросы составления картотеки для диалектологического словаря, его структуры, построения словарных статей. Мне представляется, что все основные принципы составления диалектологических словарей, изложенные в этом пособии, могут быть с успехом применены и казахскими диалектологами в их дальнейшей работе в этой области.

Для составителей диалектологического словаря казахского и других тюркских языков, несомненно, представляет интерес и обстоятельная работа Г. Г. Мельниченко „О принципах составления областных словарей"[5]. Конечно, при этом необходима критическая оценка данной работы и других статей об областных словарях, так как диалектологи-русисты иногда расходятся между собой в отдельных вопросах, касающихся составления диалектологических словарей.

Кроме того, у нас имеется успешный опыт составления диалектологического словаря татарского языка, три выпуска которого уже вышли в свет; в настоящее время составляется также диалектологический словарь азербайджанского языка.

Трудности же другого рода, связанные, как указывалось выше, с недостаточной дифференцированностью диалектной лексики казахского литературного языка, не могут быть полностью преодолены в ближайшее время при работе над диалектологическим словарем казахского языка. Эти трудности закономерно наблюдаются в работе диалектологов по тем языкам, где формирование литературного языка еще продолжается и где в то же время еще не полностью определены фонетические и грамматические особенности диалектов и говоров данного языка. Мне представляется, что казахские диалектологи совершенно правы, когда они, наряду с интенсивным сбором и изучением диалектологического материала, несмотря на объективные трудности, ведут работу и по составлению диалектологических словарей.

Что касается отбора лексики для диалектологического словаря

---

[4] См. Тезисы докладов II регионального совещания по диалектологии тюркских языков. Казань, 1958, стр. 29.

[5] „Уч. зап. Ярославского госпединститута, вып. XXVI (XXXVI), Ярославль, 1957.

казахского языка, то здесь, мне кажется, очень уместно воспользоваться советом диалектолога-русиста Г. Г. Мельниченко, который пишет в упомянутой нами работе: „Во всех случаях колебаний и сомнений следует, пожалуй, руководствоваться правилом: лучше взять лишнее, чем потерять то, о чем можно пожалеть“[6].

Однако, если то или иное слово казахского языка попало в диалектологический словарь, это не значит, что оно не должно употребляться в литературном языке и рассматриваться только как диалектизм. Проф. С. Аманжолов совершенно правильно, на мой взгляд, указывал: „Мы не против введения диалектизмов в казахский литературный язык, наоборот, твердо убеждены в том, что он пока питается и обогащается прежде всего за счет территориальных диалектов, обслуживающих народные массы“[7].

Казахский диалектологический словарь проф. С. Аманжолова составлен на базе нескольких источников, о чем свидетельствуют пометы в словаре.

1. Основным материалом для словаря послужили записи диалектной лексики во время экспедиций казахских языковедов в различные районы республики в период с 1937 г. по 1940 г. и с 1943 г. по 1956 г.

2. В словарь включены многочисленные диалектизмы, извлеченные автором словаря из произведений казахских писателей и поэтов: Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, Джамбула Джабаева, Нурпеиса Байганина, Габдола Сланова и многих других.

3. Диалектизмы, встречающиеся в областных и районных казахских газетах.

4. Диалектизмы, взятые из опубликованных и неопубликованных произведений казахского фольклора.

5. Диалектизмы, почерпнутые из казахско-русских и русско-казахских словарей.

Введение всех этих материалов в диалектологический словарь представляется правомерным. Следует только сделать оговорку в отношении фольклорных и письменных источников: как известно фольклорные произведения обычно распространены не только на территории того или иного диалекта или говора, а гораздо шире; он характеризуются своей „экстерриториальностью“ и сохранением архаической лексики. Поэтому, по требованиям современной лексикографии, не следует включать в диалектологический словарь в качестве заглавных слов те слова, которые встречаются только в фольклоре, но отсутствуют в разговорной практике носителей того или иного диалекта или говора. Таким образом, при слове, включенном в диалектологический словарь, должна быть ссылка не только на фольклорное произведение, но и на употребление этого слова в конкретном диалекте или говоре. Мне представляется, что вообще каждое слово в диалектологическом словаре должно быть снабжено пометой, фиксирующей его употребление в определенном диалекте или группе диалектов и говоров. Данные же об употреблении этого слова в произведениях писателей и поэтов следует привлекать лишь как дополнительный материал.

В диалектологическом словаре проф. Аманжолова, по моим наблюдениям, помещены следующие типы слов:

---

[6] Г. Г. Мельниченко. О принципах составления областных словарей. Уч. зап. Ярославского госпединститута, вып. XXVI (XXXVI). Ярославль, 1957, стр. 21.

[7] С. А. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, стр. 231—232.

1) диалектные слова, которых нет в литературном языке (т. е. лексические диалектизмы в их чистом виде). Одни из них имеют эквиваленты в казахском литературном языке и поэтому объясняются путем перевода , например, диал. *абыз* (лит. *білімді, ақылды*)—умный, ученый (стр. 353), диал. *шеке* (лит. *әже, ұлы шеше*)—бабушка (стр. 4 8); другие слова толкуются путем описательного объяснения, например: *аржа*: *жіңішке жұқа жәшік*—узкий, из фанеры сделанный ящик (стр. 356), *кәс*: *соқа айдағанда, боразда арасында кейде қалып қоятын шым-жал*—целина, остающаяся иногда между бороздами во время пахоты (стр. 389) и т. п.;

2) слова, которые имеют в диалектах иное значение, чем в литературном языке (т. е. семантические диалектизмы), напр.: *көн*: в литературном языке „сухой навоз", а в диалекте *қыстау*—зимовка (стр. 389), *жаңғырық*: в литературном языке „эхо" и „деревянная подставка при колке дров", а в диалекте *жастың, жас шақ, жас кез*—молодость (стр. 377);

3) слова, в составе которых имеются аффиксы, не употребляющиеся в данных словах в литературном языке, например, диал. *айтмағыл* (лит. *айтпа*)—не скажи, не говори, диал. *айтылмыш* (лит. *айтылған*)—сказанное (стр. 354);

4) слова, употребляющиеся в диалектах в иных фонетических вариантах, чем в литературном языке, например: диал. *айбат* (лит. *әйбет*)—приличный, хороший; диал. *алар* (лит. *олар*)—они (стр. 355), диал, *жаң-жұң* (лит. *шаң-шұң*)—крик, шум (стр. 377) и т. п.

В отношении последней группы слов следует отметить, что в диалектологический словарь могут включаться лишь такие фонетические варианты слов, которые не объясняются общими фонетическими закономерностями данного диалекта или говора, а представляют собой индивидуальные фонетические явления, проявляющиеся лишь в отдельных словах. Это положение, на мой взгляд, не всегда учитывается в казахском диалектологическом словаре: туда включены и фонетические варианты слов, явно имеющие закономерный характер, например: диал. *айтасызлар ма?* (лит. *айтасыздар ма?*)—скажете ли (стр. 354), диал. *жылауыш* (лит. *шылауыш*)—верхний головной убор у женщины (стр. 379). В одном примере здесь имеет место чередование согласных *л→д* в аффиксе мн. ч., в другом—чередование начальных *ж→ш*. Таких примеров немало.

В словаре, наряду с отдельными заглавными словами, помещены и целые словосочетания, содержащие диалектные слова или слова литературного языка, составляющие вместе иные значения, чем в литературном языке, например: диал. *жерлі жақымбай адам* (лит. *ақкөңіл, жайдары адам*)—чистосердечный, простой человек (стр. 378), выражение *албарлы болды* в диалекте обозначает „обзавелся двором", а в литературном языке „суетился" (стр. 355).

С точки зрения принципов современной лексикографии в диалектологическом словаре в качестве заглавного может выступать только одно слово, но не целое словосочетание, фразеологический оборот. Существуют специальные правила подачи фразеологизмов в диалектологическом словаре. Основные из них следующие:

1. Фразеологические сочетания, включающие в себя диалектное слово (или слова), употребляющиеся и вне данного сочетания, помещаются в статье, посвященной этому слову, за знаком ромба или с пометой фраз курсивом.

2. Фразеологические сочетания, не имеющие в своем составе диалектных слов, помещаются в словаре после слова, являющегося семантической или грамматической опорой данного словосочетания, причем само это слово не толкуется. Оно служит лишь указателем фразеологизма, который помещается непосредственно вслед за ним после ромба или соответствующей пометы.

3. Неразложимые словосочетания, т. е. идиомы, в которых можно выделить опорное диалектное слово, объясняются в словарной статье, посвященной этому слову. Если же в идиоме невозможно выделить опорное слово, то в качестве заглавного дается первое слово данного словосочетания.

В целом словарная статья диалектологического словаря должна состоять из следующих элементов:

1) заглавное слово с указанием места ударения (оно обычно дается с помощью средств орфографии).

2) грамматическая характеристика слова, с указанием помет (кроме исходной формы слова, дается обычно несколько дополнительных форм, необходимых для его грамматической характеристики);

3) стилистические или какие-либо иные пометы (сюда относятся, например, такие пометы, как *малоупотр.*, *устар.*, пометы для слов с устойчивой эмоциональной окраской: *шутл.*, *ласкат.*) и т. п.;

4) толкование слова (т. е. его литературный эквивалент или описательное объяснение его значения);

5) иллюстративный материал (каждое слово должно обязательно снабжаться примером на его употребление в контексте);

6) отсылки к другим словам, имеющим сходное значение (если они есть);

7) указатель населенных пунктов (или районов), где отмечено данное слово.

Словарные статьи в казахском диалектологическом словаре в большинстве случаев состоят из четырех элементов: 1) заглавного слова (или словосочетания); 2) его литературного эквивалента или описательного объяснения; 3) перевода на русский язык; 4) ссылки на район и область или на письменный источник, где было зафиксировано данное слово.

Встречаются также пометы: *уст.* (устарелое), напр.: *бір топ жер* (уст.): *бір айдам жер*—земля, равная 1 *га* (стр. 366), *проф.* (профессиональное), напр.: *бұт* (проф.): *діңгек*, *тіреу*, *бағана*—подпорка, опора (стр. 367), пометы к заимствованным словам, указывающие, из какого языка заимствовано данное слово, напр.: *бұлын*$_1$—*бұлын*$_1$ (уйг): *бөлме—бөлме*. Перевод этого парного словосочетания отдельно не дается, а есть перевод только иллюстративного примера: *Мынау үй бұлын*$_1$—*бұлын*$_1$ *екен*—этот дом разделен на комнаты (стр. 367). Следует отметить, что переводы слов и особенно примеров даются в словаре нерегулярно. Довольно много словарных статей вообще не содержат иллюстративного материала. Имеются случаи, когда слово помещено в словарь без какой бы то ни было документации, напр.: *адалын шешу...*—говорить правду, достичь истины, правильно решать (стр. 353), *айшығы айналу...*—быть усталым изнуренным (стр. 354) и т. д.

Несмотря на отмеченные недостатки, диалектологический словарь проф. С. Аманжалова содержит богатый и интересный материал по диалектной лексике казахского языка. Этот словарь, а также вышедший ранее диалектологический словарь Ж. Доскараева, являются солидной базой для дальнейшей работы казахских диалектологов в области лексикографии.

К. МУСАЕВ

(*Москва*)

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Теоретические вопросы составления диалектологических словарей обычно сводятся к принципам отбора слов для словника. Другие стороны дела, как мне представляется,—вопросы практического характера. Я считаю своей задачей остановиться именно на практических вопросах составления диалектологического словаря, базируясь при этом на анализе достоинств и недостатков первого диалектологического словаря казахского языка Ж. Доскараева[1]. Прежде всего мне хочется отметить, что на указанный словарь опубликованы рецензии Ш. Сарыбаева[2] и А. Курышжанова[3], которые носят несколько просветительский характер.

Диалектологический словарь Ж. Доскараева для нас ценен как первый труд подобного рода в казахском языкознании, дающий материалы по диалектной лексике. Автор скромно не называет свою работу диалектологическим словарем. Она названа просто „Местные особенности казахского языка (лексика)". Такое название работы, с другой стороны, отражает тот период, когда она вышла в свет, т. е. период, когда о диалектах казахского языка шли споры и дискуссии, ныне ослабевшие. Это ослабление, однако, нельзя считать результатом победы определенной точки зрения или примирением мнений.

Цель труда Ж. Доскараева, как об этом пишет автор во введении, ознакомить общественность Казахстана с лексическими особенностями в языке народа, объяснить их многочисленные значения, сравнить их с литературным казахским языком и другими языками на основании языковых фактов (стр. 3). Труд написан на материалах диалектологических экспедиций, на основе отбора, главным образом, слов с ясной семантикой. Некоторые дублетные формы слов, вульгаризмы и другие, которые не подходят под данное определение порядка отбора слов, не включены в эту работу (стр. 4). Автор надеется, что этот труд принесет определеную пользу для историков языка, с чем мы полностью согласны. В словаре собраны такие слова и устойчивые словосочетания, которые в данной форме с дан-

---

[1] Ж. Доскараев. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері (лексика). Алматы, 1955.

[2] Ш. Сарыбаев. Новая диалектологическая работа. „Вестник АН Каз. ССР, 1956 № 11.

[3] Э. Құрышжанов. Ігілікті бастама. Вопросы истории и диалектологии казахского языка, вып. 1. Алма-Ата, 1958.

ным лексическим значением употребляются только в каких-нибудь местных говорах, а в литературном языке неупотребительны или совсем неизвестны. Словарь воспроизводит разные стороны жизни казахов сельских местностей. В словаре получили отражение те реалии, которые характерны только для данной местности, для данного района. Однако в работе отсутствуют топонимика и ономастика (названия урочищ, прозвища людей, клички животных), которые тоже вызывают определенный лингвистический интерес.

Словарь написан на казахском языке и поэтому, естественно, малодоступен большинству тюркологов. Он охватывает 1521 слово, а не три тысячи слов, как об этом говорил Ш. Сарыбаев на казанском совещании по диалектологии тюркских языков.

Заголовок статьи дается в орфографии литературного языка без транскрибирования. Такая система записи и подачи диалектной лексики имеет свои положительную и отрицательную стороны. Она удобна для пользования диалектными словарями, но в то же время не воспроизводит полностью звукового строя, произносительных норм того или иного говора. (Как известно, в существующей орфографии казахского языка не получили отражения многие фонетические явления, например, губная гармония гласных: *дулыға* вм. *дулуға*, *қолым* вм. *колум* и т. д., так и в диалектах, напр.: *дүкерт* вм. *дүкөрт*, *дүңгіршек* вм. *дүңгуршөк* и т. д.).

Одной из положительных сторон словаря следует считать обилие примеров словоупотребления. Почти при каждом заглавном слове дается употребление этого слова в предложении, иногда в пословицах и поговорках. При многозначных словах каждое из значений слова иллюстрируется отдельным примером. Однако тут возникает вопрос— при многозначных словах которое из его значений следует давать первым. Очевидно, первым должно получить определение то значение, которое более употребительно. Как решен этот вопрос в словаре, установить трудно, поскольку не объяснено, которое из значений многозначного слова более употребительное.

Как построена словарная статья в работе можно проиллюстрировать на примере со статьей *кәжен*$_1$, которая является типичной в смысле строения статьи словаря: „*кежен*$_1$—одежда, дождевик (*сулык*) (*сырткы киім*), далее дана реализация этого слова во фразе: *кәженді сырттан киеді*; *балам*, *кәженіңді киіп ал үстің*$_1$ *су болмайды* (Ес. ГОМ). В казахском языке существует слово *киім-кешек*. Второй компонент этого слова в киргизском языке встречается в форме *кеше* (*киімкеше*). В русском языке кожанка употребляется в значении непромокаемой верхней кожаной одежды. Некоторые звуки этого слова изменяются, и в речи местного населения имеется мягкий вариант (Ес. ГОМ)—условные сокращения, показывающие область и район Казахстана)".

В некоторых статьях дается подробное описание того, как происходят работы, связанные с описываемым словом, мысли автора— догадки, сомнения. Несомненно, это имеет большое значение для этнографов и историков материальной культуры.

Данный словарь относится к типу таких, в которых слова собраны на значительной, даже огромной территории, однако слова не распределены по диалектам и говорам, а указывают лишь административный район области. В словаре отсутствуют сведения о том, в какой сфере общения слово употребляется и насколько оно употребительно. Поэтому невозможно установить в систему какого диалекта или говора данное слово входит. Для решения некоторых вопро-

сов из-за неустановленности говора, к которому относится то или иное слово, данным словарем невозможно пользоваться. Мы понимаем, однако, те большие трудности, которые возникают во многих словарях, описывающих лексику, не одного, а группы говоров, а в казахском языкознании тем более, поскольку не все говоры изучены, многие даже не тронуты.

Диалектологический словарь Ж. Доскараева имел большое значение для казахского языкознания. Он может дать объяснение некоторым словам, встречающимся в произведениях казахского фольклора, в сочинениях дореволюционных поэтов, о чем уже писал А. Курышжанов[4]. Кроме того, работа Ж. Доскараева до выхода работы С. Аманжолова оставалась единственным пособием, дающим материалы по диалектной лексике.

В словаре дано много интересных материалов по лексике казахского языка. Интересные материалы, которые дают исследователю местные говоры настолько увлекли автора, что он не мог удержаться от соблазна этимологических исследований в данном словаре. В словаре делается также попытка почти при каждом слове давать параллели из других тюркских языков, но попытка эта не последовательна. Конечно, никто не может оспаривать ценность и полезность этимологических разысканий. Однако, как мне представляется, это не входит в задачу диалектологических словарей и отвлекает внимание автора от главного. Это задача этимологических или историко-этимологических словарей, которые требуют специальных исследований. К сожалению, этимологизация и сопоставление занимает в словаре слишком большое место, но тем не менее форма слова ни в одном случае не раскрыта до конца и в некоторых случаях приводимые материалы из других языков сомнительны. Впрочем, как я уже отметил, работа не названа „диалектологическим словарем", и это, очевидно, в какой-то степени дает автору право привлекать к работе материалы других, даже неродственных языков (арабского, персидского, русского, китайского, монгольского). Здесь я не могу согласиться с упреком А. Курышжанова о том, что следовало бы привлечь и материалы памятников. Это не входит в задачу диалектологического словаря.

Словарь Ж. Доскараева будет полезен при разработке этимологических словарей тюркских языков. Любопытную картину дает статистика, она показывает, на какие стороны лексики необходимо обращать больше внимания в дальнейшем при диалектной лексикографии. В лексике словаря господствует имя существительное. Например, на букву к, которая охватывает 148 слов,—почти $^1/_{10}$ всего словаря, приходятся: 116 существительных, 18 глаголов, 12 прилагательных и 2 наречия. Такая повышенная доля имен существительных и сниженная доля имен прилагательных, наречий и глаголов по сравнению с тем, что имеется в местных говорах, в некоторых случаях объясняется, очевидно, односторонностью внимания у собирателей лексики и названий предметов, а большей частью применением такого способа собирания лексики, при котором слова с лексическим значением выясняются легче и быстрее, а слова с грамматическим значением—труднее и медленнее. Это недостаток метода собирания путем прямого опроса. В словаре имеются и междометия, служебные слова, правда, они представлены в незначительном количестве. Диалектных форм числительных и местоимений, как и следовало ожидать, в словаре нет.

[4] А. Курышжанов. Ук. работа, стр. 197.

В работе имеются недостатки разного характера. Одним из них следует считать слишком общие определения при разъяснении диалектного слова средствами литературного языка. Например, *тазкара* объясняется как *үлкен қара құс*—большая черная птица, и непонятно о какой именно большой птице идет речь. Почему-то автор при объяснении этого слова избегает слова *күшіген*, которое употребляется в литературном языке вместо *тазқара*. Так же даны общие определения словам *тасөкпе*—название болезни, *шақай*—название дикого зверя и т. д. Даже слово *көпшік*, которое, впрочем введено в толковый словарь казахского языка, определяется как „подушка" (общее название), тогда как оно означает маленькую подушечку, которая обычно кладется на седло, чтоб мягко было сидеть. Подобные общие объяснения не дают возможности читателю пользоваться этими словами.

Встречаются объяснения в некоторых случаях одного диалектного слова другим диалектным словом. Например: *жіпсе—қарғаша*; *көсік—мәймішек*; *морлау—қоламталау*. В некоторых случаях автор, очевидно, не уверен, что читатели поймут его объяснение одного диалектного слова другим диалектным словом и поэтому в дальнейшем все-таки объясняет литературным языком, о чем здесь идет речь. Так, например, к слову *тұсақ* дается объяснение *тұсамыс салынатын жер*—место, куда накладывается *тұсамыс*). Будучи неуверенным, что читатель поймет что такое *тұсамыс*, автор в скобках поясняет, что речь идет о ногах лошади (*аттың аяғы туралы*). Так же подаются слова *бұлық шырға* (об одеяле—*көрпе туралы*); *қоз қоламта*, *аттың қоламтасы* и т. д.

В словаре имеются места, где диалектные слова переводятся русскими словами, или сначала автор дает объяснение по-русски, а затем уже на казахском языке: *шилан бумажник*—мешочек для хранения денег (*ақша салатын қалта*). *Шиша шамның пузыры*; *шоқыр* (ор. севрюга); *тазқара* (ор. гриф), т. е. по-русски „гриф"; *әмиан бумажник*, *зембіл*—1) корзина, сумка. 2) *нәселке* (носилки). Необходимо отметить, что слова *зембіл*, *нәселке* тоже занимают свои места в толковом словаре казахского языка.

Мне представляется, что в казахском литературном языке имеется достаточно средств для объяснения этих и других слов. В некоторых случаях в работу включается описание таких предметов, которые не имеют отношения к данной статье. Например, к статье *ергенше* после разъяснения его значения (маленький мешок) дается пространный рассказ о том, что „в соответствии с хозяйственными особенностями юга имеется несколько видов тары для хранения зерна и каждый из них имеет свои названия *ура*, *қамба*, *қап*, *қанар*, *алаша*"...

Есть небрежности в подаче материалов в словаре. Прежде всего следует отметить недостатки в снабжении документацией диалектных слов. Часто указывается лишь название райсна, откуда взят данный материал, иногда указывается лишь область. А области, как известно, в Казахстане огромные, да и районы не такие, какие мы привыкли видеть в республиках европейской части СССР, Кавказа или Средней Азии. Такая система подачи материалов вызовет определенные трудности и при составлении диалектологического атласа. Автору следовало бы разработать систему условных помет (сокращений), которая дала бы читателю возможность установить, в каком пункте Казахстана употребляется данное слово. Отсутствие точной системы условных помет приводит к тому, что весьма часто автор прибегает к подробному объяснению, в каких районах еще употребляется данное слово, что только загромождает словарь. Словарь загроможден также полной

подачей источников сравниваемых материалов по другим тюркским языкам, например, при слове *сөлкебай* даются полные названия и год издания киргизско-русского, алтайско-русского словарей и словаря русского языка С. И. Ожегова.

Некоторые слова даны без отнесения к соответствующему району или области. Таковы: *атабас*, *ауыртпақ*, *байрақ*, *бейуаз*, *байыр* и др. Читатель не в состоянии установить, к какому говору эти слова относятся и, следовательно, не может воспользоваться ими в своих исследованиях.

К числу небрежностей относится и совпадение некоторых условных сокращений: *Ес.* означает и название района (Есбол) и „устаревшее" (ескірген). *Жақ* означает и название района (*Жаңа қорған*) и „новое" (*жаңа*). Двойная горизонтальная черта принята в работе как ссылка на другое слово: „смотри". Однако слов, на которые ссылается автор, часто не оказывается в словаре. Так, например, при слове *каржас* дана ссылка на слово *деңдес*, которого нет в словаре; при слове *косу* знак ссылки показывает на слово *шегу*, которое также отсутствует. А при словах *қолтіс* и *қыспа* ссылки даны на слова литературного языка (*сөқа*, *сырға*), которые, естественно, не должны занимать места в данном словаре. При слове *қолтартпа* автор отсылает читателя на слово *тартпа*. Но когда мы обращаемся к слову *тартпа*, то выясняется, что слово это имеет три совершенно разных значения. Конечно, читатель не может сам установить, о каком значении слова *тартпа* идет речь.

Встречаются небрежности и другого характера. Так, например, слово *шырын* объясняется как „сыворотка". А иллюстративный материал приведен на совершенно другое значение слова: *шырын қауын* — сладкая дыня. Слово *қурткесек* определяется как „дерн", тогда как оно обозначает засохшие комки глины, встречающиеся обычно на пашне. Слово *саз* по автору имеет четыре значения, тогда как иллюстративный материал, приводимый на каждое из его значений, показывает, что оно имеет только три значения. Иногда в разряд диалектных слов попадают такие слова, которые контекстуально могут иметь иную семантику. Например, вполне естественно, что глагол *ат*— бросать, стрелять, контекстуально может иметь значение „веять": *Қырмандағы бидайды жоғары атып, шөп-шарын тазалаймыз.* Так что в данном примере не обнаруживается диалектное значение этого слова. В работе имеется курьезный случай, когда слово литературного языка *кепе*—взрослый ягненок объяснено диалектным словом *кебе*.

Многие слова, представленные в работе, охватывают большую часть территории Казахстана, несмотря на то, что в литературном языке употребляются очень редко или совсем неупотребительны. Часть тех слов, которые зафиксированы автором в восточных, северных и западных областях Казахстана, употребительны и в южных областях Казахстана (Кызыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Джамбульской). Таковы, например, слова *андуа* – полутерок (спец.), *жарма* —большой арык, *жандық*—овца, *зәк*—влажный, *көпшік*—подушечка, *мекиен*—курица, *оспадарсыз*—бесстыдник, *ыща*—междометие, выражающее чуство холода, *масахана*—тонкая палатка из марли для защиты от комаров, *айырт*—место соединения двух ног, *азбар*—двор, *балпак*—суслик, *гәп*—весть и др.

Таким образом, по мере развития литературного языка и по мере изучения местных особенностей возникает картина сложного взаимодействия между „диалектами", литературным языком и общенародным языком. Как быть в таких случаях, когда одни и те же слова, не из-

меняя своей фонетической структуры, выступают в одном и том же значении во всех частях огромной территории Казахстана, но еще не признаны литературным языком, отчасти потому, что некоторые писатели и поэты воздерживаются от употребления этих слов, поскольку они не встречали их у других писателей, и боятся быть обвиненными в „диалектизме". Вот и здесь мы сталкиваемся с вопросом, что считать в таких случаях „диалектизмом", а что общенародной лексикой.

С нашей точки зрения общенародными и вполне литературными следует считать такие слова как *бейбас*—забияка, *делбе*—вожжи, *долбар*—проект, *ерсі*—неподходящий, *еңіс*—низина, *жейде*—рубашка, *кездік*—ножик, *кембағал*—слабый, инвалид; *келте сүзек*—тиф, *кереге*—стена юрты, *камба*—склад, *әк*—известь, *әріптес*—коллега, *көгәріш*—лужайка, место с растительным покровом, *көшет*—саженец, *лау*—средство передвижения (рабочий скот), *салғырт*—небрежный, *сақылақ*—избранный, *сімір*—пить, не прерывая дыхания, *сүрен*—крик, *тақуа*—знаток, *толас*—перерыв, *шұбар*—место, изобилующее растительностью, *ілкі*—первый и другие, которые широко употребляются в произведениях художественной литературы, в политической литературе, в учебниках и т. д., но которые также вошли в диалектологический словарь.

В последнее время в статьях некоторых авторов получает распространение выражение „диалектизмы" в произведениях писателей. Появились статьи Ш. Сарыбаева, Ж. Болатова на эту тему. Можно задать вопрос, к какому диалекту казахского языка относятся эти „диалектизмы"? На это, пожалуй, ответить трудно даже тем, кто пишет об этих „диалектизмах". Все дело в том, что казахские писатели стали смело внедрять в свои произведения те слова, которые употребляются в разных частях Казахстана, но не встречаются у других писателей и поэтов. Это непривычно для некоторой части казахской интеллигенции, а некоторым эти слова неизвестны, хотя они, возможно, существуют в речи казахов тех мест, откуда происходят эти представители интеллигенции. Мне представляется, что речь должна идти не о „диалектизмах", а о тех словах, которые раньше не употреблялись в языке писателей, а теперь вливаются в литературный язык и быстро становятся достоянием всех. Если идти по линии приписывания „диалектизмов", то можно, пожалуй, найти немало „диалектизмов" и в толковом словаре казахского языка, и в произведениях крупнейших мастеров слова—М. Ауэзова, С. Муканова и др. Возникает вопрос, все ли неизвестные данному молодому лингвисту слова считать диалектизмами. Это лишний раз доказывает, что известное высказывание М. Горького о диалектизмах в языке писателя неприменимо для казахского языка, хотя бы только потому, что казахский и русский литературные языки находятся на разных ступенях развития.

Авторы упомянутых статей о „диалектизмах" в языке писателей, очевидно, впадают в другую крайность, видя всюду „диалектизм". Нельзя относиться к языку, как к чему-то окостеневшему, раз навсегда данному. Разве можно сравнить словарь Абая Кунанбаева, который является основоположником казахского литературного языка, и словарь, скажем, М. Ауэзова в его последних произведениях? Однако сказанное не означает, что следует приветствовать всяческое введение в литературный язык местной лексики. Здесь необходимо соблюдать максимум осторожности и проверить, во многих ли областях имеет хождение это слово.

Составление полного, всеохватывающего диалектологического словаря казахского языка представляет собой большое научное мero-

приятие и оно может быть осуществлено при широком участии коллектива языковедов. Лексика диалектов казахского языка на сегодняшний день изучена неравномерно. Из создаваемой специальной картотеки диалектологического словаря казахского языка, очевидно, необходимо исключить все слова, которые встречаются в произведениях мастеров слова—выдающихся казахских писателей. При создании диалектологического словаря, кроме инструкции, следует разработать словник, который должен быть обсужден с широким привлечением филологов республики. Желательно было бы, чтобы разработке такого диалектологического словаря предшествовало составление словарей отдельных говоров, которые уже достаточно обследованы. При этом все слова следует четко документировать. Поскольку сейчас вопрос о диалектных границах казахского языка окончательно не решен, то или иное слово невозможно отнести к определенному диалекту или говору этого диалекта, на данном этапе каждое слово можно было бы снабдить топологическими пометами (название области, района и села), а может быть, стоит указать и лицо, от которого записано данное слово. Углубленное изучение лексики отдельных говоров и их групп, рассчитанное на создание ряда региональных словарей должно охватывать не только территорию Казахстана, но и те районы за пределами республики, где распространен казахский язык.

Для того, чтобы такими региональными словарями могли бы пользоваться и другие тюркологи, а также исследователи других семей языков, слова желательно было бы снабжать и русским переводом.

Диалектологический словарь Ж. Доскараева дает весьма скудный лексический материал для рассмотрения вопроса диалектного членения казахского языка. В работе, как уже отмечалось, не проведено распределения материалов по диалектам, и это представляется вполне логичным. Действительно, выяснение диалектной принадлежности того или иного слова не может быть рассмотрено, пока не будет установлена классификация диалектов и говоров казахского языка.

В этой связи мне хотелось бы сказать несколько слов о докладе Ш. Сарыбаева, который посвятил его вопросу диалектного членения казахского языка. К сожалению, не были представлены тезисы доклада, что затрудняет детальный анализ последнего.

За последние 4—5 лет в Казахстане проделана значительная работа в области диалектологии. Собран большой материал, опубликованы три выпуска сборников по диалектологии и истории казахского языка, выпущены и другие работы, где наряду с именами известных казахских диалектологов С. Аманжолова и Ж. Доскараева появляются новые имена. Однако упомянутые диалектологические работы носят предварительный характер, они в отличие от работ конца сороковых и начала пятидесятых годов не затрагивают вопроса о диалектной классификации казахского языка. Мне представляется, что это самый верный путь к достижению истины—пока накапливать материалы, описывая особенности местных говоров, тем самым подготавливая почву для окончательного решения вопроса о диалектах казахского языка. Поэтому данная в докладе Ш. Сарыбаева классификация казахских диалектов мне представляется преждевременной.

Точка зрения о существовании трех диалектов не нова для казаховедов, хотя можно допустить, что для некоторой части данной аудитории неизвестны многие детали этого вопроса. Что нового внес докладчик в обоснование точки зрения о существовании трех диалектов казахского языка: южного, западного и северо-восточного? Мне представляется, что приведенные в докладе факты не могут подтвердить

существование именно этих диалектов. Эти факты также не могут указать точные границы диалектов. Доклад Ш. Сарыбаева страдает теми же ошибками, что и прежние попытки казахских диалектологов. Эти ошибки, по-моему, можно объяснить двумя крайностями: либо a priori утверждается существование определенного количества диалектов и языковые факты подгоняются под эту классификационную схему; либо берутся отдельные достаточно исследованные говоры Казахстана и опять-таки a priori данные этих говоров (даже отдельных населенных пунктов, принадлежность которых к определенному говору еще не выяснена) распространяются на весь предполагаемый диалект. Разумеется, такими способами невозможно установить научные диалектные различия казахского языка. Поэтому и нельзя удивляться заявлению докладчика о том, что „северо-восточный диалект недостаточно исследован, поэтому пока не можем говорить об его особенностях".

Те доказательства, которые приводятся диалектологами в подтверждение диалектных классификаций, часто либо оказываются характерными и для других предполагаемых диалектов, либо—относятся лишь к отдельному говору. В этой связи мне хочется привести некоторые материалы из двух статей, посвященных особенностям местных говоров. Я должен отметить, что авторы в этих статьях не касаются вопроса о классификации казахских диалектов. Так, например, многие слова, которые привел в своей статье Ж. Болатов[5] из некоторых районов Семипалатинской области, имеются почти во всех районах Южного Казахстана: *әсіп*—колбаса, *рауағаш*—название растения, *тушпара*—пельмени, *тана*—пуговица, *қалбыр*—коробка, *пул*—деньги и т. д. Такая же картина наблюдается при сопоставлении данных, приведенных в статье О. Накысбекова[6] с фактами из Южно-Казахстанской области, которая расположена на расстоянии свыше тысячи километров.

А особенностей, которые имелись бы только на данной территории и охватывали бы все говоры предполагаемого диалекта, пока ничтожно мало. Поэтому мне представляется, что не следует торопиться с классификацией казахских диалектов, пока не будет изучено, хотя бы в общих чертах, большинство говоров. Дальнейшее детальное исследование местных особенностей покажет ясную картину.

---

[5] См. Сб. „Вопросы истории и диалектологии казахского языка", вып. 2. Алма-Ата, 1960, стр. 20—23.

[6] Там же, стр. 122—166.

У. БАЙЧУРА

(*Казань*)

В современной отечественной тюркологической литературе существует значительный разнобой в области фонетической транскрипции, вызванный различными, иногда не имеющими отношения к науке причинами, как, например, ограниченностью полиграфических возможностей, подражанием орфографии (не всегда удачной) и т. п. В результате один и тот же звук (например *q*, *ʁ*), изображается одним автором так, другим—иначе, третьим—по-третьему и т. д. Более того, даже в работах одного автора не всегда выдерживается единая транскрипция.[1]

Введение единой научной транскрипции способствовало бы улучшению качества работ, облегчило бы взаимопонимание и помогло бы, таким образом, ликвидировать дополнительный тормоз в науке, вызванный отсутствием единства в транскрипционной системе.

Фонологическая транскрипция

Вопрос о фонологической транскрипции может быть решен сравнительно легко, поскольку в общем нам известны звуки речи—„фонемы" в большинстве (если не во всех) тюркских языках. Такая фонологическая транскрипционная система для тюркских языков существует и называют ее обычно академической орфографической транскрипцией. Ею пользовались русские тюркологи XIX в., а также В. А. Богородицкий, Г. Шараф и др. Эта система достаточно известна, в случае необходимости можно сделать некоторые дополнения, а если будет найдено целесообразным—использовать ее латинское соответствие.[2]

Фонетическая транскрипция

Как известно, фонетическая транскрипция существует для обозначения определенных звуков, имеющихся в человеческой речи. Однако, чтобы изображать те или иные звуки, придумывать для них знаки,

---

[1] Это отмечается и в работах В. А. Богородицкого, например: „Введение в татарское языкознание", Казань, 1934 (ср. изд. 1953 г. и др).

[2] Неудачной является попытка заменить некоторые знаки этой системы во II издании книги В. А. Богородицкого „Введение в татарское языкознание (1953), где вместо *i* использован $\breve{i}$, вместо *ы* знак $\breve{ы}$ и др., поскольку дужка обозначает краткость звука (т. е. длительность, количество, а не качество), а краткими могут быть и другие гласные, тогда, как звуки $\breve{i}$, $\breve{ы}$ могут иногда быть долгими. Повторение транскрипционной непоследовательности Н. И. Ашмарина и других тянет нас назад а не вперед.

необходимо эти звуки знать, т. е. прежде основательно изучить звуковой состав данного языка или группы языков. С другой стороны, при изучении необходимо как-то обозначать вновь открываемые звуки, количество которых будет возрастать по мере внедрения инструментальных методов исследования. Ввиду существования такого неизбежного противоречия наиболее целесообразным было бы принятие такой системы транскрипции, которая брала бы за основу не систему реальных звуков того или иного языка или группы языков, а теоретические возможности речевого звукообразования.

Транскрипционная система, построенная по такому принципу, была бы подобна периодической системе элементов Менделеева и едва ли могла бы устареть в противоположность другим системам, которые в качестве условия их применения требуют окончательного выяснения звукового состава данного языка (или группы языков), и так как последнее невозможно, неизбежно страдают органическим недостатком.

Система, предусматривающая различные возможности образования звуков, была бы универсальной системой, пригодной для всех языков: и тюркских, и индоевропейских, и финно-угурских, и палеоазиатских и других, принятие ее явилось бы значительным шагом вперед. Указанным требованиям, в основном, удовлетворяет транскрипционная система акад. Л. В. Щербы, а также система международной фонетической ассоциации. „Отраслевые" транскрипции для той или иной группы языков (напр., система В. В. Радлова) при всех своих несомненных достоинствах являются реликтом старины, поскольку они основываются не на возможностях речевой артикуляции, а на результате исследования конкретных языков, и поэтому при дальнейших исследованиях и открытиях очень быстро стареют, если уже не устарели. Отраслевые транскрипции, в силу своей ограниченности мешают пониманию при обобщающих работах.

Все эти изложенные выше соображения[3] могут быть резюмированы следующим образом: 1) единая научная система (или системы) транскрипции необходима; 2) такая система (точнее, несколько систем) существует; 3) речь, таким образом, может идти лишь о применении на практике той или иной из уже существующих систем транскрипции. Можно полагать, что эти положения в настоящее время едва ли могут вызвать возражения.

В самом деле, поскольку двух истин не бывает, вполне естественно прийти к заключению, что единая транскрипционная система необходима. Ознакомившись с историей вопроса, каждый легко может убедиться, что единая транскрипционная система, точнее системы, давно существуют, и наш разнобой в транскрипции является лишь результатом нашего неведения о существовании единой системы, что в свою очередь является результатом долголетнего пренебрежения фонетикой, без которой, однако, невозможно языкознание, тем более такая ее часть, как диалектология.

За 40 лет советской власти отечественное языкознание сделало большие успехи, причем наибольшие достижения наблюдаются в области диалектологии. Однако огромный материал, собранный нашими диалектологами, в значительной мере обесценивается ввиду того, что многие авторы не следуют единой транскрипционной системе (иногда вообще не следуют никакой системе, напр. татарский „Диалектологик

[3] Которые были представлены в Москву еще в октябре 1956 г. по предложению Сектора тюркских языков Ин-та языкознания АН СССР.

сузлек", Казань, 1948, 1953, 1958, „Татар диалектологиясе" Л. Заляя, Казань, 1947; работы Л. Махмутовой, Р. Шакировой и др.).

Отсутствие научной транскрипции затрудняет как научное общение, так и обобщения, и зачастую местные диалектологи оказываются в значительной мере работающими малоэффективно, поскольку результаты их трудов не могут быть полностью поняты и использованы другими языковедами ввиду недостатков транскрипции в этих работах.

Сама жизнь диктует необходимость единой транскрипционной системы и не случайна постановка этого вопроса на Всесоюзной научной конференции, как не случайно и то, что именно москвичи подняли этот вопрос, поскольку в Москве больше занимаются обобщающими работами.

Брошюра проф. Н. А. Баскакова о проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков имеет несомненное положительное значение прежде всего потому, что она знакомит тюркологов с важнейшими из имеющихся фонетических транскрипций и самим своим существованием пропагандирует необходимость единой транскрипции, а также необходимость распространения и углубления фонетических знаний среди лингвистов.

Брошюра Н. А. Баскакова является весьма полезной не только для научных работников, но и для студентов, а кроме того, она может быть использована и как справочник. Поэтому необходимо ее переиздать массовым тиражом, непременно дополнив полной системой транскрипции Международной фонетической ассоциации, а также транскрипцией Л. В. Щербы (полностью) и устранив некоторые неточности.

Фонетические знания могут быть весьма полезны не только с точки зрения познавательной, но также и с практической, утилитарной: они, например, могут избавить нас от необходимости придумывать новую систему транскрипции, если мы знаем, что такая транскрипция уже давно существует, и тогда мы можем направить свои силы на достижение более важных целей, сосредоточив энергию на конкретном исследовании языков и диалектов.

Практическая сторона вопроса о транскрипции, как это ни странно, представляет значительно больше затруднений, чем научная, теоретическая. Дело в том, что применение на практике почти любой системы транскрипции упирается в отсутствие необходимых знаков даже в московских типографиях, не говоря уже о провинциальных. Изучение звуковой, материальной стороны человеческой речи тормозится отсутствием необходимых шрифтов, и это, пожалуй, одна из важнейших, если не самая важная причина того, что фонетика представляет собой отстающий участок.

Нередко случается, что качество фонетической транскрипции, применяемой в том или ином научном труде по языкознанию, обусловлено, предопределено никак не научными соображениями, но вопреки воле автора, исключительно теми или иными полиграфическими возможностями. Получается так, что работники типографий указывают языковедам, какие транскрипционные знаки можно применять, а какие нельзя. Чтобы не откладывать на неопределенный срок публикацию своей работы, авторы вынуждены принимать условия, которые им ставят работники типографий и издательств, и в этом случае, конечно, никак нельзя ожидать, чтобы в работе могла быть выдержана та или иная система транскрипции.

В этом ненормальном положении в известной мере повинны и сами языковеды, идущие на уступки и соглашающиеся на те или иные за-

мены транскрипционных знаков. Математические тексты не менее, а часто более сложны для набора, однако знаки для них имеются в крупных типографиях, ибо математики не соглашаются заменить знаки для интегралов или дифференциалов и т. п. какими-либо другими, кроме общепринятых в науке.

Типографиям при научных учреждениях следовало бы запастись набором различных шрифтов, что при желании не так уж трудно сделать.

Так или иначе, но рассматривая вопрос о принятии для общего пользования той или иной системы транскрипции, необходимо одновременно подумать о путях обеспечения типографий соответствующими шрифтами, ибо, например, брошюру проф. Н. А. Баскакова в настоящее время едва ли удалось бы опубликовать типографским способом даже в Москве. При этом, разумеется, необходимо обеспечить типографии в первую очередь шрифтами для Международного фонетического алфавита, а также для транскрипционной системы Л. В. Щербы, так как если мы пойдем по линии наименьшего сопротивления и, принимая ту или иную систему транскрипции, будем исходить из того, какие знаки имеются в настоящий момент в той или иной типографии, то едва ли удастся прийти к единой транскрипционной системе, и рано или поздно этот вопрос вновь встанет перед советским языкознанием.

Транскрипция Международной фонетической ассоциации и транскрипция Щербы являются предпочтительными по сравнению с другими не только в силу своей большей научной точности, но также и потому, что они доступны не только тюркологам, но и другим языковедам, понятны не только в Советском Союзе, но и в странах народной демократии, т. е. доступны более широкому кругу читателей.

С. Ф. МИРЖАНОВА

(*Уфа*)

Работа доктора филологических наук Н. А. Баскакова „О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков" вызвана необходимостью унификации и приведения к единой системе всего многообразия существующих транскрипций по тюркским языкам, которые затрудняют точное определение качества передаваемых фонем и их вариантов и приводят к различным их толкованиям.

Ценность работы Н. А. Баскакова и в том, что автор не ограничивается разработкой своих фонетических транскрипций на русской и латинской основе, а в виде обобщения предпосылает им общие принципы транскрибирования с характеристикой основных типов гласных и согласных в тюркских языках, с образцами точной и упрощенной транскрипции на нескольких языках.

Предлагаемые автором два варианта фонетической транскрипции на русской и латинской основе в первую очередь приемлемы для сравнительно-исторической тюркологии и сопоставительного изучения разносистемных языков.

При соответствующих типографских возможностях можно было бы пользоваться данной транскрипцией для точной и правильной передачи звукового состава и башкирского языка. Но все же еще нельзя сказать, что в предлагаемой транскрипции учтена вся специфика башкирского фонетического строя, что башкирская транскрипция полностью может удовлетвориться рекомендуемой автором системой знаков. Если вопрос коснулся бы ее практического применения, то она вызвала бы некоторые трудности при непосредственной фонетической записи в полевых условиях.

В основном наши замечания сводятся к следующим:

1. В предлагаемой транскрипции на русской основе башкирско-татарские краткие полуширокие звуки *ө* и *ө* взяты диакритическими значками $\breve{y}_{\text{с}}$—$\breve{\gamma}_{\text{с}}$. Это, на наш взгляд, вызывает большие неудобства при практическом их употреблении, ибо случайный пропуск диакритических значков исказил бы природу этих звуков. Кроме того, в башкирском языке гласный переднего ряда *ү* отличается от татарского *ү* более задней артикуляцией, т. е. приближается к заднерядному *у*, что тоже нельзя не отметить диакритическим значком. По нашему мнению, лучше было бы оставить знаки *ө—ө*.

2. Редуцированный краткий башкирский звук *i (э)* передается знаком $\breve{u}_{\text{с}}$, каковой графически совпадает со среднеязычным *j (й)*. Так, например, слово *әбейенен*—его старухи, было бы транскрибиро-

вано *әвййнйн*$_{ң}$, *ейәк-ййәк*—тесьма, *энйе-йнйй*—жемчуг и т. д., что приводило бы к невольному смешению *i* и *j*.

Это лишний раз доказывает трудность обоснования фонетической транскрипции на системе графических знаков (и соответственно их значений) той или иной группы языков.

3. Вместо *h* в проекте предлагается $x_{|}$. Это, кроме главной трудности в скорописи, вызвало бы смешение звуков звонкого спирантизованного $x_{|}$ (*самх*$_{|}$*уз*—совхоз) и спиранта *h* (*баһа*—цена, ценность).

4. В башкирских говорах распространенным звуком являются проточные плоскощелевые нелабиализованные *б*, *ф*. Например, если в говоре башкир-айлинцев слово „старик" произносится как *быуай*, то в говоре башкир-тамьянцев—*бабай*. По данной же транскрипции это различие показать нельзя, так как оба варианта звучали бы одинаково: *бабай*, *бывай*

Об отсутствующих вариантах фонем

1. В башкирских говорах был зафиксирован звук, стоящий между *j* (*й*) и *ж*, т. е. напряженное, как бы удвоенное *j* (*й*). При произношении его средняя часть языка прижимается к небу и с шумом пропускает воздух. При экспрессии появляется шипящий призвук, например, *й*^{ж}*ер й*^{ж}*откор*!—чтобы земля проглотила. В транскрипции акад. В. В. Радлова есть обозначения, напоминающие этот звук: *j* и $\bar{j}$. Мы бы передали его через *и*^{й} или ^{й}*и*.

2. В говорах (в частности, в говоре кубалякских башкир) зафиксирован вариант открытого глубокозаднеязычного, „гортанного", если можно так сказать, *а*. Нам кажется, что диакритические знаки $\tilde{a}$ не совсем могут передать вышеуказанный вариант *а*.

3. В башкирском языке есть дифтонгоидный звук *ө* с призвуком *и*. Его, видимо, можно давать диакритическим знаком $\ddot{ө}$ или *ө*^{и} ($\ddot{ө}$*рәк*, $\ddot{ө}$*рөлөү* или *ө*^{и}*рәк*, *ө*^{и}*рөлөү*).

Кроме того, в языке бытует огубленный вариант *ә*, встречающийся после слогов с гласными *ө*, например: *өсә*^{ө}*ү*—три.

О диакритических значках

1. Знак палатальности (,) в башкирском языке дается самими гласными переднего ряда *е*, *ә*, *ө*, например: *тәңкә*—монета и *таң*$_{|}$—заря; *кәрәсин*—керосин и *карантин*, *гәршис*—горчица, и *гармун*—гармонь. Есть ли необходимость отмечать их знаками палатальности? Даже такие мягкие для башкирского языка звуки *к* и *г* в заимствованных словах выступают в зависимости от линии гласных в двух вариантах—мягком и твердом: *калхуз*—колхоз и *кәртүк*—картошка.

2. Также не является необходимостью, на наш взгляд, брать два диакритических знака для обозначения звонкости и глухости, ибо в языке есть парные звонкие и глухие. Если мы под согласным *т* и *д* поставим знак $\bigtriangledown$, это уже будет означать его приближение к *д*, и наоборот.

В полевых условиях мы используем ныне действующий алфавит башкирского языка с некоторыми диакритическими знаками, предложенными проф. Н. А. Баскаковым.

В дальнейших работах башкирские диалектологи намерены пользоваться предложенной Н. А. Баскаковым транскрипцией на русской зснове с некоторыми изменениями и дополнениями соответственно о спецификой башкирского языка и учетом типографских возможнотей.

Т. А. БЕРТАГАЕВ

(*Москва*)

Я должен отметить, что, будучи монголистом, не чувствую себя посторонним лицом на настоящем совещании тюркологов.

Это объясняется прежде всего тем, что многие факты, приведенные в докладах Р. А. Рустамова, Р. Бердыева, особенно в докладе М. Ш. Рагимова, явно подтверждают, что между монгольскими и тюркскими языками, главным образом, в их живых наречиях, имеется много общего. Сходство и общность многих языковых явлений между монгольскими и тюркскими языками, не случайно.

Я не хочу категорически заявлять, что это сходство вызвано общностью основы, и я также не хочу столь категорически утверждать как это сейчас входит в моду, что связь между указанными языками была чисто внешняя. Для того чтобы прийти к тому или иному заключению, необходимо иметь основательный, я бы сказал, фундаментальный материал, который может быть добыт не только путем систематического изучения исторических памятников, а главным образом, изучением живых наречий и диалектов. В тайниках подговоров, говоров и диалектов, мне представляется, мы найдем такие ценные факты, которых не обнаружим ни в одном из письменных памятников.

Прежние исследователи, хотя были учеными огромной эрудиции и знания, но они, естественно, не могли объять необъятное. Тюрколог прошлой формации и школы мог знать монгольский язык, а монголист—тюркский. Но они не могли знать конкретных фактов по вспомогательным языкам в том объеме, в каком знает каждый из нас, специализирующийся не только по определенному языку, но и по одному какому-нибудь диалекту. Для них знание дополнительных языков имело только вспомогательное, а не основное значение.

И мне кажется, что диалектологи своими объединенными усилиями могут внести в сравнительно-историческое изучение языков невиданный до сих пор вклад как по объему, так и по глубине. Но, к сожалению, большинство диалектологов слишком замыкается в сферах своей специальности и не хочет выходить за пределы излюбленного ими объекта изучения. Мне известно, что из многочисленного количества диалектологов-тюркологов привлекают материалы из монгольских языков только Е. И. Убрятова, тов. Конюкова из Чувашии и тов. Сарыбаев из Казахстана. Я должен отметить, что только благодаря этому указанные исследователи пришли к интереснейшим выводам. Возьмите, например, последнюю работу Е. И. Убрятовой „Некоторые особенности говоров бурятского языка". Там много любопытного и ценного для языковедов-историков.

Если бы диалектологи хотя бы выглянули из „окна" своего предмета и посмотрели, что имеется вокруг их владений, то могли бы прийти к интересным заключениям и заметить факты, во многом подтверждающие или отвергающие разного рода предположения и догадки.

Вот, например, в сегодняшних весьма содержательных докладах заключены интересные данные. Я приведу в соответствии с этими данными несколько примеров из монгольских языков, весьма убедительно подкрепляющих сходство монгольских и тюркских языков. Пусть это является результатом контактов, но контактов древнейших, так как эти языки имели связь и до нашей эры.

Например, в докладе М. Ш. Рагимова было сказано, что благодаря сопоставлению азербайджанского языка с диалектами и говорами родственных языков (имеются в виду тюркские языки) удалось доказать исключительность ряда явлений: наличие фонемы *ц* вместо *ч*, соответствие *ө* и *ү* и т. д. Такое же чередование *ц* и *ч*, *ө* и *ү* имеется и в монгольских языках. Следовательно, это исконно общетюркско-монгольское явление, а азербайджанские говоры, принадлежащие к этому общему единству, несомненно, где-то должны были отражать его, что и отмечено в докладе тов. Рагимова.

В докладе тов. Бердыева говорится, что туркменские и другие языки огузской группы характеризуются употреблением в начале слов звонких *д* и *г*, а в остальных тюркских—*т* и *к*. В литературном туркменском языке находим первые, но в диалектах туркменского языка, продолжает тов. Бердыев, употребляются *т* и *к*.

Следует подумать, не сыграла ли свою роль в отношении употребления этих согласных субстратная основа, или общетюркско-монгольская основа, так как в монгольских языках, особенно в древнемонгольском, в ряде случаев наблюдаем звонкие *д* и *г* вместо глухих *т* и *к*, тем более далее сказано в докладе тов. Бердыева, что в туркменском литературном языке формальным показателем родительного подежа для личных местоимений являются аффиксы-*ын*,-*ин*,-*ун*, а для многих диалектов туркменского языка -*н*. Это очень интересно, ибо в монгольских языках в родительном падеже многие имена существительные имеют как раз те аффиксы, о которых говорится в отношении литературного туркменского языка. Фонетические и морфологические факты в данном случае образуют как бы один фокус, а это, очевидно, не случайно.

Хотя в докладах приводились весьма скудные лексические примеры, но даже из этого материала можно извлечь факты сходства монгольских и тюркских корней слов.

В докладе Бердыева приведены слова *чичэх*—оспа, ср. монг. *цэцэк*—цветок (перен. *оспа*), *тартмак*—тянуть, ср. монг. *тат-ах*—тянуть, *арпа*—ячмень, ср. монг. *арбай* в том же значении, *улокон*—большой, ср. монг. *улэ-х*—оставаться в излишке.

В докладе Рустамова *тусдакх*—арестованный, ср. монг. *туш-ах*—представить, арестовать.

Все эти слова, как видите, имеют общие сходные корни с монгольскими корнями.

Эти факты говорят о том, что для того, чтобы выяснить исконно или заимствовано то или иное лингвистическое явление, необходимо сравнивать не только говоры и диалекты тюркских языков, как предлагает тов. Рагимов, но и говоры и диалекты таких языков, как монгольские и тюркские.

Только в этом случае мы можем добраться до глубины исторических фактов наших языков, которые имели сложнейшие и многократные связи в своем прошлом.

В заключение я хочу остановиться на некоторых организационных или практических вопросах. Многие тюркологи-диалектологи выпускают свои труды на своем языке. Это очень ограничивает круг их читателей. Даже отдельным тюркологам, особенно за рубежом, не всегда доступен тот или иной современный литературный тюркский язык, не говоря о читателях—не тюркологах. Например, мы, монголисты, очень интересуемся работами тюркологов-диалектологов, но их труды, выпущенные на национальном литературном языке, нам не доступны. Мне представляется, при таких трудах должно быть широкое резюме, отражающее основные факты и положения. Еще лучше, если они будут выпущены на русском языке.

И. А. БАТМАНОВ

(*Фрунзе*)

Из тех многочисленных высказываний, которые имели место на предыдущем координационном совещании, и из содержания заслушанных докладов совершенно ясно, что уже окончательно назрел вопрос о подъеме диалектологической работы на новую ступень. Период статического описания диалектов постепенно отходит в область прошлого. На очереди стоит задача создания сводной работы по тюркской диалектологии, как правильно уже подчеркивалось, с привлечением большого числа фактов из диалектов разных языков для исторической мотивировки наблюдаемых явлений, для выяснения генезиса диалектных расхождений и установления путей и форм взаимодействия между литературными языками и входящими в их состав диалектами.

Решение этой задачи требует надлежащей подготовительной работы. До создания сводных трудов по интересующим нас вопросам следует разработать примерный перечень и общую рабочую таблицу распространения изоглосс.

Сегодня докладчики, тт. Р. А. Рустамов и М. Рагимов, совершенно правильно отмечали, что без применения сравнительного метода нельзя решать очередные вопросы изучения тюркских диалектов. Правильно указывалось, что часто авторы пользуются разрозненными фактами, но это во многом зависит от качества диалектологических работ, которые построены не по единой схеме. Поэтому приходится довольствоваться лишь тем, что имеешь в своих руках, и о многом умалчивать.

Первая сводная справочная таблица изоглосс могла бы облегчить работу в плане исторической диалектологии.

Пора подумать о создании схемы монографий по диалектам с тем, чтобы можно было их свести в единое целое.

Большое значение имеет и выбор транскрипции. Она должна отвечать следующим требованиям: во-первых, быть доступной широкому кругу читателей: студентам, учителям, которых необходимо привлекать для сбора материалов в качестве корреспондентов, членов экспедиций и т. д. Нужно сделать так, чтобы все учащиеся вузов могли читать наши диалектологические работы, а не решать ребусы в виде нагромождений большого числа знаков.

Во-вторых, при создании единой транскрипции должна быть установлена какая-то предельная и минимальная точность передачи произношения.

Предложение т. У. Ш. Байчуры (из Казани) привело к усложнению транскрипции, пригодной для описания одного языка, но нуж-

дающейся в некотором упрощении для сравнения разных тюркских языков, когда учитываются их фонетические системы, а не излагаются акустические характеристики фонем.

Транскрипция должна быть простой с точки зрения полиграфических условий, чтобы можно было диалектологические работы печатать во всех республиках и автономных областях, иначе задержится издание многих из них. Эта единая транскрипция должна обладать удобствами для пользования ею в полевых условиях. Это значит, что система транскрипции в известной степени должна быть стенографической.

Проект проф. Н. А. Баскакова, обсуждавшийся на прошлом координационном совещании, состоявшемся в Казани, свидетельствует о том, что автор проделал очень большую работу, учел особенности многих языков, глубоко продумал ряд вопросов. Несмотря на это, к сожалению, предложенная схема транскрипции нуждается в некоторых изменениях. Можно говорить о двух основах—латинской (международной) и русской. Но нам, конечно, нужна в первую очередь транскрипция, построенная на базе русской графики, так как она представлена в подавляющей массе алфавитов тюркоязычных народов. Вместо применения ряда диакритических знаков можно допустить введение некоторых латинских букв, что нашло свое выражение даже в системе построения практического алфавита азербайджанского языка.

Без диакритических знаков обойтись не удастся, но их число нужно сократить до минимума, форму изображения избрать наиболее простую, и такую, чтобы эти знаки при неточном изображении не нарушали смысла записей. Конечно, тот проект, который предложен проф. Н. А. Баскаковым, следует принять за основу, но его нужно доработать, учитывая и полиграфические возможности.

Правильно, что нужно применять сравнительно-исторический метод при изучении тюркских языков, но сравнивать нужно не только тюркские языки и диалекты, а следует идти дальше. Надо сравнивать их с монгольским и, вероятно, со многими другими языками. При этом не нужно забывать, что картина взаимодействия тюркских и монгольских языков в историческом плане была очень сложной. Довольно часто исследователи исходят из представления о том, что тюркские и монгольские племена имеют общее происхождение. Но так ли это?! Речь может идти лишь об отдельных группах племен, о распаде некоторых из них и о вхождении в состав других племенных объединений.

Древние тюрко-монгольские элементы в языке создавались не на базе этнического родства, а в связи с усиленным общением в определенные исторические периоды между предками тюрок и монголов.

Важно отметить, что в языке памятников орхоно-енисейской письменности „монгольских" элементов заметно меньше, нежели в тюркских языках средневекового периода. Те монгольские элементы, которые обнаруживаются в среднеазиатских тюркских языках, относятся к различным этапам исторического развития тюркских народов. В их числе можно назвать такие:

I. Древний, доенисейский.

II. Енисейский (V—X вв.)

III. Монгольский (XIII и последующие века).

IV. Джунгарский (XV—XVII вв).

В составе этих пластов прослеживаются свои закономерности.

С. КУРЕНОВ

(*Ашхабад*)

Прежде всего хочу поблагодарить инициаторов этого совещания — Сектор тюркских языков Академии наук СССР и Институт литературы и языка Академии наук Азербайджанской ССР за организацию настоящего совещания тюркологов. Нет сомнения, что нынешнее совещание очень много даст для развития общей тюркской лингвистической науки, в частности при составлении сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

До сих пор при разработке сравнительной фонетики, грамматики, в отдельных случаях и лексики тюркских языков, в основном, сравнивались отдельные тюркские языки, еще не достаточно были привлечены материалы местных диалектов и говоров тюркских языков. Однако в диалектных данных языков исследователь может найти желаемое или, по крайней мере, дополнить фактами заранее имеющиеся наблюдения.

Так, в туркменском языке и его диалектах выявлен ряд фонетических, морфологических и лексических фактов древнетюркского характера. В результате лингвистического исследования учеными-тюркологами установлено, что в области консонантизма характерным фонетическим признаком, дифференцирующим монгольские и тюркские языки, является ротацизм и ламбдаизм в языках монгольской группы[1], а в области вокализма, по исследованию акад. Б. Я. Владимирцова и Н. Н. Поппе,— соответствие монгольского гласного *ы(и)* гласному тюркских языков *а* в первом слоге и обратное в другой определенной фонетической позиции[2]. Пережитки подобного фонетического явления, присущие древнейшей эпохе развития тюрко-монгольской племенной общности, сохранились больше всего, как мы видим, в трудах тюркских исследователей, в чувашском языке. Что касается фонетического соответствия *ы(и)*~*а*, т. е. соответствия монгольского гласного *ы(и)* гласному тюркских языков *а*, например: монг. *sira*>тюрк. *sari*, уйгур. *sarig*—желтый; монг. *nirai*—свежий, новый, новорожденный, мандж. *niyarun*—новый, свежий, зеленый, тюрк. *йа:з*, якут. *са:с* — весна; монг. *bi-i*>*bui*, тюрк. *ба:р*—есть, существует[3] или же чуваш. *ил*, общетюрк. *ал*—возьми, бери; чуваш. *хыта*, общетюрк. *гаты//каты*—твердый; чуваш. *пыл*, общетюрк.

---

[1] Б. Владимирцов, И. Н. Березин. „Зап. коллег. востоковедов Академии наук", т. I. Л., 1925; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 30.

[2] Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка. „Докл. Российской АН", 1924, стр. 33—35.

[3] Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Ук. работа, стр. 33—34.

бал—мед; якут. *ый*, общетюрк. *ай*—луна, месяц, то оно характерно и для туркменского языка и для его диалектов.

Приводим примеры:

В Эрсаринском диалекте:[4] *чыйкъады* (лит. чайкады)—он взбалтывал, *hырман* (лит. харман)—куча необмолоченного хлеба; В марыйском говоре Текинского[5] диалекта: *ыша:къ* (лит. ашак)—вниз, низ; в Сарыкском диалекте: *паланы* (лит. пыланы)—кто-то, некий; В Сарыкском и Емудском диалектах *чакар* (лит. чыкъар)—выведи, выноси, вытаскивай, *харла:п йаты:р* (лит. хырлап ятыр)—он спит храпя; у туркмен Ставрополья: *йастыгъы дышладып* (лит. яссыгы дашладып)—обнаружив подушку, *дыша чыкъдым* (лит. дашарык чыкдым)—я вышел на улицу, я вышел наружу, в Нохурском диалекте:[6] *быр—мах* (лит. бармак)—палец; в Салырском диалекте:[7] *ыгълама* (лит. аглама)—не плачь, *ыла:ч* (лит. алач)—выход (из положения), *ыша:къ* (лит. ашак)—вниз, низ.

Приведенные примеры показывают древнейшую генетическую связь туркменского языка с тюрко-монгольской языковой общностью древней эпохи.

Как указывают ученые, древнетюркские долгие гласные, или этимологические долготы, сохранились в современном якутском и туркменском языках. В этих языках каждый гласный может иметь краткую и долгую протяженность фонематического значения. При этом специалистами еще не выявлено наличие туркменского долгого гласного *э(е)* неэмфатического характера, т. е. не наблюдались корневые парные слова, с кратким и долгим гласным *э(е)*, отличные друг от друга по смыслу, как это мы видим, хотя и очень редко, в якутском[8], киргизском[9], тувинском[10] и даже халха-монгольском[11] языках.

Однако фактические материалы туркменского языка и его говоров убеждают нас в существовании собственного туркменского долгого *э(е)*. Так, например, в туркменском литературном языке, почти во всех туркменских диалектах мы имеем слово *эй* с кратким *э*, обозначающее просоленное кислое молоко, употребляемое на обработку кожи, и *э:й* с долгим *э*, обозначающее междометие, обращенное к кому-либо с экспрессивным оттенком. А в западных говорах емудского диалекта туркменского языка активно употребляется слово *сеwуш*—резать барана, козу в честь гостей и *се:wуш*—ругайся с кем-либо,

---

[4] Примеры взяты из рукописи мл. науч. сотрудника ИЯ АН ТССР А. Аннанурова.

[5] Н. Нартыев. Туркмен дилининң сарык диалекти. Чәржев, 1959, стр. 40.

[6] Х. Мухыев. Нохур диалектинде чекимлилер. „Уч. зап. Туркменского госуниверситета", вып. XIII. Ашхабад. 1958, стр. 189.

[7] М. Атажанов. Туркмен дилининң салыр шивесининң фонетикасының "кәбир айратынлыклары. „Уч. зап. Туркменского госуниверситета", вып. XIII, Ашхабад; 1958, стр. 144.

[8]. Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология, Якутск, 1947: П. П. Баранников. Звуковой состав якутского языка. Якутск. 1953. стр. 66.

[9]. И. А. Батманов. Фонетическая система современного киргизского языка Фрунзе. 1946, стр 32.

[10]. Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык. Очерк по фонетике. М.—Л., стр. 31; И. А. Батманов. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе 1946, стр. 39.

[11]. Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, стр. 17—18.

где единственным смыслоразличительным фактором является краткое и долгое произношение *э*(*е*). Подобный факт, как и другие слова, с соответствующим парным гласным типа *бар*—иди—*ба:р*—есть, имеется, *өт*—проходи→*ө:т*—желчь и другие можно считать парным древним тюркским словом.

Безусловно, при сравнительном изучении звукового состава тюркских языков экспериментально-фонетическим путем можно получить полезные результаты, ибо специфика и развитие фонетического строя тюркских языков не равномерны, степени длительности и краткости звуков в каждом тюркском языке имеют своеобразную качественную особенность. В этом убедительна экспериментально-фонетическая работа У. Ш. Байчуры[12] по татарскому языку, где автор фактами экспериментальных данных сопоставил длительность звуков некоторых тюркских языков, и здесь ясно видна различная степень длительности гласных. Можно указать комплексно-экспериментальную работу А. А. Исенгельдиной[13], посвященную изучению сонорных согласных казахского и английского языков методами рентгенографирования, палатографирования, кимографии и спектрального анализа, и другие работы, выполненные в лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи ПМГПИИЯ и лаборатории экспериментальной фонетики при Ленинградском государственном университете.

Отрадно отметить, что наш институт имеет фонетическую лабораторию. Правда, наша фонетическая лаборатория пока располагает небольшим количеством аппаратов, но она постепенно пополняется новым оборудованием.

В фонетической лаборатории Института языкознания Академии наук ТССР и в лаборатории экспериментальной фонетики им. акад. Л. В. Щербы Ленинградского госуниверситета на большом кимографе нами была проверена несколько раз длительность гласных следующих туркменских слов: *эм*—соси, *көп*—много, *үч*—три, *сач*—волос, *ат*—лошадь, *а:т*—имя, *ач*—открой, *а:ч*—голодный, *уч*—лети, *гуш*—птица, *от*—трава, *о:т*—огонь, *бар*—иди, *топ*—мяч, пушка, *ба:р*—есть, *даш*—далеко, *да:ш*—камень, *о:н*—десять, *бэ:ш*—пять. Длительность гласных в этих словах была сопоставлена с длительностью этих же слов в хакасском, татарском, азербайджанском, якутском языках. По сведениям У. Ш. Байчура[14], длительность гласного *э*(*е*) в слове *эм* (соси) хакасского языка составляет 11,1 Σ, а в туркменском языке в этом же слове длительность *э*(*е*) равна 13,4 Σ.

В хакасском языке	В туркменском языке (средняя длительность в нескольких измерениях)
Длительность *ө* в слове *көп*—много=8,5 Σ	8,8 Σ
Длительность *а* в слове *сач* – волос=9.9 Σ	9,3 Σ
Длительность *а* в слове ат—лошадь=9,8 Σ	8,9 Σ

[12] У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка (экспериментально-фонетический очерк). Казань, 1959.

[13] А. А. Исенгельдина. Спектрально-рентгенологическое исследование сонорных согласных казахского и английского языков (автореф. канд. дисс.). Алма-Ата, 1960.

[14] У. Ш. Байчура. Ук. работа, стр. 69—70. Данные татарского языка на 55 стр., азербайджанского языка на 80—82 стр.

В татарском языке	В туркменском языке
Длительность *а* в слове *ат*—лошадь=19,2 Σ	8,9 Σ
Длительность *о* в слове *оч*—лети=12,7 Σ	8,2 Σ
Длительность *о* в слове *кош*—птица=12,7 Σ	7,5 Σ
Длительность *а* в слове *ач*—открой=17,2 Σ	10,3 Σ
в слове *ач*—голодный=23,1 Σ	41,2 Σ

В азербайджанском языке	В туркменском языке
Длительность *а* в слове *ат*—лошадь=19,2 Σ	8,9 Σ
Длительность *о* в слове *од*—огонь=19,3 Σ	34 Σ
в слове *топ*—мяч, пушка=21,0 Σ	11,8 Σ

В якутском языке[15]	В туркменском языке
Длительность *а* в слове *ат*—лошадь колеблется между 12 и 15 Σ	колеблется между 8,5 и 10,5 Σ
В слове *а:т*—имя=23,8—27,3 Σ	44—48 Σ
В слове *таш*—далеко=10,7—15,5 Σ	12—14,5 Σ
В слове *та:ш*—камень=23,1—28,2 Σ	37—44 Σ
В слове *бар*—иди = 12,7 — 19,2 Σ	13 — 17,5 Σ
В слове *ба:р*—есть = 26 — 31 Σ	38,5 — 42 Σ
Длительность *о* в слове *о:н (уон)* — десять = 31 — 36 Σ	26,5—30,5 Σ
Длительность *ə* в слове *бə:ш (биэс)*— пять = 28,5 — 32 Σ	28 — 29,5 Σ

Как видно из приведенных данных, произносительная длительность гласных различна в разных тюркских языках, и в зависимости от строгой фонетической закономерности, специфического фонетического закона данного языка она имеет своеобразный путь развития для каждого языка. Если якутские долготы фонематического значения колеблются между 23,8 и 31 Σ, то туркменские фонематические долготы колеблются между 37 и 44 Σ, и если якутские долгие гласные по своей длительности в два с лишним раза больше, чем парные краткие гласные, то туркменские долгие гласные—в 3—4 раза. Методами кимографии можно определить также длительность согласных звуков. Длительность гласного или согласного, как правило, зависит от определенной фонетической позиции звука. Ясно, что распространение экспериментальных методов и на изучение фонетики диалектов языка даст хороший результат.

Какое бы фонетическое явление ни было, оно должно быть объяснено какой-то причиной, составляющей для этого языка определенную закономерную систему. Однако мы имеем целый ряд фонетических и грамматических фактов общих как для огузской, так и кипчакской группы тюркских языков. Так, например, в туркменском языке, хотя этот язык относится к огузской группе тюркских языков, имеются многочисленные слова с начальным глухим звуком *к* и *т*, и наоборот, в туркменских диалектах и говорах в противоположность туркменскому литературному языку наблюдается частое озвончение глухих согласных в исходе слов.

[15] Экспериментальные данные по якутскому языку получил аспирант Ленинградского госуниверситета Н. Д. Дьячковский.

В Сарыкском диалекте:[16] *доғъсан* (лит. тогсан)—девяносто, *дигир* (лит. тигир)—катушка, *дикен* (лит. тикен)—заноза, колючка, *докъурғъо* (лит. токуртга)—труба, *дүнче* (лит. түнче)—маленький кумган для кипячения воды; *в Нохурском диалекте*[17]: *гъоwмах* (лит. ковмак)—выгнать, *дамдыра* (лит. тамдыра)—дутар, *дөр* (лит. төр)—почетное место в задней части (внутри) кибитки или комнаты; *в западных говорах Емудского диалекта*[18]: *дофулмакъ* (лит. топулмак)—кидаться на кого-либо, *дewерек* (лит. теверек)—окружность, *дафырды* (лит. тапырды)—топот, *дүфен* (лит. түпен)—винтовка, *гө:нелер* (лит. көнелер)—старики, *гө:л* (лит. көл)—озеро, *гичи* (лит. кичи)—маленький, *гъа:ғъыз* (лит. кагыз)—бумага, *гъы:нчылыкъ* (лит. кынчылык)—трудность; *в Туркменском диалекте Ставрополья*: *гичи // киши* (лит. киши)—человек, *гөйдүрип* (лит. көйдүрип)—запалив, опалив, *гөwрейик* (лит. көврейик)—название растения, *гөвежге* (лит. кежебе)—свадебный паланкин, устанавливаемый на верблюде, *гөмүр* (лит. көмүр)—уголь, *гө:з* (лит. кө:з)—жар, *гөвүк* (лит. көпүк)—пена, *да:м* (лит. та:м)—дом, *дө:мет* (лит. төхмет)—клевета, *дүғи* (лит. түви)—рис и др.

Подобное фонетическое явление, т. е. оглушение звонких или озвончение глухих в начале слов, имеется и в других диалектах и говорах туркменского языка, оно наблюдается также во всех огузских языках. По мнению покойного проф. Н. К. Дмитриева, процесс озвончения начальных *к* и *т* в юго-западных группах тюркских языков не представляет собой чего-либо законченного, а действует и поныне, попутно создавая пеструю и неустойчивую картину аналогичных образований и изолированных слов.[19] Этот вопрос должен стать одной из задач современной тюркологии, которая нуждается в детальном изучении.

В туркменском языке и его диалектах также можно находить известные нам звукосоответствия, как *б~м(м~б)*, *п~б(б~п)*, *д~з*), (*з~д*), *къ(гъ)~h*, выявление которых очень важно для сравнительной фонетики огузских языков. Наши примеры в этом отношении будут дополнениями к имеющимся фактам.

Соответствие *д~з* (*з~д*) в Сарыкском диалекте[20]: *чызамакъ* (лит. чыдамак)—стерпеть, *а:да:нм(и) лен* (лит. азан билен)—рано утром; в Нохурском диалекте[21]: *Бә:рзән* (лит. Бәхерден)—название района, *хә:дир wол* (лит. хәзир бол)—будь готов, в туркменском диалекте Ставрополья: *ойазып* (лит. оядып)—разбудив, *а.дашып* (лит. азашып)—заблудившись, *а.н ды:п* (лит. анзып)—смотрев.

Соответствие *б~п(п~б)* в западных говорах Емудского диалекта:[22] *пө:лешмек* (лит. бөлүшмек)—делить, разделить между собой, *пычғъы* (лит. бычгы)—пила, *бикир* (лит. пикир)—мысль, мне-

---

[16] Н. Нартыев. Түркмен дилининг сарык диалекти. Чәржев. 1959, 68-нжи сах.

[17] Х. Мухыев. Түркмен дилининг нохур диалектининг кәбир фонетик айратынлыгы. ТССР Ылымлар академиясынын Дил вә Эдебият институтынын ишлери, 3. Ашгабат, 1959, 102 сах.

[18] К. Шамырадов. Емут диалектининг гүнбатар геплешигинде чекимсиз сеслерин системасы (консонантизм). ТССР Ылымлар академиясынын Дил ве Эдебият институтынын ишләри, 3. Ашгабат, 1959, 119, 128 сах.

[19] Н. К. Дмитриев. Материалы по османской диалектологии. Фонетика карамалинского языка, ЗКВ, IV, стр. 112, 131.

[20] Н. Нартыев. Ук. работа, стр. 71.

[21] Х. Мухыев. Ук. работа.

[22] К. Шамырадов. Ук. работа. (В дальнейшем примеры будут приведены из работ этих авторов).

ние; в Нохурском диалекте: *пө:луш* (лит. бөлүш)—делись, *бишме* (лит. пишме)—вид пирожков (без начинки); в Туркменском диалекте Ставрополья: *пурчунда* (лит. бурчунда)—в углу, *пурч* (лит. бурч)—перец, *питмеди* (лит. битмеди)—не изобиловал, не срослась, не исполнился, *пүкүп* (лит. бүкүп)—сплетая, *пулут* (лит. булут)—облако, *па:лыкъ* // *ба:лыкъ* (лит. балык)—рыба, *пурче* (лит. бүре)—блоха, *пүкүр* (лит. бүкүр)—горбатый.

Соответствие *м~б* (*б~м*), *м~п*—в западных говорах Емудского диалекта: *мейни* // *пейни* // *бейни* (лит. бейни)—мозг, *шамакъ* (лит. шапак)—заря; в туркменском диалекте Ставрополья: *мойны* (лит. бойны)—его шея, *мудрэ:п* (лит. бүдрәп)—споткнувшись, *мол* (лит. бол)—много, обильно, *менде* (лит. бенде)—бедный, *гъа:ма:п* (лит. габап)—окружив, *бен*//*мен* (лит. мен)—я, *Бахтымгъулы*—(лит. Магтымгулы)—собственное мужское имя, *бу:дакъ* (лит. пудак)—отрасль, ветвь, ветка, *бишек* (лит. пишек)—костыль, маслобойная палка, *битне* (лит. питне)—мятеж, *бушма:н* (лит. пушман)—каяние, *менже* (лит. пенже)—пятерня, лапа, *томор* (лит. топар)—группа, куча.

Интересно отметить, что в туркменском диалекте Ставрополья замена этимологического *къ* сибилянтом *h* получила очень широкий размах, и это соответствие происходит, как правило, в начале слов лишь с твердыми гласными. Ср., например:

В туркменском диалекте Ставрополья	В туркменском литературном языке	перевод
hайчы	*гайчы*	ножницы
hыркъылыкъ	*гыркылык*	большие ножницы (для стрижки овец)
hадыр	*гадыр*	ценность, уважение
hыммат	*гыммат*	цена, дорого, стоимость
hайкъылыкъ	*гыкылык*	шум, крик, скандал
hоркъды	*горкды*	он испугался
hоркъокъ	*горкак*	трус, боязливый
hалты:ма	*галташма*	не соприкасайся
hырмызы	*гырмызы*	красный, бордо (цвет)
hыжˌалат	*гыжˌалат*	упрек
hырк	*кырк*	сорок
hакъланан эт	*какланан эт*	разрезанное, затем засушенное мясо
hувват	*кувват*	мощь, сила
hакъды	*какды*	стучал, выбивал
hовалады	*ковалады*	он гнал
hас этмек	*каст этмек*	зловредничать
hовды	*ковды*	он выгнал
hывла	*кыбла*	юго-запад
hакъа-силке	*кака силке*	вытряхивая

В туркменских диалектах также встречается широко известный нам во всех огузских языках и их диалектах начальный неэтимологический *h*. Если замена туркменского литературного *къ* и *гъ* звуком *h* происходит, как правило, в начале слов с твердыми гласными, то *h* в других случаях появляется в исходе слов, начинающихся с гласного. Например, в Эрсаринском, Геокленском диалектах: *hө:л* (лит. өл)—влажный; в туркменском диалекте Ставрополья: *hа:лдады* (лит. алдады)—он обманул, *hен*|//*hин*ˌ (лит. ин)—очень, самый, *hүркер* (лит. үлкер)—Волосожар, плеяды, *hакъмакъ* (лит. акмак)—глупец, *hала:ч* (лит. алач)—мера, *hа:р* (лит. ар)—честь, *hа:шыкъ* (лит. ашык)—влюбленный (ая), *hөвүт* (лит. өвүт)—совет, *hүркди* (лит. үркди)—он испугался (слово *үркди* относится к живот-

ным). В таком случае можно ли считать появление начального *h* историческим?

В западных говорах Емудского диалекта активно употребляется слово *кө:көт // гөркөт //көркөт* вм. лит. *гөркез*—покажи, показывай. Если иметь в виду этапы развития туркменского *й* в слове *айак* (<азак<адак<атак), т. е. по линии *т>д>з>й*, то, можно полагать, что *т* в слове *кө:көт* является первоначальной формой, а *з* в слове *гөркез*—дальнейшим этапом развития *т*. (Ср. кыпчакскую форму *көрсет*).

Что касается переднесредненебного *й*, то оно имелось во всех древнетюркских языковых памятниках в начальной позиции. В „Словаре" Махмуда Кашгарского мы имеем слово *йигде*—финик, *йигне*—иголка и др. В чувашском языке имеются слова с начальным *й*, в то время как в туркменском языке этот звук в начальной позиции выпадает. Ср., например, чуваш. *йывăç*→туркм. *ағъач*—дерево, *йух-акъ*—течь, *йавар*→ағыр—трудный, *йер-ыз*—след[24]. В туркменском языке и его диалектах этот древний звук занимает неустойчивую позицию, а в западных говорах Емудского диалекта он подвергся более резкому ослаблению. Так, например, в Сарыкском диалекте: *илик* (лит. йилик)—костный мозг; в Нохурском диалекте: *уз* (лит. йүз)—лицо, *ип* (лит. йүп)—веревка, *ити* (лит. йити)—острый; в западных говорах Емудского диалекта: *ыла:н* (лит. йылан)—змея, *уз* (лит. йүз)—лицо, *үк* (лит. йүк)—груз, вьюк, *үрөк* (лит. йүрек)—сердце, *итмек* (лит. йитмек)—теряться, *энчмек* (лит. йенчмек)[25]—колотить, избивать и др.

Большой интерес представляют некоторые специфические особенности в области морфологии туркменского языка и его диалектов. Так, например, в туркменском диалекте Ставрополья в 1 лице мн. ч. настояще-будущего времени и неопределенно-будущего времени изъявительного наклонения употребляется форма *къ* (*к*). Она существует параллельно с обычными формами. Например, в общем настоящем времени: *биз аладу:рыс*[26]*// алду;рыс//аладу:рсыкъ// алду:рсыкъ* (лит. биз алырыс)—мы берем, *биз биледу:рыс // билду : рыс // биледу рсыкъ // билду : рыскъ* (лит. биз билйәрис)—мы знаем. В неопределенно будущем времени: *биз аларыс // аларыз // аларсыкъ* (лит. биз алырыс)—мы возьмем, *биз гелерис // гелериз // гелерсик* (лит. биз гелерис)—мы придем. Появление *-къ(к)* именно в 1 лице мн. ч. настоящего времени глагола наблюдается и в Геокленском[27], Алилинском диалектах, также у каракалпакских туркмен (племя—ата) в форме *алйакъ гелйек*. Подобная форма 1 лица мн. ч. настояще-будущего и неопределенно-будущего времени глагола не характерна для туркменского литературного языка и других туркменских диалектов. Потому и аффикс *-къ(к)* в вышеуказанных глагольных формах Геокленского, Алилинского, Ставропольского диалектов составляет характерную морфологическую особенность. В 1 лице. мн. ч. в других формах глагола тюркских языков появление *-къ(к)* возможно. Ср., например, условная форма: *алсакъ, гелсек*; прошедшая категорическая форма: *алдыкъ, гелдик*; повелительная форма: *алайыкъ, гелейик*.

---

[24] Чувашские примеры взяты из работы Н. С. Баскакова „Каракалпакский язык. Фонетика и морфология", М., 1952, стр. 55.

[25] Примеры из Емудского диалекта из упомянутой работы К. Шамурадова.

[26] Конечный „с" иногда озвончается.

[27] Г. Кульманов. Геокленский диалект туркменского языка (канд. дисс.), Ашхабад, 1960.

По объяснению проф. А. Н. Кононова аффикс *-къ(к)*, как личный показатель 1 лица мн. ч., выражает принадлежность в двойственно-собирательном значении, и этот формант является древним[28]. Аналогичный довод можно применить и к туркменской диалектной форме типа *аладурсыкъ*, *алйакъ*, *аларсыкъ*, *аларыкъ*. Любопытно привести для сравнения туркменскую литературную форму типа *биз барярка:къ* —когда мы шли, *биз гялйярка:к*—когда мы шли сюда. Даже современная туркменская орфография допускает параллельный вариант правописания формы *геленмишимиз // геленмишик*[29]—мы, допустим, пришли.

Как в настояще-будущем, так и неопределенно-будущем времени в 1 лице мн. ч. туркменского диалекта Ставрополья и Геокленского диалекта мы имеем *-къ(к)*. Причина подобного явления, т. е. употребление *-къ(к)* и в неопределенно-будущем времени объясняется тем, что в самом туркменском литературном языке аффиксы лица настояще-будущего и неопределенно-будущего времени изъявительного наклонения общие. Те же аффиксы лица настояще-будущего времени служат и аффиксом лица неопределенно-будущего времени. Ср., например, парадигмы формы настояще-будущего времени в туркменском литературном языке.

Настояще-будущее время		Неопределенно-будущее время	
ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1. аляр-ын	*аляр-ыс*	*алар-ын*	*алар-ыс*
2. аляр-сын	*аляр-сын-ыз*	*алар-сын*	*алар-сы-ныз*
3. аляр	*аляр // аляр-лар*	*алар*	*алар||алар-лар*

Отсюда вывод, что употребление аффикса—*къ(к)* в 1 лице мн. ч. неопределенно-будущего времени, как и в 1 лице мн. ч. общего настоящего времени туркменского диалекта Ставрополья и Геокленского диалекта—есть закономерное морфологическое явление как туркменского языка, так и других тюркских языков.

Аффикс *-къ(к)* совершенно другого порядка и в западных говорах Емудского диалекта служит как формальный показатель дательно-направительного падежа, отмеченный впервые покойным туркменоведом проф. А. П. Поцелуевским[30], а затем несколько позже К. Шамурадовым[31]. Этот аффикс в западном говоре Емудского диалекта является деформированным показателем древнетюркского аллатива. Например, *о:ва:къ гитди* (лит. оба: гитди)—он ушел в село, *икита:вы Би:кя:к берди* (лит. китабы Бикя: берди)—он отдал книгу Бике. Любопытно отметить, что в западных говорах также употребляется форма *алма:къ геллим*, а не *алма:гъа гелдим*, как это в туркменском литературном языке. Доминирующий глухой *к* в аффиксе дательного падежа употребляется и в языке енисейско-орхонских надписей[32].

В морфологическом отношении обращает внимание на себя и Текинский диалект. Почти во всех тюркских языках 2 лицо ед. ч. по-

[28] А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. „Тюркологический сборник", № 1, М.—Л., 1951, стр. 117—119.

[29] Туркмен дилинин орфографик сөзлүги. Ашгабат, 1957, стр. 27.

[30] А. П. Поцелуевский. Некоторые рудиментарные падежные формы в туркменском языке. „Изв. ТФАН СССР", 1945, № 5—6.

[31] К. Шамурадов. Некоторые морфологические особенности именных основ западных говоров Емудского диалекта туркменского языка. „Изв. АН Туркменской ССР." 1959, № 6, стр 92—97.

[32] Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 190.

велительного наклонения не имеет аффикса, т. е. функцию приказания, повеления выполняют основы глаголов, например, *ал*, *гел//кел*, *гетир* и др. В туркменском языке и некоторых его диалектах мы имеем *ал//ал-гын*, *гел//гел-гин*, *гетир//гетир-гин*. А в центральных говорах Текинского диалекта 2 лицо ед. ч. повелительного наклонения имеет двойной аффикс, и это выглядит так: *сен ал-гын-ын*$_1$, *сен гел-гин-ин*$_1$, *сен гетир-гин-ин*$_1$ и др. Оформление 2 лица повелительного наклонения с соответствующим аффиксом лица для других туркменских диалектов не характерно.

Факты, приведенные нами из туркменского языка и его диалектов являются специфическими особенностями, и они могут быть использованы как материал для составления сравнительной грамматики тюркских языков.

Г. Х. АХАТОВ

(*Уфа*)

Местные диалекты являются одним из богатейших и надежных источников для сравнительно-исторического изучения языков.

Сравнительно-исторический метод как особый лингвистический прием сравнительного изучения родственных языков служит для решения той или иной поставленной задачи. Но одна фиксация отдельных языковых форм из различных диалектов одного или нескольких языков, которая имеет место в тюркологии, не имеет ничего общего с сравнительно-историческим методом в языкознании. Сравнение должно помочь выяснению процессов, происходящих в системе фонетики, грамматики отдельного языка или группы языков. Этот прием может применяться и в пределах диалектов одного языка и в пределах одной группы языков. Правильно поднял вопрос проф. Бертагаев о том, что сравнение в отдельных случаях должно идти шире. Тюркские языки, например, могут сравниваться с алтайскими и финно-угурскими языками.

Восточный диалект татарского языка (язык сибирских татар) располагает большими материалами для решения многих вопросов истории не только татарского, но и других родственных тюркских языков: башкирского, казахского, киргизского, узбекского, уйгурского, хакасского, чувашского. Как подтверждают наблюдения, он относится к числу древнейших тюркских языков, потому что в нем бытуют такие древние языковые факты, как преобладание глухих согласных звуков, сохранение древнетюркских первоначальных долгот, наличие фонетических комплексов звуков *лт*, *мт*, *нт*, *рт*, *лк—лкъ*, *мк—мкъ*, *нк—нкъ*, *рк—ркъ* в неразложимых корнях. Возьмем другие примеры:

1. Анлаутное озвончение к, къ. В языке сибирских татар *к*, *кь* озвончаются в позиции между гласными двух соседних слов и после сонорных или звонких первого слова при их слитном произношении *паргалы гәрәк*, *ата гас*, *кара гаш*, *пер геше*. Такое явление отнюдь не является чисто диалектным, сибирско-татарским, оно свойственно многим тюркским языкам. Как указывает проф. Дж. Киекбаев, озвончение *к*, *къ* в определенных условиях в башкирском языке считается закономерным явлением (*барырга гәрәк и бер геше*). В этом отношении язык сибирских татар находится в одном положении с диалектами башкирского языка. В говорах среднего диалекта татарского языка озвончение *к*, *къ* происходит только в конце слова, когда второе слово начинается с гласного или сонорного звука: *агалма* (*ак алма*), *бүләгитә* (*бүләк итә*). Как видно, озвончение *к*, *къ* в кипчакско-тюркских языках бывает не одинаково, а своеобразно. Дело даже не в этом, а в том, что стабилизация *г—гъ* в начале слов в

некоторых тюркских языках (азербайджанском, туркменском), очевидно, произошла под влиянием данного фонетического закона.

2. В сибирском татарском языке главное ударение (речь идет о словесном ударении) падает на первый и реже второй слог слова. То обстоятельство, что главное ударение в языке сибирских татар находится на первом слоге, по нашему мнению, объясняется сохранением древнетюркских долгих гласных звуков в первом слоге слова.

В результате сильного влияния татарского литературного языка в языке молодежи, даже среднего поколения, место ударения часто путается. Это очень естественное явление, ибо в период, когда литературный язык начинает внедряться в народные массы, происходит борьба между местными диалектизмами и фактами литературного языка. В этой борьбе на известном промежутке времени существует параллелизм, т. е. переходящие из поколения в поколение элементы местного говора не выпадают быстро из употребления, а бытуют рядом со все более широко проникающими элементами литературного языка. Именно такой период переживают сейчас в данном диалекте молодежь и представители среднего поколения.

Изучение ударения в сибирском татарском языке дает нам возможность предполагать, что ударение в древнем татарском языке падало, пожалуй, на начальный слог слова. Известно, что и в западном диалекте татарского языка в первом слоге употребляются долгие гласные и принимают на себя ударение: *он* (*ун*), *орман* (*урман*), *йок* (*йук-юк*), *окыту* (*укыту*). Сохранение долгого *о* в первом слоге наблюдается и в ишлейском говоре чувашского языка.[1]

Заслуживает внимания высказывание проф. Дж. Киекбаева о том, что случаи ударения живой разговорной речи башкир на первом слоге представляют собой явление глубокой древности[2].

Возникает вопрос: по какой причине ударение в татарском языке и вообще в тюркских языках, передвинуто с начального слога на конечный слог?

Основной причиной является, на наш взгляд, передвижение гласных звуков, которые произошли в шкале древнетюркского вокализма по артикуляционным и семантическим причинам: *о*...>*у* (постоянно) >..*ы* (иногда), *ө*...>*ү* (постоянно)...>*е* (иногда), *ә*>*э*, *и*, *е*. В результате утратились древнетюркские долгие гласные звуки *о, ө, ә* в первом корневом слоге. А это обусловило передвижение словесного ударения с первого слога на второй. Передвижение гласных в первом слоге обусловило в свою очередь передвижение гласных во втором и других слогах на основе закона сингармонизма и аттракции. А это передвинуло ударение со второго слога на последующие слоги. В этом процессе, можно полагать, образовался многоступенчатый характер ударения в татарском языке, и вообще в тюркских языках.

Одновременно надо отметить, что длительность основного и второстепенного и других ударений образовалась не одинаково во всех тюркских языках, а разнообразно.

Сравнительно-исторический метод играет большую роль в этимологических анализах.

---

[1] Р. Цаплина. Говор средней части Ишлейского района Чувашской АССР (канд. дисс.), 1948.

[2] Дж. Киекбаев. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1958, 187 бит.

В языке сибирских татар имеется фразеологическое выражение *ымрык паш* (в значении „безумный"). Здесь *ымрых<ымрык<умрук*. *Умру*—корень,-*ык*—аффикс. Ср. с аффиксом -*ык*: *бозык*, *булек*, *сутек*, *сызык*, *сытык*. Слово *умру* имеется в башкирских диалектах в значении отламывать. Итак, *ымрых паш*—это отломленная голова, т. е. человек без головы, безумный.

Далее, возьмем фразеологическое сращение *коерыгын ошлап пулмайты*—бегун, *Ошлау* имеется в казахском языке в значении держать, поймать. *Ошлау* от слова *оч* (конечный), *оч* означает рука, *оч* (*ч→ш*) *лау*—держать.

Несколько слов о единой фонетической транскрипции. Как видно из выступлений товарищей (особенно убедительно говорил представитель Башкирского филиала АН СССР), данную транскрипцию в таком виде, в каком она есть, конечно, нельзя утвердить.

По моему мнению, очень верно мнение проф. И. А. Батманова. Нужно создать комиссию для окончательной разработки транскрипции, положить в основу проект, созданный проф. Н. А. Баскаковым.

Надо полагать, что фонетическая транскрипция для тюркских языков будет по возможности сжатой, удобной, но в то же время полно и тонко отражающей фонетическую структуру всех тюркских языков.

А. А. АХУНДОВ

(*Баку*)

Самое отрадное в сегодняшних докладах было то, что, хотя почти со столетним опозданием, но настало время говорить о сравнительно-историческом методе изучения диалектов тюркских языков.

Прав, на мой взгляд, М. Рагимов, когда говорит, что все сравнения разных диалектных фактов с фактами других тюркских языков до сих пор носили случайный характер. В его содержательном докладе очень ясно говорится о том, что уже недалеко то время, когда в тюркологической литературе мы увидим настоящее научное применение сравнительно-исторического метода.

Почти все было ново и интересно в докладе доцента Р. Рустамова и кандидата филологических наук Р. Бердыева.

Многое обещают их выводы для дальнейшего развития сравнительной грамматики тюркских языков. Однако, на мой взгляд, было бы лучше, если бы в этих докладах объяснялись вопросы, необходимые для написания сравнительной грамматики тюркских языков.

Первое: понятие изоморфизма и гомоморфизма в изучении диалектов тюркских языков. В соответствии с этим требуются ответы на следующие вопросы: в каком соотношении друг к другу находятся факты литературного языка и факты диалектов того же языка? Вернее, факты литературного языка и факты диалектов того же языка изоморфны или гомоморфны? Если они изоморфны, значит, они (литературный язык и диалекты) эквивалентны, т. е. различие между фактами, скажем, фонемами литературного языка и соответствующими им фонемами диалектов не выходят за пределы parole.

Или же наоборот, если факты литературного языка и факты (скажем, фонемы) диалектов гомоморфны, то литературный язык и диалекты идентичны, причем первый из них, т. е. литературный язык, является предком диалектов, если фонемы диалектов являются гомоморфным образом литературного языка.

Как видно из докладов Рагимова и Бертагаева, мы не находим ответа на этот вопрос. Поэтому я хочу остановиться на нем.

По моему мнению, в тюркских языках наблюдается параллельное развитие фактов языка и диалектов, хотя они и различны в некоторой степени, однако не выходят за пределы parole, которые в свою очередь связаны с древним, каким-то близким для них языком, предположим, языком А. Объясним это следующим примером. В языке А была аффриката, подобная английской *th* (звонкая разновидность) или арабской ظ. В современном литературном языке она пре-

вратились в аффрикату *ч*, а в каком-то диалекте, скажем, Карабахском она имеется в виде *ж*. Как видно, различие между *ч* и *ж* не выходят за пределы parole, т. е. они эквивалентны, конкретнее, они противопоставляются друг другу, как различные фонемы. В абстрактном виде какая-то фонема в языке А, допустим, фонема *X* в литературном языке имеется в виде *Y*, а в каком-то диалекте в виде *Z*.

Совершенно ясно, что *Y* и *Z* изоморфны, а *Y* и *Z* и фонема *X* языка А гомоморфны, что подтверждается и историей языка.

Как нам известно, никто не отрицает того факта, что в тюркских языках развитие диалектов по отношению к литературному языку пошло по пути интеграции, а не дифференциации, как это имело место, например, в монгольском языке.

Если принять во внимание все это, т. е. понятие изоморфизма и гомоморфизма в тюркских языках, то такая постановка вопроса имеет весьма большое значение в исследовании некоторых вопросов проблемы языка и диалекта, а также диалектных членений разных языков.

Исходя из этого, можно ли говорить о диалектном членении татарского, или казахского, или же азербайджанского языка. Нам кажется, что со строгой научной точки зрения это невозможно. А что касается названий некоторых докладов, которые обсуждаются на совещании, то они носят условный характер.

Вот первый теоретический вывод, к которому нас привело понятие изоморфизма в изучении диалектов тюркских языков.

Второе, что я очень хотел бы сказать—это объяснение причинных связей синхронных разрезов разных диалектов и языков с точки зрения изоморфизма и гомоморфизма.

Тов. Рустамов в своем докладе привел некоторые факты из диалектов азербайджанского языка, которые являются общими для различных тюркских языков. Среди этих фактов был и переход нелабиализованной фонемы в лабиализованную, т. е. *а>о*. По мнению докладчика, это является „общим" явлением с узбекской литературной лабиализованностью. Причинную же связь этого синхронного разреза он не объяснил. Мне кажется, что пренебрежение объяснением этого разреза может привести к неправильному выводу, так как данный синхронный разрез, т. е. переход *а* в *о* может быть влиянием иранских языков. К большому сожалению, Р. Рустамов в своем докладе также не говорил и не объяснял синхронных разрезов: переход велярного $н_1$ в *в*, а также нелабиализованность+ $н_1$ в лабиализованность+$н_1$, потом велярный $н_1$ в *j*, наконец, $н>\overline{о}^{у}$ в определенных случаях.

Словом, могут ли синхронные разрезы $н_1>в$, $н>j$, $н_1>\overline{о}^{у}$ считаться изоморфизмом или нет, или их необходимо считать гомоморфизмом? Об этом мы в докладе не слышали.

Конечно, это, может быть, и не входит в цель доклада Р. Рустамова, но все-таки было бы интересно узнать мнение докладчика по этому вопросу, так как они, т. е. эти синхронные разрезы могут иметь большие гомоморфные корни, что очень важно для создания подлинно научной сравнительной грамматики тюркских языков.

Все, что было сказано мною, вовсе не рецензия на доклады, это только те вопросы, которые неясны для меня, и я очень хотел бы услышать мнение диалектологов, в первую очередь, докладчиков по этим вопросам, если, конечно, они стоят этого.

Е. И. УБРЯТОВА

(*Москва*)

Из того, что было сказано здесь в докладах и выступлениях, видно, что многие товарищи, которые пытались применять транскрипцию, предложенную Н. А. Баскаковым, доложили нам о своем опыте и о тех выводах, к которым они пришли, пользуясь ею.

Вопрос транскрипции—большой и очень важный. Он мало тревожит нас пока мы занимаемся описанием отдельных говоров, или говоров одного языка, но как только каждый из нас принимается за сопоставление с другим языком, мы сразу же становимся в тупик.

Первая попытка в отношении обработки диалектологических материалов разных тюркских языков сделана в Азербайджане, и мы знаем, что Мамед Ширалиевич очень долго мучился с печатанием статей по диалектологии разных тюркских языков в сборнике „Вопросы диалектологии тюркских языков".

Но, кроме вопроса транскрипции, есть и другие трудности. Мы с большим трудом разбираемся в диалектологических материалах по другим языкам. У нас сейчас уже много материалов, изданных в разных республиках, но наши тюркологи крепко держатся за практический алфавит своего языка. Каждый хочет исходить из этого алфавита, с одной стороны, потому что это более привычно, с другой—действительно, очень трудно выйти за его пределы при печатании работы.

Единая транскрипция нужна не только для записи диалектного материала, но и для транслитерации диалектных материалов уже опубликованных другими авторами на других языках. Мы должны обязательно на чем-то остановиться и оторваться от практических алфавитов „своего" языка, если хотим всерьез исправить положение.

Второе, о чем хотелась бы сказать, это то, что многие, вероятно знают, что на терминологическом совещании в Москве, которое происходило в мае прошлого года, была организована при Институте языкознания Академии наук специальная комиссия по разработке унифицированной фонетической транскрипции для языков народов СССР, которой поручено исследовать все трудности согласования систем транскрипции, связанные с многообразием и различием языков народов СССР и с наличием разных традиций у иранистов, тюркологов, угро-финоведов, кавказоведов, северников и русских диалектологов.

В результате этой работы было предложено выработать унифицированный проект транскрипции, что крайне необходимо для печатания публикаций, содержащих транскрибированный текст и для упорядочения редакционной издательской обработки лингвистических текстов, для облегчения их полиграфического воплощения.

В решении совещания было высказано пожелание, чтобы система транскрипции была дана в двух вариантах—на русской и латинской основе с взаимной обратимостью и с возможными вариантами в связи со сферой применения транскрипции.

Учитывая международный интерес к публикации транскрибированных текстов, необходимо в латинском варианте максимально координировать предполагаемую систему унифицированной фонетической транскрипции (УФТ) с выработанными правилами международной фонетической ассоциацией (МФА, API, PAI) кодифицированными Копенгагенской конференцией 1925 г. и последующими редакционными пересмотрами, опубликованными в журнале.

Комиссия была организована при Институте языкознания Академии наук СССР как из работников данного института, так и из работников других организаций.

Она имела следующий состав: А. А. Реформатский, А. В. Суперанская (ученый секретарь) и члены комиссии—Е. А. Бокарев (кавказские языки), С. С. Высоцкий (восточнославянские языки), Л. Р. Зиндер (общая лингвистика), Е. А. Крайнович (палеоазиатские языки), В. И. Лыткин (финно-угурские языки), В. М. Наделяев (монгольские языки), К. А. Новикова (тунгусо-маньчжурские языки), В. С. Расторгуева (иранский язык), К. Ш. Тагиров (полиграфия), Яншансин (дунганский язык). Позднее была кооптирована В. И. Цинциус.

В октябре 1959 г. заместитель председателя комиссии Н. А. Баскаков, подготовивший уже материал по данному вопросу в области тюркских языков, сделал доклад в Ленинграде, вызвавший оживленную дискуссию. В марте 1960 г. в Ленинграде был созван первый пленум комиссии, где были заслушаны доклады С. С. Высоцкого, К. А. Новиковой и др.

Решением пленума комиссии было постановлено: „Заслушанные доклады отпечатать способом ротопринт по образцу печатного доклада Н. А. Баскакова и подвергнуть широкому обсуждению путем собирания отзывов и если будет возможность—и в печати, после чего созвать второй пленум комиссии, на котором следует принять признанные нужными нормы по транскрипции...[1].

Дело в том, что имеется проект, посвященный транскрипции отдельных групп. Комиссия подчеркивает, что это все — предложения ее членов и проект ставится на обсуждение. Этот проект недавно отпечатан, я привезла один экземпляр для Азербайджанского института языка и литературы, а позднее он будет разослан во все наши институты. Мы должны подробно ознакомиться с проектом и решение уже будем выносить не только для тюркологов. Мы будем пользоваться единой транскрипцией. Я думаю, что решать этот вопрос нам все равно придется.

Впервые на наших совещаниях ставится очень большой вопрос, которым мы будем долго заниматься, вопрос о том, какое значение имеет диалектный материал для разработки исторических исследований в области тюркских языков.

Нужно сказать, что диалектный материал очень важен при исторических исследованиях, а для некоторых наших языков он является единственным источником.

Наши докладчики здесь имели в виду, главным образом, сравнительно-историческую грамматику тюркских языков, но не надо забы-

[1] В. М. Наделяев. Проект унифицированной фонетической транскрипции Предисловие. М., 1960.

вать, что диалектный материал будет иметь разное использование в разных типах исторических исследований.

Я понимаю, что писать историческую грамматику отдельных тюркских языков невозможно без диалектных материалов, так как они весьма существенны и будут основным материалом для построения исторической грамматики, которая занимается выяснением происхождения отдельных фактов языков, исходя из данных современных языков. Но вот как будет применяться диалектный материал для сравнительно-исторической грамматики, я это плохо себе представляю. Я здесь высказываю свой личный взгляд и сомневаюсь в этом, возможно, потому, что я никогда не занималась сравнительно-историческим изучением тюркских языков в том смысле, как этого требует Б. А. Серебренников—с обязательным восстановлением архетипов. Я не могу судить об этом со всем пристрастием, но я потеряла веру в эти архетипы с тех пор, как пытаюсь заниматься диалектологией якутского языка. Как можно установить, что к чему восходит, если в диалектах мы находим часто те же соответствия звуков, какие имеются между современными тюркскими языками.

Мне думается, что нужно было бы нам заслушать эти доклады, а также серию докладов, в которых специалисты, работающие в определенной области исторического исследования языков, могли бы нам показать, как можно использовать диалектный материал в историческом исследовании. Дело в том, что диалектологи сами понимают, что в их руках находятся огромные богатства исторического значения. Но как найти им место в составе определенного типа исторического исследования—над этим нужно подумать и нужно нам для постановки таких докладов привлечь тех, кто специально работает в этой области.

Я хотел бы сказать также и о том, что сравнительное изучение диалектов тюркских языков очень важно для исследования самих диалектов. Ни одного диалектного явления нельзя до конца понять и объяснить, если исходить из данных только одного языка. Наши языки так тесно связаны между собой, что каждое явление в каждом из тюркских языков без исключения, даже в древних языках, по которым у нас ограниченные материалы, получило какое-то свое отражение.

Вот я, например, начала описание диалектов якутского языка, исходя из одного якутского языка. Моя работа в первой редакции была просто констатацией тех явлений, которые были зафиксированы нами в якутском языке. Кое-что можно было объяснить, но очень многое явно выходило за пределы этого языка. Я вначале об этом не думала, но, готовя свою работу к печати, решила: нельзя ли сделать для нее надлежащий тюркологический фон. Когда я начала это делать, то сразу стало страшно—собственно в якутском языке специфически якутского оказалось очень мало...

Очень многие явления оказались общими, но если проводить сопоставления с диалектами других языков, конечно, в этом сопоставлении бывает много случайного.

Во-первых, не все из диалектных материалов по другим тюркским языкам доступно, не все достаточно ясно, поскольку в других языках идет исследование и в этом направлении делаются еще первые шаги. Мне кажется, что все диалектологи должны стать на этот путь, потому что, описывая какое-нибудь явление одного тюркского языка, необходимо учитывать и его проявление в других тюркских языках, для чего необходимо изучение большого количества диалектного материала.

А. Х. СОТТАЕВ

(*Нальчик*)

Товарищи, я лично благодарен Институту литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР за приглашение представителей Балкарии и Карачая на такую авторитетную сессию и за постановку вопроса о диалектном членении данного языка, которое в общем ходе диалектов тюркских языков представляет определенный научный интерес.

Темы докладов, поставленных на этой сессии о диалектном членении того или иного тюркского языка, настраивают и докладчиков и слушателей на то, что обязательно должно быть диалектное членение в данном языке. Если бы был поставлен вопрос о составе диалектов того или иного языка, пожалуй, формулировка докладов была бы удачнее. Каждый докладчик должен в конце концов прийти к разъединению, но не объединению данных диалектов.

Конкретно я буду говорить о языке балкарцев и карачаевцев. Безусловно, карачаево-балкарский язык на современном этапе составляет единый литературный язык. Правда, и в этом едином литературном языке есть особенности. Если подойти к вопросу с точки зрения доклада проф. Убрятовой и очень интересного доклада тов. Ширалиева, я бы сказал, что в карачаево-балкарском языке диалектов нет, а есть говоры, вернее, единственный говор. Если язык разделить на две части, то есть два говора в современном карачаево-балкарском языке, в том числе говор ущелий карачаево-баксанского, чегемского, хуламо-безынгийского и говор черкесского ущелья.

В составе этого языка есть говор-цоканье, который представляет определенный интерес, ибо в науке существовала такая теория, что цоканье в балкарском языке, а именно черкесском, является влиянием Осетии. Эту теорию опровергнуть очень просто, ибо предками осетин, как и нашими предками, было аланы, влияние которых не прослеживается. Эта теория похоронена вместе с теми, кто выдвинул ее, а те особенности, которые имеются в этом языке,—это расхождение только в области согласных. В области гласных гармония ни в одном говоре не нарушается.

Тов. Алиев в своем докладе проводил одну определенную линию, которой он твердо придерживался. Он утверждал, что балкарско-карачаевский язык состоит из диалектов, но какого языка эти диалекты, я думаю, слушатели не поняли. Он говорил относительно диалектов современного татарского и турецкого языков, а получилось, что диалекты есть, а языка нет.

На сессии, о происхождении карачаевцев и балкарцев тов. Алиев сказал: „Можно ли считать современных балкарцев и карачаевцев

представителями одной и той же народности? Карачаевцев и балкарцев на современном этапе развития считать одной и той же народностью нельзя, так как после их территориального расчленения, приблизительно в XIII—XIV вв., этно-экономическая и культурно-историческая связь предков карчаевцев и балкарцев была прервана недоступными отрогами гор Кавказа и народами, закрывавшими выходы из ущелий на равнину. Дальнейшее развитие карачаевцев и балкарцев проходило отдельными друг от друга путями, обусловившими те различия, которыми характеризуется язык, общественный строй, этнический состав карачаевцев и балкарцев".

Я должен сказать, что никакой этнической, бытовой разницы между карачаевцами и балкарцами нет. И когда Алиев захотел разделить карачаевцев и балкарцев, это вызвало протест даже тех, кто не имел непосредственного отношения к науке, потому что это политический вопрос. Я считаю, что разделять карчаевцев и балкарцев—абсурд.

Алиев доказывал свое утверждение, ссылаясь на Преле, но Преле писал о карачаевцах и балкарцах отдельно, потому что преследовал определенную цель, хотя и видел, что это—единый язык и все синтаксические, морфологические особенности не имеют расхождения, за исключением лексических явлений. Он написал две работы, где приводил ясные примеры диалектного членения этого языка, говорил относительно цоканья и чоканья и разрешил этот вопрос с абсолютной фотографической точностью.

Для того, чтобы говорить о языке, писать о языке, разрешать какие-то проблемы данного языка, надо знать откуда этот язык, что является его основой; не зная этого, нет нужды тому или иному ученому заниматься этим вопросом,

На сессии научно-исследовательских институтов, которая проходила в 1959 г. в Нальчике и где принимали участие товарищи из Москвы, Ленинграда, Казани, Тбилиси, Махачкалы, Чечено-Ингушетии и т. д., по вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев пришли к соответствующим выводам, о чем очень хорошо известно Алиеву.

Балкарцы, карчаевцы являются коренными, древними жителями Северного Кавказа. Древнее ядро современного карачаево-балкарского языка заключает в себе алано-булгаро-куманский элемент.

Из всех тюркских языков только карачаево-балкарский и современный татарский языки сохранили в цокающем говоре фонетические и лексические свойства куманского языка.

Карачаево-балкарский язык также сохранил свойства половецкого языка в своем чокающем (карачаево-баксано-чегемском) говоре, легшем в основу современного карачаево-балкарского литературного языка. Других компонентов в формировании языка не имеется.

Сравнительное изучение цоканья в татарском языке, цоканья в карачаево-балкарском языке, по моему мнению, представляет большой научный интерес.

А. М. АППАЕВ

(*Нальчик*)

Балкарский и карачаевский народы до Великой Октябрьской социалистической революции принадлежали к бесписьменным народам Кавказа, и история литературного языка этих народов начинается с установления советской власти. Этот факт определяет особые условия развития карачаево-балкарского литературного языка, как и всех младописьменных национальных языков Советского Союза, получивших впервые письменность благодаря Октябрьской социалистической революции.

Карачаево-балкарский язык до советской эпохи почти не изучался: он был известен только узким кругам специалистов. Впервые карачаево-балкарским языком начали интересоваться в первой половине XX в. Исследование о карачаево-балкарском языке известного венгерского ориенталиста Преле относится к периоду 1908—1916 гг. и является первым опытом описательного изучения данного языка.

Одновременно с исследованием Преле появляются работы Караулова „Болкары на Кавказе" (этнографический очерк) и затем его же „Краткий очерк грамматики горского языка болкар". Имеется еще ряд высказываний о балкарском языке В. Миллера и М. Ковалевского в связи с исследованием осетинского языка. Таковы ученые, которые в той или иной мере затрагивали вопросы карачаево-балкарского языка.

Впервые был поставлен вопрос о научном изучении карачаево-балкарского языка в 1930 г. С этой целью Академией наук СССР была организована научно-лингвистическая экспедиция в Балкарию и Карачай, результатом которой явились следующие работы: „Очерки Карачаево-балкарской грамматики" А. К. Боровкова, „Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев" В. И. Абаева, „Балкарская лексика" Р. М. Шаумяна.

Современную балкарскую живую речь можно разбить на две большие группы: диалект (говоры) Балкарско-Хуламского ущелья и диалект Баксана и Чегема.

Живая речь Баксанского и Чегемского ущелий положена в основу литературного языка. Кроме того, современная живая речь балкарцев характеризуется небывалым обогащением словаря за счет новых терминов, заимствованных из русского языка и через него — интернациональной терминологии, например: *Совет*, *социализм*, *коммунизм*, *партия*, *комсомол*, *колхоз*, *совхоз*, *трактор*, *химия*, *физика*, *математика* и т. д.

Литературный язык складывается на основе: баксанского, кара-

чаевского и чегемского, но он шире каждого отдельно взятого диалекта и обогащает их терминологически и лексически.

В конечном счете диалекты нивелируются между собой и сближаются с литературным языком. Выражением этого сближения на данном этапе является карачаево-балкарский литературный язык. Этот язык представляет собой синтез не только балкарских, но и карачаевских говоров. Таким образом, исторической базой ему послужили основные живые диалекты.

Какие особенности отдельных балкарских диалектов вошли в состав карачаево-балкарского литературного языка?

В области морфологии между отдельными диалектами значительных расхождений нет. Поэтому можно сказать, что морфология литературного языка в основном совпадает с морфологией диалектов.

Несмотря на то, что под влиянием школы, печати, литературы и т. д. диалекты идут от множества к единству, они еще сохраняют в ярком виде многие формы разговорного языка, отчасти вошедшие в литературный язык как архаизмы. В этом смысле диалекты представляют большой интерес с точки зрения словаря.

Словарь литературного языка, наоборот, растет и обогащается за счет советизмов и интернациональных терминов, что, конечно, способствует развитию лексики для обозначения абстрактных понятий.

Данное сообщение является попыткой представить в известной системе балкарские диалекты сравнительно с литературным языком.

Обзор диалектов балкарского языка

Диалект Черекского ущелья. В качестве основного критерия для классификации балкарских диалектов можно принять так называемое „цоканье" и „зоканье". Эти два явления неразрывно связаны одно с другим.

Они характерны, главным образом, для жителей Черекского ущелья.

1. В словах, где в литературном языке употребляется звук *ч*, в черекском диалекте ему соответствует звук *ц*.

Эта замена показана в следующих примерах:

черек. *цыфцых*—воробей,	лит. *чыбчыкъ*
„ *цагъыр*—вино,	„ *чагъыр*
„ *цана*—сани,	„ *чана*
„ *ацхыц*—ключ,	„ *ачхыч*
„ *ац*—открой,	„ *ач*

2. Звуку *ж* в начале слов литературного языка соответствует звук *з*.

черек. *зол*—путь, дорога,	лит. *жол*
„ *зауун*—дождь,	„ *жауд*
„ *зау*—1) масло, 2) враг,	„ *жау*
„ *заз*—1) лето, 2) пиши,	„ *жаз*
Ол письмо зазды—он написал письмо,	лит. *ол письмо жазды.*

3. Переход губных взрывных *б* и *п* литературного языка в губной спирант *ф*.

черек.	*цаф*—беги	лит. *чаб*
„	*цафрах*—лист	„ *чапракъ*
„	*цефхен*—черкеска, сукно местное	„ *чебген*
„	*келиф*—придя	„ *келиб*
„	*тефсерге*—танцевать	„ *тепсерге*

4. Переход взрывных *къ*, *гъ* и *к*, имеющихся в литературном языке, в спирант *х*.

Если звуки *къ* и *к* окажутся в конце слова, то этот переход наблюдается главным образом перед следующим аффиксом:

черек.	*тараку*—гребень, расческа	лит. *тараку*, но
	тарахцыхны берци—дай-ка расческу	„ *тараку̀чыку̀ны* берчи.
„	*садах*—лук	„ *садакъ*
„	*къысцых*—девочка	„ *къызчыкъ*

5. Форма типа *этхент* (сделать) очень распространена в Черекском ущелье, как и в других говорах балкарского языка. Она употребляется вместо лит. *этгенди*:

черек.	*кёргент*—он увидел	лит. *кёргенди.*
„	*къайтхант*—он вернулся	„ *къайтханды*
„	*тургъант*—он встал	„ *тургъанды.*

ХУЛАМО-БЕЗЕНГИЕВСКИЙ ДИАЛЕКТ

1. Цоканье. Звуку *ч* литературного языка в Хуламо-безенгиевском диалекте соответствует звук *ц*.

Эта замена наблюдается в следующих вариантах:

хулам.-без.	*цана*—сани	лит. *чана*
„ „	*церен*—сноп	„ *черен*
„ „	*кец//кеч*—вечер, прости	„ *кеч*
„ „	*юцюсюн*—троих	„ *ючюсюн*
„ „	*берци//дерчи*—дай-ка	„ *берчи*

2. Зоканье. Звуку *ж* литературного языка соответствует звук *з* (иногда существуют параллельно формы с *з* и с *ж*), но это соответствие непоследовательно, как и звук *ц*:

хулам.-без.	*зохту//жохту*—нет	лит. *жокъду*
„	*зюз//жюз*—сто	„ *жюз*
„	*зол//жол*—дорога, путь	„ *жол*
„	*зюген//жюген*—уздечка	„ *жюген*

3. Непоследовательный переход губных согласных *б* и *п* литературного языка в губной спирант *ф*:

хулам.-без.	*барыф//барып* — поехав	лит. *барыб*
„ „	*уруф//уруп* — ударив	„ *уруб*
„ „	*болуф//болуп* — став	„ *болуб*

4. Переход теоретически предлагаемого *к*, *г* в *х*:

хулам.-без.	*кесхенди* — он порезал	лит. *кесгенди*
„ „	*этхенди* — он сделал	„ *этгенди*

ӧл кесине жангы юй этхенди — он себе построил новый дом, лит. *ол кесине жангы юй этгенди.*

5. Встречается и нарушение гармонии гласных. Это явление отмечено в отдельных словах:

хулам.-без. *козуне* — в его глаз лит. *кёзюне*
„ „ *халде* — в виде „ *халда*

6. Во множественном числе обычно встречаются формы:

-лар, -лер — вместо литературного *-ла*:

хулам.-без. *адамлар* — люди лит. *адамла*
„ „ *ишчилер* — рабочие „ *ишчиле*

Звук *р* не исчезает и в глагольных формах.

хулам.-без. *болур* — будет лит. *болу*
„ „ *келир* — он придет „ *кели*
„ „ *жашагъандылар* — пожили они „ *жашагъандыла*

7. Переход *к* (среднеязычного) в особый звук, приближающийся к *кь* (ввиду чего следующий гласный звук произносится „твердо"). Обозначим этот особый звук через *к*.[1]

хулам.-без. *кырип* — войдя лит. *кириб*
„ „ *кышы* — человек, мужчина „ *киши*
„ „ *кэлгенди* — он пришел „ *келгенди*

8. Замена звука *м* звуком *н*, как и в Балкарском ущелье.

хулам.-без. *барайын* — пойду-ка лит. *барайым*
„ „ *жетеин* — догоню-ка „ *жетейым*

Как видно из примеров, это явление наблюдается в конце слова. Здесь, очевидно, мы имеем параллельный вариант к личному аффиксу *-ым*. Употребление *-ын* вместо *-ым* характерно и для туркменского языка.

9. Замена указательного местоимения *ол* (этот, он) через *о*:

хулам.-без. *о кеце* — в ту ночь лит. *ол кече*
„ „ *о зашны* — того мальчика „ *ол жашны*

Формы *ол* и *о*, конечно, восходят к одному источнику. В этом отношении тюркские языки распадаются на две группы: в одних встречаются *ол*, в других — *о*.

10. Замена вопросительного аффикса *-мы* аффиксом *-ны* после предыдущего *м*.

хулам.-без. *барайынны* — пойти ли мне лит. *барайыммы*
„ „ *къарайынны* — посмотреть ли мне „ *къарайыммы*

11. Послелог *сора* — потом употребляется в форме *сонгура*.

хулам.-без. *аннан сонгура* — потом, после этого, лит. *андан сора*.

Форма *сонгура*, очевидно, более архаичная: *сора* образовалась из *сонгура* через выпадение безударного гласного *у* и согласного *нг*. Такое изменение слова *сонгура* — *сонра* встречается во многих тюркских языках.

---

[1] В данном случае такое произношение *к* соответствует произношению этого звука в Чегемском ущелье, где он более распространен, чем в Хуламо-Безенгиевском.

12. В родительном падеже ед. ч. имен существительных с аффиксом принадлежности 1 лица ед. ч. фактически произносится двойное (долгое) *м*:

хулам.-без. *анаммы* — мою мать лит. *анамы*
„ „ *атаммы* — моего отца „ *атамы*

Здесь мы имеем, очевидно, ассимиляцию *м* + *нм* + *м* в более древней форме родительно-винительного падежа *анам-ны*.
Таким образом, из *анам-ны* получилось *анам-мы*.

Диалектальные особенности Чегемского ущелья

В чегемском говоре „чокают" и „жокают". Здесь, как и в литературном языке, звуку *з* Балкарского ущелья соответствует звук *ж* и звуку *ц* — звук *ч*.

черекск. *зууургъан* — одеяло, чегем. *жууургъан*
„ *зол* — дорога, путь „ *жол*
„ *целек* — ведро „ *челек*

1. Для Чегемского диалекта особо характерно то, что в произношении вместо *к* слышится более задний его вариант, ввиду чего следующее *и* звучит почти как *ы* (обозначим этот согласный условным знаком к̄).

чегем. *ким* — кто, лит. *ким*
„ *кирпик* — ресница „ *кирпик*
„ *киштик* — кошка „ *киштик*

2. Звук *е* (переднего ряда)после начального *к* несколько отодвигается назад в противоположность литературному произношению и слышится почти как *э* (условный знак *э*).

чегем. *кэрек* — нужда лит. *керек*
„ *кэзлеу* — родник „ *кезлеу*
„ *кэл* — приходи „ *кел*

3. Звук *е*, небных переднего ряда, губной после *к* слышится как средний звук между *о* и *е* (условный знак *ӧ*).

чегем. *кӧл* — озеро лит. *кёл*
„ *кӧмюр* — уголь „ *кёмюр*

4. *ю* (*у*) после начального *к*[2] произносится, как звук более заднего ряда, и в противовес литературному произношению слышится, как нечто среднее между *у* и *ю*.

чегем. *куз* — осень, лит. *кюз*
„ *кул* — зола, „ *кюл*
„ *куф* — корзина, „ *кюф*

5. В Чегемском диалекте, как и в остальных диалектах балкарского языка, можно наблюдать выпадение звука *л* в указательном местоимении. По всей вероятности, это явление можно объяснить тем, что вместо *ол* прежде в балкарском языке употреблялось *о* (тот).

[2] В произношении чегемского говора звук *к* во всех вариантах приближается к заднеязычному звуку *къ* и занимает среднее положение между *къ* и *к*, например, в кабардинском языке: *кэрэк* — револьвер. Эта особенность в произношении звука *к* и его влияние на указанные гласные не вошли в норму литературного языка.

Это явление особенно ярко наблюдается в тех случаях, когда личное местоимение *ол* стоит рядом с существительным.

чегем. *о кэче* — в ту ночь лит. *ол кече*
„ *о къонакъ* — тот гость „ *ол къонакъ*

6. Выпадение согласного *л* в середине слова наблюдается редко:

чегем. *богъанды* — он был лит. *болгъанды*
„ *босун* — пусть будет „ *болсун*

Это явление часто наблюдается в кумыкском языке.

7. Форма *гъант* вм. *гъанды*:

чегем. *ишлегент* — он работал лит. *ишлегенди*
„ *баргъант* — он пошел „ *баргъанды*.

8. Встречаются формы на *-лар*, например:

чегем. *алар* — они лит. *ала*

9. Употребление *и* вместо *ю* отмечено в

чегем. *тирмен* — мельница лит. *тюрмен*.

Такая замена является редким явлением в балкарском языке.

Баксанский диалект

1. Первая особенность Баксанского диалекта та, что вместо *ж* других диалектов здесь произносят *дж* с сильной палатализацией или смягчением, в результате чего последующий узкий гласный *ы* также „смягчается" или переходит в звуки переднего ряда.

бакс. *джил* — год лит. *жыл*
„ *джер* — земля „ *жер*

2. В Баксанском диалекте часто выпадает звук *л* (как и в кумыкском языке), а также конечное *н*:

бакс. *босада* — все-таки лит. *болсада*
„ *келси* — пусть придет „ *келсин*
„ *босу* — пусть будет „ *болсун*.

3. В Баксанском диалекте, как и в других, произносят *о* вместо *ол*.

бакс. *о къатын* — та женщина лит. *ол къатын*
„ *о киши* — тот человек „ *ол киши*

4. Встречается форма *-лар* вместо *-ла*:

бакс. *къонакълар* — гости лит. *къонакъла*
„ *адамлар* — люди „ *адамла*

Современный карачаево-балкарский литературный язык сложился на почве Баксанского, Карачаевского и Чегемского диалектов.

Черекский и Хуламо-безенгиевские диалекты по произношению стоят дальше от современного литературного языка. Но, несмотря на расхождение с современным литературным языком, Черекский и Хуламо-безенгиевский диалекты сохранили наиболее древние особенности языка. Поэтому для изучения истории языка, больше всего фактического материала дает именно Черекский и отчасти Хуламо-безенгиевский диалекты.

Литературный карачаево-балкарский язык ориентируется на Баксанский, Карачаевский и Чегемский диалекты, но и в этих диалектах есть особенности, которые не вошли в современный литературный язык.

Особый звук черекского диалекта *ц*, который отсутствует во многих тюркских языках, а также в Чегемском, Баксанском и Карачаевском диалектах, не вошел в систему звуков современного литературного языка. Этот звук вошел в современный литературный язык другим путем: путем усвоения в революционную эпоху целого ряда советизмов и интернационализмов. Например: *социализм, революция, конституция, авиация* и т. д.

В революционную эпоху начальное *з* было усвоено за счет многочисленных интернационализмов и советизмов. Например: *завод, завхоз, заместитель, завмаг, закон* и т. д. Вместо звуков *ц* и *з* литературный язык принял в качестве нормативных те звуки, которые имеются в Баксанском и Чегемском диалектах (отчасти в Хуламо-безенгиевском), т. е. вместо *ц* — *ч*, а вместо *з* — *ж*.

В области морфологии. Вспомогательной глагол не сливается с главным:

вместо *бараелле* в лит. языке *бара эдиле* — они шли.

„ *къалаелле* „ *къала эдиле* — они оставались

В отношении синтаксиса отметим, что разница между литературным языком и диалектами сугубо количественная.

Синтаксис литературного языка, естественно, является более сложным, но развивается он, исходя из тех основ, на которых построен синтаксис диалектов.

Обычно для разговорного карачаево-балкарского языка характерны короткие предложения. Кроме того, при анализе синтаксиса литературного языка нужно учитывать и значительное влияние русского синтаксиса.

На основании лингвистических фактов можно охарактеризовать диалекты или говоры современного карачаево-балкарского языка следующим образом; современный балкарский язык делится на ряд диалектов или говоров, более или менее отличающихся друг от друга, а также от современного литературного языка. В свою очередь эти четыре диалекта можно объединить в два наречия, а именно: Черекский и Хуламо-безенгиевский диалекты более близки между собой, чем Черекский и Баксанский диалекты и в фонетике и в лексике, а последний очень близок к Чегемскому диалекту. Таким образом, мы можем характеризовать балкарский язык, как состоящий из двух крупных наречий (черекско-хуламо-безенгиевского и чегемско-баксанского).

Литература, посвященная изучению балкарского языка, очень ограничена, а по диалектам — почти отсутствует.

Итак, мы вкратце охарактеризовали все говоры современного балкарского языка, сопоставив их между собой и с современным карачаево-балкарским литературным языком.

Д. Ф. ПАТАЧАКОВА

(*Абакан*)

Мне хотелось бы в связи с отдельными докладами настоящего совещания обратить внимание товарищей-тюркологов на некоторые материалы из диалектов хакасского языка.

Историко-этнографические данные говорят о разнородном этническом составе современного хакасского народа. Возможно, это является одной из причин сложных переплетений языковых явлений различного происхождения. Приведу примеры из области лексики и фонетики.

Возьмем, например, слова, связанные с понятием *народ*. Само понятие *народ* во всех диалектах хакасского языка обозначается словом *чон*, как в тувинском, шорском и алтайском языках, проникшим в них из монгольского языка.[1] Наряду с этим в значении народ, народные массы также во всех диалектах употребляется древнетюркское слово *ил* (*эл*), широко распространенное в языке орхоно-енисейских памятников письменности, арабское слово *халых*[2], как и в большинстве других тюркских языков, и монгольское *албаты*[3], как в тувинском и алтайском языках.

В устном народном творчестве и в устном разговоре в значении народ также встречаются слова *арға* (*аргал*) и *чат* с оттенком „чужой", „иной": *аргал чірінде* — на земле чужого народа, *чаттың палазы* — дитя чужого народа, *аргалныңьмала* — скот чужого народа.

Приведу второй пример. Понятие *бумага* в хакасском языке также обозначается несколькими основами. Во всех диалектах, как и в тувинском языке, имеется *пічік*, слово древнетюркского происхождения. Параллельно с *пічік* в Сагайском диалекте и некоторых говорах Качинского диалекта бумага обозначается различными фонетическими вариантами слова *чачын*, которое имеется в тувинском, шорском, а также наряду с *хагас* в алтайском и татарском языках. *Чағын*, по данным Н. Ф. Катанова, относится к монгольским заимствованиям.[4]

В одном из говоров Качинского диалекта, где совершенно неизвестно *чағын*, понятие *бумага* обозначается словом *кинъьде*, а в языке кызыльцев — словом *хағас*.

Общеизвестно наличие в лексике хакасского языка монгольских, арабских и персидских, а также русских заимствований. Однако наряду с этим в языке хакасов имеются и другие лексические эле-

---

[1] Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 235.
[2] Там же, стр. 236.
[3] Там же, стр. 235.
[4] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка..., Казань, 1903, стр. 32—38.

менты. В своей статье „К вопросу об этногенезе хакасов" („Уч. зап. ХакНИИЯЛИ", вып. VII) доцент Московского университета. Л. Р. Кизласов убедительно доказывает угорское и самодийское происхождение многих хакасских топонимических названий. Это подтверждается и в работах проф. Томского пединститута А. Б. Дульзона, посвященных языку чулымских турок.

Фонетические и лексические соответствия можно наблюдать и между отдельными хакасскими и китайскими словами. Например, хакасское *азыр* — раздвоенный, и китайское *арылу* — два пути, хак. *тан* — заря, рассвет и кит. *дань* (*тан*) — утро, *даньмин* — рассвет, первый проблеск зари; хак. *сын*, *сынырға* — пристально, осуждающе смотреть и кит. *чын* — пристально смотреть и т. д.

И вполне закономерным мы считаем лексическую общность современного хакасского языка с языком памятников древней енисейской письменности.

Для сравнения я привожу слова одного из памятников, взятых из работы С. Е. Малова „Енисейская письменность тюрков". В памятнике содержится 36 слов, и все они имеют свои соответствующие слова и даже грамматические формы в современном хакасском языке.

Слова памятника	Слова совр. хакас. яз.
1. *куйда* — в тереме	*куй* — пещера
2. *оглум* — сын мой	*оғлым*, *олғым*, *оғылым* — сын мой,
3. *адырылтым* — отделился	*азырылдым* — отделился, отделался, отклеился
4. *йүз* — сто	*чүс* — сто
5. *кадышым* — товарищ от *хада*	*хада* — вместе, совместно
6. *үчүн* — ради, из-за, так как, то	*үчүн* — в том же значении,
7. *эрен* — герой	*ирен* — мужчина,
8. *көк* — голубой	*көк* — голубой, синий
9. *теңірде* — на небе	*тигірде* — на небе
10. *күн* — солнце	*күн* — солнце, день
11. *ай* — луна	*ай* — луна, месяц
12. *йеріме* — от земли моей	*чиріме* — земле моей
13. *каныма* — хана	*ханыма* — хану, царю моему
14. *эліме* — государства	*иліме* — народу
15. *бөкмед*(*ім*) — не насладился	*пөгібізерге* — сидеть притаившись, притихнув
16. *алтунлығ* — золотой	*алтынныг* — золотой, золотом
17. *белімке* — у поясницы	*пиліме* — пояснице своей
18. *бантым* — привязал	*палғадым* — привязался, подвязался
19. *тоқуз* — девять	*тоғыс* — девять
20. *кырк* — сорок	*хырых* — сорок
21. *йашым*(*та*) — лет, возраст	*час* — лет, возраст
22. *кулуг* — именитый	*күлүк* — мудрый, умный, ловкий
23. *бег* — князь	*пиг* — князь, начальник
24. *кара будуным* — мой весь народ	*хара суреелиг чон* — множество народу
25. *катығланың* — будь тверд	*хатығланарға* — быть строгим
26. *йок* — не, нет	*чох* — не, нет
27. *секіз* — восемь	*сигіс* — восемь

28. *эр*—герой
29. *төрт*—четыре
30. *адак*—нога
31. *йылкым*—лошадь моя
32. *адахлыг*—имеющий ноги
33. *буңым*—печаль моя
34. *өлдім*—умер я
35. *атыма*—от коней моих
36. *мен*—я

ир—муж, мужчина
төрт—четыре
азах—нога
чылғым—лошадь моя
азахтыг—имеющий ноги
мун,нанарға—мучиться, страдать
өлдім—умер я
адыма (от *ат*)—коню моему
мен, мин—я

Очень интересны некоторые фонетические расхождения в диалектах хакасского языка. По соответствию звуков *д-т-з* хакасский язык относится к группе „*З*". Но вот в сагайском диалекте вместо *азынарға* вдруг встречаем *адынарға* — широко раскрывать рот. Как это объяснить? Влияние ли это языка древних соседей сагайцев (я имею в виду тувинцев) или *д* в интервокальном положении было свойственно языку сагайцев или бельтырцев издавна. Нам кажется более вероятным последний вариант.

Адынарға сейчас воспринимается как неразложимая основа с определенным лексическим значением. Продуктивного словопроизводства оно не дает. Можно предположить, что застывшая форма *адын—адынарға* сохранила признак какой-то определенной ступени развития фонетики хакасского языка.

Другие фонетические явления. Конечное *с* при слово- и формообразовании в современном хакасском языке переходит в *з*. Это продуктивное явление. Однако, наряду с этим в застывших основах вместо ожидаемого звука *з* мы имеем иногда *л*. Например, понятие „прорубь" обозначается во всех диалектах словом *тилт!*, а само действие, результатом которого является *тилт!*, произносится как *тизерге*. В основах *тиз* (из *тис*) и *тил* опять же в непроизводной основе наблюдается соответствие звуков.

По отдельным диалектам встречаются еще и другие случаи соответствия *с* и *л*. К. М. Патачаков в своей книге „Культура и быт хакасов"[1] описывает один из охотничьих обрядов сагайцев под названием *пус тутханы*. При совершении этого обряда над головой поднимается только что снятое с огня мясо. От мяса клубами идет пар. Выражение *пус тутханы* с язано с клубящимся паром. *Пус* в значении *пар* в хакасском языке не употребляется, а производное от него слово *пула*— клубится, воспринимается как непроизводная основа. Из сопоставляемых основ одна опять же не является самостоятельной морфологической и лексической единицей в современном хакасском языке. Но она могла быть самостоятельной в прошлом.

Случаи соответствия звуков *с* и *л* мы склонны считать также субстратом самого хакасского языка.

Теперь—чередование *р* и *з*. Это относится к вопросу, который был задан тов. Рустамову. Я хочу привести лишь примеры, говорящие в пользу первичного *з*. Дело в том, что в хакасском языке сохранилось одно и то же слово с чередующимися *с(з)* и *р*: *көс* в значении ушко иголки и глаз (в произведениях устного народного творчества). С основой *көс* встречается и целый ряд других слов, считающихся также неразложимыми:

---

[1] К. М. Патачаков. Культура и быт хакасов (XVIII—XIX вв.), Абакан, 1958, стр. 95.

іңе көзі—ушко иголки
көзенек—окно
көзеңе—занавес
көзіне—служебное слово, обозначающее чье-либо присутствие
көзірхат—костеника
көс—уголь
көстирге—прицеливаться.

Продуктивное словопроизводство дает *көр:*
көр—көрерге—видеть, смотреть
көрім—вид
көріг—виденье
көригчі—ясновидящий, знахарь
көріс—взгляд
көріндес—зеркало

И, наконец, вопрос чисто организационного характера. У нас очень плохо обстоит дело с обменом литературы между отдельными республиками. Весьма отрадно, конечно, что на данном совещании нередко слышится слово „хакас", приводятся материалы из хакасского языка. Но, к сожалению, чувствуется, что многие товарищи пользуются лишь данными Катанова, Радлова, Кастрена и т. д. А это, как говорил казахский товарищ, не всегда отражает особенности современного состояния языков.

Наш институт все свои издания регулярно рассылает во все родственные по профилю институты. А из республик нам очень редко высылают. Если бы был хотя бы этот обмен регулярным, диалектологи могли бы иметь больше материалов для сопоставления. А отсюда — больше материала для исторически-сравнительного изучения тюркских языков.

В. И. АСЛАНОВ

(*Баку*)

Весьма содержательные доклады М. Ш. Рагимова „Сравнительно-исторический метод и изучение диалектов тюркских языков" и Р. А. Рустамова „Роль диалектных данных азербайджанского языка при разработке сравнительной грамматики тюркских языков" взаимно дополняют друг друга.

Упрек Р. А. Рустамова тому, что в советской тюркологической литературе не уделяется должного внимания диалектным данным при разработке сравнительной грамматики (следовательно, и исторической грамматики) тюркских языков справедлив и с ним нельзя не согласиться.

Однако следует отметить тот факт, что и в диалектологических работах пренебрегают историей языка, т. е. историческим развитием грамматического строя языка диахроническим языкознанием.

На наш взгляд, диалектологическая работа, если она рассматривает явление, наблюдаемое в изучаемом диалекте синхронно, просто сопоставляя его с фактами современного состояния литературного языка, не может быть глубоко научной, она может носить лишь описательный характер.

Все сказанное относится и к работам, посвященным историческому исследованию грамматического строя языка в той же степени, если в них не учитываются данные диалектов.

В диалектологических работах не следовало бы фиксировать лишь тот факт, что, мол, такая-то грамматическая категория в данном диалекте выражается так, а в отличие от него в литературном языке — этак. Исследователь должен дать научно обоснованный ответ на все факты, наблюдаемые в том или в ином диалекте, отличные от литературного языка, что нельзя делать без учета исторического развития грамматического строя языка.

Данные диалектов являются одними из основных источников, опираясь на которые лингвист строит свои выводы. В младописьменных же языках (имеются в виду те языки, которые не имеют письменных памятников) диалектные данные являются основным материалом для изучения истории языка.

Разумеется, мы в своем кратком выступлении вовсе не намерены давать теоретическую основу применения данных диалектов при изучении истории языка и наоборот. Рассмотрим лишь на отдельных примерах, какое практическое значение имеют диалектные данные для изучения истории языка.

В Казахском диалекте азербайджанского языка говорят: *Билмәдим, даг кетди, аран кетди. Узах мы кедерсән?*

В азербайджанских народных сказках часто встречаются: *Аз кетди, үз кетди, дәрә, тәпә, дүз кетди.*

В этих примерах слова *дағ, аран, үзахмы, дәрә, тәпә, дүз* вместо ожидаемого дательно-направительного падежа употреблены в абсолютном падеже, т. е. в основном падеже.

Употребление при глаголах движения абсолютного падежа вместо ожидаемого дательно-направительного является характерным как для языка древних памятников, так и для некоторых современных тюркских языков. Именно на основе таких примеров лингвист может прийти к выводу, что было время, когда вместо современных пространственных падежей употреблялся падеж прямого дополнения.

Известно, что послелог *сонра* требует исходного падежа. Однако в „Диване" М. Кашгари встречаются случаи, когда аффикс исходного падежа выражает также значение послелога *сонра:* اَنْدَنْ اِيْدِم—затем я сказал.

В Казахском диалекте встречается: *Ишңи гутар, оннан кет*—кончай работу, затем пойди.

В этих примерах *сонра* после *андан, оннан* не употреблено.

Тавтологическое употребление одного и того же аффикса при одном и том же слове — редкое явление. В памятнике в честь Тоньюкука, в котором аффикс исходного падежа почти не встречается, находим такое предложение: *Оγuzdantan körüg kälti*—от огузов пришел лазутчик.

В Казахском же диалекте говорят:—*Мән ону чохданнан таныjерам*—я давно его знаю.—*Сән мәни кәждәннән дурғуз*—ты разбуди меня пораньше.—*Бу ишә индидәннән башламалыjых.*—Мы сейчас же, должны приступить к этой работе.

Как видно, аффикс исходного падежа *-дан* в приведенных примерах употреблен тавтологически: *-дан-дан.*

Эти факты, разумеется не могут быть случайным совпадением. Они имеют свою причину, следует только раскрыть ее, что и является задачей лингвистов.

Нам хотелось бы остановиться лишь на роли лексики Казахского диалекта (следовательно, и других диалектов) при сравнительно-историческом изучении языка.

В. В. Радлов в „Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen" (1906), Т. Рамстедт в „Zur Verbstamm bildungslehre der Türkisch Mongolischen Sprachen" (JSFO, 1912), Б. Атай в „Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme" (1942) утверждают, что все исконно тюркские слова были некогда исключительно односложными. В современных тюркских языках имеются такие многосложные слова, установить архетип которых представляет большие трудности. Возьмем, например, слово *илыг*—теплый. В Казахском диалекте употребляют *суjу илит*—согрей воду; *Су илинди*—вода согрелась. Следовательно, корень слова *илыг* восходит к *ил.* (Рассуждение об идентичности корней *исти* и *илыг* — это предмет особого разговора).

Слово *динч*—спокойный не может быть первообразным, ибо, на наш взгляд, слова с конечными двумя согласными не могли быть в языке-основе.

В Казахском диалекте встречается *jел динди*—ветер утих, *суди-нди*—вода стала спокойной. В „Диване" М. Кашгари читаем:

تای اتسا ات تنور اغول ارڈسا اتا تنور ـ когда жеребенок вырастает, лошадь находит покой. Когда сын вырастает, отец находит покой.

Отсюда ясно, что корень прилагательного *динч* восходит к глаголу *дин*.

В „Диване" М. Кашгари слово *тӱпи* в предложении *тӱпи јығачығ ағдарды* употребляется в значении „сильный ветер, ураган". В современном азербайджанском литературном языке *тупи* не встречается, однако оно употребляется с незначительным фонетическим изменением в Казахском диалекте.

Имеющееся в памятниках в честь Тоньюкука и Кюль-Тегина слово *јадағ*—пеший не сохранилось в азербайджанском литературном языке. Оно употребляется в Казахском диалекте в форме *јәах*.

Глагол *икәш*—пререкаться, встречающийся в „Диване" М. Кашгари, не имеется в узбекском и азербайджанском литературных языках. Об этом глаголе Муталлимов пишет: *Экашти сӱзи х,озир кӱлланмаиди*. Глагол *икәш* в том же значении употребляется в Казахском диалекте.

В памятнике в честь Кюль-Тегина встречается глагол *ар*—прельщать, соблазнять, форма на *-маг* которого сохранилась в Казахском диалекте, т. е. *армах*.

Глагол *јаз* в памятнике уйгурского письма имеет значение „погрешать, ошибаться... В Казахском диалекте глагол *јаз* в этом же значении сохранился только в сочетании *гыл јазды*.

Можно было бы увеличить количество аналогичных примеров. Нам кажется, что и приведенные выше случаи дают достаточно ясное представление о роли лексики в изучении истории языка.

Т. И. ГАДЖИЕВ

(*Баку*)

Как отметил в своем докладе проф. М. Ш. Ширалиев, говоры Джебраильского района относятся к числу переходных говоров между западными и южными говорами азербайджанского языка. Эта близость соответствует и территориальным отношениям и языковым фактам. Неоднократные наблюдения и исследования, сделанные нами, вполне подтверждают это положение.

Кстати, этот факт, т. е. наличие переходных говоров, как бы отвечает еще раз тем лицам, которые отрицают существование диалектов в азербайджанском языке. Значит, в азербайджанском языке не только есть отдельные диалекты и говоры, имеющие свои определенные особенности, но есть и говоры, обладающие специфическими особенностями групп соседних говоров и диалектов.

Особенности западной группы, встречающиеся в Джебраильских говорах.

1. В первых и последних слогах закрытый *и* переднего ряда, переходит в *ы* заднего ряда: *чыж*, *чәрчыва*, *гыјмат* и др.

2. Открытый *ə* переднего ряда переходит в открытый *а* заднего ряда: *сäлга*, *чијар*, *махмәр*, *зајыф* и др.

Эта особенность встречается и в казахском литературном языке: *сардар*, *хабар*, *сабыр* и др.

3. В говорах Сирик и Халафли в интервокальной позиции и перед звонким согласным *б* переходит в *в*: *дывыр*, *ова*, *јава*, *Авдылла* и др.

4. В интервокальном положении, перед звонким согласным и в конце односложных слов африкативный *ч* переходит в *ж: бажы*, *бажа*, *кеж*, *мәжмур* и др.

5. В аффиксах принадлежности и лица сонорный *н* заменяется велярным *н*, (в говорах сел. Даг Тумас и Газан Зами): *көзүн*, *көзүнүз*, *кәлдин*. *кәлдиниз* и др.

Древний кыпчакский элемент—велярный *н*, широко употреблялся в прежних этапах азербайджанского литературного языка, ныне он остается в туркменском, кумыкском, башкирском и в других языках с кипчакскими элементами.

6. В говорах сел. Боюк Мерджанлы, Овуслу, Софулу в словах, оканчивающихся на гласный в винительном падеже вместо литературного *н* употребляется соединительный согласный *j*: *гузују*, *балтыјы*, *дәһријн* и др.

Эта особенность, встречающаяся на ранних этапах азербайджанского литературного языка, в настоящее время является живой особенностью турецкого литературного языка.

7. Категорическое будущее время употребляется с элементом *ж; алажам, кәләжәм* и др. Такое явление характерно для кумыкского литературного языка.

8. Ряд архаизмов, употребляемых в западных говорах, встречается и в джебраильских говорах: *гәлби*—высокий, *малаза*—ангина, *исмаррамах*—поручить, *түләмәх'*—линять, *гут* (в разных значениях) и др.

Особенности южной группы, встречающиеся в джебраильских говорах:

1. В начальных слогах полуоткрытый *е* переходит в открытый *ә: әв, сәвки, чәвих', нәвит* и др.

2. Огубленный открытый *о* переходит в неогубленный открытый *а: гаһам, давга, дафшан, гавырмах* и др.

Эта особенность встречается и в турецком литературном языке: *tavuk, av, tavşan* и др.

Та же особенность встречается в истории нашего литературного языка прошлых веков:

Шүкр ejлә, Хәтаи, чүн сәнинлән
Ол шаһиди—Меһрибан гавышды

(Хатаи)

Авчысы олмушам сән тәк маралын

(Вагиф)

3. В начальных и последних слогах слова огубленный открытый *о* переходит в неогубленный открытый *ә: дәвләт, көсәв, әвлат, битәв* и др.

4. В говоре сел. Сирик в начале и середине слов *к* переходит в аффрикативный *ч: чәһриз, чәт, тичан* и др.

5. В том же говоре *к* переходит в аффрикативный *ч: чиланар, чөлчә, чәми* и др. Этот случай встречается и в диалекте Арзурум турецкого языка.

6. В говоре сел. Хоравли в начале слова *х* переходит в *h*: *hоруз, hәндәх', hырмаи* и др.

Тот же случай характерен для турецкого литературного языка: *horoz, hurma, hususiyet* и др.

7. Слова с аффиксами принадлежности 2 лица при склонении в родительном, дательном и винительном падежах употребляются с соединительным *j* (в говорах сел. Дашкесан, Сулейманлы): *әлиjин, әлиjә, әлиjи* и др.

8. В говоре сел. Кичик Мерджанлы глагол в категорическом будущем времени во 2 лице ед. ч., употребляется с аффиксами лица *-ан, -ән*: *алажан, кәләжән* и др.

9. Некоторые архаизмы, употребляемые в говорах южной группы, встречаются и в говорах Джебраильского района: *худру*—напрасно, только, *гәзилләмәх'*—обмануть, *голаj*—легкий, тяжелый, *пejгәмбәри*—кукуруза и др.

В говорах Джебраильского района, наряду с переходными особенностями, имеются и специфические особенности, которых не встречаем ни в южной, ни в западной группах говоров Азербайджана. Большинство из них не встречалось пока в исследованных азербайджанских говорах. Но можно наблюдать эти особенности в древних памятниках тюркской письменности и в современных тюркских языках.

1. В говоре сел. Сирик *ш* заменяется звуком *с* (в этом говоре вообще нет фонемы *ш*): *ахсам, Саһмар, бес, асых, jасыл* и др.

Этот случай не наблюдался в других исследованных говорах Азербайджана. Соответсвие *ш>с* существует в современном казахском, каракалпакском, ногайском, хакасском, якутском и в других тюркских языках. Та же особенность наблюдается и в древних памятниках письменности тюркских языков.

h, произносимый в интервокальной позиции в других говорах района, в говоре сел. Сирик переходит в *г*: *сағат*, *замағат*, *интиға* и др.

Эта особенность наблюдалась и в материалах казахского, кумыкского, караимского, карачайского и других языков.

3. В говоре сел. Хоравли начальное *h* соответствует звуку *х*: *хамам*, *хачар*, *хасант* и др.

Этот случай широко употреблялся в ранних периодах нашего литературного языка. В настоящее время эта особенность свойственна туркменскому, хакасскому, узбекскому языкам.

В говоре сел. Сирик аффрикативный *ч* соответствует интердентальному *з*: *зан*, *Заввар*, *Мәзит*, *чиз* и др. Этот звук по качеству соответствует башкирскому и несколько туркменскому межзубному *,з*. Вообще соответствие *ч//,з* констатировалось в азербайджанских говорах, но насколько это близко сирикскому *з* пока не совсем ясно. Такое звуковое соответствие встречается и в языке Кодекса Куманикиса. Из доклада У. Алиева мне стало известно, что и в диалектах балкарцев имеется такое соответствие: *чылан>зылан*, *чыл>зыл* и др.

5. В начале слова *j* соответствует звуку *з*: *замбыз*, *зах*, *заман* и др.

Такое соответствие не констатировалось в других говорах Азербайджана. Вообще в древних материалах тюркских языков соответствие *j//з* существует, но это выявляется в середине слова (*азак*—*ajak*).

6. В говоре сел. Гараджаллы в аффиксах принадлежности и лица во 2 лице употребляется фрикативный *ғ* вместо литературного *н*: *атығыз*, *көзуғуз*, *алдығыз*, *кәлирсығыз* и др. Здесь звук *ғ*—развитие старого кыпчакского *НГ*, с редуцированным элементом *н*. В настоящее время такое употребление аффиксов принадлежности и лица существует в кумыкском и башкирском языках. Эта особенность в других исследованных говорах Азербайджана не встречалась.

Личные местоимения *мән*, *сән* в говоре сел. Гараджалы в направительном падеже употребляется в форме *маға*, *саға*, где, как было указано выше, редуцируется *н*. Это констатировалось и в казахском и закатальском говорах.

7. В говорах сел. Солтанлы и Папы настоящее-будущее время употребляется с аффиксами *-ыр*, *-ир*, *-ур*, *-үр*: *алырам*, *алысан*, *алы* и др.

Употребление настоящего-будущего времени с аффиксами *-ыр*, *-ир*, существует в турецком и башкирском языках.

Будучи переходными говорами, говоры Джебраильского района дают богатый фонетический, грамматический и лексический материал для исследователей истории азербайджанского языка а также и других тюркских языков.

В Азербайджанской диалектологии переходные говоры мало изучены. Исследование переходных говоров остается одной из важнейших проблем азербайджанской диалектологии.

Б. П. САДЫХОВ
(Баку)

ХАРАКТЕРНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КЕДАБЕКСКИХ ГОВОРОВ

Из прочитанных докладов стало ясно, что для изучения диалектов и местных говоров того или иного языка следует искать их элементы не только в данном языке, но также и в родственных языках, в их диалектах и говорах. Если мы хотим исследовать какой-либо говор азербайджанского языка, мы должны обратиться к тюркским языкам, к их диалектам и говорам.

Говоры Кедабекского района, над которыми я работаю в настоящее время, относятся к западной группе азербайджанских говоров (к этой группе относятся также казахские, карабахские и гянджинские диалекты.)

Кедабекские говоры отличаются от литературного языка и от других говоров азербайджанского языка фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями.

В кедабекских говорах иначе (не так, как в литературном языке) произносятся звуки $\overset{\wedge}{ч}$, $\overset{\wedge}{д}$, $ч$, $ц$[1].

Звуки в этих говорах, особенно в сел. Кумлу, произносятся как слабый вариант звука $ч\left(\frac{1}{2}т+\frac{1}{2}с=\overset{\wedge}{ч}\right)$. Такое произношение этого звука можно слышать в начале, в середине и в конце слов.

В начале: $\overset{\wedge}{ча}j$— чай, $\overset{\wedge}{ча}jных$— чайник, $\overset{\wedge}{чөрәх}$—хлеб.

В середине: $\overset{\wedge}{чичәх}$—цветок, $\overset{\wedge}{ачмах}$—открывать и др.

В конце слов: $сач$—волос, $\overset{\wedge}{хач}$—крест.

Факты диалектного материала показывают, что, кроме особых отличительных черт, между кедабекскими говорами, тюркскими языками и их диалектами и говорами имеются и общие черты.

В татарском диалекте *тычкан→цыцкан*—мышь, *кочек//коцек*——щенок[2] и в диалектах карачаевцев и балкарцев (*чач→цац*—волос, *чибин→цибин*—муха[3] тоже существует звук.

Звук $\overset{\wedge}{д}$—результат редукции согласного $д$, отличается от литературного мягким произношением. Например: в середине слов: $\overset{\wedge}{дәдә}$—

[1] (^) знак над буквами $ч$ и $д$ показывает смягчение согласного.

[2] Л. З. Залялетдинов. Опорный диалект в образовании татарского языка Изд. АН Азерб. ССР, I Баку, 1956, стр. 24.

[3] У. Б. Алиев. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев. Изд. АН Азерб. ССР, Баку, 1960, стр. 34.

папа, папочка, *көдәх* —низкий, *Әдил*—Адиль, *ғада*—горе, *ғуда* — сват, *кәдә*—маленький мальчик.

В конце слов: *бәд*—плохой, *өд*—желчь, *од*—огонь, *ад*—имя, *дад*—вкус, *јад*—чужой.

Проф. Ширалиев в своем докладе отметил, что этот звук имеется только в Казахском диалекте, но часто употребляется и в айрумских говорах.

Звук *ч* тоже является результатом мягкого произношения звука *ч*, $\frac{1}{2}\,д + \frac{1}{2}\,з = ъ$

Звук *ч* встречается в этом говоре в начале, в середине и в конце слов.

В начале: *чансыз*—досл. тщедушный, слабый, *чәрмә*—штраф, *чанавар*—волк, *чамыш*—буйвол и т. д.

В середине: *бачы*—сестра, *ачы*—горький, *гоча*—старый, *чичи*—бабушка, *гечә*—ночь, *әчәл*—смерть.

В конце: *ач*—голодный, *бич*—хитрый, *кич*—дурной, *кеч*—поздно. Этот звук употребляется и в Нахичеванском диалекте азербайджанского языка.

Звук *н,* сонорный относится к числу самых распространенных звуков кедабекских говоров и отличается от литературного своим произношением.

Звук *н,* в такой согласовке помимо кедабекского говора употребляется и в некоторых родственных языках.

Привожу сравнения:

в кедабекск. гов.	в казахск. яз.	в киргизск. яз.
кон,ул—душа	*кон,јл*	*көн,ул*
јен,и—новый	*жен,j*	*жен,и*
кен,—широкий	*кен,*	*кен,*
мин,—тысяча	*мын,* (*мін,*)[4]	*мин*[5]

в туркменск. яз.	в башкирск. яз.
кон,ул	*кун,ел*
ин е	*ян,ы*
гин,	*кин,*
мун,[6]	*мин,*[7]

г>*ъ*, *j*>*ғ*, *в*>*ғ* и *к*>*г* являются самыми интересными и отличительными фонетическими особенностями в кедабекских говорах. Эти особенности встречаются в айрумских селах.

г>*ғ* в начале слов, например: *ғаз*<*газ*—гусь, *ғар*<*гар*—снег, *ғара*<*гара*—черный, *ғарға*<*гарға*—ворона, *Ғасым*<*Гасым*—Касум, *ғырах*<*гыраг*—крайний; переход *г* в *ғ* встречается в туркменском

[4] М. Томанов. Глагольные сочетания, выражающие временные отношения. Изд. АН КССР, серия филол. и искусств, вып. 1/11, Алма-Ата, 1959, стр. 60, 70.

[5] Э. Абдуллаев. Чаткальский говор киргизского языка, Фрунзе, 1956, стр. 50, 56.

[6] С. Куренов. Некоторые историко-лингвистические сведения о северо-кавказских (ставропольских) туркменах. „Изв. АН ТССР", 1958, № 4, стр. 98—103.

[7] Ж. Кеекбаев. Сингармонизм в башкирском языке, Уфа, 1956, стр. 99.

языке: *ғаз*—гусь[8], казахском, уйгурском (*ғаз*), узбекском (*ғоз*) языках[9].

j>*ғ* встречается в середине слов, например: *иғнə*<*ijнə*—иголка *дүғмə*<*дүjмə*—пуговица, *сөғүт*<*сөjүд*—ива.

Переход *в*>*ғ* наблюдается в середине слова, например: *өғлəт*<*өвлад*—дитя, *сөғмəх*<*севмəк*—любить, *өғдар*<*евдар*—домашний и т. д.

к>*г* встречается особенно часто в начале слов, например: *гəлин*<*кəлин*—невеста, *гəл*<*кəл*—иди, *гөзəл*<*көзəл*—красавица *гөр*<*көр*—смотри, *гөз*<*көз*—глаз, *гүл*<*күл*—цветок, и т. д. Переход *к* в *г* встречается в туркменском: *гөк*, *герек*, *гөр*,*гүл*, *гөрнүш*[10], в каракалпакском: *гүл*, *гөззал*[11], гагаузском: *гӱл*, *геми*, *гит*, *гӧр*[12], уйгурском: *гөзəл*, *гүл*, языках и т. д.

б>*п* тоже является распространенной фонетической особенностью; например: *бишди*→*пишди*—сварился, *бычаг*→*пучах*//*пычах*—нож, *быч-гы*→*пычгы*—пила. Это явление встречается и в родственных тюркских языках.

В ошском говоре киргизского языка вместо *бычак*—нож говорят *пычак*, вместо *быштыы*—сварился, говорят *пыштыы*[13]; в Ногайском диалекте вместо *бышакъ*, говорят>*пышаъ*[14]; в Кумыкском диалекте вместо *бичак* говорят *пичак*[15] и в современном турецком литературном языке вместо *вісак*, говорят *рісак*[16] и т. д.

В кедабекских говорах мы находим такие специфические ***морфологические*** явления, которые не наблюдаются в современном литературном азербайджанском языке (и в некоторых его диалектах и говорах).

При склонении имен существительных сохраняются все правила литературного языка. Но имеются некоторые особенности;

а) существительные, оканчивающиеся на гласные звуки, в винительном падеже принимают окончания *-ды*, *-ди*, *-ды*, *-ду*, *-дү* вместо *-ны*, *-ни*, *-ну*, *-нү*.

Им. *дəдə* (отец, папа),	*бава* (дедушка),	*гапы* (дверь)	
Прит. *дəдə*+*нин*,	*бабанын*,	*гапы*+*нын*,	
Напр. *дəдə*+*jə*	*бабыjа*	*гапы*+*jа*	
Винит. *дəдə*+*ji*	*бабыjы*	*гапы*+*jы*	
Мест. *дəдə*+*дə*	*бава*+*да*	*гапы*+*да*	
Исх. *дəдə*+*дəн*	*бава*+*дан*	*гапы*+*дан*	

[8] Ф. Г. Исхаков., Характеристика отдельных гласных в современных тюркских, языках. По сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 69.

[9] Ф. Г. Исхаков, Тувинский язык. Очерк по фонетике. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 16.

[10] Т. Тэчмырадов, Хэзирки заман түркмен дилинде эсасы функциясындан дашламан дегишлилик аффиксли сөзлер. „Түркменистан ССР-нин, Ылымдар Академиясынын хабарлары", Ашгабат, 1958, 70, 74.

[11] Каракалпакско-русский словарь, М., 1958, стр. 142, 139

[12] Уйгурско-русский словарь. М., 1956, стр. 517.

[13] Г. Бакинова. Ошский говор киргизского языка (на киргизском яз.). Фрунзе, 1956, стр. 35.

[14] Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. Изд. АН СССР. М.—Л., 1940, стр. 31.

[15] Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. Изд. АН СССР. М.—Л. 1930, стр. 3.

[16] А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, стр. 50.

Данная морфологическая особенность существует и в турецком литературном языке, например: *вавауі*—дедушку, *dedeyi*—отца[17] и т. д.

б) При склонении имен существительных, оканчивающихся на согласные „*м*" и „*н*", в исходном падеже ед. ч. прибавляются аффиксы *-нан*, *-нән*, вм. *-дан*, *-дән*), например:

Им. *ы̆лан* (змея)	*дәрмән* (лекарство)	*Сы̆лам* (Ислам)
Прит. *ы̆ланын*,	*дәрмәнин*,	*Сы̆ламын*,
Дат. *ы̆лана*	*дәрмәнә*	*Сы̆лама*—
Вин. *ы̆ланы*	*дәрмәни*	*Сы̆ламы*
Мест. *ы̆ланда*	*дәрмәндә*	*Сы̆ламда*
Исх. *ы̆лан+нан*	*дәрмән+нән*	*Сы̆лам+нан* и т. д.

Простые имена прилагательные отличаются от литературного языка не лексическими значениями, а формами.

Например: *музу—хәсис* (скупой). *гарт—гоча* (старый), *дүдәмә// шыпој—гысабој* (адам) (человек низкого роста), *чымхыр//чыхмыр—халис* (чистый), *пәндој—күт, бачарыгсыз*, (неспособный) *гачыр арыг узун* (худой, высокий), *леги—тәнбәл*, (лентйай), *дамбат—ловға* (*фасонный*).

—Әт чымхыр јағыіды, јәммәдих' әмәлли. (Мясо было чистое сало, не могли кушать досыта).

1. С помощью аффиксов *ух*, *-сүх'* образуются следующие производные прилагательные: *ум+сух—тамаһкар* (алчный), *күн+сүх'—күнвурмуш* (солнечный).

2. С помощью аффикса *-ләмә* образуется производное прилагательное *ифләмә - дәли* (сумасшедший).

3. С помощью аффикса *-вәнт* образуется производное прилагательное *сәј+вәнт—кич* (дурной).

4. С помощью аффикса *-дур* образуется одно производное прилагательное *су+дур—сулу* (сочный).

5. С помощью аффиксов *-чыл*, *-чил*, *чул-чүл* вместо *-чы*, *-чи*, *-чу*, *-чү* например: *гонах—гонах+чыл*— гостеприимный, *кеф—кеф+чил*— весельчак, *догру—догру+чул*—правдивый, *күј—күј+чүл* — суматошный.

—Муса гонахчыл адамды чох—Муса очень гостеприимный человек.

Сы̆лам да кефчил оғланды, дана. Досл. Ислам тоже парень-весельчак.

3. С помощью аффиксов *-ныx*, *-нух'*, *-нүх*, *-нүх'* (вм. *-лыг*; *лик*;*-луг*,—*лүк*), *одун—одуннух*—место для дров, *дән—дәнних'*—зоб, *чан—чанных*—жилетка, *күн—күннүх'*—зонтик.

—Чанныхсыз гы̆шы чыхармахм (ы) олар?—Можно ли без жилетки провести всю зиму?

Сложные прилагательные в этих говорах, состоящие из двух корней, произносятся с одним ударением, например: *гараға̄јы̆ш*—вторая пара быков в упряжке, *алакөз—алө̄з*—зеленовато-голубые глаза, *гаракөз—гарө̄з*—черные глаза и т. д. Порядковые числительные образуются при помощи следующих аффиксов: *-ымчы*, *-имчи*, *-умчу*, *-үмчү* или *-мынчы*, *-минчи -мунчу*, *-мүнчү*, например: *бир+*

[17] А. Н. Кононов. Там же, стр. 40.

имчи//бир+минчи—первый, *доггуз+умчу//доггуз+мунчу*—девятый, *дөрд+умчу//дөрд+мунчу*—четвертый и т. д.

При склонении личных местоимений 1 и 2 лица ед. ч. в дательном падеже звук *ə* заменяется звуком *а*, например: *ман,а//ма//ма'*—мне, *сан,а//сан,а*—тебе.

Переход *ə* в *а* существует и в тюркских языках, в их диалектах и говорах. Этот переход имеется в турецком литературном языке (*вапа*—мне, *sапа*—тебе)[18], в казахском (*ман,а*)[19], в кумыкском (*магъа*)[20], в ногайском (*магъа, магъа*)[21] и в киргизском языках (*мага—маа——маган*; в говорах *-ман'а -ма*)[22] и т. д.

Имеются отличительные черты в глагольных формах: в повелительном наклонении во 2 лице ед. и мн. ч. употребляются следующие элементы: в сел. Мискинли:—*н,нан//н,нəн,-ын,нан, -ин,нəн, -ун,нан,-үн,нəн*, например: *сахланнан*—сохрани, *дең,нəн*—говори, *јатын,-нан*—спи, *кəсин,нəн*—порез, *тутуннан*—держи, лови, *узуннəн*—сорви.

В сел. Айруме: *-ғынан, -ғинəн, -ғунан, -ғүнəн, ығнан, -игнəн, -угнан, -үгнəн, -гынан, -гинəн,-гунан, -гүнəн: сəхлағынан*—сохрани, *деғинəн*—говори, *горуғунан*—карауль, *суруғунəн*—тащи; *ғалығнан*—оставайся, *деғинəн*—говори, *учуғнан*—лети, *өруғнəн*—вязи; *гəлгинəн*—иди, *баггынан*—смотри, *дургунан*—вставай, *гүлгүнəн*—смейся и т. д.

Охун,нан көрəх' нəзылыф мех'дува—читай-ка, что написано в письме. *Ден,нəн көрөм навах кəлдин, шəрдəн?*—Скажи-ка, когда приехал из города? *Vачығнан гөрөм димди о?*—Уходи-ка, посмотрю, кто он такой", *А Гүлшан хош гəлифсин, јанын,дады димди*—эй, Гюльшан, добро пожаловать, а кто это с тобой! (Айр.)

Эти особенности можно видеть и в письменном памятнике, и в произведениях классиков с фонетическими изменениями.

В кедабекских говорах много отличительных особенностей встречается в спряжениях глаголов (сел. Айрум и Мискинли).

При спряжении глаголов в прошедшем времени в 1 и 2 лице ед. ч., сохраняется основа глагола и аффиксы прошедшего времени, а личные окончания изменяются т. е. вместо аффиксов (*-ам, -əм*) в 1 лице принимаются четыре аффикса (*-ым, -им, ум, -үм*), например: *јазмыш+ым*—Я прочитал, *гəлмиш+им//кəлмиш+им*—Я написал, *охумуш+ум*—Я пришел, *гөрмүш+үм//көрмүш+үм*—Я видел, и т. д.

Во 2 лице вместо *-сан,-сəн* принимаются *-сын, -син, -сун, -сүн*; например: *јазыф+сын*,—ты написал, *дуруф+сун*,—ты стоял, *гəлиф+син*,—ты пришел, *гөруф+сүн*,—ты увидел. В 1 лице мн. ч., наоборот, т. е. вместо четырех личных окончаний (*-ыг, -иг, -уг, -үг*) употребляюсся два личных окончания (*-ах, -əх ‖ əх'*), например: *јазмыш+ах*—мы написали, *охумуш+ах*—мы читали, *гəлмиш+əх*—мы пришли, *гөрмүш+əх*—мы видели, а также во II лице мн. ч. вместо *-сыныз, синиз, -сунуз, сүнүз* употребляются только *-сан,ыз, -сəн,из*, например: *јазыф+сан,ыз*—вы написали, *гуруф+сан,ыз*—вы построили; *гөруф+сəн,из*—вы увидели, *гəлиф+сəн,из*—вы пришли.

---

[18] А. Н. Кононов. Грам. сов. турец. лит. яз., стр. 82.

[19] К. Дыйканов. Имя существительное в киргизском языке. Фрунзе, 1955, стр. 93.

[20] Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 76.

[21] Н. Баскакова. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 74.

[22] Г. Бакинова. Справочник по материалу, по диалектологии (на киргизском яз.) Фрунзе, 1955, стр. 30.

В отличие от литературного языка и некоторых диалектов и говоров азербайджанского языка в кедабекских говорах имеются аффиксы настоящего времени, например, в сел. Мискинли и Шыных в ед. ч. *-ер, -ор, -өр -jер, -jор, -jөр; бах+ер*—смотрит, *дур+ор*—стоит, *куд+өр*—следит и т. д. в Айруме: *-ej, -oj, -өj, -ыj, -иj, -уj, -үj, -jej, -joj, -jөj, -jыj, -jej, -jуj-jүj: ал+ej*—получить, купит, *дур++oj*—стоит, *jат+ыj*—спит *бил+иj//пич+иj*—косит, *оху+joj || оху++jуj*—читает, *ишди+jиj*—работает, *ат+ыj*—бросает, *сүрү+jүj*—тащит и т. д.

Во мн. ч. сохраняются все аффиксы и личные окончания в говорах сел. Мискинли и Айрум: в 1 лице *-ык, -ик, -ук, -үк*, а во 2 лице *-сын, -сиn, сун, -сүн;* во мн. ч. *-сан,ыз, -сән,из.*

В сел. Шыных определенно-будущее время глагола образуется с помощью аффиксов литературного языка, но с фонетическими изменениями и отличиями, т. е. вместо *-ачаг, -әчәк* употребляется *-аж, -әж* как фонетические явления аффиксов *-ачаг, -ечәк*, элементы *-аг, -әк* отбрасываются; в элементах *-ач, әч* звук *ч* переходит в *ж*. Таким образом, получается *-аж, -әж*, например: *алажам*—получу, куплю, *алажахсан*,—получишь, купишь, *алажах*—получит.

Навах алажахсын,ыз мүрәббәлих' зоғал базардан?—Когда купите кизил для варенья на базаре? *Көрәжәм нә төр имтан верәжәj Әли*—увижу, как сдаст Али экзамен.

В поселке Кедабек, и в некоторых селах определенно-будущее время образуется с помощью аффиксов *-аж, -әж*. Но интересной и отличительной особенностью является то, что в 1 и во 2 лице мн. ч. употребляются личные окончания в поселке-*ыз, -из* вместо *-ык, -ик*, например: *Биз дә алажызмы о малдан?*—Мы тоже купим тот товар? *Сиз дә дураjызмы бу пиргәдәдә* — Вы тоже будете состоять, т. е. числиться в этой бригаде?

Кедәжизми көбәләк[с] jығмаға сиз дә?—Вы тоже пойдете собирать грибы?

Өз көзүн, үзүнән көрәжиз нечә адамух биз.—Вы увидите своими глазами, какие мы люди

Гәljаммы чәкәжиз joхса кин, папруз?—Трубку вы будете курить или папиросу?

Навах кедәжиз jajлаға?—Когда пойдете на дачу, или когда отправитесь на кочевье?

Во всех говорах Кедабекского района при образовании неопределенно-будущего времени, глаголы, оканчивающиеся на согласные, принимают аффиксы *л* или *р* вместо *-ар, -әр:*

кәл+л+әм//кәл+л+им//гәл+л+им *кәләрәм*—приду
дур+р+ам//дур+р+рум *дурарам*—стою

В сел. Исалы глаголы будущего времени во 2 лице ед. и мн. ч. употребляются с аффиксами *-аш, -әш*. Звук *ш* в аффиксах *-аш* и *-әш* влияет на звук *с* в личных окончаниях (*сан, сән*).

Например: *hарда әкәшшән, гартову, а Гара?* — Где ты будешь сжать картофель, Кара?—*Сән дajын,ын чаны, кәләшшин,иссә хавар елин, гавахчан.*—Ради твоего дяди, если захотите прийти к нам, то заранее сообщите. *Галашшын,ызмы ахшам орда?*—Останетесь ли вечером там? *Дурашшын,ызмы елә савағатам орада тәанын jанында?*—Вы так и будете стоять там у стога до утра?

Но в говоре сел. Кумлы глагол будущего времени в отличие от Шыных, Мискинли и других сел Айрума образуется с помощью от-

личительных и характерных аффиксов *-аччы*, и *-эччы*: *атаччам*—брошу или буду бросать, атаччахсын,—бросишь, будешь бросать, *атаччах*—бросит, будет бросать, например: *Мән бу јајы дағда галаччам нәнәмнән.*—Я в это лето останусь на даче с бабушкой. Үрән, *нәјисдәсә алаччам чанын, һағгы.*—Клянусь твоей душой, что ты захочешь, то и куплю. *Умудунгу үзүв еләмәнгнән гөрәччәм дә, дәччәм дә дан, үзү.*—Не теряй надежды: увижу, скажу на заре. *Алаччахсынгмы тәзә гортофдан сән дә.*—Купишь ли ты тоже свежий картофель? *Дәсин, бачым гызы чох галаччах орда.*—Кажется, долго будет моя племянница там.

Деепричастие в этих говорах отличается от литературного языка, здесь, вместо *-ыб, -иб, -уб, -ү б, -јыб, -јиб, -јуб, -јү б*, употребляются *-ыфнан, -јыфнан, -ифнән, јифнән, -уфнан, -јуфнан, -үфнән, -јүфнән.*

Например:—*Бахыфнан наға јражахсын оннан?*—Посмотрев, что ты будешь делать от того? (Мискинли).—*Кәлифнән кими тапажахсан, кежә вахды?*—придя, кого ты найдешь ночью? и т. д.

Эти деепричастия были употреблены в древнем литературном азербайджанском языке в произведениях классиков и в письменных памятниках с фонетическими отличиями.

Например: —*Галхыбаны јериниздән ијитләрим уру дурун,*—Встав с места, рано вставайте (Китаби Дедә-Коркуд, стр. 20). *Чох јалварыбан чүн јаздым аны.*—Много умоляя, написал то. (Хатаи, „Дэх-намэ", стр. 44). *Мәчнун тутубан рәһи-бијабан.*—Меджнун держал путь к полю, или Меджнун шел по направлению к полю. (Физули, ч. II, стр. 78). *Јалварыбан, јарын көнлүн алмадыг.*—Умоляя, не могли добиться любимой! (Вагиф).

В отличие от литературного языка при образовании деепричастного оборота в этих говорах употребляются следующие элементы: *-ғач||-ғачына, -јәч||-јәчинә.*

в говоре	в литературном	перевод
чатғач	*чатан кими*	дойдя до чего-нибудь
кәлјәч||кәлјәчинә	*кәлән кими*	придя куда-нибудь

Например: *Атам өјә кәлјәчинә анам дағөллады.*—Как только отец дошел до дома, мать послала его на дачу.

В этих говорах употребляются связки *нан, нән* вместо *илә* (*ла, лә*), например: Һәсәннән—с Гасаном, ушахнан—с ребенком, а также следующие междометия: ***Ehe***,—в смысле предупреждения. ***Быjj***!—в смысле воспоминания. ***Бовваj***,—в смысле иронии. ***Ehә***!—в смысле оскорбления, ***Oho***!—в смысле удивления и т. д.

В кедабекских говорах имеются специфические слова, которые редко встречаются в других диалектах и говорах, например: *зола*—палка, *мазала*—кадык, *пампах*—тупой, *көј*.—Слово *көј* имеет два значения в отличие от литературного языка: 1 ***зять***. 2. ***скупой***. Слово ***көј*** в первом значении произносится также и в родственных

языках, например, в туркменском языке *äв*[23], в тюндукском говоре киргизского языка *күйөw*[24], ногайском *куьйев*, *кийев*[25], алтайском *күйү*[26], каракалпакском *күйеу*[27], казахском *күйеу*, башкирском *гүй*, узбекском *куёв*, уйгурском *күйогул*[28].

Слово *гаvа* (старший) в том же значении употребляется в ойротском *ага*[29], татарском *ага*, узбекском *ака*, *ука*, ногайском *ага* уйгурском *ака*, *ука*, башкирском *ағай*, киргизском *ага*, казахском *ага*[30] и т. д.

Кедабекские говоры изобилуют богатым фольклорным материалом: пословицами, стихами, загадками, рассказами, отсутствующими в литературном языке.

Для изучения материалов диалектов и говоров необходимо пользоваться методом сравнительного анализа. Поэтому насущной задачей является углубление и расширение связей между языковедами тюркоязычных республик, обмен литературы и т. д.

---

[23] Изв. Кавказского историко-археологического ин-та, т. IV. Тифлис, 1926, стр. 26.

[24] Э. Абдуллаев. Кыргыз тилинин Чаткал говору, Фрунзе, 1956, стр. 44.

[25] Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М., 1940, стр. 248.

[26] Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1956, стр. 335.

[27] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. М., 1956, стр. 336.

[28] Приведенные примеры заимствованы нами из двуязычных словарей русского и тюркских языков.

[29] Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 32.

[30] Приведенные примеры заимствованы нами из двуязычных словарей русского и тюркских языков.

АКРЕМ ДЖАФАР

(Баку)

Я не диалектолог, а историк языка, но, думаю, историк тоже имеет право выступать на совещании диалектологов, так как ему без изучения диалектов не обойтись. Объектами его исследований, наряду с письменными памятниками, являются также диалекты языка.

Итак, не секрет, что даже и теперь среди нас, историков, имеются люди, которые недооценивают работы диалектологов, недопонимают значения диалектов не только для истории языка, но и для истории самого народа, создателя и носителя этих диалектов. В данном случае я имею в виду недавнее заявление одного из наших видных ученых-историков на открытом заседании Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР. Этот многоуважаемый историк заявил, что „нам незачем заниматься изучением диалектов, так как представители всех наших диалектов хорошо понимают друг друга". Здесь явное недопонимание или непризнание значения языка в жизни общества и сведение его роли лишь к одной функции непосредственной живой коммуникации.

Изучение диалектов имеет для нас целый ряд практических и теоретических значений. Практическое значение диалектов и диалектологии дает о себе знать в нашей повседневной работе в области прикладной лингвистики. В деле обсуждения вопросов орфографии, уточнения и улучшения правописания азербайджанского языка мы очень часто обращаемся к фактам наших диалектов. В деле выбора тех или иных слов или выражений, отдавая предпочтение чему-либо в области литературного языка, мы опять имеем дело с данными диалектов.

Сейчас мы работаем над составлением толкового словаря азербайджанского языка и в процессе работы часто сталкиваемся со словами, стоящими на грани литературного языка и живых народных диалектов. Даже не языковеды, а наши писатели в работе над языком своих произведений, над обогащением и улучшением его на каждом шагу имеют дело с разговорным языком, с материалами народных говоров, задумываются над тем, что можно брать из живой речи, включать в язык произведений литературы и чего нельзя. Известно, что арабский язык является одним из богатейших языков мира. Но история его развития показывает, что он стал таковым еще благодаря максимальному использованию диалектов, привлечению их материалов в литературный язык арабскими писателями и учеными. Все это свидетельствует о том, что изучение диалектов, работа диалектологов имеет серьезное практическое значение в нашей культурной жизни.

Еще больше важна диалектологическая работа в области теоретического языкознания.

Одним из недостатков тюркологии является отсутствие у нас работ по истории наших языков. Нет спора, что для создания истории тюркских языков первостепенным источником, наряду с древнеписьменными памятниками, являются наши диалекты. Без обстоятельного изучения их нам не создать подлинно научной истории наших языков. И для того, чтобы изучать и усваивать языки древнеписьменных памятников нам на помощь приходят опять факты наших диалектов. Посредством же диалектов мы устанавливаем связи между нашими родственными языками. Только этим путем мы идем к созданию истории наших языков и их научных грамматик.

Диалекты ведут нас в глубины истории. Они ставят нас перед трудными вопросами и толкают к исканию путей и выяснению причин многих явлений в наших языках. Например, слово „кукарекать" в азербайджанском языке *банламаг*, в диалектах: *мангламаг*, *магламаг*. Но оно не совпадает ни с одним из тюркских языков. (По-туркменски *гыгырмаг*, по-турецки *өтмек*, по-узбекски *қичирмоқ*, по-казахски *шакыру*, по-тувински *алгырар* и т. д.). Диалектная форма этого слова в азербайджанском языке заставляет думать—не связано ли оно своим корнем со словом *маг*—зороастрийский духовник,—не означает ли *магламаг* подражать магу, т. е. сообщать спящим людям о рассвете, о небесной, божественной вести, что делали маги? Не есть ли это след древнего мидиизма в азербайджанско-тюркском языке? Другой пример. Возьмем такое простое слово азербайджанского языка как *бачы*—сестра, безразлично, старшая или младшая. (В других тюркских языках понятие *сестра* обязательно через два слова разное для старшей и для младшей). Почему этого азербайджанского слова нет в других тюркских языках? Если оно встречается в разговорной речи туркмен, то не есть ли это заимствование из азербайджанского? Ведь у туркмен есть для этого свои слова: *уя*, *аял доган*. В турецком *бачы* по значению не совпадает с азербайджанским. А сестра по-турецки—*абла*, *кыз кардеш*, *хемшире* (из персидского). Однако это слово *бачы* по сообщению акад. В. А. Гордлевского имеется в языке какого-то племени джарджары не тюркского происхождения, живущего около Конии в Анатолии[1]. Куда и каким путем ведет это слово ист рика азербайджанского языка?

Наконец, еще один пример. Слово *чөрәк* (хлеб) в азербайджанском языке. Факт, что азербайджанцы живут в течение тысячелетий с иранцами, фарсами на одной территории, но персидское слово *нан* (хлеб) не было заимствовано азербайджанцами, а между тем казахи и киргизы, стоящие далеко от фарсов, заимствовали у них это слово, потеряв свое тюркское. Какая же история привела казахско-киргизские языки к такому явлению?

Чтобы разрешить бесконечное количество подобных вопросов, выяснить историческую истину, необходимо действовать только сравнительно-историческим методом, опираясь опять-таки на данные диалектов. Только сравнительное исследование приведет нас к созданию истории наших языков по всем отраслям — грамматики, лексики и т. д. Но лучшее из того, что сделано в тюркологии в этом направлении — это, если я не ошибаюсь, „Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", (ч. 1, фонетика, 1955, и ч. 2, морфология, 1956). Эти труды бесспорно представляют огромный шаг впе-

[1] См.. „ДАН СССР", 1927, В, № 5, стр. 111).

ред в нашей науке. Однако удовлетворяет ли нас выполнение этой несомненно ценной работы? Мне кажется, не совсем. В чем их недостатки? По-моему, раньше всего в том, что авторы этих работ не были знакомы с фактами наших диалектов, и при своих суждениях об особенностях того или другого языка не приняли в расчет данных его наречий и говоров. Они черпали свои примеры не из живых тюркских языков, а из одного или двух словарей, орфографических или двуязычных. И это обстоятельство привело наших авторов к неправильным выводам. Конечно, то, что в этих „Исследованиях..." сказано о наших языках — правда. Но это не целая правда о них, а лишь часть правды. Я хочу сказать, что то, что показано в них, приписано, например, азербайджанскому языку, это действительно имеет место в нем, но то, что приписано не ему, а, например, узбекскому языку или уйгурскому, или ногайскому, и это имеется в азербайджанском языке. Другими словами, авторы „Исследований..." правильно указывают на особенности наших литературных языков, но они при этом идут мимо сходств в наших языках в области диалектов. Например, слово *түлкү* (лиса) указано как азербайджанское, а это же слово, только в форме *түлки*—как уйгурское (1, 103), тогда как в азербайджанском в равной мере имеются обе формы этого слова; слово *малы* (скот) с аффиксом принадлежности 3 лица указано как азербайджанское, а *мали* в том же значении—как уйгурское (1, 124), тогда как в азербайджанском языке на равных правах имеются обе эти формы. В азербайджанском есть и *онлар*, и *олар*, и *улар* (они), а в „Исследованиях..." первое причислено к азербайджанскому, второе—казахскому, каракалпакскому и другим, а третье—башкирскому и уйгурскому (П, 214, 215); в азербайджанском есть и *ондан* и *оннан* (от него, от того), а в „Исследованиях..." первое отнесено к азербайджанскому, второе—ногайскому; в азербайджанском есть и *мәнә*, *сәнә* и уйгурское *мана сана*—мне, тебе, и *буну* и узбекское *буни*; в азербайджанском есть и *-лəр*, *-лар*, и *-дəр*, *-дар*, и *-тəр*, *-тар* и др. (суффикс множественного числа), а в „Исследованиях... "первые приписаны азербайджанскому, а другие—другим языкам; в азербайджанском есть и свое и турецкое *ев* (дом) и, пожалуй, в более активном виде, и уйгурское *өj* (дом) да еще и *əв*...

Такие примеры можно приводить без конца. Вот почему я говорю, что в азербайджанском языке имеются особенности и юго-западной, и юго-восточной, и северо-западной, и северо-восточной групп тюркских языков. Вот почему я думаю, что настоящая, полная связь между нашими языками может быть показана лишь тогда, когда наши тюркологи будут знать и учитывать факты живых диалектов, а не только полумертвого литературного языка. Теперь должно быть понятно, почему прав акад. И. А. Батманов, когда говорит, что он вместил в свою классификацию все тюркские языки, кроме азербайджанского языка.

Сложнейший вопрос о классификации решается нашими тюркологами также очень просто. Потому и тут истина весьма условная и относительная. И в этом вопросе полное разногласие между авторами. Классификаторы делят тюркские языки то на две группы (Немет), то на три (Корш), то на четыре (Малов), то на пять (Боровков), то на шесть (Самойлович), то на семь (Богородицкий), то на множество групп и подгрупп (Баскаков) и т. д. И все они одновременно и правы, и неправы. Я уже не говорю о том, что в известной классификации А. Н. Самойловича, например, юго-западная (туркменская) группа наз-

вана группой „ол", в противоположность группе „бол", тогда как в самом туркменском языке этот отличительный признак не *ол*, а *бол*[2].

Азербайджанский язык занимал несколько лет и в плане классификации мнимое положение: долгие годы на него давила так называемая мидийская легенда. Некоторые из наших языковедов, даже передовых, закрывали глаза на правду, шли по ложному пути. Но эта фантазия о южном, мидийском происхождении азербайджанского языка отпала. Наши ученые стали искать место его на Востоке, в системе тюркских языков.

Классификация 1922 г. (включающая в себя и две прежние—родловскую и коршевскую) определила место азербайджанского языка в юго-западной группе тюркских языков. Вслед за этим М. Ф. Кепрюлюзаде в своей книжке „Исследования по азербайджанской литературе", изданной в 1926 г. в Баку, рассматривал азербайджанский язык как чисто огузский. Позднее Б. Чобанзаде, а вслед за ним и А. Демирчизаде утверждали огузо-кыпчакское происхождение азербайджанского языка. Однако наше небольшое сравнение этого языка с уйгурским языком заставляет думать о большом участии в образовании азербайджанского языка уйгурского языкового русла. Я об этом говорил с некоторыми примерами на I Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте в 1957 г.[3] Здесь хочется добавить следующее. Если язык Махмуда Кашгари уйгурский, и он выказывает такую большую близость с азербайджанским языком, то не означает ли это принадлежность некоторых диалектов азербайджанского языка к восточной группе тюркских языков? Судя по фактам диалектов, я склонен думать, что азербайджанский язык представляет собой до некоторой степени как бы связующее звено между западной и восточной группами тюркских языков, хотя в основных чертах своих он и относится к западной группе.

„Диван лугат-ит-тюрк" М. Кашгари перевели на свой язык и турки, переводим его и мы. Здесь на каждом шагу бросается в глаза следующее: во многих случаях при транскрипции тюркских слов „Дивана", где у них, у турок, полуширокое *e*, в азербайджанском широкое *ə*, а также там, где у них узкое *y*, у нас полуузкое *ө* и т. д.

А как было это у самого М. Кашгари? Известно, что в „Диване" нет точного обозначения указанных гласных звуков. Арабский алфавит не давал возможности М. Кашгари для такой точности. И этот вопрос, по-моему, можно в значительной мере правильно разрешить опять-таки при помощи диалектологических фактов современного уйгурского языка. Но логика подсказывает, что во всяком случае не везде, где у нас в переводе *ə* и у М. Кашгари было *ə*, также не везде, где в переводе Бесима Аталая *e* и у автора „Дивана" было *e*. Только одно несомненно: в этих точках фонетики наших языков азербайджанский язык сходится скорее с уйгурским языком, чем с турецким.[4] Но если тут в этих соображениях я попадаю в заблуждение, то опять-таки истину покажет дальнейшее развитие общетюркской сравнительной диалектологии.

В связи с этим, нужно указать на один серьезный недостаток в работе наших азербайджанских языковедов. Дело в том, что мы слиш-

---

[2] См. некоторые дополнения к классификаци турецких языков, Петроград, 1922, стр. 15.

[3] См. Материалы I Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте, 1958, стр. 861.

[4] См. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. , М., 1955, стр. 55—57, 87 и др,

ком привязаны к памятнику „Деде-Коркуд“ и почти совсем не думаем о кыпчакских, уйгурских и других памятниках тюркских языков. Ясно, что так у нас ни о каком сравнительно-историческом методе речь идти не может. Стало быть, при таком положении вещей мы не сможем написать ни историю нашего языка, ни его научную грамматику, ни определить его места в системе тюркских языков.

Здесь уместно указать на недостатки у нас и в деле подготовки кадров языковедов-тюркологов. Наши аспиранты-языковеды не проходят курсов ни истории тюркских народов, хотя бы в основных чертах, ни истории и теории тюркологии; не изучают они по программе ни древнетюркских памятников (несмотря на то, что мы имеем в этой области такие хорошие и доступные нам источники, как труды С. Е. Малова, И. А. Батманова, М. В. Насилова и др.), ни одного-двух из современных родственных языков. При этом я исхожу из известного указания Ф. Энгельса о том, что „материя и форма родного языка“ только тогда могут быть понятны, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“[5]. Нет сомнения, что наше положение нельзя считать нормальным в деле выращивания кадров языковедов-тюркологов. Нам необходимо пересмотреть программу языковедческой аспирантуры с целью ее улучшения в указанном направлении.

Мне думается, наша диалектологическая работа должна проходить три этапа своего развития.

На первом этапе осуществляется полевая и кабинетная работа по всем диалектам отдельных языков на местах. На втором этапе составляются общие грамматические и лексикологические и прочие справочники, охватывающие все диалектальные явления данного языка. На третьем этапе подытоживаются результаты изучения всех диалектов всех наших языков, создаются единые общетюркские словари, грамматики и т. п. И лишь после всего этого у нас создается возможность подлинного сравнительно-исторического изучения наших языков, создания истории, научной грамматики и, наконец, полной и окончательной классификации наших языков. Тогда только мы сможем говорить о системе тюркских языков.

[5]. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1928, стр. 306.

Б. П. ТУКАН

(*Кишинев*)

Гагаузы, в количестве 124 тысяч человек, живут в южных районах МССР, в основном, в Комратском, Чадыр-Лунгском, Тараклийском, Вулканештском и прилегающих к ним районах Одесской области УССР. Гагаузский язык относится к юго-западной или так называемой огузской группе тюркских языков.

Ближе всего он стоит к турецким говорам северо-восточной Болгарии.[1]

Гагаузский литературный язык находится сейчас в начальной стадии своего формирования, так как письменность для гагаузского языка была введена в 1957 г. Одновременно с разработкой литературных норм гагаузского языка ведется и изучение местных его особенностей. По предварительным наблюдениям, в гагаузском языке имеется ряд близких между собой говоров. В частности, наиболее территориально-распространенными говорами являются очень близкие друг к другу говоры Комратского и Чадыр-лунгского районов Молдавской ССР, где живет преобладающая масса гагаузского населения. Этим, можно сказать, ведущим говорам, противопоставляется говор районного центра Вулканешты и нескольких сел, расположенных на территории Украины.

Специальное изучение данных говоров гагаузского языка только начинается. До сего времени делались лишь попутные наблюдения по отдельным говорам, в частности, во время сбора материалов для грамматики гагаузского языка Людмилой Александровной Покровской.

В этом году сотрудники болгаро-гагаузского отдела Института языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР впервые осуществили диалектологическую экспедицию в поселок Вулканешты, с целью изучения этого говора, обнаруживающего специфические отличия от других говоров гагаузского языка.

Нами записано на магнитофонную пленку значительное количество фольклорных текстов и образцов разговорного языка. Проведен также сбор лексики данного говора с помощью диалектологической программы по изучению говоров молдавского языка. В результате работы в экспедиции, нами были проверены прежние наблюдения по данному говору в области фонетики и грамматики, а также выявлены еще некоторые фонетические особенности вулканештского говора, в сравнении с комратским и чадыр-лунгским говорами, носителями которого являемся мы сами (имею в виду сотрудников нашего отдела).

---

[1] См. Л. А. Покровская. Основные черты фонетики современного гагаузского языка. „Вопросы диалектологии тюркских языков", Баку, 1960, стр. 170.

Основными особенностями вулканештского говора, по нашим наблюдениям, являются следующие:

В области фонетики.

I. В системе гласных вулканештского говора совершенно отсутствует звук *э*, представляющий собой гласный заднего ряда, средний между *а* и *ы*. Этот гласный широко употребляется в комратском и чадыр-лунгском говорах. Он возникает в данных говорах перед среднеязычными гласными *й* (*j*) и *ж* (*ж*$_1$) или после них в результате сужения и редукции гласного *а*.

Гласный *э* употребляется в комратском и чадыр-лунгском говорах в следующих грамматических формах как в неударной, так и в ударной позициях:

1) в наречиях места: *бурэй*—здесь, *орэй*—там;

2) в формах имен прилагательных, оканчивающихся на гласный *а* с арфиксом сказуемости (настоящего и прошедшего времени): *хастэйым*—я болен, *хастэйдым*—я был болен;

3) в формах местного падежа имен существительных с аффиксом сказуемости (настоящего и прошедшего времени): *бäн кырдэйым*—я нахожусь в поле, *сäн кырдэйыдын* — ты находился в поле;

4) В именах существительных с гласными заднего ряда в винительном падеже: *алмэйы*—яблоко, *парэйы*—деньги, *собэйы*—печь;

5) в аффиксе будущего определенного времени: *алэжек*—возьмет, *булэжек*—найдет, *башлэйжек*—начнет;

6) в аффиксе прошедшего времени намерения: *алэжэйдым*—я взял бы, *булэжэйдым*—я нашел бы, *башлэйжэйдым*—я начал бы;

7) в аффиксе желательного наклонения (настоящего времени): *алэйлым*—давайте возьмем, *булэйлым*—давайте найдем, *башлэйлым*—давайте начнем;

8) в аффиксе желательного наклонения прошедшего времени: *алэйдым*—если я взял бы, *булэйдым*—если я нашел бы, *башлэйдым*—если я начал бы;

9) в образовании форм условной модальности на *-са*: *алырсэйдым*—если бы я взял, *булурсэйдым*—если бы я нашел, *башларсэйдым*—если бы я начал;

10) в образовании форм субъективной модальности на *-мыш*: *алэжэймыш*—он, мол, возьмет, *булэжэймыш*—он, мол, найдет, *башлэйжэймыш*—он, мол, начнет;

11) в образовании формы будущего времени деепричастия на *-кан*: *алэжэйкан*—перед тем как взять, *булэжэйкан*—перед тем как найти, *башлэйжэйкан* – перед тем как начать.

Во всех вышеуказанных случаях в вулканештском говоре вместо гласного звука *э* имеется гласный *а*. Отсутствие звука *э* в вулканештском говоре объясняется тем, что согласные *ж*$_1$ и *й* не влияют на соседний гласный *а*, как это имеет место в других говорах гагаузского языка. Например: *бурайы*, *орайы*, *астайым*, *астайдым*, *бештайды*, *кырдайым*, *кырдайдым*, *алмаый*, *парайы*, *собайы*, *алажак*, *алайдым*, *булурсайдым*, *алажайкан* и т. д.

Кроме этого, в комратском и чадыр-лунгском говорах полудолгий звук *э* имеется в аффиксе настоящего времени (утвердительной и отрицательной формы) изъявительного наклонения глаголов с гласными заднего ряда, например: *алэр*—берет.

II. Следующей фонетической особенностью вулканештского говора является иное употребление гласных *а* и *е*, чем в комратском и чадыр-

лунгском говорах. В вулканештском говоре наблюдается большая распространенность гласного *е* за счет гласного *ӓ*. Нелабиализованный, широкий гласный *а* переднего ряда, который является характерным для комратского и чадыр-лунгского говоров, в последних открытых ударных слогах, как в тюркских, так и в заимствованных словах, в вулканештском говоре соответствует гласному *е*, что можно видеть из следующих примеров:

Комратский говор	Вулканештский говор
чингиенӓ	*чингене*—цыган,
чизмӓ	*чизме*—сапог
ишлӓ	*ишле*—работай
бир кера	*бир кере*—однажды
гӧзлема	*гӧзлеме* - блин
ӧлӓ	*ӧле*—так, такой
дӧвӓ	*дӧве*—двухлетняя телка
гежа	*геже*—ночь
кадифа	*кадифе*—бархат
перда	*перде*—занавес
сефтӓ	*сефте*—первый, пробный
сиркӓ	*сирке*—уксус и т. д.

В падежных формах в вулканештском говоре имеем: *еве*—домой, *евде*—дома, *евден*—из дома, в комратском: *евӓ*, *евдӓ*, *евдӓн*.

В личных местоимениях 1 и 2 лица ед. ч. в вулканештском говоре звук *ӓ* также соответствует звуку *е*: *бӓн→бен*—я, *сӓн→сен*—ты.

После звука *ж*, который в вулканештском говоре звучит менее палатализованно, чем в комратском, в словах с гласными заднего ряда сохраняется звук *а* и не переходит в *ӓ*. Например: *ажаба*—или, ли, *амужа*—дядя по отцу, *бажак*—нога, *бажанак*—свояк, *жамбас*—торговец конями, *жанавар*—волк, *патлыжан*—помидор. Во всех этих словах в комратском говоре *а* после палатализованного *ж*, переходит в *ӓ*.

Что касается долгого *ӓ* в словах с гласными переднего ряда, то в вулканештском говоре он слышен как промежуточный звук между долгими *е* и *ӓ*. Например, *сулемӗе*—сказать, *гелмӗе*—приходить, *сеслемӗе*—слушать, *урӗен* (род. п.)—сердца, *урӗе* (вин. п.)—сердце и т. д.

Звук *ӓ* обычной долготы в вулканештском говоре употребляется в некоторых аффиксах, находящихся под ударением, например: *бирӓр*—по-одному, *етӓр*—достаточно, *евлӓр*—дома, *копеклӓр*—собаки, *гелӓн*—приходящий, *гелдилӓр*—они пришли, *гелижӓм*—я приду, *гелӓсин*—приди-ка, *гелӓрди*—он приходил, *гелсӓк*—если мы придем и т. д.

III. Долгие гласные в вулканештском говоре так же, как и в других говорах гагаузского языка, можно разделить на две группы:

а) долгие гласные вторичного происхождения (более многочисленные), которые образовались путем стяжения двух гласных в результате выпадения между ними согласных *й*, *к*, *г*, *в*, *х*, (*h*) и звучат в вулканештском говоре так же, как в комратском и чадыр-лунгском. Например: *чожук→чожуун* (род. п.)—мальчика, *чожаа* (вин, п.), *ағач→аач*—дерево, *ағыр→аар*—тяжело, *pahat→paat*—покой, *lahna→лаана*——капуста и т. д.

б. Долгие гласные первичные (этимологические) в словах арабского и персидского происхождения, а также в отдельных гагаузских

словах произносятся, как и в других говорах (*каар*—снег, *кааз*—гусь, *ааз*—мало, *аарт*—задняя сторона, *аач*—голодный, *аары*—дикая пчела, *аарамаа*—искать, *йаарын*—завтра, *бооз*—серый, *гаарга*—ворона), за исключением слов *тооз*—пыль и *коор*—горящий уголь, которые в вулканештском говоре произносятся коротко—*тоз*, *кор*.

Проводя сравнение между вулканештским говором, с одной стороны, и комратским и чадыр-лунгским—с другой, мы столкнулись с явлением сужения гласных в вулканештском говоре. Это можно определить из следующих примеров:

ӓ/е—бӓн/бен—я, *сӓн/сен*—ты, *фӓна/фена*—плохо, плохой, *текнӓ/текне*—корыто, *терезӓ/терезе*—весы, *гежӓ/геже*—ночь, *чизмӓ/чизме*—сапог и т. д.;

о/у—боба/буба—отец, *остроф/оструф*—тюрьма, *анафора/анафура*—просвира,

оо/уу—боодай/буудай—пшеница, *доорамаа/дуурамаа*—дробить;

ӧ/ӱ—гӧзӓл/гӱзел—красивый, красиво, *ӧлӓ/ӱле*—так, такой, *сӧлӓ/сӱле*—скажи, *болӓ/бӱле*—таким образом;

е/и—чепич/чипич—ботинки, *керемеч/керемитчи*—черепичник, *емик/имик*—мозг, *колева/колива*—поминальная кутья, *пейнир/пийнир*—брынза, *сейрек/сийрек*—редкий, *бейгир/бийгир*—лошадь, *метани/митани*—земной поклон.

В вулканештском говоре имеются случаи йотирования начального *ы*: *йысламаа*—мочить, *йысытмаа*—греть.

Небная гармония гласных в вулканештском говоре более устойчива и приводится более последовательно, нежели губная гармония гласных. Например: в комратском говоре: *фукаара*—бедный, *пунар*—колодец, *бучак*—нож, *бурда*—здесь, *чыбук*—палка; в вулканештском говоре: *фыкаара*, *пынар*, *бычак*, *бырда*, *чыбык*.

Гармония гласных нарушается в вулканештском говоре, как и в других говорах, в следующих аффиксах глагольных форм: *сулийлӓр*—они говорят, *гелирсайды*—если бы он пришел, *версӓна*—дай-ка, *вериса*—если он даст, *вермӓсан*—если не дашь, *гелирсайдым*—если я приду, *гелдийсам*—раз я пришел.

В области консонантизма вулканештский говор характеризуется следующими особенностями:

1) неустойчивостью сонорного *р*, который отпадает:

а) в конечной позиции: *гидийла*—они идут, *кызла*—девочки;

б) в интервокальном положении: *рубалааны* вм. *рубаларыны*—их одежду;

в) в глагольных формах, где уже есть *р* (эта черта наблюдается и в других говорах гагаузского языка) : *отурукан* вм. *отурурукан*—сидя, *соруду* вм. *сорурду*—он спрашивал, *соруса* вм. *сорурса*—если он спросит, *гириди* вм. *гирирди*—он заходил;

г) в 3-м лице ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения: *алый*—он берет, *гелий*—он идет, *верий*—он дает вм. *алыйер*, *гелийер*, *верийер*.

Несколько слов о согласном звуке *х (h)*. По сравнению с комратским и чадыр-лунгским говорами согласный *h* употребляется в вулканештском говоре более ограниченно. Следует отметить, что согласный *h* вообще имеет тенденцию к исчезновению. В начале слова его можно встретить лишь в заимствованных словах, а в конце и в середине слова он совершенно исчезает и служит почвой для образования вторичных долгих гласных.

Примеры на выпадение *h* в начале слова (в сопоставлении с комратским и чадыр-лунгским говорами):

Комратский говор	Вулканештский говор
hайлаз	*айлаз*—ленивый
hаста	*аста*—больной
hашлак	*ашлак*—горячий
hава	*ава*—погода
hабер	*абер*—известие
hазыр	*азыр*—готово
hайван	*айван*—животное и т. д.

Примеры на выпадение в середине и в конце слова:

Комр. говор	Вулк. говор	Комр. говор	Вулк. говор
аһмак	*аамак*—дурак	*йаһны*	*йааны*—мясо
аллаһ	*аллаа*—бог	*лаһна*	*лаана*—капуста
маһмур	*маамур*—состояние после попойки		
падишаһ	*падишаа*—государь и др.		

Примеры на переход начального *h* в неслоговое *й*:

Комр. говор	Вулк. говор	Комр. говор	Вулк. говор
hепси	*йепси*—все	*hесапламаа*	*йесапламаа*—считать
hем	*йем*—и	*hысым*	*йысым*—родственник
hырсыз	*йырсыз*—вор и т. д.		

Примеры на переход начального *h* в *ф*:

Комр. говор	Вулк. говор
hодул	*фодул*—гордый
hолера	*фулера*—холера
hороз	*фороз*—петух
hору	*фору*—народный танец
hош гелдин	*фош гелдин*—добро пожаловать

Примеры на переход *h* в *ф* в середине слова;

Комр. говор	Вулк. говор
луһуса	*луфуса*—роженица
пуһлама	*пуфламаа*—выдыхать со свистом
пуһурдамаа	*пуфурдамаа*—пыхтеть
буһламаа	*буфламаа*—взрываться
пуһкурмаа	*пуфкурмаа*—окропить (водой)

Как было сказано выше, сфера употребления согласного *х* очень ограничена, и его можно встретить только в отдельных словах:

а) в начале слова: *хал* (ар.)—положение, *харам* (ар.)—незаслуженно, *хыйар* (т)—огурец, *хырылдамаа* (т)—трещать, *хрен* (сл.)—хрен, *христиан* (сл.)—христианин, *хума* (сл.)—глина, *хомут* (сл.)—хомут.

б) в середине слова: *ихтиар* (ар.)—старик, *кахыр* (ар.)—горе, печаль, *ахыр* (перс.)—конюшня, *ахмак* (ар.)—дурак, *захир* (перс.)—отрава; и в советизмах: *колхоз*, *совхоз*, *совнархоз* и др.

В вулканештском говоре зафиксировано употребление аффрикаты *дз* вместо *з*, например: *бендземее*—быть похожим, *емдзикли*—грудной ребенок, *дзыгырдамаа*—скрипеть, *хырледзи*—лопату (вин. п.) (молдавское заимствование).

В области морфологии.

Основное различие между вулканештским и комратским говорами заключается в формах настоящего времени изъявительного наклонения, например:

Комратский говор	Вулканештский говор
бäн алэрым—я беру	*бен алыйм*
сäн алэрсын—ты берешь	*сен алыйсын*
о алэр —он берет	*о алый*
биз алэрыз—мы берем	*биз алыйз*
сиз алэрсыныз—вы берете	*сиз алыйсыныз*
оннар алэрлар— они берут	*оннар алыйлар*
бäн гелерым—я прихожу	*бен гелийм*
сäн гелерсын—ты приходишь	*сен гелийсин*
о гелер—он приходит	*о гелий*
биз гелерыз—мы приходим	*биз гелийз*
сиз гелерсыныз—вы приходите	*сиз гелийсиниз*
оннар гелерлар—они приходят	*оннар гелийлар*,

Таким образом, настоящее время изъявительного наклонения вулканештского говора представляет собой усеченную форму.

Следует отметить, что *э/е* в аффиксах настоящего времени глаголов в комратском и чадыр-лугском говорах является полудолгим.

Я не буду останавливаться на лексических особенностях вулканештского говора, где также имеются отличительные черты. В заключение хочу сказать, что мы будем продолжать изучение диалектных особенностей гагаузского языка, которые представляют значительный научный интерес.

Г. Ф. БАБУШКИН

(*Тува*)

Большое, важное значение диалектных данных для изучения истории языка и истории народа сейчас ни у кого из языковедов сомнений не вызывает, и отсюда необходимость изучения диалектов конкретных языков стало делом общепризнанным. К сожалению, не так давно отношение к диалектным данным в отдельных языках было иное. Этим, отчасти, объясняется такое отставание в изучении диалектов в ряде тюркских языков.

Как положительное в диалектологии тюркских языков нужно отметить то, что здесь наметилась общая линия и в отношении подхода к диалектным материалам — рассматривать диалектный материал в конкретных языках в связи с историей самих народов—носителей данного языка, рассматривать на фоне тех исторических событий, какие имели место в зоне распространения данных языков, с учетом важнейших этапов истории народов, племенных групп.

Однако и при историческом и историко-сравнительном подходе к изучению диалектов мы стоим перед необходимостью быть чрезвычайно осторожными в своих выводах, особенно в отношении тюркских языков южной Сибири, не имеющих старописьменных памятников. В них история формирования отдельных диалектов была весьма сложной. Поэтому здесь требуются глубокие исследования путем привлечения данных смежных наук.

Предварительное изучение части диалектного материала в родственных языках этой зоны—алтайского, шорского, хакасского и тувинского языков—показывает, что диалектное членение здесь не соответствует этническому составу самих носителей — этнической пестроте предков этих народов. Как известно, в состав предков современных алтайцев, шорцев, хакассцев и тувинцев в свое время вошли многочисленные родоплеменные группы тюркского и нетюркского происхождения. Многие из них встречаются в составе почти всех указанных народов. К ним относятся, например, додоши (додош—у алтайцев), тодуш (у шорцев), тодус (у хакассцев), тодон (у тувинцев), куулары (лебединые) имеются у тувинцев, у алтайцев и шорцев. То же самое можно сказать об этнонимах кыргыс, сарелг, чода (чогды), иркит и др.

Такое несоответствие между диалектной системой указанных языков и этническим составом самих народов объясняется тем, что многие племенные группы, входящие в состав этих народов утратили свои племенные языки и оказались ассимилированными в среде более крупных объединений.

К таким ассимилированным относятся все этнические группы в составе тувинцев. Например, салчаки, куулары, монгуши, хертоки и другие за исключением тоджинцев, особенно племенной группы чогду, общей с карагасским чогду; в составе алтайцев—додоши, иркиты, кыргызы, кыпчаки и др.; в составе хакасцев—многие шорские родовые группы (в составе сагайцев), этнические группы самоедского и кетского происхождения, а также группы, общие с тувинцами и алтайцами. Процесс ассимиляции мелких этнических групп и их языков в них идет и сейчас. Большинство ассимилированных теперь уже говорит на языке ассимилированных, хотя может быть и на близко родственных. Так, например, значительные племенные группы солчаки и куулары среди тувинцев сейчас говорят на общенародном тувинском языке, куулары, шорцы говорят на языке южной Шории, т. е. на южношорском диалекте, куулары же Северного Алтая говорят на языке, близком кумандинскому и отчасти тюркскому. Однако в их языке имеются грамматические формы в глаголах (формы на *пин, мин, тыппин*—не нашел, на *ир: ойнигир*—будет играть), которых нет ни в алтайском, ни в кумандинском и ни в шорском языках, но они имеются в хакасском, чулымском языках и в саянском диалекте тувинского языка. Если принять во внимание то, что эти три группы кууларов этнически восходят к одной группе, причем относятся к древним тюркам, то мы должны признать, что то, что имеется в их языке особенного (у алтайских и шорских кууларов) это явление позднего происхождения, относится к поздним напластованиям, связанным с поздними историческими событиями, хотя не исключена возможность, что в их языке сохранились некоторые признаки древнего их состояния. Это относится к языкам и других ассимилируемых групп в наших языках. Установить, какие из важнейших признаков в них относятся к их древнему языку, какие возникли в поздние времена и с какими историческими событиям они связаны в них — важнейшая задача историков-диалектологов.

Не подвергались такой ассимиляции языки тех племенных групп, которые по тем или иным причинам остались относительно изолированными в течение длительного времени и сохранили основу племенных языков, к которым восходят диалекты современных языков—алтайского, хакасского, тувинского. В соответствии с этим мы имеем в указанных языках следующую систему диалектного членения: в алтайском языке пять основных диалектных групп: это теленгитская (восточный и частично южный Алтай), тубаларская группа (северо-восточный Алтай), шелканская (лебединская) группа, телеутская группа (северный Алтай) и центрально-алтайская группа, положенная в основу литературного языка, который имеет ряд мелких говоров; в хакасском языке в основном четыре диалектных группы—качинская, сагайская, кызыльская и шорская с целым рядом мелких ассимилированных групп; в шорском мы имеем два основных диалекта: Мрасский и Кондомский, в них ряд подгрупп; в тувинском языке наиболее крупные диалектные расхождения имеет саянская (тоджинская) группа, что же касается особенностей в речи остальных частей Тувы, то они представляют, видимо, различия незначительные,—отклонения от речи Центральной Тувы.

Дальнейшие исследования и сбор диалектного материала внесет уточнения в современные схемы.

Б. М. ИБРАҺИМОВ

(*Бакы*)

Һәр шејдән әввәл буну гејд етмәк лазымдыр ки, мүгајисәли грамматика терминининн өзү дилчилијин мүхтәлиф саһәләринә аид олдуғу кими, чох мүхтәлиф формаларда дүшүнүлүр вә мүхтәлиф шәкилдә тәтбиг едилир. Елә буна көрә дә тарихи мүгајисәли үсулун әсл мәгсәди вә дилчилијин һансы саһәсинә нечә тәтбиг едилмәси мәсәләси мүхтәлиф шәкилдә тәзаһүр едир. Бу методун нечә вә һансы саһәләрдә истифадә едилмәсини Рүстәмов јолдаш мә'рузәсиндә јахшы изаһ етди.

Азәрбајчан диалектолокијасынын ајры-ајры мәсәләләринә даир јазылмыш әсәрләрдә сон заманлар түрк дилләри материаллары илә мүмкүн гәдәр мүгајисә апарылыр, лакин чох заман белә мүгајисәләрин нә дәрәчәдә фајдалы олуб-олмамасындан асылы олмајараг, мүәллиф түрк дилинә аид мөвчуд лүғәтләри арашдырмалы олур. Һалбуки мөвчуд лүғәтләрин әксәријјәти бир нечә ил әввәл јазылмагла, әдәби дил асасында тәртиб едилмиш вә бунларда диалект вә шивәләр нәзәрә алынмамышдыр.

Үмумијјәтлә диалект материалларынын өјрәнилмәсиндә чидди инкишаф нәзәрә чарпыр. Мә'лумдур ки, диалект материалларынын өјрәнилмәсиндә тарихи мүгајисәли метод бу јахын замандан тәтбиг олунур. Лакин бу мугајисәли методун тәтбиги дә чох мүхтәлиф шакилдәдир.

Фонетика саһәсиндә ишләјән јолдашлар фонетик материаллара әсасланараг, онлардан алынмыш нәтичәләрлә архајынлашырлар. Онунла кифајәтләнирләр. Лексиколокија саһәсиндә ишләјән јолдашлар исә өзбәк, газах дили лүғәтләриндән истифадә етмәклә кифајәтләнирләр. Мәнә елә кәлир ки, дилчилик саһәсиндә бу мүгајисәли методун тәтбиги мәсәләси һәлә дә ајдын дејилдир, јеканә гајда јохдур.

Бу вахта гәдәр верилмиш мүгајисәләрдән Рүстәмов бир нечәсини өз мә'рузәсиндә мисал кәтирди. Бу мисаллар әсасән фонетик чәһәтдән едилмиш мүгајисәләрә аиддир. Лүғәт саһәсиндә апарылан белә мүгајисәләр һәм чәтин вә һәм дә чох гуру чыхыр. Бурада мүгајисәдән сонра кениш тәһлил вермәк мүмкүн дејилдир. Чүнки белә үмуми тәһлил дилчилијин башга сәһәсинә—тарихи грамматикаја даһа чох аиддир. Һәм дә белә кениш изаһат лүғәт үзәриндә ишләмәк үсулуна дүз кәлмир. Фикримизи изаһ етмәк үчүн Нахчыван шивәләри групунун лүғәтинә даир бир мисалы нәзәрдән кечирәк:

Ајғаһ—Бу сөз Нахчыван шивәләр групунун Гошадизә кәнди шивәләриндә тәлхәк мә'насында ишләнилир. Түрк дилләриндә, Газах вә Гарагалпаг дилләриндә ајғак шәклиндә ишләнмәклә шаһидлик мә'насында, Лобнор дилиндә ајғак шәклиндә—билик, мә'лумат вермә мә'насында, башгырд дилиндә ајкак—сајкак шәклиндә—лаггырты вуравура, күлә-күлә мә'насында ишләнмишдир.

Бунлар формача фонетик фәрглəнмəлəр олса да, мəзмунча бир-бирinə чох јахын олан, бəлкə дə ејни мə'на верəн сөзлəрдир. Чүнки тəлхəкдə һəм шаһидлик иши, һəм биликли, мə'лумат вермə бачарығы вə һəм дə бу мə'луматы зарафатјана, күлə-күлə вермə сифəтлəри олмалы иди. Лакин сонракы изаһат тарихи чəһətдəн шаһид вə с. диалектолокијанын өһдəсиндəн чыхыб тарихи грамматиканын өһдəсинə кечир. Бу сөзүн етимолокијасы, сонракы инкишафы вə фонетик фəрглəнмəлəри, мə'на фəрглəнмəлəри тарихи грамматиканын ихтијарына кечир.

Белə мүгајисəли үсулла ишləмək диалектологларла дил тарихи саһəсиндə чалышан алимлəримизин һəмишə əлагəли ишləмəлəрини тəлəб едир. Республикалардан диалоктолокија материаллары башга республикалара көндəрилмир, лексиколокија материалларыны башга түрк дилləринин лексикасы илə мүгајисəли вермək истəјирəм. Анчаг башга республикалардан лазым олан диалектоложи материал јохдур. Башга республикаларда да бизим материаллар јохдур. Бу саһəдə бизим бу күнкү мүшавирəмиз өз гəрарларында мүəјјəн тəдбирлəр көрмəлидир ки, кəлəчəкдə елми идарəлəрдə нəшр едилəн дил материалларынын мүбадилə едилмəси иши гајдаја дүшсүн. Бу мə'нада хаһиш едирəм ки, мүшавирəмиз нəзəрдə тутсун ки, һəр бир республикада, һəр бир милли халгын нəздиндə елми мəркəз јарадылсын. Республикалардан диалектоложи материаллар мүтləг ора көндəрилсин, вə орада елми ишчиləрин истифадə едə билмəси үчүн шəраит јарадылсын.

Дикəр тəрəфдəн мүгајисəли методун тəтбигиндə дə үмуми дил тапмаг лазымдыр. Мүгајисəли методла бир шивəни өјрənмək үчүн 16 лүғətдəн истифадə едилир. Бунун нəтичəси нədир, елм үчүн нə гədəр хејри вардыр? Алимлəримиз арасында бу һəлə намəлумдур, иш үсулу саһəсиндə əлагə јохдур. Буна көрə дə бүтүн ишлəр нəтичəсиз галыр.

Диалектолокија саһəсиндə бир чох ишлəр көрүлмүш вə көрүлмəкдədир. Бунлара бахмајараг һəлə дə бу саһəјə мədəни мүнасибəт, əсəрləрин нəшринə е'тинасыз јанашмаг һалларына раст кəлмək олар. Бу вахта кими 12-дəн артыг диалектоложи əсəр мүдафиə едилмишдир. Амма бир мүдафиə əсəри белə нəшр едилмəмишдир. Үчүнчү дəфədир ки, диалектоложи мүшавирə кечирилир. Бу мүшавирəлəрдə ən бөјүк наразылыг диалектоложи əсəрləрин чап едилмəси мəсələсиндədир. Бизим республикада олдуғу кими, башга республикаларда да вəзијјəт белədир. Мүдафиə олунан əсəрлəр јатыб галмышдыр. Əкəр бунлар лазым дејилдирсə, нə үчүн мүдафиəјə бурахылыр? Əкəр лазымдырса, елми идарəлəр бу əсəрləрин нəшр олунмасы үчүн тəдбирлəр көрсүн. Бунун үчүн əлагədар тəшкилатлара тапшырыг верилсин.

Бə'зən республика мигјасында белə бүтүн түрк дилləри үзрə нəшр олунан диалектоложи əсəрləри, монографијалар вə лүғətləри топламыш олан бир мүəссисə јохдур. Бу иш али мəктəб китабханаларында даһа јарытмаз һалдадыр (В. И. Ленин адына Азəрбајчан Педагожи Институтунда).

Диалектолокијанын өјрənилмеси саһəсиндə əсас нөгсанлардан бири дə синтаксис мəсələсидир. Чыхыш едən јолдашларын əксəријјəти фонетик материаллар һаггында данышдылар. Анчаг синтаксис һагда бир сөз демədиләр, чүнки бу саһə аз ишләндијиндən онун һаггында данышмаг чох чəтиндир. Мүасир дилдə бу саһə нисбəтən кениш вə јахшы ишләнмишдир. Диалектолокијада да бу саһəни унутмаг лазым дејил. Диалектолокијада синтаксисин өјрənилмəсинə фикир верилмəлидир.

Түрк дилləринин мүгајисəли өјрənилмəси үчүн бу саһədə ишləјən јолдашларын узун вə гыса мүддəтли е'замијјəси нəзəрдən гачырылмышдыр. Əкəр түрк дилини Азəрбајчан дилинин лексиколокијасы илə

мүгаjисә едириксә, анчаг бир лүғәтдән истифадә едирик. Түрк дилләриндә данышан республикларын елми идарәләринә е'замиjjә тәшкил едилсә, кедиб елми идарәдә отуруб, елми ишчиләр вә алимләрлә көрүшәрик. Бу, чох jахшы нәтичәләр верәр.

Үмид едирәм ки, түрк дилләринин диалектолоkиjасы мәсәләләринә һәср едилмиш үчүнчү мәһәлли әлагәләндирмә мүшавирәси ишимизин даһа да jахшылашдырылмасы үчүн көстәриләнләри нәзәрә алачаг, һәм дә өз тәдбирләриндә jухарыдакы арзуларымыза даир бир маддә ајырачагдыр.

Н. Х. ИШБУЛАТОВ

(*Уфа*)

Из содержания докладов, посвященных проблеме диалектного членения языка стало ясно, что вопрос о классификации диалектов и говоров тюркских языков не теряет актуальности для современной тюркологии. Если данный вопрос не теряет значения для азербайджанского языка, диалекты и говоры которого хорошо изучены и классифицированы, как это было видно из доклада проф. М. Ш. Ширалиева, то для других языков данная проблема имеет еще большее значение.

Проф. Ширалиевым совершенно правильно отмечаются причины осложненности данного вопроса. На самом деле имело место то, что „при определении говоров за основу брали только одни признаки, не учитывая всей совокупности". Однако в этой совокупности могут быть разные соотношения. Чаще всего ведущими являются фонетические и фонетико-морфологические признаки, немаловажную роль играют также лексические признаки, на которые мы в последнее время обращаем внимание. Совокупность диалектных признаков, по которым различаются говоры, может иметь различный характер.

Вплоть до последнего времени при классификации говоров и диалектов башкирского языка было обращено внимание только на фонетику. Видимо, это исходит из того, что лексика не была изучена. Так, Т. Г. Баишев при классификации говоров исходил только из фонетических особенностей, в результате чего соотнесенность говоров к диалектам, как меньшей диалектной единицы к большей, нарушилась, т. е. границы говоров перешли за пределы диалекта.

Новая классификация проф. Д. Г. Киекбаева более приемлема, так как он исходил из совокупности отличительных диалектных признаков, благодаря чему была сохранена соотнесенность говора к диалекту.

Проф. Ширалиевым было отмечено, что при членении диалектов должна учитываться специфика отдельных языков. Это объяснимо историческими условиями складывания диалектных единиц (наречий, диалектов, говоров, подговоров).

Общепринято говорить, и это правильно, что диалекты исторически появились на основе племенных языков. Однако позднее, с развитием общества, при появлении новых диалектов играли роль другие факторы, например, административное разделение территории, где проживает один и тот же народ.

В качестве классического примера можно привести образование таким путем диалектов немецкого языка. По-видимому, такой фактор в той или иной степени играл определенную роль при образовании

диалектов азербайджанского языка и некоторых среднеазиатских языков, где раньше существовали твердые границы ханств и государств.

Что касается диалектов башкирского языка, то говоры башкирского языка не подвергались такого рода вторичным изменениям. Конечно, хотя своего государства не было, раньше башкирский народ был разделен среди других ханств, орд, но которые на изменение границ диалектов не наложили известного отпечатка. Поэтому башкирские говоры появились и сохранились на племенных началах. Однако ныне в большинстве случаев границы племен не совпадают с границами говоров. Таким образом, в настоящее время говоры башкирского языка носят территориальный (а не племенной) характер.

Конечно, мы не отрицаем, что то или иное племя могло сохранить свои отдельные языковые особенности, но они в большинстве случаев уже не составляют ни диалекта, ни говора, лишь ограничены рамками подговора. Так, например, карагай-кыпчаки не допускают озвончения *т* в начале слова, тогда как озвончение *т* в начале некоторых слов характерно для соседних говоров. В языке кубалякских башкир выступает гортанное *а* (*акый*—брат), что отсутствует у соседних тамьянских и табынских башкир.

Смешение и взаимодействие племенных языков, из которых складывался тот или иной общенародный язык, шло по разным путям. При образовании новых говоров в более позднее время языковые признаки, по которым дифференцируются диалекты и говоры того или иного языка, в основном относятся к специфике языка. Так, например, чередования *ҫ//һ*, *з//һ//ҫ*, которые играют существенную роль при классификации башкирских говоров, не обнаруживаются в других тюркских языках. Так если в демском говоре вместо общетюркского *с* выступает *ҫ*, то в кыпчакском подговоре кизильского говора он заменяется гортанным *һ*

Демском	Кыпчакском
ҫыу	*һыу* — вода
ҫуҫар	*һыуһар* — куница
таҫтамал	*тәһтамал* — полотенце
аҫкак	*аһкак* — хромать
кыҫлам	*кыһтам* — залежь
бармаҫ	*бармаһ* — отрицат. форма причастия будущего времени

В аргаяшском говоре вместо *ә*, в постпозиции употребляют глухое межзубное *ҫ* (это соответствует общетюркскому *з*, хакасскому *с*);

тюркск.	баш. лит.	аргаяшск.
кыз — дочь	*кыҙ* — кыҙзар, кыҙға	*кыҫ* — *кыҫтар*, кыҫка
сез — вы	*һеҙ*	*һеҫ*
тоз — соль	*тоҙ*	*тоҫ*

Однако в интервокальном положении *ҫ* озвончается, т. е. переходит в *ҙ*. Ср. в хакасском: *хас* (гусь)—*хазым* (мой гусь).

Вместе с тем, иногда говоры башкирского языка различаются по тем фонетическим признакам, которые переходят за пределы башкирских диалектов, например, чередования в начальных позициях *й//ж*, *т//д*.

Я разделяю точку зрения проф. Ширалиева относительно терминов „диалект" и „говор", которые вошли в обиход башкирской диалектологии.

Однако если задаться целью более утонченной классификации, то, начиная от общенародного языка до мельчайших диалектных единиц, можно было бы довести до шести-семи и более.

Общенародный язык, наречие, диалекты, группа говоров, говор, подговор, подподговор и т. д.—такова система градации диалектных единиц в башкирском языке, что продиктовано историческими условиями.

В первую очередь башкирские диалекты до революции не испытывали нивелирующего воздействия литературного языка. До революции сохранялся старинный уклад жизни. Общенародный башкирский язык отшлифован не в такой степени, как азербайджанский, ибо в Башкирии капитализм был слабо развит, не было экономического и политического центра.

Нивелировка древних диалектов шла только при общении племен, союзов племен, передвижении населения во время народно-освободительных войн и т. п.

Таким образом, по данному вопросу невозможно установить единый рецепт для всех тюркских языков, ибо характер складывания диалектов и говоров и их различие на данном этапе развития специфичны в каждом языке.

При членении диалектов и говоров заметно то, что локальная близость говоров, диалектов и родственных языков так или иначе играет определенную роль. Это видно при группировке говоров: так, например, диалекты азербайджанского языка делятся на такие группы, как: восточная группа диалектов и говоров, западная группа диалектов и говоров, северная группа диалектов и говоров, южная группа диалектов и говоров.

В башкирском языке говоры также можно было бы делить на группы говоров, причем эти группы не только организуются локально, но и по своим языковым признакам.

*

* *

Доклад проф. И. А. Батманова произвел на меня хорошее впечатление. Несмотря на гипотетичность некоторых моментов, основное содержание доклада вполне убедительно. Мне понравились термины градации: наречие—диалект—говор—подговор. Диалектные признаки взяты очень удачно, по всей видимости, при дальнейшей работе будут увеличены. Теми, которые взяты, можно оперировать (да мы и оперируем) при классификации башкирских говоров.

Например, звукосочетание *лт мка* являются ведущими признаками при выделении среднего говора южного диалекта: *Уралта*—на Урале. *урамка*—на улицу, *рт* не выступает, но зато еще есть *нт*, *мт*, *нт: урманта*, *урамта*, *тантан*—с рассвета; *нк* (т. к. перед *к*, *к* сонорное *н* переходит в *н*,); *с//ш*: общенародное явление регрессивной ассимиляции согласных: *салыш*>шалыш, *сырыш*>шырыш, *себеш*>шебеш; *с* и *ш* в начальной позиции не имеют фонематического значения.

Говорилось, что диалектные данные играют определенную роль для сравнительно-исторической тюркологии. Напрашивается такой воп-

рос: недиалектная (т. е. общенародная) база исчерпана ли для сравнительно-исторической тюркологии?

Оговариваюсь при этом, что я отнюдь не отрицаю значимость диалектных данных для сравнительно-исторической тюркологии.

О состоянии башкирской диалектологии

Подлинно научное изучение диалектов башкирского языка начинается во второй половине двадцатых годов в связи с созданием башкирского литературного (особенно письменного) языка, который не существовал до революции (собирание богатства народного языка, на основе чего установление норм башкирского литературного языка было естественной и неотложной потребностью общества).

В те годы особенно велики были заслуги ныне покойного проф. Н. К. Дмитриева, организовавшего в 1928 г. первую комплексную экспедицию и положившего начало подлинно научному исследованию башкирских диалектов.

Проф. Н. К. Дмитриев в своей замечательной статье „К вопросу об изучении башкирского языка" начертил подробную программу изучения диалектов башкирского языка. В статье общебашкироведческого характера он осветил основные вопросы башкирской диалектологии, не утратившие актуальности по сей день. Так, он написал о диалектных признаках, методике ведения диалектологической работы в условиях Башкирии, транскрипции и т. п.

До проф. Н. К. Дмитриева отдельными тюркологами в той или иной степени предпринимались попытки к изучению диалектов башкирского языка, но масштаб и глубина их исследований не дают основания утверждать, что тогда существовала башкирская диалектология, как наука.

С начала 30-х годов началось более или менее систематическое изучение башкирских диалектов. За сравнительно короткий срок проведено 17 экспедиций с участием видных башкирских языковедов. Хотя экспедиции до 1950 г. были подчинены практическим нуждам языкового строительства, они имели и научную ценность. Более интенсивное изучение диалектов башкирского языка наблюдается с начала 50-х годов. Впервые в истории башкирской диалектологии появились работы, посвященные монографическим описаниям отдельных говоров башкирского языка.

В 1955 г. под редакцией Н. К. Дмитриева вышла работа Г. Г. Баишева „Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку", внесшая значительный вклад в башкирскую диалектологию хотя бы тем, что в ней впервые обобщены диалектологические мысли и даны характеристики отдельным диалектам.

Однако следует ответить, что принцип классификации говоров Г. Г. Баишева не всегда выдерживает критику по той причине, что при его делении малые диалектные единицы выходили за пределы больших, т. е. говоры выходили за пределы диалектов благодаря оперированию только тем или иным фонетическим признаком.

Новая, можно сказать, удачная, классификация говоров и диалектов проведена проф. Дж. Г. Киекбаевым в его работах. Он именует говоры по названиям рек, что в большинстве случаев оправдывается действительностью, т. е. говоры в принципе становятся нормальными диалектными единицами, объединяющимися по фонетическим, лексическим (в редких случаях морфологическим особенностями, также охватывающими сравнительно небольшую территорию, на которой рас-

положено от 10 до 100 деревень. Но вместе с тем следует отметить, что говоры не всегда могут носить названия рек.

Во-первых, река может быть слишком большой и длинной (например, р. Белая) и на ней может находиться несколько говоров; во-вторых, один и тот же говор может находиться на бассейне различных рек. Так, например, носители кизильского говора обитают на басейнах трех рек, а именно: Кизила, Сакмара и Белой; в-третьих, в некоторых областях и районах реки могут вовсе отсутствовать и т. д.

В таких случаях возникает необходимость найти другие названия. Имея в виду условность терминов вообще, и в то же время, стремясь связать говор с локальными признаками, можно даже прибегнуть к топонимам, этнонимам и др.

Да, кстати сказать, по тому, что поныне идет разговор об именовании вновь обнаруженных говоров башкирского языка, можно судить о состоянии монографического изучения его говоров. В настоящее время написан и пишется ряд работ монографического характера.

С 1959 г. Институт истории, языка и литературы БФАН СССР запланировал разработку темы „Башкирская диалектология, говоры восточных районов", которая предполагает монографическое описание говоров восточных районов. По данной теме были организованы две экспедиции, работавшие в юго-восточных районах Башкирии. В результате этих экспедиций нами была изучена южная группа говоров восточного диалекта, куда входят три говора.

Установлена и уточнена южная граница восточного диалекта в Баймакском, Бурзянском и Белорецком районах. На основе собранных материалов окончательно можно провести классификацию говоров и подговоров южной половины восточного диалекта. Собранный материал вполне можно использовать как для монографического описания говоров, так и для составления диалектологического атласа, чему способствует сбор диалектных данных по двум пособиям, а именно: „Вопроснику по сбору лексического состава говоров" и „Программе собирания сведений диалектологического атласа", темы и разделы которых распределены между диалектологами Института, которые ежегодно работают по одной и той же теме, в результате чего хорошо усвоили свои темы и разделы.

Что касается принципов, которые легли в основу „Вопросника по сбору лексического состава говоров башкирского языка", то они сводятся к следующему:

а) слова сгруппированы по тематическому принципу;

б) внутри тем слова расположены не по алфавиту, а по локальной и смысловой близости, чтобы ускорить процесс опроса информаторов. Так, сначала опрос ведется о предмете, а потом о его частях, или же помещены рядом слова, лексические значения которых легко ассоциируются друг с другом.

Хотя „Программа собирания сведений для диалектологического атласа" не опубликована, по ней мы работали в двух экспедициях. Пока она опробуется, улучшается и дополняется.

Программа состоит из трех разделов: фонетики, морфологии и лексики. Фонетика и морфология имеют список слов, содержащих фонетические и морфологические явления. В разделе „Фонетика" даны списки слов, содержащих в себе явления метатизы, переходы согласных и гласных и сингармонические варианты, т. е. те фонетические явления, органиченные лексически или рамкой одного слова, но дающие диалектные варианты.

В разделе „Морфология," помимо основных пунктов, касающихся форм словоизменения и словообразования, дан список слов, в рамках которых варьируются формы, в большинстве случаев словообразующие.

Третий раздел „Программы" составляют диалектальные синонимы (около 200), которые хорошо картографируемы и при классификации говоров играют существенную роль. Лексические материалы имеют такую специфику: по варьированию часть лексических единиц равняется грамматическим и фонетическим признакам, часть лексического состава дает множество локальных вариантов-синонимов. Поэтому, на мой взгляд, лексика очень выигрышна для атласа. „Программа" содержит в себе около 400 пунктов. Картографируемых единиц будет намного больше.

За два года своего существования диалектологическая группа сумела выпустить „Диалектологический сборник" объемом в 14 печатных листов, издала „Вопросник по сбору лексического состава говоров башкирского языка", составила „Программу собирания сведений для диалектологического атласа". Готовятся „Очерки по башкирской диалектологии" и региональный словарь.

Почему не общедиалектологический? Поскольку башкирский литературный язык как младописьменный бурно развивается в основном за счет общенародного языка, пока невозможно составить диалектологический словарь, который представляет собой сбор сугубо диалектных слов из различных говоров языка. В башкирском языке диалектное от общенародного трудно разграничиваемо. Поэтому, мне кажется, целесообразно пока составить региональный словарь, который будет выпускаться только по тем группам говоров, которые изучаются. Может быть, у нас тогда не будет надобности и в составлении так называемого диалектологического.

Между нормативными словарями (толковым, двуязычным и др.) и так называемыми диалектологическими словарями, остается нетронутый пласт лексики—это лексический состав народно-разговорного языка и лексические единицы, распространяемые на многие говоры. А в региональный словарь такой пласт лексики можно включить и тем самым снабдить языкознание добротным лексическим материалом.

Региональный словарь имеет превосходство еще в том смысле, что он отражает лексику в ее системе.

По той же причине, что большинство говоров башкирского языка монографически не описано, на данной стадии развития башкирской диалектологической науки группа диалектологов Института языка, литературы и истории БФАН СССР, планируя фронтальное изучение говоров с востока к западу, в своей работе не в состоянии взяться за какое-нибудь одно направление: или только за сравнительно-историческое изучение говоров, или только за составление диалектологического атласа, или только за диалектологическую лексикографию и т. п.

Нам приходится вести диалектологическую работу комплексно, т. е. ставя перед собой задачу монографического описания говоров башкирского языка, параллельно собрать и первично систематизировать материалы для диалектологического атласа. В то же время вести работу по части диалектологической лексикографии.

Для всех целей материалы в основном собираются в полевых условиях. Предполагается также сбор диалектных данных анкетным способом.

Эти скромные сдвиги в башкирской диалектологии достигнуты благодаря наличию подготовленных кадров и их усилиям. Вместе с

тем нельзя не отметить ту большую заботу, оказываемую из Москвы, в частности, координационной комиссией и Сектором тюркских языков Института языкознания.

Роль и функция Координационной комиссии по диалектологии неоценимы. Ее функции не ограничиваются проведением совещания, она компетентна организовывать и направлять диалектологические работы на местах. Не обойтись диалектологам без помощи Координационной комиссии, особенно в организационном отношении: в создании секторов диалектологии там, где существуют диалектологические группы, в создании группы диалектологов там, где ее нет. Проведение такого мероприятия дало бы за 5—6 лет свои ощутимые плоды.

Д. Г. ТУМАШЕВА

(*Казань*)

Мне хотелось высказать несколько пожеланий конференции. О них отчасти уже говорил в своем выступлении т. Ибрагимов, с которым я полностью согласна.

В заслушанных нами докладах и выступлениях была высказана совершенно правильная мысль о необходимости шире привлекать диалектные материалы для сравнительно-исторических исследований, о том, что тюркская диалектология вступает в такой период развития, когда уже трудно ограничиться сбором и регистрацией языковых явлений. Подобная работа во многих республиках подходит к концу. Необходимо, следовательно, переходить к синтезирующим работам, шире вводить в научный оборот накопленный диалектологический материал.

В докладе М. Рагимова справедливо отмечалось, что сравнения языковых явлений, имеющие место в наших работах, часто не направлены к определенной цели, не завершаются теоретическими выводами, языки и диалекты для сравнения выбираются произвольно, подчас исходя лишь из того, что имеется под рукой у автора.

Применение сравнительно-исторического метода, к изучению истории развития тюркских языков и их диалектов, действительно, является вопросом очень сложным, и он, по-видимому, еще не раз будет предметом обсуждений.

Мне бы хотелось сказать о некоторых практических вопросах, от которых в известной мере зависит быстрое и по возможности широкое использование диалектологических данных по разным тюркским языкам.

В наших республиках накоплен богатый диалектологический материал, ведется большая исследовательская работа, выпускается в свет много статей, сборников и других работ по диалектологии. Однако книгообмен между республиками организован плохо, вся эта обширная литература не полностью поступает в наши библиотеки. Как отмечали участники конференции по вопросам тюркологии и истории русского востоковедения, состоявшейся недавно в Казани, это положение в еще большей степени относится к отдаленно расположенным республикам.

Помимо книгообмена, у нас не всегда удовлетворительно обстоит дело с научной информацией. Только что башкирские диалектологи показали здесь привезенный ими диалектологический сборник. Мы, их соседи, ничего не знаем о нем. Точно так же, вероятно, мало кому известен сборник „Вопросы татарского языка и диалектологии", выпущенный издательством Казанского университета, или сборник „Татар

теле һәм әдәбияты", изданный КФАН СССР, который также содержит статьи по диалектологии. Особенно мало известно о работах, написанных на национальных языках. Поэтому было бы желательно выпускать периодически, один или два раза в год, информационный бюллетень о работах по тюркским языкам и диалектам. В крайнем случае можно было бы помещать подобную информацию в периодических изданиях, например в сборнике „Вопросы диалектологии тюркских языков", который в последние годы начал регулярно издаваться в Баку. Хорошо налаженная научная информация облегчила бы и организацию книгообмена между республиками.

При сравнении диалектных данных по разным тюркским языкам мы пользуемся научными статьями и трудами, в которых те или иные языковые факты отражены с точки зрения автора, даны в его интерпретации. Чтобы полнее представить себе картину того или иного явления, исследовать функциональные особенности какой-либо формы и т. д., возникает потребность обратиться к самим диалектологическим текстам, проследить это явление в „живом" употреблении, контексте. Однако в республиках почти совершенно перестали заниматься изданием диалектологических текстов. Поэтому очень отрадно было услышать от туркменских диалектологов, что они подготовили к печати такие материалы. Было бы желательным публиковать больше диалектологических текстов, снабжая их одновременно переводом на русский язык.

Доктор филологических наук Е. И. Убрятова внесла очень интересное и ценное предложение о создании обобщающей работы по тюркской диалектологии, в которой было бы отражено формирование диалектных систем тюркских языков.

Наши диалекты изучены еще далеко не в одинаковой степени. Меня поразил, например, размах диалектологической работы в Азербайджане. Здесь проделана огромная работа, имеются монографические описания отдельных говоров, созданы сводные работы, разработана классификация азербайджанских диалектов и говоров. Азербайджанские диалектологи имеют большие преимущества перед диалектологами многих других республик в численности кадров, работающих под руководством такого опытного диалектолога, как проф. М. Ш. Ширалиев. Здесь отмечали также значительную работу, проделанную диалектологами Татарии. Но условия работы татарских диалектологов несколько иные. У нас нет такого многочисленного отряда диалектологов, как в Азербайджане. Над изучением татарских диалектов, распространенных, кроме Татарии, на территории многих областей Европейской части Советского Союза и Сибири, работает 5—6 научных работников. Из татарских диалектов наиболее полно изучен средний диалект, имеются отдельные исследования по говорам восточного и западного диалекта. Но у нас нет еще сводной работы, которая на основе современного состояния изученности татарских диалектов, ярко отражала бы их картину во взаимоотношениях друг с другом и с литературным языком. Таких работ, по-видимому, нет и по другим тюркским языкам. Создание обобщающих работ по отдельным тюркским языкам могло бы быть, на наш взгляд, предварительным этапом в подготовке такого фундаментального труда, о котором говорила Елизавета Ивановна Убрятова.

И еще одно частное замечание. М. Рагимов в своем докладе привел пример из моей статьи, в которой говорится, что употребление притяжательной формы на *-ныңкы* в сибирских диалектах татарского языка отлично от других диалектов и языков. По мнению

докладчика, такое же употребление имеет эта форма и в другом татарском диалекте (приведен пример из статьи Н. Бурановой, который нами не был использован). Действительно, употребление формы с аффиксом *-ныңкы* в атрибутивной функции встречается в некоторых говорах татарского языка. И тем не менее нам кажется, что в восточном диалекте татарского языка (т. е. у западносибирских татар) эта форма имеет особенное употребление. Дальнейшее изучение этого диалекта еще более убеждает нас в этом. Так, например, форма с аффиксом *-ныңкы//-неңке* может выступать в роли родительного падежа имени (и даже нескольких, последовательно подчиненных):

Шул шәэрнеңке патишаныңкы кызыныңкы воспитательницасы пулаты.—У дочери падишаха этого города была воспитательница (из сказки). *Песнеңке пулғалы тейеш ите ике кварталныңкы отчет.*—У нас должен был быть отчет за два квартала.

Приведу пример на употребление этой формы в роли винительного падежа имени: *Костюмныңкы йәктә тибес.*—Костюм мы называем „яктә". *Пелмәйем аныңкы.*—Я этого не знаю.

И один раз удалось отметить эту форму в функции основного падежа: *Мунирнеңке әйтәте: пушат* вм. *Мөнир әйтә: җибәр*— Мунир говорит: отпусти.

Трудно пока утверждать, как произошла и развивалась эта форма, но совершенно очевидно, что она имеет очень своеобразное употребление в диалекте сибирских татар.

При координации работ по диалектологии необходимо иметь в виду не только научно-исследовательские институты, но и высшие учебные заведения—университеты и педагогические институты. В них также ведется соответствующая работа, студенты широко привлекаются к участию в диалектологических экспедициях, к сбору материалов. Чтобы дать правильное направление диалектологической работе, которая ведется в вузах, необходимо ориентировать их научно-педагогические кадры в общих и частных вопросах тюркской диалектологии.

М. П. ЧАһАНКИРОВ

(*Бакы*)

МӘНБӘ МҮӘЈЈӘНЛИЈИ ДИЛ ТАРИХИНИН ЈАРАНМАСЫНДА ИЛКИН ШӘРТДИР

Азәрбајчан дилинин тарихини јаратмаг һәр һансы башга бир дөврдәкинә нисбәтән инди гаршымызда даһа кәскин шәкилдә дурмагдадыр.

Дилимизин инкишаф тарихи халгымызын, әдәбиҹјатымызын инкишаф тарихинә нисбәтән даһа мүрәккәб вә долашыг олмушдур; дилимиз, тә'бир чајизсә, киринтили-чыхынтылы, габарма-чәкилмә, узаглашма-јахынлашма, бирләшмә-ајрылма кими доланбаҷ јолларла, лакин әсасән јүксәлән хәтт үзрә—зәнкинләшмә, тәкмилләшмә истигамәтиндә инкишаф етмишдир. Белә бир дилин мүкәммәл тарихини јаратмаг вә тарихи диалектолокијасыны һазырламаг үчүн, һәр шәјдән әввәл, онларын мәнбәләрини дүрүстләшдирмәк ишиндән башламаг лазымдыр. Бу мәнбәләрин башлычылары исә, мәнчә, ашағыдакылардан ибарәтдир.

1. *Ән гәдим үмуми мәнбәләр.* Бураја Орхон—Јенисеј китабәләрини V—VIII әсәрләрә аид ујғур абидәләрини дахил етмәк олар. Академик И. А. Батмановун мә'рузәсиндән көрүндүјү кими, әкәр Орхон—Јенисеј китабәләриндә һәтта диалект үнсүрләрини белә, мүәјјәнләшдирмәк мүмкүндүрсә, демәли, нисбәтән сонракы дөврләрә аид мәнбәләрдә дә диалект-шивә хүсусиҹјәтләрини үзә чыхармаг мүмкүндүр. Әлбәттә, бу һал һәм мүкәммәл дил тарихинин јаранмасына, һәм дә тарихи диалектолокијанын һазырланмасына хејли көмәк едәрди.

2. *Гәдим үмуми мәнбәләр.* IX—XII әсрләрә аид ујғур абидәләри (будда јазылары, һүгуг сәнәдләри, Кутадгу билик, Һибәтүл-һәгаиг, „Һикмәт“ Јәсәви), Маһмуд Кашгаринин лүғәти вә с. бу сырадандыр. Ујғур абидәләринин өјрәнилмәси саһәсиндә биздә—Азәрбајчанда, демәк олар ки,һеч бир иш көрүлмәмишдир. Маһмуд Кашгари лүғәтинин тәдгиги вә нәшри саһәсиндә көрүлмүш ишләр исә гәнаәтләндиричи дејил. 40-чы илләрин әввәлләриндә тәрчүмә олунмасына бахмајараг, Кашгари лүғәтинин һәлә дә чап едилмәдијинә нечә һагг газандырмаг олар? Доғрудур, бу әсәрин о вахткы тәрчүмәси мүкәммәл дејил; башга нүсхәләрлә, әлагәдар јардымчы әдәбиҹјатла мүгајисәдә бир сыра гүсурлар, техники чәтинликләр мејдана чыхмыш, буна көрә дә әввәлки тәрчүмәни дүрүстләшдирмәк лазым кәлмишдир. Институтумузун јүксәк ихтисаслы, тәчрүбәли алимләри инди мәһз һәмин ишлә мәшғулдур. Бунунла белә, ијирми ил әввәл, һәм дә кадрларымызын сон дәрәчә аз олдуғу бир шәраитдә Маһмуд Кашгари лүғәти үзрә әсас тәрчүмә ишләри көрүлүб гутардығы һалда, онун чапа һазырланмасыны дилчилијимизин индики инкишаф мәрһәләсиндә нә үчүн баша чатдырмаг мүмкүн олмур? Ајдындыр ки, бу әсәрин нәшрә һазырланмасына аз сә'j көстәрилир, гүввәләр дүрүст тәшкил едилмир, бу ишлә билаваситә мәшғул олмаға аз вахт ајрылыр. Бу чәһәти дә нәзәрә алмаг лазымдыр ки, Маһмуд Кашгаринин лүғәтини нәшр етмәклә иш гур-

тармыр, бунун ардынча һәмин әсәрин кениш, әһатәли тәһлили, Азәрбајҹан дилинә аид фактларын сечилиб арашдырылмасы, фолклор вә диалект-шивә материалларынын өјрәнилмәси, нәзәри үмумиләшдирмә верилмәси кими мүрәккәб тәдгигат ишләри кәлир.

3. *Јарым үмуми мәнбәләр.* Бураја, мәнчә, һәр шејдән әввәл, „Китаби-Дәдә Горгуд" дастанлары дахил едилә биләр. Она көрә „јарым үмуми" дејирәм ки, бу сәнәд, билаваситә, Азәрбајҹан дилинин шәриксиз абидәси сајыла билмәдији кими, гејд-шәртсиз олараг бүтүн түрк дилләринин үмуми-ваһид абидәси дә һесаб едилә билмәз. Һәмин дастанларын дил материаллары буну гејд етмәјә әсас верир ки, о, бүтүн түрк халгларынын дејил, мүәјјән груп түркдилли тајфаларын (демәли, јарым үмуми) абидәсидир. Бу мәнбәнин јаранма дөврүнү вә јерини, һаралара вә нечә јајылма јолларыны, ону јарадан тајфаларын нечә бирләшиб үмумиләшдијини вә ја нечә парчаланыб ајрылдығыны мүәјјән етмәдән, онун јазыја көчүрүлмә вахтыны вә шәраитини мүәјјәнләшдирмәдән, катибинин һансы халга мәнсуб олдуғуну, һансы диалектдә данышдығыны ајдынлашдырмадан, әлагәдар тајфаларын диалект материалыны арашдырыб башлыча хүсусијјәтләрини үзә чыхармадан вә бунлары „Китаби-Дәдә Горгуд" бојларынын дил материалы илә мүгајисә етмәдән, фактлары тутушдуруб јохламадан, һәмчинин әлагәдар тајфа вә гәбиләләрин етник тәркибини мүәјјәнләшдирмәдән, бу мәнбәдән елә-белә истифадә дүрүст нәтичәјә кәлмәјә о гәдәр дә көмәк едә билмәз. Доғрудур, профессор Дәмирчизадә бу дастанларын дилинә аид үмумиликдә чидди бир тәдгигат әсәри чап етдирмишдир. Әлбәттә, конкрет бир дил нөгтеји-нәзәриндән белә тәдгигләр чох фајдалы вә лазымлыдыр. Лакин суал олунур: „Китаби-Дәдә Горгуд" дастанларынын дили Азәрбајҹан дили тарихинин һансы дөврүнү әкс етдирир? Ахы бу мәнбәнин IX—XII әсрләрә аид едилмәсинә даир һеч бир тутарлы, ағылабатан, дил фактлары илә тәсдиг вә тәсбит олунан дәлил јохдур. Әкәр бу дастанлар XIV—XVI әсрләрдә јазыја көчүрүлмүшсә, бәс онларын дили һәмин дөврә аид әлимиздә олан е'тибарлы јазылы мәнбәләрин дил материаллары илә нә үчүн лазыми гәдәр ујушмур? Әкәр бу дастанлар фолклора аид абидәдирсә, демәли, дили дә даһа чох диалект материалындан ибарәтдир. Онда да башга бир суал мејдана чыхыр: һәмин диалект һансы гәбиләјә, тајфаја мәнсубдур? Бу дастанларын XVI әсрдә јазыја алындығы тәхмин едилирсә, дил вә ифадә тәрзинин һәмин әсрә аид, диалектизмләрлә долу олан мөвчуд јазылы абидәләрдән һеч биринә бәнзәмәдијини нә илә изаһ етмәли? Демәли, бунлары мүәјјәнләшдирмәк, „Дәдә Горгуд" дастанларынын елми-тәнгиди мәтнини һазырлајыб чап етмәк чидди мәсәләдир[1]. Бу ишләри көрмәдән, истифадә вәзијјәтини дүрүстләшдирмәдән вә с. гәранлыг чәһәтләри ајдынлашдырмадан, „Китаби-Дәдә Горгуд" һаггында „үмумијјәтлә" арашдырмалар дилимизин тарихиндә бу тарихә јовушмајан бир јамаг олараг гала биләр.

4. *Хүсуси, јазылы мәнбәләр.* Бурада да һәләлик Азәрбајҹан дилиндә јазылы нүмунәси XIII әсрә аид олуб, сонралар кет-кедә кенишләнән, чохалан бәдии әдәбијјат вә с. јазылар нәзәрдә тутулур. Бу мәнбәләр әдәби дил тарихинин, тарихи грамматиканын, тарихи лексиколокијанын, тарихи фонетиканын јаранмасында әсас мәнбәләрдән олдуғу кими, тарихи диалектолокијанын һазырланмасы үчүн дә баш-

[1] Јери кәлмишкән бу чәһәти хүсусилә гејд етмәк лазымдыр ки, Орхон—Јенисеј, гәдим ујғур вә с. илк үмуми абидәләр һаггында тәдгигат әсәрләрини дә, Ибни Мүһənна лүғәтини, һәтта XIX—XX әсрләрдә јаранмыш дилчилик ирсимизин јахшы нүмунәләрини дә тәрчүмә вә чап етдирмәк јалныз фајда верәрди.

лыча мә'хәздир. Е'тираф едилмәлидир ки, биздә диалектолокијанын бу саһәси илә, демәк олар ки, һеч кәс мәшғул дејил. Һалбуки классикләримизин—бәдии сөз усталарымызын әсәрләриндә ајры-ајры диалект вә ја шивәләрә аид зәнкин материал вар. Бунларын ајырд едилмәси, дил фактларындан һансының үмуми әдәби дилә (аз-чох үмуми әдәби дилә!), һансыларынын исә диалект вә ја шивәләрә (даһа дәгиг олараг һансы диалект вә шивәјә) аид олдуғуну мүәјјәнләшдирмәк чох чидди вә мараглы проблемләрдир. Бунлары ајдынлашдырмадан нә мүкәммәл дил тарихи јаранар, нә дә тарихи диалектолокија һазырлана биләр. Класикләримизин әсәрләриндә диалектал үнсүрләрин мүәјјәнләшдирилмәси әдәбијјатшүнаслыг вә тарихчилик нөгтеји-нәзәриндән дә әһәмијјәтлидир. Мәсәлән, XV әсрдә јашамыш мәшһур Азәрбајчан шаири Кишвәринин јарадычылығында чығатај тә'сири гүввәтлидир. Һәтта XVI әсрин даһи Азәрбајчан шаири Фүзулинин әсәрләриндә дә һәмин тә'сирин изләри мүшаһидә олунур. Буну доғруданмы чығатај тә'сири адландырмаг лазымдыр, јохса XV әсрә, бәлкә даһа сонралара гәдәр Азәрбајчанда ејни дил үнсүрләри гүввәтли олан диалект вә шивәләр вармыш; адларыны чәкдијим шаирләр дә ја билаваситә һәман диалект вә шивәләрдә данышан әһалијә мәнсубмуш, ја да долајысы илә һәмин диалектал факторлардан тә'сирләнибләрмиш? Әкәр доғурдан да белә һаллар дүрүст ајдынлашдырыларса, биз тә'сирләри харичдә дејил, даһа чох дахилдә ахтарар вә ону даһа дүзкүн гијмәтләндирә биләрик. Классикләримизин әсәрләриндә диалект вә шивәләрә аид дил материалларынын дүрүстләшдирилмәмәси бир чох һалларда дил тарихчиләринин нәтичә, һөкм вә мүлаһизәләрини шүбһә алтына алыр. Көрүндүјү кими, бу мәнбәләрдә диалектизмләри мүәјјәнләшдирмәк һәм дил тарихчиләримизин, һәм дә диалектологларымызын биринчи дәрәчәли тә'хирәсалынмаз вәзифәләридир. Јалныз бундан сонра мүкәммәл дил тарихи вә тарихи диалектолокијанын јарадылмасына башламаг олар. Белә арашдырма вә тәдгигләр дә өз нөвбәсиндә гәдим, надир вә мараглы әлјазмалары чап етдирмәк, тәсвирләрини вермәк, классикләримизин тәнгиди мәтнләрини, һазырламаг, лүғәтләрини јаратмаг, мә'лумат китабчалары дүзәлтмәк, илк мәнбәләри дүрүстләшдирмәк вә с. мүрәккәб вә чохчәһәтли башга ишләрлә бағлыдыр. Тәәсәүф ки, бу саһәдә дә ишләримиз һәлә јарытмаздыр.

Һәм диалектоложи лүғәтләр дүзәлтмәк, һәм дә әсәрләри әдәби-бәдии дилимизин инкишафында дөвр тәшкил едән классикләримизин лүғәтләрини һазырламаг нәинки тарихи лексиколокијамызын јаранмасында, һәмчинин мәдәнијјәтимизин инкишафы үчүн бөјүк һадисә оларчаг мүкәммәл изаһлы лүғәтимизин мејдана кәлмәсиндә дә чох әһәмијјәтлидир. Диалектоложи лүғәтләрин тәртиби диалектологларымызын тә'хирәсалынмаз вәзифәси олдуғу кими, јарадычылығы дөвр тәшкил едән јазычыларымызын лүғәтләрини дүзәлтмәк дә дил тарихчиләринин вә лексикографларымызын тә'хирәсалынмсз вәзифәләриндәндир. Рус милли әдәби дилинин инкишафында өз әсәрләри илә дөвр тәшкил едән А. С. Пушкинин лүғәти јарадылдығы кими, Азәрбајчан милли әдәби дилинин формалашмасында вә инкишафында ејни дәрәчәдә (бәлкә даһа артыг) хидмәт көстәрмиш олан М. Ф. Ахундовун да лүғәтини тәртиб етмәк мүмкүн вә лазым дејилми? Һәлә 1957-чи илдә галдырдығым, лакин Институт рәһбәрлији тәрәфиндән сојуг гаршыланыб, е'тинасызлыг көстәрилән вахты чатмыш бу мүһүм иши көрмәјә инди бизим кифајәт гәдәр күчүмүз дә, имканымыз да, вәсиатимиз дә, көзәл, әлверишли шәраитимиз дә вар.

5. *Мөвчуд фолклор материаллары.* Бу мәнбә дә һәм дил тарихинин, һәм дә тарихи диалектолокијанын јаранмасында әсас тәшкил

едир. Дилимизин ән гәдим үнсүрләрини бә'зән мәһз бу мәнбәләрдә, хүсусән халг поезијасында тапа билирик. Буна көрә дә фолклор материалларына, онларын топланмасына диггәтлә, мәс'улијјәт һисси илә јанашмалы, сон заманлар биздә мүшаһидә олунан „јениләшдирмәјә", „мүасирләшдирмәјә" јол вермәмәлијик. Әкс һалда, фолклор материалларындан истифадә хејирдән чох зәрәр кәтирә биләр. Һ. Мирзәзадә јолдаш өз мә'рузәсиндә Чәнуби Азәрбајҹан вә Ираг республикасы әразиләриндә јашајан азәрбајҹанлыларын дилинә, фолклор материалларына аид мисаллар кәтирди... Әлбәттә, адлары чәкилән јерләрин фолклор материалларыны топлајыб өјрәнмәк, һүдудуну вә тә'сир дајрәсини мүәјјәнләшдирмәк, нәзәрдә тутулан мәвзуларын хидмәтинә јөнәлтмәк чох фајдалы оларды.

6. Мөвчуд чанлы диалект вә шивәләр. Азәрбајҹан диалектологлары сон илләрдә хејли иш көрмүш, Совет Азәрбајҹаны әразисиндәки бир сыра рајонларын диалект вә шивәләрини өјрәнмәк саһәсиндә диггәтәлајиг фәалијјәт көстәрмиш, мараглы тәдгигат әсәрләри мејдана чыхармышлар. Лакин бу ишләр тарихи диалектолокија, тарихи лексиколокија, әдәби дил тарихи, тарихи грамматика кими әсәрләрин јаранмасы үчүн лазыми, әһатәли материал олмаг е'тибарилә кифајәтдирми? Мә'лумдур ки, диалектоложи материаллар әсасән Совет Азәрбајҹаны әразисиндә топланмышдыр. Нәзәрә алмаг лазымдыр ки, „Иран Азәрбајҹаны" вә ја „Чәнуби Азәрбајҹан" истилаһлары илә адланыб, Араз чајынын о тајында јашајанлар да халгымызын бир һиссәси, һәм дә даһа кениш әразијә, даһа чох әһалијә малик олан бир һиссәсидир. Бу јерләрин диалект вә шивәләрини өјрәниб үмумиләшдирмәдән, фолклор вә етнографик материалларыны топлајыб, тәдгигатчыларымызын истифадәсинә вермәдән гүсурсуз, мүкәммәл дил тарихи, хүсусән әһатәли тарихи диалектолокија јаратмаг олармы? Нәинки сәрһәдләримиздән харичдә јашајан, һәтта гардаш Совет республикаларындакы сабит мәскәнли азәрбајҹанлыларын да диалект вә шивә үнсүрләрини, шифаһи әдәбијјат нүмунәләрини, етнографик материалларыны, топонимик адлары топлајыб системә салмаг вә онлардан мәгсәдә ујғун шәкилдә истифадә етмәк сон дәрәчә әһәмијјәтлидир.

7. Гоһум дилләр вә онларын диалектләри. Азәрбајҹан дилинин бир сыра сөз вә шәкилчиләри ајры-ајры түрк дилләриндә вә диалектләриндә дә ја тамамилә, ја да мүәјјән фәргләрлә ишләндији көз өнүндә олан бир фактдыр. Дил вә диалект материалларынын мүгајисәсиндән ајдын көрүнүр ки, Азәрбајҹан дили, һәр һансы башга бир дилә нисбәтән, түрк дилләри илә тарихән даһа јахын, даһа чох бағлы олмушдур. Буна көрә дә Азәрбајҹан дилинин тарихини јаратмаг үчүн түрк дилләриндән, диалектләриндән кениш өлчүдә истифадә етмәк зәруридир; дил тарихинин вә тарихи диалектолокијанын һазырланмасы үсул вә тәчрүбәләри илә, бу саһәдә ајры-ајры алимләрин мүлаһизә вә нәтичәләри илә танышлыг, онларла әлагәли ишләјәрәк түрк дилләринин мүгајисәли тарихи грамматикаларыны, тарихи фонетикаларыны, лүғәтләрини јаратмаг әһәмијјәтлидир.

8. Тарихән әлагәдар олан гејри-гоһум халгларын дилләри. Дилимиз һәмишә гоншу халгларын дилләри илә тәмасда олмуш, бу дилләр тарихән бир-бириндә аз вә ја чох дәрәчәдә гаршылыглы тә'сир көстәрмишдир. Бу тә'сирин характерини вә һүдудуну ајдынлашдырмаг үчүн әлагәдар дилләрин инкишаф тарихи илә танышлыг вачибдир. Бу чәһәтә нәзәрә алмадан, инкишаф просесинин истигамәтини мүәјјәнләшдирмәдән, харичи факторларын—кәлмә-алынма дил үнсүрләринин мәһијјәтини дүрүст мүәјјән етмәдән дилимизин гүсурсуз мүкәммәл тарихини јаратмаг чәтин олар.

9. Кичик халгларын вә етник групларын дилләри. Мә'лум олдуғу кими, Азәрбајҹан әразисиндә вә бу әразијә битишик олан јерләрдә бир чох кичик халглар јашамышдыр ки, онларын дилләри дә бу вә ја дикәр дәрәчәдә Азәрбајҹан дили илә, бу дилин тарихи инкишафынын ајры-ајры мәрһәләләриндә билаваситә бағлы олмушдур. Сон заманлар һәмин дилләрдән бә'зиләри үзәриндә апарылан тәдгигат бу мәнбәләрдән истифадәнин зәрурилијини тәсдиг едир. Әлбәттә, белә амилләрә дә е'тинасыз јанашмаг олмаз.

10. Мүасир әдәби дил. Бу дилин елми чәһәтдән дәгиг вә әһатәли өјрәнилмәси, бир сыра проблемләрин һәлли, гаранлыг чәһәтләринин ишыгландырылмасы дил тарихинин вә бунун ајры-ајры çаһәләринин сәмәрәли тәдгигинә сон дәрәчә чидди, әсаслы көмәк едәрди. Тәчрүбә көстәрир ки, дил тарихи материалларыны арашдыраркән, гаршыја елә проблемләр чыхыр ки, бунлар һәтта мүасир әдәби дилдә дә һәлә лазыми сәвијјәдә ајдынлашдырылмамышдыр. Белә һаллар исә тәдгигата бөјүк манеә төрәдир. Дил тарихчиси чох заман мөвзудан кәнара чыхмаға, тәдгигат објектиндән ајрылыб, гаршыја чыхан проблемләрин һәллинә кириşмәјә мәчбур олур ки, бу да һәтта физики чәһәтдән белә, имкан харичиндәдир. Бурадан белә бир нәтичә чыхыр ки, мүасир әдәби дил проблемләринин һәллинә диггәти артырмаг лазымдыр.

Нәзәрә алынмалыдыр ки, мөвчуд дилимизин ајры-ајры үнсүрләри нәинки гәбилә-тајфа, һәтта әширәт дөврүндән, ибтидаи ичма гурулушу дөврүндән сүзүлүб кәлмишдир. Мүасир дилимизин бизим үчүн јени көрүнән зәнкин материалы арасында әчдадымызын, чох гәдим кечмишимизин јашајышы, адәт-ән'әнәләри, дүшүнчә тәрзи, мүбаризәси мүһафизә олунуб сахланмышдыр. Бу материаллардан јалныз сабит сөз бирләшмәләриндәки „мә'насыз" кими көрүнән бә'зи дил үнсүрләри нәзәримизә чарпыр. Һалбуки тарихән јаранмыш сабит сөз бирләшмәләри дилимизин инкишафында нисбәтән сонракы һадисәләрдәндир. Бизә инди мә'насыз кими көрүнән бә'зи сөз вә шәкилчиләр өз дөврүнүн ән мә'налы, мүәјјән әшја, әһвалат, иш-һәрәкәт вә с. анлајышларла билаваситә бағлы олан мараглы дил материалыдыр. Бунларын арашдырылмасы бизә сирр олараг галан бир сыра тарихи һәгигәтләрин һадисәләрин үзә чыхарылмасына көмәк едә биләр. Һал-һазырда һеч бир чәтинлик чәкмәдән асан башa дүшдүјүмүз, бизә јени, садә вә ајдын көрүнән бир сыра дил материалы әслиндә чох гәдим тарихә маликдир, мүрәккәб бир инкишаф просеси кечирәрәк бу күнкү шәклини алмышдыр. Бу чәһәтдәндәгиг арашдырылан ајры-ајры дил һадисәләри, тәкчә дил тарихинин јаранмасында дејил, бунунла јанашы халгымызын тарихинин дүрүстләшдирилмәсиндә дә ән мө'тәбәр мәнбә, ән зәнкин, ән е'тибарлы материал ола биләр. Буна көрә дә мүасир әдәби дилимизин дәриндән тәдгигинә диггәти даһа чох артырмалыјыг.

Сағлам, ағыллы мүһакимә илә, мәнфи-мүсбәт амилләри тәнгиди шәкилдә нәзәрә алмагла, дүрүст планлашдырма, гүввәләрин бирләшдирилмәси вә дүзкүн јерләшдирилмәси, сә'јләрин артырылмасы, фајдалы тәшәббүсләрин гијмәтләндирилмәси, гаршылыглы јанлашма илә, достчасына әмәкдашлыгла биркә фәалијјәт—әдәби дил тарихинин, тарихи грамматиканын, тарихи лексиколокијанын, тарихи фонетиканын, тарихи диалектолокијанын, етимоложи лүғәтләрин вә с. јарадылмасы үчүн рәһндир. Бу әсәрләрин јарадылмасы үчүн исә илкин шәрт—мәнбәләрин мүәјјәнләшдирилиб дүрүстләшдирилмәсидир.

М. М. МИРЗАЕВ

(*Бухара*)

Кыпчакское наречие узбекского языка (по другой терминологии — шейбанидско-узбекский, или „джекающий" диалект), близко родственное казахскому языку, имеет значительное территориальное распространение. Установлено наличие этого наречия во всех областях Узбекистана, в том числе и в Бухарской области. Однако о территории распространения и об особенностях местного кыпчакского говора Бухарской области в литературе еще не было сообщений.

Исходя из этого обстоятельства, мы поставили перед собой задачу определить территорию размещения носителей кыпчакского говора и охарактеризовать некоторые его особенности.

Кыпчакский говор, как местная разновидность кыпчакского наречия, обычно является кишлачным. В отличие от говоров самаркандско-бухарской группы он считается, по выражению проф. Е. Д. Поливанова, „собственно узбекским".

Кыпчакский говор как „джекающий" диалект мы обнаруживаем на территории четырех районов области: Навоинского (б. Кермининский), Кзылтепинского, Кенимехского и Каганского. В Навоинском районе, расположенном в 122 *км* к северо-востоку от Бухары, на кыпчакском диалекте говорит значительная часть населения следующих сельсоветов: Дурменского (12 *км* к западу от г. Навои), Кзыл-Октябрьского (12 *км* на восток от него) и Туркестанского (28 *км* на восток от него). Заслуживает внимания то обстоятельство, что один из кишлаков Дурменского сельсовета называется Буркут, что соответствует родоплеменному происхождению его жителей.

В Кенимехском районе (в северо-восточной части его, в 148 км от г. Бухары) кыпчакский говор мы обнаруживаем на территории 2-го и 3-го отделений хлопководческого совхоза „Гигант", главным образом, в кишлаках Караджан и Месит, недалеко от сел. Кескантерак.

Все названные селения с кыпчакским говором окружены узбекскими кишлаками с „йекающим„ диалектом. Это свидетельствует о том, что кыпчакский говор, как малочисленный, находится в тесной связи с другими диалектами (не джекающими) и испытывает влияние последних.

Население, употребляющее кыпчакский говор, хорошо сохранило в памяти свою родоплеменную принадлежность в прошлом. Большинство из них относят себя к племени Буркут (например, жители сел. Буркут в Навоинском районе, или жители кишлака Караджан в Кенимехском). В этом можно не сомневаться. По их словам, буркуты лет 150—200 назад, не поладив с наместником эмира, прибыли сюда

из Нуратынского района Самаркандской области, что можно считать соответствующим действительности. Об этом известном узбекском племени имеются достоверные сведения у Н. Ханыкова и Аристова. Сообщается, что буркуты „обитают между Кермине и Меликом".[1]

Есть джекающие кыпчакские группы, которые относят себя к племени Ябы и Минг. Это мы обнаружили в сел. Дегрез Туркестанского сельсовета Навоинского района. Житель этого кишлака Н. Баймурадов сообщил, что он из племени Джабы (т. е. Ябы), а другой местный житель Т. Рузиев говорит, что он из рода Минг. Нами было констатировано еще и то обстоятельство, что у мингов элементы джеканья сохранились в меньшей степени, чем у Ябы. По их свидетельству, оба эти рода лет сто и даже больше назад прибыли из Самаркандской области, а именно: ябы из местности нынешнего Пахтакорского района, а минги—из Катта-Курганского.

Об этих двух племенах мы обнаруживаем сведения у того же Н. Ханыкова, который сообщает, что племя Ябы частично проживало оседло в южной части Бухарского Тумяна, частично же кочевало с родами Хытай, Найман в Миянкале. Это дает нам основание предполагать, что родоплеменная группа Ябы прибыла в нынешний Туркестанский сельсовет Навоинского района через б. Миянкаль (Самаркандская область). О племени Минг мы читаем у А. Гребенкина следующее: „Минги пришли в Среднюю Азию с севера еще до времени Чингиса и кочевали по Сыру (т. е. Сыр-Дарья). В бассейн Зеравшана минги пришли при Эланмуме"[2].

Переходим к общей характеристике кыпчакского говора этих районов.

Для того, чтобы более или менее ясно представить особенности кыпчакского говора Бухарской области, его общие признаки и отличительные черты по отношению к кыпчакскому наречию вообще, мы сочли целесообразным сопоставить материалы говора с лингвистической характеристикой кыпчакского наречия, приведенной в работе проф. В. В. Решетова „Изучение узбекских народных говоров"[3]

Характеристика кыпчакского наречия узбекского языка	**Характеристика исследуемого кыпчакского говора**
Фонетика	
1. Наличие контрастирующих пар гласных (*ү—ү*, *ө—ө*, *ы—и* и *а—ә*), в связи с этим сохранение сингармонизма.	1. Контрастирующие пары имеются; однако каждая из этих пар звуков представляет одну фонему, т. е. передний и задний варианты гласных не служат смыслоразличителями, а являются позиционными. Ср. *кӏуш—куч*, *кӏол—көл*, *тығ—тик ғалла—ғәлә*.
2. Дифтонгизация начальных гласных верхне-среднего подъема *иә*, *уо*, *уө*	2. Подобная дифтонгизация гласных не наблюдается.
3. Дифтонгическое сочетание *ий* в словах *ийт*—собака, *бийт*—вошь.	3. Дифтонгическое сочетание не имеет места.

[1] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб, 1843, стр. 64.
[2] А. Д. Гребенкин. Узбеки. Сб. „Русский Туркестан", вып. 1. М., 1872, стр. 72.
[3] Сб. „Материалы по узбекской диалектологии, I. Ташкент, 1957, стр. 7—8.

4. Отсутствие кратких и долгих гласных; наличие долготы вторичной формации, возникающее, как правило, в результате выпадения смежных согласных звуков.

5. Переход начального *дж*<*й* т. е. „джеканье", а не „йеканье": *джол*<*йол*—дорога, *джаман*<*йаман* (лит.-орф. ёмон)—плохой.

6. Переход *ғ*>*в*: *тағ*→*тав*—гора, *ағыз*→*авуз*—рот.

7. Переход *г*>*й* *ғ*>*й*: *тегди*→*тийди*—он тронул; *йиғин*→*джыйын*—сбор, *сигир*→*сийир*—корова

8. Озвончение *п*, *к*, *к*$_1$ в интервокальной позиции: *к*$_1$*ап*→*к*$_1$*абы*—мешок, его мешок→*эк эгип*—сей, посеяв, *чик*$_1$→*чығып*—выйди, выйдя.

9. Падение конечных *к*, *к*$_1$: *сарык*$_1$→*сары*—желтый, *кичик*→*кичи*—маленький.

10. Появление начального *х*$_1$: *айван*→*х*$_1$*айван*—терраса.

4. Эта характеристика вполне соответствует говору: долгота вторичной формации часто наблюдается, например: *менэт* (лит.—орф. мах$_1$*нат*), *мэтал* (*мех*$_1$*тал*), *ша:р* (*шах*$_1$*ар*) *к*$_1$*аралпэк*. (к$_1$орак$_1$алпок$_1$).

5. Явление „джеканья" наблюдается, но не в последовательном плане, ср. *джамэн*, но: *йук*$_1$*ары*—высший, а не *джук*$_1$*эры*, *джыл*—год, но: *йиллик*—годовой, а не *джиллик* и т.д.

6—7. Данные переходы в говоре заметно наблюдаются: *тэв* (лит.-орф. тоғ), *бувдай* (буғдой)—пшеница, *сийир* (сигир), *тейишли* (тегишли)—надлежащий, *тийэдими* (*тегадими*?)—хватает ли?

8. Точное сохранение этого явления: *кэп*→*кэби*—много, *тик*→*тигиш*—шитье, *ок*$_1$→*оғы*—ось, его ось, *чык*$_1$→*чығыш*—выходи, выходить.

9. Зафиксировано падение *к*, к$_1$ в исходе слова: *сарык*$_1$→*сары*—желтый, *тарык*$_1$→*тары*—просо.

10. Это явление не встречается; оно имеется в казахском языке населения Кенимехского района, которое проживает в пастбищной зоне.

Морфология.

1. Чередование *н* /-*д*/-*т* в аффиксах притяжательного и винительного падежей.

2. Конструкция дательного падежа от личных местоимений типа *маған*, *саған*, *уған*

3. Настоящее время данного время на-*жатыр*: *баражатыр*—он в данный момент идет.

1. Данное чередование имеет место в аффиксах притяжательно-винительного падежа: *уни*—*сизди*, *ишти*—его—вас, работу—работы.

2. В говоре—отжившая конструкция; она преобразилась в формы *мэнгэ*, *сэнгэ*, *унгэ* (близко к литературной форме).

3. Настоящее время данного момента образуется при помощи суффикса-*йап*: *бэрайапти*, *келэйэпти* он идет (туда и сюда); в редких случаях *йэтир*, а не-*жатыр*; *келэйэтир*, *ишлэйэтир*.

4. Причастие настоящего-будущего времени на-*тыған*: *келатыған*—приходящий.	4. Тот же самый суффикс, но с фонетическим вариантом-*тиған*, -*тиған*: *кошадыған*—добавляющий, *күтәдиған*—ожидающий.

Как это видно из приведенных 14 сопоставляемых признаков кыпчакского наречия и одного из его говоров, 9 признаков соответствуют местному говору, а 5—не соответствуют. Это расхождение свидетельствует об эволюции в структуре говора. Замечается сближение говора с литературным языком, под влиянием которого говор находится. С другой стороны, налицо и влияние окружающих „йекающих" говоров узбекского языка.

Мы считаем целесообразным разъяснить отдельные пункты вышеприведенных сопоставительных данных.

1. Кроме восьми парных гласных, в говоре есть еще две гласные фонемы: *е* (с фонетическим вариантом *э*) и *ɔ* с вариантом *å*, т. е. звук, представляющий нечто среднее между *ɔ* и *а*. Для передачи на письме особенности вокализма говора мы пользуемся 12 графическими символами: *а—ə*, *ы—и*, *е* (*э*), *ү—ү*, *о—ө*, *ɔ* (*å*). Появление гласного звука *ɔ* связано с последними моментами; этот новый звук в системе вокализма говора появился под влиянием „окающих" говоров, с одной стороны, и литературного языка—с другой. Гласный заметно отличается от *ɔ* самаркандско-бухарского типа, который более устойчиво сохраняет качество открытого *ɔ* со слабо выраженной губной работой. Оно, т. е. гласное *ɔ*, в говоре дает значительные колебания, варьируя типами *ɔ* и *а*.

2. Гармония гласных внутри слова, которая реализуется парными гласными, влечет за собой и согласование, точнее ассимиляцию корневых и аффиксальных согласных. Существует мнение тюркологов о том, что гармония гласных охватывает и согласование согласных. А это заметно ощущается в говоре; сравните следующие примеры:

оқыған (читавший)—*келгән* (пришедший); или *борған* (сходивший)—*ичкән* (пивший), *кучған* (обнявший)— *күтгән* (*күткән*) (ждавший); *бәрдық* (мы ходили)—*көрдик* (мы видели) и т. д. Короче говоря, с гласными переднего ряда согласуются согласные *к*, *г*. А с гласными заднего ряда — *қ*, *ғ*, *х*.

Что касается гармонии губных гласных, которая имеет место в ряде говоров кыпчакского типа, например: в Кураминских говорах Ташкентской области (*орун—орнудан*—место, с места и т. д.), то ее мы в исследуемом говоре не обнаруживаем. Следовательно, при наличии лингвально-сингармонистического чередования отсутствует лабиально-сингармонистическое (ср. *орын—орнидан*, а не *орнудан*). С этой точки зрения кыпчакский говор Бухарской области можно сравнить с казак-найманским говором Самаркандской области. Проф. Е. Д. Поливанов по этому поводу писал, что „несмотря на отсутствие второго чередования, казак-найманский говор считается в полной мере удовлетворяющим понятию сингармонического узбекского говора". Такое же заключение можно было бы сделать и по отношению к кыпчакскому говору Бухарской области.

Несколько слов о системе консонатизма говора. В говоре 23 согласных звука, включая заимствованный фрикативный *ж*, который употребляется в слове *аждар*—дракон. Эта сокращенная форма таджикского слова *ачдарҳо*. Губно-зубной согласный *ф* в говоре отсутствует, следовательно, он в заимствованных словах заменяется соглас-

ным *п*: *парк*ı вм. *фарк*ı—разница, *пикир* вм. *фикр*—мысль, *перма* вм. *ферма* и т. д. Отсутствие согласных *ж* и *ф*—общее явление для собственно узбекских говоров. Что касается фарингального согласного *х*ı, то он в начале и в середине слов употребляется регулярно: например, *х*ı*ўкиз*—бык, *х*ı*әнгәмә*—веселая беседа, *х*ı*аммәм*—баня, *ах*ı*ар*—крахмал, *кәлхат*—коршун и т. д. Замена *х*ı>*х*, или обратно: *х*>*х*ı в говоре не встречается.

По части фонетических изменений следует отметить:

1. Переходы (или чередования): *б*>*в*: *лаб*>*лавим*—губа, моя губа; обратный переход *в*>*б*: *варак*ı>*барак*ı—лист бумаги; *в*>*г*: *йубәриб*>*джугәриб*—посылая; *п*>*в*: *чәп*>*чәва*—*чәва*—беги, бегом; *х*ı>*в*. *бих*ı*ишти*>*бивишти*—сорт винограда; *с*>*ч*: *сәч*>*чәч*—волосы.

2. Ассимиляция *тл*>*лл*: *катлама*>*каллама*,

3. Диссимиляция: *сс*>*ст*: *киссә*>*кистә*—карман.

4. Метатеза: *рй*>*йр*: *дәрйа*>*дайра*—река, *хш*>*шх*: *охшайды*>*ошхайды*.

5. Выпадение звука *л*: *болған*→*боған*—закончивший, *қылған*→*қыған*—сделавший; *т*: *дашт*→*даш*—степь, *олтмиш*→*олмыш*—шестьдесят; *қа*: *қаракалпак*ı→*қаралпак*ı и др.

Появление носового согласного *нг* при сочетании (контакте) *нг*: *менгә*, *сенгә*—мне, тебе.

7. Озвончение заднеязычного носового *нг*:(*нғ*) *джангы* (лит.-орф. янги)—новый, *джанғыттан* (лит.-орф. янгидан)—снова.

К морфологическим признакам говора следует добавить следующее:

1. Показатель множественного числа имеет варианты: *-лар*, *(-ләр)*, *-ар*. Например: *тәллар*, *терәкләр*, *бизар* (лит.-орф. бизлар)—мы.

2. Родительный падеж по своей форме совпал с винительным, что обусловило появление родительно-винительного падежа (у проф. В. В. Решетова—определительно-винительный падеж) с единым внешним признаком, семантика которого вскрывается его позицией в предложении или словосочетании. Ср. примеры: *пахтаны пәйдасы* (польза хлопка)—*пахтаны тәза тер* (чище собери хлопок).

Показатели родительно-винительного падежа в говоре следующие: *-ны*/*-ни* (после гласного): *баланы*, *көчәни*; *-ды*/*-ди* (после звонких и сонорных согласных): *сувды*, *қызды*, *келенди*; *-ты*/*-ти* (после глухих согласных): *этти*,*ишти*, *Кәнимехти*.

3. Дательно-направительный и местный падежи в говоре четко дифференцированы, тогда как в соседних „йекающих“ говорах (например, в говоре Навои и его окрестностях) дательно-направительный падеж совпадает с местным падежом. Значение этих двух падежей различается, как и родительно-винительного падежа, в контекстах.

Интересно сравнить следующие примеры:

В кыпчакском („джекающем“) говоре	**В „йекающем“ говоре**
Мен үйге бәрдым—я ходил домой	*Ман ойга бордам*—я ходил домой
Мен үйда әдим—я был дома	*Ман ойга әдим*—я был дома ,букв... был домой

У колхозда мшлайди—он работает в колхозе	*У колхозга ишлайди*—он работает в колхозе.
Бэшида телпэк, айағыда этик—у него на голове шапка, а на ногах сапоги	*Бэшига телпак, айэғига этик*—у него „на голову" шапка, „на ноги" сапоги—в знач. „на голове" и „на ногах"
Бах|арда чигит эгамиз—весной мы сеем хлопок	*Бах|эрга чигит экамиз*—„на весну мы сеем хлопок"—в знач. „весной"

Дательно-направительный падеж в кыпчакском говоре Бухарской области имеет форманты: *-га/-гэ* (после мягкой основы): *укэмгэ, ичигэ кэптарга*. *-ға* (после твердой основы): *к|олға, ғозаға, эшга, -ка* (после конечного *к* или *г*): *билэккэ, бэрккэ*. *к|а* (после *к|* или *г*): *ок|к|а, тэк|к|а, қышлак|к|а*.

4. Образование прилагательных и существительных с отвлеченным значением при помощи суффиксов *-лық|/-лик|*: в зависимости от твердости и мягкости основы *к|ойлық|*—обладающий баранами; *к|ойлық|, ва сийирлик колхозчилар*—колхозники, имеющие баранов и коров; *бэғчылық*—садоводство, *тэкчилик*—виноградарство.

5. Глагол настоящего времени данного момента образуется, в основном, двумя формантами: *-йап* (а-йап: *ок|ыйапты*)—он в данный момент учится или читает, *келэйапти, бэрэйапти*—он в данный момент идет; *-йатыр*: *ок|ыйатыр, келэйэтир, бэрэйатир*. Форма *-йатыр* в большей части наблюдается в речи пожилых людей, а форма на *-йап* в речи молодежи и интеллигенции.

Приводим спряжение глагола с формой времени *-йап*:

мен ок|ыйаппан (*йип-ман*)	*биз ок|ыйаппыз* (*йап-миз*)
сен ок|ыйапсан	*сиз ок|ыйапсиз*
у (*л*) *ок|ыйапты*	*улар ок|ыйапты* (*лар*).

6. Желательная форма 1 лица мн. ч. образуется показателями *-ық/-ик* (*-лик|*) реже; *-лық|/-лик*: *кетэйик, к|элайлық|, к|ылайлық|, кэтэрэйлик*—пойдемте-ка, останемся-ка, поднимите-ка.

Усеченная форма местоименного прилагательного *шундай, бундай* + деепричастие *этиб*: *шуйтиб* (*шундай этиб*), *буйтиб* (*бундай этиб*), которая употребляется в начале предложения в роли вводного слова: *шуйтиб келип к|эған*—таким образом, он прибыл. Иногда оба эти слова употребляются подряд: *шуйтиб буйтиб пахтаны эгиб элдык|*.—Таким образом, мы посеяли хлопок.

Лексико-семантические особенности исследуемого говора будут освещены в другой работе.

Выводы

„Джекающий" говор узбекского языка Бухарской области является составной частью кыпчакского наречия, он, наряду с общими признаками этого наречия (они составляют большинство), имеет свои местные особенности: утрата лабиально-сингармонистического чередования, дифтонгизации, отсутствие смыслоразличительности парных согласных, переход формы прогрессива на *-джатыр*//*-йатыр* и *-йап* (т. е. от нелитературной к литературной форме); постепенное появление „окания" и „йеканья" в системе гласных и согласных.

Данные наших наблюдений по исследованию кыпчакско о говора являются ярким свидетельством того, как малочисленный кыпчакский „джекающий" говор, находясь в окружении „йекающих" узбекских говоров, испытывает на себе влияние общенародного, литературного узбекского языка, в условиях коллективной жизни постепенно изменяет свою структуру, которая в древности сложилась и оформилась в процессе образования рода или племени. Так, местные говоры изменяются в сторону сближения их с современным общенародным узбекским языком.

Т. А. БЕРТАГАЕВ

(*Москва*)

Я хотел бы сказать несколько слов по докладу Е. И. Убрятовой. Доклад интересный. Дело в том, что в нем, как и в своей работе „Некоторые фонетические особенности якутских говоров", Е. И. Убрятова отмечает скрещение якутского языка с другими языками. Она, по-моему, на богатом материале сумела показать и доказать, что якутский язык является типом языка скрещенного. Но из этого правильного положения, докладчица делает не совсем правильный вывод, считая, что изучение скрещения или внешнго влияния есть единственное и основное средство, при помощи которого можно проникнуть в глубины развития тюркских диалектов и говоров, в их первоначальное эмбриональное состояние. Это видно хотя бы из того как Елизавета Ивановна в своем выступлении говорила, что если бы не было внешних влияний, то диалекты и говоры тюркских языков имели бы очень слабо развитое различие, т. е. эти различия были бы совершенно незаметными.

Мне кажется Елизавета Ивановна не придает значения внутреннему процессу, внутренней закономерности развития говоров и диалектов. Дело в том, что помимо внешних влияний, которые играют определенную роль в формировании диалектов и говоров, имеет большое значение и внутренний процесс, происходящий внутри данного языкового подразделения.

Я тюркских диалектов не знаю. Приведу примеры из бурятских диалектов. У нас имеются бурятские говоры, которые являлись некогда наречиями одного единого племени, но вследствие дальнейшего исторического развития и в результате внутренних процессов, которые происходили в этом наречии, этот некогда единый говор распался на несколько подразделений. Сошлюсь хотя бы на хоринское племенное наречие, которое сейчас представлено в виде таких подразделений, как собственно хоринский, агинский, еравнинский и др. Такой факт можно наблюдать в ряде случаев. Поэтому, мне кажется, говорить о том, что при формировании диалектов и наречий исключительную роль играют только внешние факторы—не совсем верно. Это будет односторонним подходом.

Дальше Елизавета Ивановна говорила, что в казахском языке имеется слабо развитая система диалектов. что различие между диалектами очень слабое. Но как подходить к степени различия диалектов? Я думаю, что внутренние соотношения, имеющиеся в данном языке, являются главным критерием выделения диалектов. Иной подход был бы абстрактным. Нет пока и не было общих, заранее установленных критериев определения степени различий языковых подразделений внутри

данного языка: что подходит для одного языка, не подходит для другого. Одним словом, нельзя приходить „со своим уставом в чужой монастырь".

Мне кажется, нужно исходить из того, какова степень различия тех или иных языковых подразделений внутри данного языка.

Если не принимать во внимание те конкретные условия, в которых развиваются говоры и диалекты, то трудно не ошибиться. Я не могу в данном случае пользоваться взятыми из говоров и диалектов доказательствами, потому что у меня этих доказательств пока нет. Но давайте возьмем и сопоставим азербайджанский, якутский, татарский и башкирский языки. Я думаю, что различие между башкирским языком и татарским— очень слабое по сравнению с тем различием, которое находим между азербайджанским и якутским языками. Если подойти к первым языкам с той меркой различий, какие существуют между вторыми, то первые в смысле различий окажутся на уровне диалектов, может быть, говоров, по сравнению с различиями во вторых. Следовательно нет общей мерки различий и для родственных языков. Степень различий одних не подходит для других языков.

Этим самым я хочу показать, что при членении диалектов и говоров нужно исходить из тех внутренних соотношений, которые имеются в данном языке, а не из мерок, неизвестно откуда взятых. Поэтому, когда т. Сарыбаев здесь нам сообщил, что имеется в казахском языке западный диалект, и внутри него говор, то он по праву проводит это членение. Он исходит из тех данных, которые имеются внутри казахского языка.

Далее. Мне понравилось выступление т. Джафарова. Он правильно подметил, что без изучения диалектного материала нельзя серьезно изучать в сравнительно-историческом плане родственные языки. Но Джафаров, к сожалению, остановился главным образом на тех фактических ошибках, которые были им замечены в двух томах словаря, выпущенного Институтом языкознания Академии наук. Конечно, такие ошибки снижают качество работы. Но я хочу здесь сказать не только о фактических ошибках. Должен заметить, что дело не только в ошибках фактического порядка, а в том, что без знания диалектных фактов, с моей точки зрения, нельзя делать какие-либо серьезные выводы по истории развития того или другого языка, потому что диалекты хранят такие факты, которые являются свидетелями древнейших исторических пластов.

Мне кажется, что при сравнительно-историческом изучении мы должны основываться, главным образом, на диалектных данных или данных живых разговорных языков. Об этом я много раз говорил в секторе, и это имеет большое значение для тех языков, которые не имеют достаточно богатых исторических письменных памятников.

В своем первом выступлении я не случайно акцентировал на древних связях монгольских и тюркских языков. Мне известно, что связи между тюркскими и монгольскими языками очень сложные и они повторялись неоднократно. Я благодарен проф. Батманову за то, что он дополнил меня, указав, что были и позднейшие наслоения в связях между монгольскими и тюркскими языками.

Я хотел бы здесь отметить следующее: мы, тюркологи и монголисты, действительно мало занимаемся тем, как отличать или выделять эти разные наслоения, какими методами и какими фактами пользоваться для того, чтобы провести это разграничение. Такое разграничение крайне необходимо проводить, иначе мы постоянно будем топ-

таться на одном и том же месте при сравнительно-историческом изучении наших языков.

В конце своего выступления хотел бы сказать, что настоящее региональное совещание имеет очень большое значение. Об этом хорошо сказал тов. Ишбулатов. Я хотел бы дополнить его речь тем, что диалектологи не должны замыкаться в своих языковых рамках, в частности тюркских. Если вы не хотите привлечь монголистов, товарищей из Бурятии в качестве представителей, имеющих решающий голос, то приглашайте их в качестве гостей. Это было бы очень хорошо, потому что они могли бы в своих докладах, в своих сообщениях привести факты, которые послужили бы вам трамплином для дальнейшего исследования тюркских языков. Вопрос о таком контакте и тесном общении между монголистами и тюркологами давно назрел.

С. Б. САДЫХОВ

(Баку)

Нет нужды говорить о необычайной важности состоящегося третьего совещания по вопросу диалектологии тюркских языков.

Диалекты языков тюркской системы является недостаточно изученным участком нашей лингвистики. А между тем, она представляет громадный интерес для изучения как современного языка, так и истории языка. Именно в диалектах часто можно встретить слова, которые являются наиболее архаичными и, таким образом, имеют большое значение для изучения истории языка. Так, например, слова *күздүк*——осенних сев, *сағыр*—стадо и другие относятся именно к таким древнейшим элементам азербайджанского языка. Слова, отсутствующие в современном литературном азербайджанском языке, сохранились лишь в его диалектах, в том числе в Казахском.

В сел. Шыных Кедабекского района во время свадьбы или праздника, качаясь на качелях, девушки поют:

Нәсиб бәjин атыны кәтиринки,
Атына доннух кәтиринки,
Гызына башдых кәтиринки,
Башдыға шишдик кәтиринки,

Коня Насиб-бека[1] приведите-ка
Для его коня попону принесите-ка
Для его дочери подарки принесите-ка
А сверх подарков и барана на шашлык
приведите-ка!

Здесь аффикс-*ки*, по-видимому, также относится к очень древним элементам языка, так как в современном литературном языке мы его не встречаем. На основании вышеприведенных примеров видно, какое большое значение имеет всестороннее исследование диалектов. Изучение диалектов помогает и изучению истории данного народа, на основании данных языкового материала.

Всестороннее и глубокое обследование диалектов необходимо и для составления диалектологической карты того или другого языка.

Изучение диалектов имеет и большое практическое значение:

1) обогащение специального словарного запаса в языке, вследствие чего при составлении словарей необходимо учитывать не только литературный язык, но и диалекты;

[1] Собственное имя меняется от того, как звать отца девушки или к кому обращена песня.

2) преподаватель языка должен знать разницу между местным диалектом и литературным языком для того, чтобы научить своих учеников правильному литературному произношению и правописанию и т. д.

Все эти аргументы позволяют нам сделать вывод о необходимости тщательного изучения диалектов.

Всем известно, что и древние письменные памятники, и более поздние не дают нам достоверных сведений о фонетическом составе языка данной эпохи, а между тем в диалектах могут сохраняться некоторые особенности произношения старых слов, что может быть установлено лишь с помощью фонетического анализа.

Следует отметить, что, как при записи разговорных фраз, так и при записи фольклорного материала могут оказаться крупные ошибки в транскрибировании фонологического состава соответствующего диалекта, ибо если диалектолог не владеет данными фонетики вообще, экспериментальной—в частности, то он при транскрипции легко может допустить грубые извращения.

Здесь много говорилось о методах изучения диалектов. Мне хотелось бы подчеркнуть особое значение экспериментальных фонетических методов в диалектных исследованиях.

Непосредственное наблюдение, т. е. субъективный метод вполне правомерен, но он недостаточен, так как не может охватить все сложности фонетических явлений как в литературном языке, так и в диалектах.

Но, к сожалению, объективные методы при изучении диалектов до сих пор почти не применяются, что приводит порой ко многим неточностям и даже недоразумениям.

Экспериментальные исследования некоторых фонетических явлений в азербайджанском языке позволили в значительной мере уточнить такие фонетические явления языка, как придыхательность, аффрицированность, спирантизация, оглушение, сонантизация, утрата эксплозии у смычных, назализация, палатализация, лабиализация и др.

При исследовании находим, что придыхательность в азербайджанском языке проявляется в основном у глухих смычных, *п*, *т*, *к*. В нашем экспериментальном материале пятью дикторами в начальном фонетическом положении было произнесено: *п*—132 раза, *т*—270 " *к*—376 ".

Итого *п*, *т*, *к* были произнесены 778 раз, а при анализе находим, что около 700 из них являются придыхательными, значит, в начальном фонетическом положении придыхательность для глухих смычных выступает как закономерное явление и входит в число основных признаков этих фонем. Придыхательность является составной частью глухих смычных фонем вообще, но это не значит, что она есть постоянная единица. Конечно, в потоке речи, когда фонемы подвергаются комбинаторным изменениям, также изменяется степень придыхательности.

Придыхательность фонем *п*, *т*, *к* между гласными слабее, чем в начальном и конечном положении. Из фонем *п*, *т*, *к* фонема *т* менее всех подвергается сильному придыханию. Аспирация особенно сильно наблюдается в односложных словах, как: *кут*, *пут*, *топ*, *кек* и т. д.

Поскольку придыхательность есть закономерное явление у глухих смычных *п*, *т*, *к*, то таким же закономерным явлением выступает оглушение звонких смычных азербайджанского языка. Данному фонетическому явлению в азербайджанском языке подвергаются все звонкие вообще, и в частности смычные *б*, *д*, *к*, *г*. Только в абсолютном начале пятью испытуемыми было произнесено:

б—133 раза из них звонкие, полузвонкие, со звонким началом— 2, *д*—520 раза—60, *к*—304 раза— 6 *г*—224 раза—5.

Всего эти звуки были произнесены 1181 раз, из них звонкие, полузвонкие, и со звонкими началами 73 случая, а все остальные 1108 случаев были глухими.

Вышеприведенные данные совершенно убедительно доказывают оглушение *б*, *д*, *к*, *г* в начальном фонетическом положении. Что касается тех случаев, где фонемы *б*, *д*, *к*, *г* являются или звонкими или полузвонкими, или же имеют звонкие концы, мы их не можем отнести к постоянным закономерным правилам в данном фонетическом положении, но они встречаются в потоке речи и могут быть отнесены к позиционным оттенкам.

Далее экспериментальные исследования некоторых особенностей смычных фонем Казахского диалекта азербайджанского языка опять-таки позволили уточнить или же выявить некоторые фонетические явления, которые порою невозможно установить субъективными методами; например, в Казахском диалекте азербайджанского языка в начале слова звук *п* является в значительной степени придыхательным и резко взрывным.

В словах *папах*-шапка, *Пари*-собственное имя, кривые ярко показывают отклонение пера под прямым углом от нулевой линии во всех случаях произношения. Это дает возможность сделать вывод, что фонема *п* в начале слов является сильно взрывной

Звук *п* в начале слова не только сильно взрывной, но подтверждается также его сильная придыхательность, как сказано выше. С момента взрыва до начала следующего гласного звука довольно долго не имеется вибираций гласного звука и по линии рта и по линии гортани. Отсюда можно заключить, что фонема *п* в Казахском диалекте в начальной позиции слова является в значительной мере придыхательной. В середине слова между гласными звук *п* произносится обычно как взрывной и также сохраняет придыхательность.

В таких словах, как *папах*-шапка, *топал*-хромой, *п* в середине слова между гласными остается взрывным и придыхательным Нужно отметить, что серединное *п* после гласных переднего ряда или между ними может более или менее аффрицироваться и становиться придыхательным.

Когда в односложных словах после конечного *п* следует слово с начальным согласным звуком следующего слога или же присоединяется к начальному, щелевому звуку, то *п* чередуется с звуком *ф* Например, в литературном языке: *топ ками*—как мяч, *сап кәтир*—ручку принеси, *ип кәтир*—принеси веревку, *сәп кәл*—посей приди, *ипсиз*—без веревки, *сапсыз*—без нитки, *иплик*—для веревки, *топ көрдүм*—пушку увидел. В Казахском диалекте произносятся *саф кәтир*, *тоф ками*, *иф кәтир*, *сәф кәл*, *ифсиз*, *сафсыз*, *тоф көрдүм* и т. д.

Фонема *п* в середине слова перед смычными и щелевыми также чередуется с фонемой *ф*, например: в литературном языке *тапды*, *јапды*, *сапсары*, *тапдаламаг*, *тапшырыг*. *топламах*; в Казахском диалекте произносятся *тафды*, *јафды*, *сафсары*, *тафдаламаг*, *тафшырых*, *тофламах*.

В словах *булбул*—соловей, *бимбиз*—сильно заостренный, *баба*—дедушка, и многих других, кривые показывают, что начальный *б* имеет четкий взрыв под прямым углом. До начала взрыва мы не наблюдаем вибрации голоса по линии гортани. В двадцати четырех случаях произношения, как это видно из вышеприведенных примеров, мы имели полную оглушенность фонемы *б*, в начальном положении и

лишь в одном случае начальное *б*, как показывают кривые, имеет звонкость. Можно сделать вывод, что этот единственный случай не будет нормальном явлением для Казахского диалекта, и его нужно рассматривать, как результат случайного произношения.

Таким образом, можно сделать вывод, что звук *б* в Казахском диалекте азербайджанского языка в начале слова является взрывным и оглушается в начальном положении.

В конце односложных слов после гласных *б* чередуется с щелевой фонемой *в*, например, в таких словах, как *таб*—сила, *диб*—дно, но *тав*, *див* в Казахском диалекте. Здесь в конце односложных слов после гласного звука фонема *б* не устойчива, так как чередуется с щелевой фонемой *в*. Это наблюдается по кривым, где вместо взрыва виден плавный подъем кривой над нулевой линией.

Далее фонема *б* в Казахском диалекте в начале слова не только оглушается, но даже при определенном процесе сочетания согласных она чередуется с фонемой *п* В словах в литературном языке *бишмәк* —вариться, *битки*—растение, *бити*—восточное блюдо, *бүтөв*—целый, *бусчу*—слежка, *биччинчи*—жнец, *бухары*—камин, *бүтүнч*—целый; в Казахском диалекте *п^{и}шмәс*, *п^{и}тки*, *п^{и}ти*, *п^{и}чинчи п^{у}хары*, *п^{у}төв п^{у}сгу*, *п^{у}түн*. Наблюдая, находим, что фонема *б* в начале слов чередуется со смычной фонемой *п*.

Наблюдается еще одно чрезвычайно интересное явление: там, где после взрыва начальной согласной фонемы можно было ожидать главный звук, его нет. При экспериментальном исследовании мы не находим гласного звука как по линии рта, так и по линии гортани. С первого взгляда кажется, что здесь гласный звук совершенно отпал и получается как бы полное сочетание двух и трех согласных звуков по типу: *пшмәç*, *псну*, *птки*, *пхары* и т. д., но такое сочетание согласных не характерно для азербайджанского языка вообще. И действительно, мы видим, что после первого взрыва некоторое время продолжается выход воздуха, но не имеется вибрации голоса по обеим линиям, а потом наступает смычка следующего звука Получается следующая последовательность явлений: возможно, что после взрыва начального согласного следует глухой гласный звук (что еще окончательно не установлено), а потом идет смычка следующего согласного звука, которую тоже не всегда возможно установить точно, затем взрыв того же согласного звука. Таким образом, вышеуказанные слова в литературном языке—*бишмәç*, *битки*, *бүтөв*, *биччинчи*, *бухары*, *бүтүн* в Казахском диалекте будут звучать: *п^{и}симәс*, *п^{и}тки*, *п^{у}төв п^{и}ти*, *п^{и}чинчи*, *п^{у}хары*, *п^{у}түн*. Во всех этих примерах и вообще в подобных явлениях, по-видимому, после начальной фонемы *б*, которая чередуется с *п*, следуют глухие гласные фонемы: *и*, *у*, *ү*, *ы* и. т. п... Окончательное решение данного вопроса определится лишь после измерения длительности соответствующих фонем, что необходимо провести в ближайшее время.

Далее, между гласными звуками фонема *б* в Казахском диалекте азербайджанского языка чередуется со звонкой щелевой фонемой *в*. Это положение так же ясно наблюдается по кривым в следующих словах в литературном языке: *баба*—дедушка, *јаба*—вилы, *бәбәк*—зрачок. *араба*—телега, *бәрабәр*—равный, *балгабаг*—тыква и т, д.

Исследуя кривые приведенных выше слов, мы можем сделать вывод, что фонема *б* в Казахском диалекте азербайджанского языка в интервокальном положении чередуется с щелевой звонкой фонемой *в*.

Однако, надо отметить, что составные слова по типу *јекәбаш*—большая голова, тупая голова, *данабаш*—телячья голова являются исключением, так как в них фонема *б* между гласными сохраняет свою самостоятельность, что видно по кривым, где она является смычной и остается звонкой, хотя все же несколько аффрицируется.

В конце многосложных слов фонема *б* в Казахском диалекте чередуется с *ф*. Слова в литературном языке—*китаб*—книга, *мәктәб*—школа, *итиб*—потеряно, в Казахском диалекте произносятся—*китаф*, *мәçтәф*, *итиф*.

Когда к многосложным словам, оканчивающимся на *б*, присоединяются аффиксы с начальным согласным звуком или за ними следует слово с начальным согласным звуком, то конечный звук *б* тогда чередуется с щелевым *ф*, слова, произносимые в литературном языке: *мәктәбдә*—в школе, *китабсыз*—без книги, *алыб сатыр*—торгует, в Казахском произносятся: *мәçтәфдә*, *китафсыз*, *алыф сатыр*.

Если же к слову, оканчивающемуся фонемой *б*, присоединяются аффиксы с начальным гласным звуком или за ним следует слово, начинающееся с гласного звука, то *б* чередуется с щелевым звуком, например, в литературном: *мәктәбә*—в школу, а в Казахском диалекте: *мәçтәвә*. Таким образом, перед аффиксом-*ә* фонема *б* чередуется с фонемой *в*; точно так же произносятся слова по типу *китавын*—книги, *кәлив алды*—придя взял (*китабын*, *кәлиб алды*) и т. п.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что фонема *б* в Казахском диалекте в начале слова отличается от фонемы *п* не звонкостью, а придыхателностью и слабостью; иначе говоря, фонема *п* является придыхательной, сильной, а *б*—слабой и не придыхательной.

Во всех остальных случаях, как, например, в словах по типу *тәнбәл*—лентяй, *амбар*—склад, *бомба*—граната, *сүнбүл*—колос, *ојунбаз*—шутник, и т. п. она отличается от фонемы *п* слабостью и звонкостью.

С. ИБРАГИМОВ

(*Ташкент*)

Товарищи! Мне хотелось бы выступить по докладу т. Бакиновой, хотя я специально не подготовился.

Докладчик поднял весьма интересный и важный вопрос—составление диалектологического словаря. Нужда в таком словаре замечается и у нас, в Узбекистане. Диалектологический (или диалектальный) словарь на данном этапе нужен не только для языковедческих целей, но и для литераторов, историков, этнографов и востоковедов. В Узбекистане также составляется такой словарь по отдельным территориальным диалектам.

Мы приветствуем начинания киргизских, казахских и башкирских товарищей, приступивших к составлению диалектального словаря своих языков.

Тов. Бакинова в своем докладе поставила ряд вопросов для обсуждения. В связи с этим я хотел высказать некоторые свои соображения.

Из тезисов доклада тов. Бакиновой выясняется, что диалектологический словарь создается непосредственно, без предварительного составления областных словарей.

По нашему мнению, без областных словарей очень трудно будет создать общий диалектологический словарь, потому что каждая область или же каждый территориальный диалект имеет свои специфические слова. Они так разнообразны, что их нелегко собрать. Этим нужно заниматься специально. Например, в узбекском языке имеется несколько диалектов, в каждом диалекте десятки говоров. Каждый из этих говоров и диалектов имеет свои лексические особенности. Например, русское слово *тюбетейка* в ряде опорных говоров, как ташкентский и ферганский, даже в ряде неопорных говоров называется *дўппи*, в Бухаре *каллапуш*, в Самарканде Хахрисябазе, в Китабе и в прилегающих к ним кишлаках—*қалпоқ*, в южнохорезмском диалекте—*тақя*. А в литературном узбекском языке из этих четырех вариантов усвоено только *дўппи*.

А вариант *қалпоқ* на литературном языке и в других говорах, кроме Шахрисябза и Китаба, обозначает другой головной убор как у казахов, так и у киргизов.

Еще один пример. Русское слово *морковь* почти во всех диалектах, кроме южнохорезмского, и на узбекском литературном языке называется *сабзи*//*савзи*, в южнохорезмском диалекте—*гашир*, соответственно татарскому *кишир*.

Или же возьмем руское слово *кирпич*. Это понятие в большинстве узбекских диалектов и в современном литературном языке называ-

ется *ғишт* (персидско-таджидское *хишт* خشت). А в южно-хорезмском диалекте—*гарвич*. Этот последний вариант—*гарвич* в письменных источниках XI в. как в كتاب ديوان لغات الترك встречается в форме *кирпич* كرپچ Этот вариант встречается и в рукописях XII, XIII, XIV и в XV вв. Навои употребил обе формы *хишт* и *кирпич*.

Следовательно, *кирпич* в южнохорезмском диалекте сохранился до сих пор в форме *гарвиш*, это имеет большое значение для исторической и сопоставительной лексикологии.

Или же возьмем слово *мануфактура*, которое в узбекских говорах называется *тукима*, *мато*, *газбор* //*гамзол*,// *газлама*. Тут *газ*—аршин, *газмол*—*аршин мол*, как у азербайджанцев: *газмолчи*—*аршин малчи*.

Выявить все тонкости лексики территориальных диалектов—дело не легкое. Для обеспечения составления более или менее полного диалектологического словаря, на наш взгляд, нужно будет сначала тщательно изучить лексические особенности территориальных диалектов и собрать все диалектальные слова. Их необходимо тщательно систематизировать в отдельности и составить рукописи диалектных слов по областям, даже если они не будут издаваться. На базе таких материалов будет гораздо легче составить общий диалектальный словарь.

Опыты по сбору диалектографических материалов показали, что собиратели-диалектологи в процессе сбора диалектографических материалов уделяют больше времени и внимания записи фонетических и морфологических особенностей говора, чем сбору диалектальных слов, которые они фиксируют, по мере возможности, в оставшееся время. Поэтому зачастую очень многие характерные диалектальные слова остаются незаписанными. Собранные такими методами материалы недостаточны для составления диалектального словаря. Сбором диалектальных слов нужно заниматься специально и вести работу согласно подготовленной программе. Было бы очень полезно привлечь к этой работе преподавателей сельских и городских школ, студентов вузов и педтехникумов, Составить и разослать им специальные вопросники, которые бы они заполняли и возвращали обратно.

Полезно будет организовать и корреспондентские группы в областях для сбора материалов.

Докладчик поставил на обсуждение еще следующие вопросы: следует ли включить в диалектологический словарь слова этнографического характера—названия одежды, домашних вещей, хозяйственные термины?

По нашему мнению, такие слова и термины, вместе с этим и ряд профессиональных терминов, свойственных тому или иному диалекту, нужно включить в диалектологический словарь. Приведу некоторые примеры. В хозяйственно-бытовой лексике встречается слово *пёғоч кайик*—'колода для кормежки скота'. В ряде узбекских говоров этот предмет называется *тегана*, как *тоғонэ* в отдельных говорах азербайджанского языка. Или же предмет для счесывания основы ткани после шлихтовки, в лексике ферганских ткачей называется *тарок* (تەراق), а в городах—Самарканде Бухаре, Китабе и Шахрисабзе называется *молиш* (от таджикского глагола *молидан*).

Эти примеры показывают, что диалектальные различия есть и в хозяйственно-бытовой и в профессиональной лексике.

Без учета этих сторон наш диалектологический словарь получился бы неполным, половинчатым.

Затем докладчик спрашивает, нужно ли включить в диалектологический словарь фонетические и морфологические варианты местных слов. По нашему мнению, в диалектологический словарь нужно их включить, но не все, а лишь самые необходимые (лексикализованные) варианты. Для этого можно было бы привести некоторые примеры из узбекского языка. Деревянная загородка для скота в узбекских диалектах называется *кура* قوره. В некоторых говорах это слово произносится как *ғура*(غوره). Последний вариант غوره в большинстве узбекских диалектов и в литературном языке обозначает неспелую ягоду, как, например, *урик гураси*; *узум—ғураси*, ит. д.

Далее. Веретено крупного размера почти во всех диалектах узбекского языка называется *дурваза*, а только в наманганском говоре *дунаваддан*. При тщательном изучении можно установить, что вариант *дунаваддан* восходит в таджикскому *дуноварзан*. Значит, таджикский термин *дуноварзан* получил фонетическое изменение: в одном случае *дунаваддан*, в другом *дурваза*. Форма *дунаваддан* сохраняется только в наманганском говоре. Таких примеров очень много.

Таким образом, фиксация фонетических вариантов местных слов даст нам материал и для раскрытия этимологии слов. Именно поэтому их надо включить в диалектальный словарь.

Относительно морфологических вариантов местных слов также нужно высказать аналогичное мнение.

Деепричастие прошедшего времени глагола в современном узбекском языке образуется, в основном, при помощи аффикса *-б*, *-иб*: *истаб*, *бориб*, *ахтариб* и т. д. Этот аффикс в древних письменных памятниках встречается в виде *-в*, *-ув* (а также и в виде *-б*, *-иб*) как, например: *борув*, *ахтарув*, *келув*. Эта форма до известной степен встречается в литературе XII—XV вв., например, в произведении Ахмада Яссавий حکمت и в قصص الانبیا, Рабгузий (XIV в.) и в произведениях Алишера Навои. В произведении Навои мы читаем:

ای صبا آواره کو گلم استایو هریان بارو
وادی و تاغ و بیابانلارنی بربر اختارو

Тут вместо *истаб*, *бориб*, *ахтариб* написано *истаю*, *бору*, *ахтару*.

В современном узбекском языке эта форма (*-в*, *-ув*) сохранилась в отдельных кишлачных говорах, как, например, в миришкорском говоре Бешкентского района Сурхандарьинской области Узбекской ССР. Разве можно не включать в диалектологический словарь такие явления?

Еще другой пример: одна из форм глагола настояще-будущего времени (*хозирги-келаси замон хикоя феъли*) в большинстве узбекских говоров и в литературном языке образуется посредством аффикса *-ар*, как, например: *борар эдим* (положительная форма) и *бормас эдим* (отрицательная форма). Тут отрицательная форма должна была быть *бормар эдим* а не *бормас эдим*.

Несмотря на это, в отдельных кишлачных сингармонистических говорах Ферганской долины отрицательная форма данного глагола образуется посредством суффикса-*мар*: *бормар эдим* || *бормаридим*.

В других ферганских говорах эта форма глагола произносится *борасидим—бормасидим*, *келасидим—келмасидим*.

Хотя эти явления указываются в описании морфологических особенностей, но все же нужно будет указать их в диалектальном сло-

варе, как, например, в сложных глаголах: *бориб келмок*$_1$ || *борув келмак*$_1$.

Вот такие факты заставляют нас уделять особое внимание фонетическим и морфологическим формам слов и фиксировать их в диалектологическом словаре.

Но фонетические и морфологические варианты местных слов, по нашему мнению, нужно давать не в общем алфавите диалектных слов, а в конце словаря в виде приложения.

Таким образом, к составлению диалектологического словаря нужно будет приступить с хорошей подготовкой и поэтому необходимо заранее разработать принципы его составления.

К. М. ГАСАНОВ

(*Баку*)

РОЛЬ ДИАЛЕКТНЫХ ДАННЫХ ПРИ ВЫЯСНЕНИИ ВОПРОСОВ ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА

Я хочу начать свое выступление словами Р. Рустамова о том, что „в деле создания сравнительной грамматики тюркских языков могут быть использованы... письменные памятники, относящиеся к истории того или иного тюркского языка..., памятник древнетюркской письменности, современные тюркские литературные языки", которые могут дать богатейшие материалы. Наряду с этими источниками необходимо использовать и те важные фактические материалы, которые представляют диалекты. Ибо без диалектных материалов не только невозможно создать сравнительную грамматику тюркских языков, но и нельзя разрабатывать проблемы истории языка, и в особенности историческую грамматику того или иного конкретного языка.

При исследовании опред лительных словосочетаний (в тюркологической литературе они иногда называются „турецким изафетом") в произведении „Дех-намэ" Шах Исмаила Хатаи (XVI в.) мне пришлось столкнуться именно с этим обстоятельством.

Анализ поэмы „Дех-намэ" („Десять писем") показывает, что синтаксическая связь между компонентами определительного словосочетания во всех его трех типах, а также способ ее выражения, в основном, не отличаются от таковых в современном литературном языке. Вместе с тем, в поэме встречаются и кое-какие отличия от современного литературного языка.

Я хочу обратить внимание на следующие основные особенности:

1. Как известно, в тюркских литературных языках, в том числе и в азербайджанском языке, определение предшествует определяемому, и можно сказать, что этот порядок является уже стабильным. А в поэме, в отличие от современного литературного языка, наблюдаем обратное явление, т. е. в „Дех-намэ" встречаются такие определительные словосочетания, в которых имеется инверсия компонентов. Обратный порядок в определительных словосочетаниях, т. е. порядок, при котором определяемое предшествует определению. в основном, наблюдается в отношении первого и третьего типа определительного словосочетания.

В работе З. Б. Мухаметовой „Язык Астрабадской рукописи Дивана Махтумкули" по этому поводу говорится: „Надо сказать, что инверсии в разговорочной речи неупотребительны и составляют особенность поэтического и книжного языка"[1].

---

[1] З. Б. Мухаметова. Язык Астрабадской рукописи Дивана Махтумкули, (канд. дисс.)., М., 1948, стр. 134.

Мы не можем согласиться с этим утверждением, ибо во всех языках, в эмоциональной, экспрессивно-насыщенной разговорной речи очень часты случаи инвертированного порядка слов. Едва ли кто-либо будет сомневаться в том, что это не так в отношении узбекского и туркменского, казахского и татарского, киргизского и азербайджанского или какого-нибудь другого языка.

В работе „Язык Астрабадской рукописи Дивана Махтумкули" допущена эта неточность, на наш взгляд, именно потому, что в данной работе не учтены диалектологические факты.

В качестве подтверждения нашей мысли мы можем привести сколько угодно примеров как из прозаических произведений, так и из диалектных материалов.

Приведу примеры из поэтических, прозаических произведений, а также из разговорной речи, сопоставляя их с примерами, приведенными из стихотворной поэмы „Дех-намэ"[2].

Первый тип определительного слов сочетания:

Бу пәридир чаһанда мәшһур (вм. *мәшһур пәридир*), *Һәр дәмдә Хәтаи хәстәһалә* (вм. *хәстәһал Хәтаијә*), *Билиш гаму мәнә јадә дөндү* (вм. *гаму билиш*), *Ол јар вәфалы хидмәтинә* (вм. *ол вәфалы јар*).

Третий тип определительного словосочетания:

Ол дәм ки, јүзүни көрдүм анын, *Галмады дахи гәрары чанын* (вм. *анын*, *јүзүни, чанын гәрары*),*Башыма мәним бир иш кәлибдүр* (вм. *мәним башыма*), *Дағындан анын*, *јетирди нејләр* (вм. *анын*, *дағындан*), *Дер, гошкил анынла бики-аһын, Вармаја јанына падишаһын* (вм. *падишаһын јанына*).

Мы знаем, что если определяемое слово принимает аффикс сказуемости, то в таком случае инверсия компонентов определительных словосочетаний допустима: это видно из первого примера *„Бу пәридир чаһанда мәшһур"*, где определяемое слово *пәридир* состоит из существительного *пәри* (фея) и аффикса сказуемости *-дир* (есть). Остальные же примеры в этом отношении стоят особняком, так как в этих примерах к определяемым словам никакие аффиксы не присоединены.

Инверсия компонентов определительных словосочетаний наблюдается и в древнетюркских памятниках. и в „Китаби-Дэдэ Коркуд", и в стихах Насими. Приведу примеры:

Из древнетюркских памятников[3]:

Ағысы јымшақ арміс (вм. *јымшақ ағысы*) [Были (имелись) роскошные (мягкие) драгоценности]. *Кул тігін Азман акыг бініп, онлају тагді, алты әріг санчды...* (вм. *акыг Азман*) [Кюль-Тегин, сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, шесть мужей заколол...].

Из „Китаби-Дэдэ Коркуд"[4]:

Бәдөј аты оғланын охланмыш јатыр (вм. *оғланын бәдөј аты*), *Буға илә оғлан бир һәмлә чәкишдиләр. Ики далысынын үстүнә буғанын дурду* (вм. *буғанын ики далысынын үстүнә*), *Анасы оғ-*

[2] Примеры, приведенные из „Дех-намэ" взяты из фотокопий, хранящихся в архиве музея им. Низами. (инв. № В—289).

[3] Примеры взяты из книги С. Е. Малова „Памятники древнетюркской письменности". М.—Л., 1951.

[4] Примеры взяты из книги „Китаби-Дэдэ Коркуд", ред. Һ. Араслы, Баку, 1939. (примеры из „Китаби-Дэдэ коркуд" впервые были использованы проф. А. Демирчизаде в труде „Китаби-Дэдэ Горгуд" дастанларынын дили", Баку, 1959).

ланын бөјлә декәч Газанын ағлы башындан кетди (вм. *оғланын анасы*).

Из стихов Насими[5] (XIV в.):

Дүшди кәмәнди-зүлфүнә көнглү Нәсимнин нечә (вм. *Нәсимининн көнглү*), *Бунлары билмијән нә билмиш ола, Ады анын еви јыхылмыш ола* (вм. *анын ады*).

Аналогичные случаи зафиксированы в современных Бакинском, Кубинском, Нухинском диалектах, западноапшеронском, маразинском, шахбузском говорах, а также в муганской, нахичеванской и западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка.
Например:

Јатағда бир ахсаг фәрәмиз галды бизим[6] (вм. *бизим бир ахсаг фәрәмиз*); *У баг дијәдәм а, урада ағаждар вар бөјүк-бөјүк*[7] вм. *бөјүк ағаждар*); *Јунус јазых өј үзү көрмүјү*[8] (вм. *јазых Јунус*); *Суи ишдедмекнән оданун гуртармаг билмијәдү*[9] (вм. *оданун суи*); *Әлли манат кәсри варды мынын*[10] (вм. *мынын кәсри*); *Голучомахлыларнан арасы писди Нәбинин*[11] (вм. *Нәбинин арасы*); *Анам гоччаг дәлхозза үч адамун ишин көрүр*[12] (вм. *гоччаг анам*); *Ушаг јазыг сәрдән ағлыјыр*[13] (вм. *јазыг ушаг*); *Исмајыл јазых дүшүб кәтдәрин чанына*[14] (вм. *јазых Исмајыл*); *Биз дәдә-бабадан тоха дерих', әмбә ады онун кәтмәнди*[15] (вм. *онун ады*); *Гардашым мәм чох ахыллы адамды, һајыф кын, арвады сәләјәнтәди*[16] (вм *мәм гардашым*).

В Бакинском диалекте наряду с *бачым бәхтәвәр, гызду назәмсәнәм* (вм. *бәхтәвәр бачым, назәмсәнәм гызду*) встречаются и такие случаи, когда определительная группа слов стоит после определяемого слова. Например: *Балаханымын бир оғлу олуб, сол әлинүн бармағы бирбиринә битишик*[17] (вм. *сол әлинүн бармағы бир-бирinә битишик оғлу*).

Факты обратного порядка определения и определяемого в определительных словосочетаниях встречаются и в диалектах татарского языка. Д. М. Сарманаева в своей работе „Диалектальные особенности языка Средне-Уральских татар", затрагивая вопрос относительно перестановки компонентов определительных словосочетаний, пишет: „В языке татар Среднего Урала определения, обозначающие профессию, прозвище, титул, как система, ставятся после определя-

---

[5] Примеры взяты из книги „Азәрбајчан әдәбијјаты (Сејид Имадәддин Нәсими)", сост. С. Мумтаз, Бакы, 1926.
[6] М. Ширәлијев. Бакы диалекти. Бакы, 1957, стр. 225.
[7] Р. Рүстәмов. Губа диалекти, Бакы. 1961, стр. 192.
[8] М. Исламов. Нуха диалекти (канд. дисс.). Бакы. 1960.
[9] А. Вәлијев. Гәрби Абшерон шивәләринин синтаксис хүсусијјәтләри. Низами адына Әдәбијјат вә Дил Институтунун әсәрләри, V. ч. Бакы, 1953, стр. 102.
[10] Б. Ибраһимов. Мәрәзә шивәләри (канд. дисс.), Бакы, 1949.
[11] Р. Рүстәмов. Шаһбуз шивәләринин синтаксиси. Низами адына Әдәбијјат вә Дил Институтунун әсәрләри, VIII. ч. Бакы, 1957, стр. 52.
[12] Азәрбајчан дилинин муган групу шивәләри, Бакы, 1955 стр. 155.
[13] К. Рамазанов. Азәрбајчан дилинин Салјан диалекти (канд. дисс.). Бакы, 1955.
[14] Нахчыван групу диалекти вә шивәләри, (монографија), рукопись.
[15] Гәрб групу диалект вә шивәләри, (монографија), рукопись
[16] Б. Садыхов. Кәдәбәј рајону шивәләри (рукопись).
[17] М. Ширәлијев. Бакы диалекти. Бакы, 1957, стр. 138.

емого"[18] и приводит следующие примеры: *Хәйрулла Чирәкай* (вм. *Чирәкай Хәйрулла*), *Әхмәтжҗан әтәч* (вм. *әтәч Әхмәтжҗан*), *Гаптерахман тегуче* (вм. *тегуче Гаптерахман*), *Гарәфетдин балыкчы* (вм. *балыкчы Гарәфетдин*), *Сәхъяр солдат* (вм. *солдат Сәхъяр*) и т. п.[19]

Перестановка компонентов определительного словосочетания встречается также в литературном гагаузском языке. Например:

О падишахын вармыш бир кызы . . . Адыймыш ***онун*** *Софи*[20] (вм. ожидаемого *онун адыймыш*); *Чойу истемиш олмаа падишахын гювеси, ама* ***хепси оннар*** *йапамамышлар*[21] (вм. ожидаемого *оннар хепси*); . . . *бир дядунун кызы вармыш . . .* ***онуну онун*** *хич гечмәзмиш*[22] (вм. ожидаемого *онун онуну*); ***Хепси буннар*** *олдулар онун ичин . .* (вм. *буннар хепси*); *Бу илларда билги лабораторияларында юрендиляр япмаа* ***„такма илдырымы" таа кувятли***[23] (вм. ожидаемого *таа кувятли „такма илдырымы"*).

Исходя из всего сказанного, мы вполне согласны с тем, что „. . . существующий в современном азербайджанском языке строгий порядок определения и определяемого исторически был не стабильным, что в начальном периоде своего оформленія место компонентов определительных словосочетаний не было постоянным".[24]

2. В поэме „Дех-намэ" встречаются и такие определительные словосочетания первого и третьего типа, которые по форме совпадают со вторым типом, т. е. в одном случае вместо того, чтобы словосочетание употреблялось без морфологических показателей, аффикс принадлежности употребляется, а в другом случае вместо того, чтобы определение стояло в родительном падеже, оно выступает в именительном падеже. И в результате в обоих случаях, в отличие от современного литературного языка, они по своей форме выступают как определительные словосочетания второго типа, а по содержанию— первого или третьего типа. Например:

Ол јарә ки, әгл олурду Мәчнун, ***Уш Лејли сачына*** *олду мәгрун* (вм. ожидаемого *Лејли+нин сачына*), *ол шухә ки, чан олурду Фәрһад,* ***Ширин додағындан алды јуз дад*** (вм. ожидаемого *Ширин+ин додағындан*). ***Мәчнун чанағын ушатды Лејли*** (вм. ожидаемого *Мәчнун+ун чанағын*), *Сәбр ејләмәсәјди пири-Кән'ан,* ***Јусиф јүзүнги көрәрди хандан*** (вм. ожидаемого *Јусиф+ин јүзүнги*) и т. п.

Употребление одного типа определительного словосочетания вместо другого встречаются и в древнетюркских памятниках, и в Китаби-Дэдэ Коркуд, и в „Шухаде-намэ" (XVI в). Обратимся к примерам.

Из древнетюркских памятников:

Түргіс *қаған сүсі Болчуда отча борча калті* (вм. ожидаемого

---

[18] Д. М. Сарманаева, Диалектальные особенности языка Средне-Уральских татар, (автореф. канд. дисс), Казань, 1949, стр. 16.

[19] Там же.

[20] Буджактан сеслär, сост. Д. Танасоглу. Кишинев, 1959, стр. 125.

[21] Там же, стр. 139.

[22] Газ. „Молдова сочиалистэ", 1957, № 2.

[23] Газ. „Молдова сочиалистэ", 1957, № 6.

[24] М. Ш. Рагимов Диалекты и история языка, сб. „Вопросы диалектологии тюркских языков, т. II. Баку, 1960, стр. 123.

Тургіс каган+ын сүсі) [Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню]. *Бир заманда Лот евинга кафәрләр јығылдылар* (вм. ожидаемого *Лот+ун евинга*) [Сразу к дому Лота собрались неверные].

Из Китаби-Дэдэ Коркуд:

Минг јердә ипәк халчасы дөшәнмишди (вм. *ипәк халча*), [Сәнин] *әјиндә алтун ишыг чуббәси јох* (вм. ожидаемого *алтун ишыг чуббә*); *Газан гардашы Гаракунә чапар јетди* (вм. ожидаемого *Газан+ын гардашы*), *Сасы динли Кафир башын кәсдирәјин сәнин үчүн* (вм. ожидаемого *кафир+ин башыны*).

Из книги „Шухаде-намэ“[25] (XVI в):

Өз оғлын чикнинә алуб Нүһ јанына кәлди (вм. ожидаемого *Нүһ+ун јанына*).

Наряду с этим в древнетюркских памятниках встречаются и такие определительные словосочетания, второй тип которых по своей форме совпадает с первым типом, т. е. вместо того, чтобы словосочетание употреблялось с аффиксом принадлежности, оно выступает без такового. И в результате в отличие от современного литературного языка они по своей форме выступают как определительные словосочетания первого типа, а по содержанию второго типа. Обратимся к примерам из памятника в честь Кюль-Тегина.

Түрк будун ток (вм. ожидаемого *түрк будун+ыг*) [Тюркский народ сыт]; *Түрк бағлар, будун, буны ăсідін,* (вм. ожидаемого *түрк бäглäр+i, будун+ыг*) [Тюркские начальники и народ, слушайте это]; *Табғач кағанка јағы болмыс* (вм. ожидаемого *Табға каган+ын+ка*) [Стали врагом кагана табгач].

Аналогичный случай, т. е. употребление одного типа определительного словосочетания вместо другого, встречается в Бакинском и Нухинском диалектах, шахбузском, западноапшеронском говорах, а также муганской группе говоров азербайджанского языка. Например:

Митбағда оланнар һамысы бу сөзә тәәччүб еләдиләр[26] (вм. ожидаемого *оланнар+ын һамысы*); *өј ичиндә очах јанарды кешмишдә*[27] (вм. ожидаемого *өј+үн ичиндә*); *Шāир сөзү гуртармаз ки*[28] (вм. ожидаемого *шāир+ин сөзү*); *дәрiада былар икиси дә тапышды*[29] (вм. ожидаемого *былар+ын икиси*); *Бәһлул дāнәндә гардышы*[и] *Бағдада кәлирди*[30] (вм. ожидаемого *Бәһлул данәндә+ +нин гардашы*[и]); *Сән де, о уссадым чаныјчун мына сөз өркәтмәрәм*[31] (вм. ожидаемого *уссадым+ын чаныјчун*).

В западно-апшеронском говоре встречаются и такие определительные словосочетания, где третий тип совпадает по форме с пер-

---

[25] Шухаде-намэ. Республиканский рукоп. фонд, инв. № 13659.
[26] М. Ширәлијев. Бакы диалекти. Бакы, 1957, стр. 139.
[27] М. Исламов. Нуха диалекти (канд. дисс.). Бакы, 1960.
[28] Р. Рүстәмов. Шаһбуз шивәләринин синтаксиси. Низами адына Әдәбијјат вә Дил Институтунун әсәрләри, VIII, ч. Бакы, 1957, стр. 55.
[29] Там же, стр. 56.
[30] Азәрбајҹан дилинин муған групу шивәләри. Бакы, 1955, стр. 220.
[31] Там же, стр. 221.

вым типом, или же определяемое слово выступает без аффикса принадлежности, а определение стоит в родительном падеже. Например: *Мәи апардулар мәчлуса, ордакиләр һамы јени јетмәду* (вм. ожидаемого *ордакиләр+ин һамы+сы*); *Анам чөрек биширәтди, хамыррарын һамы кут кетди*[32] (вм. ожидаемого *хамыррарын һамы+сы*).

Примеры на употребление одного типа определительного словосочетания вместо другого, приведенные из письменных памятников, диалектов и говоров азербайджанского языка, а также из других родственных языков, дают нам возможность прийти к заключению, что существующая в современном азербайджанском языке строгая формальная дифференциация различных типов определительного словосочетания—явление сравнительно позднего времени, ибо факты истории языка не позволяют утверждать последовательное формальное разграничение типов определительного словосочетания.

3. Иногда в поэме „Дех-намэ" определяемое слово в определительных словосочетаниях третьего типа принимает двойной аффикс принадлежности. Например: *Онун тәки ити вар һәзаран, Фәрјад конан, ғәм илә налан, Гылмаз бириси онун шикајәт, Олмаз гамусу билир инајәт* (вм. ожидаемого *бири онун//онун бири*).

Определяемое слово с двойным аффиксом принадлежности в определительных словосочетаниях встречается в Нухинском диалекте, шахбузском и норашенском говорах и муганской группе говоров азербайджанского языка. Причем в диалектах и говорах этот случай наблюдается кроме третьего типа и во втором типе определительного словосочетания, например:

Һәдди булуға чатана гол пулысы оларды[33] (вм. ожидаемого *гол пулы*); *Һәмин илиси далхоз милјонер далхозу олуб*[34] (вм. ожидаемого *һәмин или*); *Бизим бы кәтдәрдә бы илләриси памбых чох оларды*[35] (вм. ожидаемого *бы илләри*); *Далхозын сәдриси иччи верир*[36] (вм. ожидаемого *далхозын сәдри*).

Этот факт наблюдается и в диалектах татарского языка. Тов. Н. Б. Бурганова в своей статье „Из наблюдений над говором параньгинских татар", касаясь определительных словосочетаний, которые она называет изафетной конструкцией, пишет: „Изафетные конструкции.. выражаются . . . 2) сочетанием двух имен, из которых второе—определяемое—дополнительно принимает аффикс принадлежности 3-го лица *-сы,-се*[37], ... примеры: *бодай онысы* (вм. литературного *бодай оны*), *нарат ж|иләгәсе* (вм. *нарат ж|илеге*)" и т. п.[38]

Примеры, приведенные из современных диалектов азербайджанского и татарского языков, дают возможность прийти к выводу, что

---

[32] А. Вәлијев. Гәрби Абшерон шивәләринин синтактик хүсусијјәтләри. Низами адына Әдәбијјат вә Дил Институтунун әсәрләри, V, ч. Бакы, 1954, стр. 104.

[33] М. Исламов. Нуха диалекти (канд. дисс.). Бакы, 1960.

[34] Р. Рүстәмов. Шаһбуз шивәләринин синтаксиси. Низами адына Әдәбијјат вә Дил Институтунун Әсәрләри, VIII, ч. Бакы, 1957, стр. 70.

[35] К. Рамазанов. Норашен рајону шивәләринин бә'зи характер морфоложи хүсусијјәтләри һаггында. Низами адына Әдәбијјат вә Дил Институтунун әсәрләри, V. ч. Бакы, 1953, стр. 128.

[36] Азәрбајҹан дилинин муған групу шивәләри, Бакы, 1955, стр. 151.

[37] Н. Б. Бурганова. Из наблюдений над говором параньгинских татар. „Изв. КФАН СССР", серия гуманитарных наук, вып. 1, 1955, стр. 116.

[38] Там же.

определительные словосочетания, определяемое слово которых употребляется с двойным аффиксом принадлежности, вовсе не представляют собой случайное явление, а знаменуют определенный этап в развитии именных словосочетаний.

Таким образом, исходя из всего сказанного мы можем прийти к такому заключению, что данные диалектов играют весьма существенную роль в выяснении целого ряда грамматических явлений, которые наблюдаются в письменных памятниках и на первый взгляд кажутся „странными".

Г. Х. АХАТОВ

(Уфа)

1. Доклад проф. Е. И. Убрятовой очень интересный. На самом деле, пора нам создать капитальный труд по диалектологии тюркских языков. Надо одобрить инициативу Елизаветы Ивановны и, как она предлагает, нужно создать коллективы авторов для разработки „Вопросов диалектологии тюркских языков". Но это дело никак нельзя затягивать, а надо приступить к работе сейчас же.

2. На совещаниях по диалектологии тюркских языков обсуждаются весьма важные проблемы, но их бывает очень много. На данном совещании рассматривались следующие вопросы: 1) о роли диалектов в составлении сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, 2) о диалектном членении языков, 3) о языке древнетюркских памятников, 4) о диалектологических атласах, словарях.

Обсуждение многих вопросов на одном совещании не дает ожидаемого, поднятые проблемы детально не обсуждаются. Совещание превращается в собрание. Я предлагаю: на следующем совещании обсудить не более одной или двух проблем. Целесообразно было бы поставить доклады, посвященные сравнительно-историческому исследованию отдельных диалектов и говоров отдельных языков, скажем, азербайджанского, татарского, башкирского языков. Всестороннее обсуждение отдельных монографий также дало бы большую пользу для всех диалектологов.

3. Проф. М. Ш. Ширалиев в своем докладе выделяет два основных критерия определения диалектов:

1) распространение на определенную территорию, которая соответствует территории определенного ханства или султанства при феодализме; таким образом, граница диалектов объясняется фактором географического порядка, обусловившим исторические процессы;

2) наличие некоторых фонетических, грамматических и лексических особенностей, которые отличают один диалект от другого диалекта.

В имеющейся научной литературе по диалектологии тюркских языков те или иные диалекты, говоры, в основном, освещаются вообще, т. е. языковые особенности, перечисляются все подряд, не выделяются особенности, присущие только изучаемым. На самом деле, каждый диалект имеет свои, только ему присущие фонетические, грамматические и лексические особенности. Говоры, которые находятся внутри диалекта, кроме общедиалектных особенностей, имеют, в свою очередь, безусловно, свои, только им присущие особенности. Вместе с тем, бывают особенности, характерные почти для всех диалектов одного языка и, в отдельных случаях, для диалектов различ-

ных языков. Правда, перекрещивающиеся особенности иногда объясняются одними, иногда различными факторами.

В докладе тт. Н. Бургановой и Л. Махмутовой были довольно полно отражены особенности татарских диалектов. Но отметим, что многие приведенные ими особенности не являются определяющими среднего или западного диалектов, а являются общими почти для всех диалектов татарского языка. Например, выпадение *г*, *г* в начале слова наблюдается не только в западном диалекте, но и в восточном и среднем диалектах.

Далее. Йоканье не является системой в западном диалекте как это утверждают докладчики; там наблюдаем и джеканье. Йоканье присуще восточному диалекту, в нем нет звука *ж*$_1$. Форма 3 лица повелительного наклонения на *-гын*, *-ген*, *-кын*, *-кел* имеется не только в западном но и в восточном и среднем диалектах: *паргын*, *килген*, *диген*....). Восточный диалект отличается от других следующими данными: 1) преобладанием глухих согласных звуков, 2) йоканьем, 3) цоканьем, 4) наличием звуков-комплексов *нт*, *лт*, *мт*, *рт; нк-н¯к лк-л¯к*, *мк-м¯к*, *рк-р¯к* в неразложимых корнях, 5) явлением геминации (*оссон*—длинный, *икке*—два, *еллы*—теплый, *катты*—твердый, *аццы*—*горький*), 6) наличием дифтонгов *-оу*,—*өу*,—*ыу*,—*еү*, *-ей*, 7) передачей изъявительного наклонения на *-а+ты*,*-ә+те* (*параты*, *киләте*) и некоторые другие.

На наш взгляд, проф. М. Ш. Ширалиев, выделяя критерии определения диалектов, неопровержимо доказал наличие самостоятельных промежуточных диалектов и говоров в азербайджанском языке, подкрепил свою классификацию языковыми фактами. На данном совещании, надо признать, победила ширалиевская школа, антидиалектная группа капитулировала. Метод исследования диалектов, говоров проф. Ширалиева приемлем для изучения диалектов и говоров других тюркских языков.

Р. А. РУСТАМОВ

(*Баку*)

Мне задали два вопроса. Первый вопрос такой: какие факты имеются в диалектах азербайджанского языка для разрешения проблемы говоров „р“ или „з“?

Известно, что некоторые зарубежные языковеды считают, что для тюркских языков первичным является элемент „з“, а другие, особенно Рамстедт, считает, что первичным является элемент „р“. Советские тюркологи почти все разделяют доводы Рамстедта.

В тюркских языках в словах с одинаковыми значениями имеется элемент „з“ или „р“. Например, в азербайджанском языке *буз*, в туркменском—*буз*, уйгурском—*муз*, в узбекском—*муз*, в татарском—*боз*, в турецком—*buz*, т. е. на всех этих языках элемент „з“, а в чувашском языке—*пăр*, т. е. элемент „р“.

Или возьмем другой пример: в азербайджанском языке *гыз*, в татарском—*кыз*, а в чувашском—*хĕр*.

В азербайджанском литературном языке настоящее-будущее время выражается при помощи аффиксов *-ар*, *-әр*, напр.: *алар*, *кәләр*. В отрицательной форме в первом лице ед. и мн. ч. употребляется также *-ар* и *-әр*, напр.: *ларам*, *кәләрәм*, но во 2 и в 3 лице мы имеем элемент „з“, т. е. *алмазсан*, *алмаз*, *кәлмәзсән кәлмәз*.

В некоторых диалектах и говорах азербайджанского языка, например, Кубинском диалекте, мы имеем во 2 и 3 лице уже не „з“, а „р“: в 1 лице *алмарам*, во 2 лице *алмарсан*, в 3 лице *алмар*.

Значит, в диалектах и говорах азербайджанского языка, особенно в отрицательной форме настояще-будущего времени обнаруживаются элементы „з“ и „р“.

Икинчи суал белədир: Өзбәк дилиндəки *а>о* hадисəси тачик дилинин тə'сири кими ajдынлашдырыларса, Бакы диалектиндəки həмин hадисəни тат дилинин, Зəнкилан вə Мeғри (Ермəнистан) рajонларынын бə'зи шивəляриндə исə бу hадисəни талыш (үмумиjjətlə фарс) дилинин тə'сири hесаб етмəjə имкан вермəjən сəбəбляр нəдəн ибарəтдир?

Геjд етмəк лазымдыр ки, *а>о* hадисəси jалныз суалда адлары чəкилəн диалект вə шивəлəрə аид дejилдир. Бу hадисə Азəрбajчан əразисиндəки, еləчə дə Азəрбajчандан кənардакы диалект вə шивəлəрин əксəриjjətиндə бу вə ja дикəр дəрəчədə мөвчуддур. Белə фəрз едək ки, *а>о* hадисəси Бакы диалектиндə тат дилинин тə'сиридир, бəс онда əксəр диалект вə шивəляримиздə бу hадисənин варлығыны нə илə изаh етмəк олар? Мə'лумдур ки, татлар вə талышлар Азəрбajчанын jалныз мүəjjən рajонларында jашajырлар. Елə диалект вə шивəлəр вардыр ки, Чənуби Азəрбajчан сəрhədляриндən чох-чох узагдадыр. Бүтүн

бунлардан кәнарда олан диалект вә шивәләрдәки *a>o* һадисәсини тат, талыш вә ја фарс дилләринин тә'сири илә изаһ етмәк олмаз. Үмумијјәтлә, бу һадисәни тә'сирлә бағламаг, бизчә, һәгигәтә ујғун дејилдир.

Азәрбајчан дили диалектләриндә *a>o* һадисәсинин варлығы даһа гәдимләрә кедиб чыхыр. Түрколожи әдәбијјатдан мә'лумдур ки, *a>o* һадисәси бир сыра түрк дилләриндә дә мөвчуддур.

Суалада *a>o* һадисәси өзбәк дилиндә таҷик дилинин тә'сири кими изаһ едилир. Әлбәттә, бу, белә дејилдир. Мә'рузәдә дејилдији кими, өзбәк дилиндәки *o*-лашма һадисәси һаггында бир-биринә зидд ики фикир вардыр. Бә'зи өзбәк дилчиләри бу һадисәни таҷик дилинин тә'сири кими изаһ едирләр. Бә'зиләри исә бу фикирлә разылашмыр, *a>o* һадисәсини өзбәк дилинин өз тәбиәти илә бағлајырлар.

Бизчә, Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә мөвчуд олан *a>o* һадисәсини нә тат, нә дә талыш (вә ја фарс) дилләринин тә'сири илә бағламаг олар. Буну кәлмә бир һадисә кими дә гијмәтләндирмәк доғру олмаз. Бурада субстрат мәсәләси һаггында дүшүнмәк бәлкә һәгигәтә даһа чох мүвафигдир. Һәр һалда бу һадисә илә даһа јахындан мәшғул олмаг лазымдыр.

А. Ахундов јолдашын чыхышына аид бә'зи гејидләр етмәк истәјирәм. А. Ахундов јолдаш өз чыхышында мә'рузә илә әлагәдар олан мүәјјән гејдләр ирәли сүрдү вә бунларын бәлкә дә мә'рузәчијә аид олмадығыны көстәрди. Бу, доғрудан да, беләдир. Мә'рузәдә тамамилә башга мәсәлә: түрк дилләринин мүгајисәли грамматикасының ишләнмәсиндә диалект фактларынын әһәмијјәти вә бу фактларын нәдән ибарәт олмасы гојулмушдур. Әлбәттә, фактларын, һадисәләрин маһијјәтини изаһ етмәк, онларын инкишафыны изләмәк мә'рузәчинин вәзифәси дејилдир. Бу, тамамилә башга мәсәләдир. Бунун үчүн ајрыча топлашмаг вә данышмаг лазымдыр.

Е. И. УБРЯТОВА

(*Москва*)

Хотя мне дали слово для заключения по совещанию, я все же хочу сказать несколько слов по поводу коллективной темы, которую я предлагаю, поскольку выступления здесь были. Правда, нужно сказать, что эти выступления не были достаточно широкими.

... Товарищи! Тема „Вопросы диалектологии тюркских языков" нами поставлена как коллективная. В секторе добровольцев оказались немногие — А. А. Юлдашев, Л. А. Покровская, Э. Р. Тенишев; рассчитываю еще на участие Дж. Г. Киекбаева и я. Следовательно, у нас возможности очень ограниченные.

Здесь выступали с поддержкой представители Башкирии, и собственно это все.

Что касается выступления Д. Г. Тумашевой, я обещаю, что от татарских диалектологов не отстану. Я не представляю себе, как такую тему ставить без материалов по такому своеобразному, в диалектном отношении сложному языку, как татарский. Мне жаль, что организационно мы никакого решения по этому вопросу не приняли. Конечно, будет соблюдаться принцип добровольности, но к некоторым диалектологам я пристану очень сильно, иначе эту тему мы не осуществим.

Несколько слов я хотела бы сказать Т. А. Бертагаеву. Он прав, в своем докладе я несколько сконцентрировала все внимание на вопросе образования диалектов в результате взаимодействия родственных и неродственных языков. Я, конечно, знаю о том, что диалекты могут образовываться и путем внутреннего развития языка. Я приводила в пример долганский диалект, когда в процессе изоляции возникает своеобразный диалект, который стоит на грани перехода к самостоятельному языку. Но мне кажется, что для тюркских языков наиболее характерен такой процесс образования диалектов, когда идет интенсивное взаимодействие с родственными, но не похожими языками, и особенно с неродственными языками. Мне кажется, что это для наших тюркских языков будет одним из наиболее типичных случаев. Так это или не так, покажет наша работа. Я надеюсь, что эту работу мы осуществим коллективно, потому что без помощи диалектологов, занимающихся вопросом происхождения диалектов разных тюркских языков, нельзя разработать успешно эту тему.

Итак, наше третье региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков закончило свою работу. Уже прошло 4 года с того времени, когда мы впервые собрались в этом замечательном зале, дорогом для каждого тюрколога тем, что здесь происходил исторический первый тюркологический съезд.

... Эти годы для нас не прошли бесследно, мы не сидели сложа руки. Весь наш коллектив много и упорно работал, и мы пожинаем плоды своих трудов. Я не буду перечислять то, что было сделано за это время, потому что здесь об этом говорилось много, многое перечислялось. Говорили о моей статье, которая напечатана и вышла во втором томе „Вопросов диалектологии тюркских языков" и которая делает попытку дать сводку того, что вышло у нас по диалектологии тюркских языков. К сожалению, статья охватывает не все работы, так как все время появляются новинки, относящиеся к диалектологии тюркских языков.

Я хотела бы остановиться на некоторых вопросах и отметить, что коллектив тюркологов-диалектологов за эти годы вырос и количественно, и профессионально. Количественный рост виден из того, что все новые имена появляются в наших журналах и на титульных листах авторефератов работ по вопросам диалектологии, все новые и новые языки подвергаются изучению со стороны диалектного строения. Что касается роста нашего в области специальности, показателем этого может служить наше совещание, ибо впервые удалось поставить на обсуждение очень важную тему — это вопросы истории тюркских языков и изучение диалектов.

К нашему глубокому сожалению, не приехали тт. А. К. Боровков, В. В. Решетов, А. Г.Гулямов, Дж. Г. Киекбаев. Это очень плохо, это значит, что в нашем коллективе не все хорошо с дисциплиной. Однако другие докладчики подняли целый ряд вопросов, связанных с основной проблемой, как, например, тт. Р. А. Рустамов, М. Ш. Рагимов и другие, подчеркнули важное значение диалектологии для разных областей исторических исследований тюркских языков.

Наши докладчики, касались вопросов сравнительно- исторической грамматики, исторической грамматики отдельных тюркских языков, исследования отдельных явлений, характерных для диалектов тюркских языков. Этой теме был посвящен доклад М. Ш. Рагимова, который большое внимание уделил самим методам исторического исследования.

Вообще все доклады представляли большой интерес и, надо думать, благотворно отразятся на нашей работе.

Конечно, было бы желательно, чтобы они были более подробно обсуждены. Но это вопрос настолько серьезный и важный, что мы к нему еще не раз вернемся и прослушаем доклады на эту тему на нашем следующем совещании.

...Второй вопрос, которому было посвящено наше совещание—это обсуждение единой фонетической транскрипции для тюркских языков. Эта тема также очень важна для нас. Она была организационно поставлена несколько под удар тем, что Николай Александрович не мог приехать, но мы ее все-таки обсудили, хотя выносить решение по ней рано, так как разработка фонетической транскрипции будет все-таки зависеть от того, как этот вопрос будет разрешен в общем плане в связи с тем, что проект единой унифицированой фонетической транскрипции разрабатывается специальной комиссией, избранной на терминологическом совещании.

Неправильно думать, что этот проект транскрипции имеет целью транскрибирование европейских названий и терминов. Это не так, это фонетическая транскрипция, имеющая в виду фонетическую запись на любом языке.

По третьей теме—„Вопросы членения диалектов", у нас было несколько докладов. М. Ш. Ширалиев в своем докладе уделил особое внимание теоретическому положению, принятому за основу Азербайджанскими учеными в членении диалектов азербайджанского языка. Доклады тт. Ш. Шаабдурахманова, Л. Т. Махмудовой, У. Б. Алиева касались этой темы уже по диалектологии отдельных языков.

Четвертый и пятый раздел были посвящены докладам о результатах конкретных исследований диалектологии тюркских языков. Тут я имею в виду доклады А. Г. Велиева, Е. В. Гудиашвили, А. С. Канюковой и других, фамилии которых вы помните.

Новой темой для нашего совещания явился доклад И. А. Батманова „Диалектные особенности языка памятников орхоно-енисейской письменности" и доклад Э. Р. Тенишева „Система согласных в языке древнеуйгурских памятников". Авторы доложили о своих исследованиях. Это первые шаги в области исторической диалектологии, которые нужно приветствовать. Историческая диалектология тюркских языков еще очень мало разработана и можно только пожелать, чтобы древние рукописи по многим тюркским языкам подвергались такому же углубленному исследованию.

Последняя группа докладов была посвящена разбору уже действующих программ для собирания материалов для диалектологических атласов азербайджанского и татарского языков — доклад А. А. Юлдашева и разбору программ диалектологических словарей —доклад К. М. Мусаева и Л. А. Покровской—мало практиковавшийся у нас вид работы. Мы мало обсуждаем работы друг друга, а это очень необходимо, так как такое обсуждение может способствовать нашему движению вперед.

Последняя группа вопросов была поставлена по инициативе Мамеда Ширалиевича. Я думаю, что обсуждение этих вопросов нужно будет в дальнейшем расширить, и когда мы будем обсуждать такие вопросы, как принципы составления программ диалектологических словарей, то хорошо было бы, чтобы не просто здесь нам докладывали, а чтобы были предварительно разосланы материалы с тем, чтобы какая-то часть участников совещания уже познакомилась с этим. Тогда обсуждение будет и более широким, и более глубоким.

...Итак, как вы видите, программа нашего совещания была очень насыщенной, даже, может быть, слишком насыщенной. Может быть, некоторые товарищи даже устали. Но все эти вопросы стоят перед нашими диалектологами и постановка их была небходимой, так как все они связаны с нашей работой, а в ней мы часто встречаем трудности. Кроме того, мы должны наметить перспективы на будущее.

Самым большим показателем нашего роста является наше организационное укрепление. Я хотела бы сказать о том, что в Баку очень быстро и очень разносторонне развивается диалектология. Здесь образовался диалектологический центр. И это очень отрадно. Согласитесь сами, что осуществлять руководство всеми областями тюркологии из одного центра уже давно невозможно. Для того чтобы руководить вообще какой-нибудь областью тюркологии, надо самим работать и идти в работе на несколько шагов вперед. Нужно сказать, что сектор тюркских языков давно это сделать не в состоянии. У нас в секторе сейчас 14 человек, с монголистами 16. Сектор никогда не был большим. Кроме того его сотрудники работают по отдельным тюркским языкам, причем занимаются кто синтаксисом, кто морфологией, кто древними языками. Узкого диалектолога у нас совсем нет, и мы по небходимости должны совмещать работу в смежных областях. Мы очень похожи на сельских

врачей, которые являются универсалами и должны лечить от всех болезней.

Поэтому совершенно правильно, что наиболее численно крупный и уже много сделавший коллектив, приступивший к наиболее сложному виду работ, в данном случае составлению диалектологического атласа и словаря, становится во главе определенной области тюркологии. Было бы очень хорошо, чтобы в других областях также возникли центры. От этого выиграли бы и тюркология и сами такие научные центры. Я считаю, кто больше сделал в данной области, тот больше может дать другим.

Но вместе с тем я хочу сказать, что если коллектив берет на себя руководство в той или иной области тюркологии, это ко многому обязывает. Но наши азербайджанские товарищи показали, что они могут многое сделать и мы можем ждать от них успехов.

Они прекрасно подготовили это совещание. Во-первых, необходимо отметить четкость организации совещания, очень большую заботу, внимание. Об этом говорят даже футляры к этим блокнотам. Институт языка и литературы им. Низами подготовил интересную выставку, которая могла быть еще интереснее, если бы мы сами приняли в ней активное участие.

Конечно, самый большой подарок диалектологам-тюркологам—это подготовка и издание второго тома ежегодника „Вопросы диалектологии тюркских языков". Это большое событие в нашей науке. Мы хорошо знаем, как еще очень трудно у нас издавать работы. Мы знаем, как трудно собирать статьи, редактировать их, как потом трудно добиваться издания. Мамеду Ширалиевичу пришлось много вынести на своих плечах. Добившись издания, нужно очень много положить труда на редактирование, чтение корректуры и т. д. Все это позади, и мы получили эту долгожданную книгу. Это не просто книга—сборник статей по диалектологии, это подлинный организующий центр в нашей работе, может быть даже более важный, чем координационное совещание. На координационных совещаниях собирается и читает свои доклады лишь часть диалектологов. Благодаря же этой книге со всеми работами диалектологов-тюркологов ознакомится большой коллектив советских тюркологов, а также и тюркологи зарубежных стран. Появление книги восполнит отсутствие специального диалектологического журнала, в котором мы испытываем большую необходимость!

За все это мы должны сердечно поблагодарить директора Института литературы и языка им. Низами проф. Мамеда Ширалиевича Ширалиева, заведующего сектором диалектологии азербайджанского языка ответственного редактора издания Р. А. Рустамова, а также всех сотрудников этого Института, которые так много сделали для организации этого совещания.

Пожелаем им еще большик успехов в их работе!

РЕЗОЛЮЦИЯ

III регионального совещания по вопросам диалектологии тюркских языков.

III региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков, созванное по решению II регионального диалектологического совещания и организованное Институтом литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР совместно с комиссией по координации диалектологической работы в СССР, состоялось в гор. Баку 24—27 октября 1960 г.

В работе совещания приняли участие президент АН Азербайджанской ССР. акад. Ю. Г. Мамедалиев, выступивший с вступительным словом, зав. сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР, доктор филол. наук Е. И. Убрятова, директор Института литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР, чл.-корр. М. Ш. Ширалиев, академик АН Киргизской ССР И. А. Батманов, тюркологи Москвы, Баку, Ташкента, Фрунзе, Ашхабада, Алма-Аты, Казани, Уфы, Тбилиси, Бухары, Чебоксары, Абакана, Нальчика. Впервые принимали участие в работе регионального совещания представители Кишинева, Кызыла, Нукуса.

На данном совещании были поставлены и обсуждены доклады по следующим проблемам:

а) значение диалектных данных для истории групп тюркских языков;

б) диалектное членение языка (на материале тюркских языков);

в) диалектные особенности языка тюркских памятников;

г) программы для диалектологических атласов тюркских языков и диалектологические словари этих языков;

д) о проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков.

По первой проблеме были заслушаны и обсуждены следующие доклады: кандидата филол. наук Р. А. Рустамова „Роль диалектных данных азербайджанского языка при разработке сравнительной грамматики тюркских языков", канд. филол. наук Р. В. Бердыева „Диалектные данные туркменского языка—один из источников при разработке сравнительной грамматики тюркских языков", канд. филол. наук М. Ш. Рагимова „Сравнительно-исторический метод и изучение диалектов тюркских языков", доктора филол. наук Е. И. Убрятовой „Вопросы диалектологии тюркских языков", канд. филол. наук А. С. Канюковой „Некоторые фонетические и лексические особенности чувашских диалектов в сравнении с особенностями диалектов тюркских языков Сибири".

Доклады чл.-корр. АН СССР А. К. Боровкова „Значение диалектных данных для истории групп родственных тюркских языков", канд. филол. наук Г. Гулямова „К вопросу о роли привходящих факторов в истории тюркских языков", доктора филол. наук Дж. Киекбаева „Вопросы сравнительно-исторического исследования башкирских диалектов и истории башкирского языка", предусмотренные программой совещания и посвященные первой проблеме,— не состоялись ввиду отсутствия их авторов.

Второй проблеме были посвящены следующие доклады: чл.-корр. АН. Азерб. ССР, проф. М. Ш. Ширалиева „О проблеме языка и диалекта (на материале азербайджанского языка)", канд. филол. наук Ш. Шаабдурахманова „Диалектное членение узбекского языка", Ш. Ш. Сарыбаева „К вопросу о диалектном членении казахского языка", доктора филол. наук Т. А. Бертагаева „Лексические критерии определения языковых подразделений (на материале монгольских языков)", канд. филол. наук Н. Б. Бургановой и Л. Т. Махмутовой „О диалектном членении татарского языка", канд. филол. наук У. Б. Алиева „Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев".

Третьей проблеме были посвящены доклады академика АН Киргизской ССР И. А. Батманова „Некоторые особенности языка памятников орхоно-енисейской письменности и их отражение в современных тюркских языках„ и канд. филол. наук Э. Р. Тенишева „Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу".

По четвертому вопросу выступили с докладами: канд. филол. наук А. А. Юлдашев „О программах собирания материалов для диалектологических атласов азербайджанского и татарского языков", канд. филол. наук Г. Бакинова „О принципах составления диалектологического словаря киргизского языка", канд. филол. наук Л. А. Покровская „О диалектологическом словаре казахского языка", К. М. Мусаев „О диалектологическом словаре казахского языка", составленном Доскараевым.

Доклад Н. З. Гаджиевой „О диалектологическом словаре татарского языка", намеченный в программе совещания, не состоялся ввиду отсутствия автора.

Доклад доктора филол. наук проф. Н. А. Баскакова „О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков", предусмотренный программой, также не состоялся ввиду отсутствия докладчика. Однако этот вопрос обсуждался на совещании, было зачитано выступление У. Байчуры „К вопросу о транскрипции тюркских языков" и высказан ряд критических замечаний и пожеланий.

Кроме того, были заслушаны доклады кандидатов филол. наук Г. И. Мирза-заде „Диалектные особенности азербайджанцев, живущих в Иракской республике", А. Г. Велиева „О некоторых особенностях переходных говоров азербайджанского языка" и Е. В. Гудиашвили „Фонетические особенности турецкой речи Ризе и Трапезунда (по опубликованным диалектологическим материалам)".

По всеобщему признанию доклады были содержательными и интересными. Ряд докладов, в особенности доклады, посвященные диалектному членению языка, вызвали оживленную дискуссию, в ходе которой были высказаны пожелания, уточнения, разные мнения, иногда противоречащие друг другу. Это и понятно, такого рода обобщающие проблемы могут быть одновременно разрешены только на основе углубленного исследования диалектов наиболее приемлемыми методами, в том числе и методами лингвистической географии, чего еще не сделано по целому ряду тюркских языков.

В обсуждении докладов приняли участие: доктор филол. наук Е. И. Убрятова (Москва), акад. АН Киргизской ССР И. А. Батманов (Фрунзе), научная сотрудница С. Ф. Миржанова (Уфа), доктор филол. наук Т. А. Бертагаев (Москва), кандидаты филол. наук С. Куренов (Ашхабад), А. Ахундов (Баку), А. Х. Соттаев, А. М. Аппаев (Нальчик), научные сотрудники Д. Ф. Патачакова (Абакан), В. И. Асланов (Баку), аспиранты Т. Гаджиев, Б. Садыхов (Баку), канд. филол. наук А. Джафар (Баку), научный сотрудник Б. П. Тукан (Кишинев), кандидаты филол. наук Г. Ф. Бабушкин (Тува), Б. М. Ибрагимов (Баку), Н. Х. Ишбулатов (Уфа), Д. Г. Тумашева (Казань), М. П. Джангиров (Баку), М. М. Мирзаев (Бухара), М. Ибрагимов (Ташкент), научные сотрудники С. Б. Садыхов, К. М. Гасанов (Баку), канд. филол. наук Э. Р. Тенишев (Москва).

С заключительным словом выступила доктор филол. наук Е. И Убрятова.

Подводя итоги совещания, Е. И. Убрятова отметила:

Участники III регионального совещания выражают глубокую благодарность Академии наук Азербайджанской ССР и ее президенту акад. Ю. Г. Мамедалиеву, а также Институту литературы и языка им. Низами и его директору чл.-корр., проф. М. Ш. Ширалиеву, зав отделом азербайджанской диалектологии доценту Р. А. Рустамову за прекрасную организацию и проведение III регионального совещания по диалектологии тюркских языков и своевременное издание сб. „Вопросы диалектологии тюркских языков".

Совещание с удовлетворением отметило, что советская тюркологическая диалектология переживает сейчас такой период своего развития, когда она вышла за рамки чисто диалектографической работы, приступила к созданию монографий по отдельным диалектам или группам диалектов, к составлению диалектологических атласов и словарей и т. д.

Как это признано советскими тюркологами, азербайджанская диалектология занимает ведущее место в тюркской диалектологии Советского Союза. Коллективом азербайджанских диалектологов завершен сбор материалов большинства диалектов и говоров азербайджанского языка, написаны многочисленные монографические работы по отдельным диалектам и группам диалектов и говоров азербайджанского языка, часть которых уже опубликована, а другая—находится в печати.

В Азербайджане уже вышел второй том общетюркологического сборника „Вопросы диалектологии тюркских языков".

В настоящее время сотрудники отдела азербайджанской диалектологии приступили к составлению диалектологического атласа и завершают работу над диалектологическим словарем азербайджанского языка.

Диалектологами Татарии изучены все диалекты и говоры татарского языка в пределах республики, изданы диалектологические словари татарского языка (три части), начаты работы по созданию диалектологического атласа.

Многое проделано в области изучения диалектов и говоров узбекского языка. Узбекские диалектологи ведут большую исследовательскую работу по составлению диалектологического словаря по различным отраслям сельского хозяйства, по изданию монографий, посвященных описанию отдельных диалектов и говоров узбекского языка.

Широкий размах получило изучение диалектов и говоров в Киргизии и Казахстане, где особое место занимает монографическое исследование диалектов и создание диалектологических словарей.

Оживилась и стала плодотворной диалектологическая работа также в Башкирии, Чувашии, Хакасии, Кабардино-Балкарской республике и др.

Наряду с отмеченными успехами в разработке диалектологии тюркских языков, все еще имеется целый ряд недостатков общего и частного характера. Наиболее значительными из них являются: заметное отставание в области теоретического обобщения накопленных материалов, слабое развитие исторической диалектологии, недостаточное применение и исследование метода сравнительно-исторического изучения и метода лингвистической географии. В отдельных республиках и областях все еще не закончено монографическое изучение диалектов, не выявлены основные диалектные расхождения говоров и диалектов ряда языков. Большим препятствием в развитии диалектологических исследований служит малочисленность кадров диалектологов, отсутствие единой фонетической транскрипции, необходимого оборудования для экспериментального исследования диалектов, слабая связь научно-исследовательских институтов с соответствующими вузами страны, трудности в опубликовании подготовленных к печати работ, нерегулярный обмен издаваемой литературы между различными научными учреждениями.

До сих пор не претворены в жизнь решения I и II региональных совещаний о создании сектора диалектологии в Казанском филиале Академии наук СССР.

В целях устранения вышеуказанных недостатков совещание выносит следующее решение:

1. Усилить работу по важнейшим теоретическим вопросам диалектологии тюркских языков.

2. Учитывая, что диалектные различия тюркских языков быстро исчезают под всевозрастающим влиянием литературных языков, необходимо мобилизовать все возможности для скорейшего завершения монографического изучения местных диалектов и говоров.

В связи с этим, просить Министерство высшего и среднего специального образования СССР и Министерство просвещения союзных республик рекомендовать включение в научно-исследовательские планы кафедр национальных языков изучение диалектов своего языка путем проведения диалектологических экспедиций в соответствии с общими планами и программами институтов АН СССР.

3. Расширить изучение диалектов тюркских языков, в достаточной степени исследованных в плане монографическом, методами лингвистической географии.

4. Учитывая, что одной из первоочередных задач в работе по диалектологии тюркских языков является создание диалектологических атласов и словарей, просить отделение литературы и языка АН СССР организовать специальный семинар по указанным выше вопросам.

5. Считать необходимым и своевременным приступить к разработке вопросов исторической диалектологии тюркских языков с использованием сравнительно-исторического метода.

6. Ускорить создание фонетических лабораторий в АН Азербайджанской, Узбекской, Казахской ССР, в Казанском и Башкирском филиалах АН СССР и одновременно вести подготовку кадров по экспериментальной фонетике в указанных республиках.

Просить президиум АН СССР обеспечить через Академснаб фонетические лаборатории в республиках и областях необходимым типовым оборудованием и аппаратурой.

7. Обратить внимание руководителей научно-исследовательских институтов на необходимость:

а) подготовки кадров диалектологов и увеличение числа сотрудников для работы в области диалектологии тюркских языков (в Абакане, Кызыле, Горно-Алтайске и др.);

б) ускорения публикации подготовленных диалектологических работ;

в) усиления координации с соответствующими вузами страны;

г) организации систематического обмена информации о диалектологических работах, выходящих из печати.

8. Считать необходимым создать секторы диалектологии в Казанском и Башкирском филиалах АН СССР.

9. Просить Президиум АН Азербайджанской ССР и Институт литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР опубликовать материалы III регионального совещания по диалектологии тюркских языков.

10. Считать желательным созвать IV региональное совещание по диалектологии тюркских языков в 1962 г. в гор. Фрунзе.

В программу IV регионального совещания включить следующие вопросы:

I. Изучение диалектов тюркских языков методами лингвистической географии.

II. Составление диалектологических словарей.

III. Вопросы формирования диалектных систем тюркских языков

IV. Информация с мест о проделанной работе по диалектологии

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Вступительное слово президента Академии наук Азербайджанской ССР Ю. Г. Мамедалиева 6

Доклады

Р. А. Рустамов. Роль диалектных данных азербайджанского языка при разработке сравнительной грамматики тюркских языков 8

Р. Бердыев. Диалектные данные туркменского языка—один из источников при разработке сравнительной грамматики тюркских языков 16

М. Ш. Рагимов. Сравнительно-исторический метод и изучение диалектов тюркских языков 24

М. Ш. Ширалиев. О проблеме языка и диалекта 34

Ш. Шаабдурахманов. Диалектное членение узбекского языка . . . 41

Ш. Ш. Сарыбаев. К вопросу о диалектном членении казахского языка 45

Т. А. Бертагаев. Лексические критерии определения языковых подразделений 54

Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова. О диалектном членении татарского языка 58

У. Б. Алиев. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев . . 66

Е. И. Убрятова. Вопросы диалектологии тюркских языков 78

А. Г. Велиев. О некоторых особенностях переходных говоров азербайджанского языка 89

Е. В. Гудиашвили. Фонетические особенности турецкой речи Ризе и Трапезунда 103

И. А. Батманов. Некоторые особенности языка памятников орхоно-енисейской письменности и их отражение в современных тюркских языках . . . 116

Э. Тенишев. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу 124

А. А. Юлдашев. О программах собирания материалов для диалектологических атласов азербайджанского и татарского языков 136

Г. Бакинова. О принципах составления диалектологического словаря киргизского языка 146

Л. А. Покровская. О диалектологическом словаре казахского языка 152

К. Мусаев. О диалектологическом словаре казахского языка 158

Выступления по докладам

У. Байчура 166

С. Ф. Миржанова 170

Т. А. Бертагаев 173

И. А. Батманов 176

С. Куренов 178

Г. Х. Ахатов 187

А. А. Ахундов 190

Е. И. Убрятова 192

А. Х. Соттаев 195

А. М. Аппаев 197

Д. Ф. Патачакова 204

В. И. Асланов 208

Т. И. Гаджиев 211

Б. П. Садыхов 214

Акрем Джафар 222

Б. П. Тукан 227

Г. Ф. Бабушкин 233

Б. М. Ибрагимов 235

Н. Х. Ишбулатов 238

Д. Г. Тумашева 245

М. П. Джангиров 248

М. М. Мирзаев 253

Т. А. Бертагаев 260

С. Б. Садыхов 263

С. Ибрагимов 268

К. М. Гасанов 272

Г. Х. Ахатов 279

Заключительное слово Р. А. Рустамова 281

Заключительное слово Е. И. Убрятовой 283

Резолюция 286

Подписано к печати 23/II 1963 г. ФГ 07415. Формат бум. 70×108¹/₁₆ печатн. лист. 25. учетно.-издат. лист. 22,85. Тираж 700. Зак. 269.

Типография „Красный Восток" Министерства культуры Азерб. ССР. Баку, ул.Ази Асланова № 80.